

ОТКРЫТАЯ КНИГА —
ОТКРЫТОЕ СОЗНАНИЕ —
ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО —

Учебная литература по гуманитарным и социальным дисциплинам для высшей школы готовится и издается при содействии Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в рамках программы «Высшее образование».

**Редакционный совет: В.И. Бахмин, Я.М. Бергер,
Е.Ю. Гениева, Г.Г. Дилигенский,
В.Д. Шадриков**

А.Г.ЗДРАВОМЫСЛОВ

СОЦИОЛОГИЯ КОНФЛИКТА

*Рекомендовано Отделом гуманитарного образования
Государственного комитета Российской Федерации
по высшему образованию в качестве учебного пособия
для высших учебных заведений*

Москва
1996

Здравомыслов А.Г.

З-46 Социология конфликта: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 317 с. — ISBN 5—7567—0112—5

Основное содержание данной книги тесно увязано с анализом социально-политических процессов, развертывающихся в российском обществе на протяжении последних лет.

Пособие предназначено для студентов, аспирантов и преподавателей — социологов и политологов. Его также рекомендуется использовать при обучении по следующим специальностям: культурология, философия, филология, история, журналистика и др.

3 0302030000—026
06И(03) — 96 **Без обьявл**

ББК 60.5

ISBN 5—7567—0112—5

© Здравомыслов А.Г., 1994

© Здравомыслов А.Г., 1995

© «Аспект Пресс», 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Работа над подготовкой первого издания этой книги завершилась в конце июня 1994 года. Второе издание было выпущено почти сразу же после первого, оно отличалось небольшим дополнением — именным указателем ко всему тексту. Третье издание выходит спустя два с лишним года. За это время выяснилось, что «Социология конфликта» пользуется достаточным спросом на книжном рынке, преимущественно среди студентов, аспирантов и преподавателей гуманитарных дисциплин. По-видимому, дело объясняется тем, что в самой теме затронут важный нерв российской общественной жизни — новые интересы индивидов, групп, организаций, социальных институтов и социальных слоев определяются через конфликт: каждый из субъектов социального действия, выступающих на арене российской истории в перестроечные и постперестроечные годы, пробует определить пределы своих возможностей, наталкиваясь на определенное сопротивление не только внешних обстоятельств, но и внутреннего состояния самого субъекта. При этом масштаб реализующихся возможностей каждого определяется не абстрактно-теоретически, а через участие в конфликте, точнее говоря, в серии разнородных конфликтов.

Основные идеи, изложенные в книге, нашли подтверждение в жизни. Действительно, конфликт стал доминирующей ячейкой общественных отношений. Он присутствует как в явных, так и в латентных формах. Он наличествует в столкновениях предлагаемых перспектив развития страны и в повседневной жизни, пронизывая ткань семейных отношений. Конфликт присутствует и там, где есть сотрудничество и согласие. Главный вопрос состоит, следовательно, не в возвращении к якобы бесконфликтному состоянию, а в том, чтобы научиться жить с конфликтом, отдавая себе отчет в его стимулирующем воздействии в тех случаях, когда он развивается в определенных рамках, и осознавая его разрушительный характер, когда он перерастает эти рамки.

Подтвердилась и предложенная автором этой книги идея четырех основных полей политического пространства, на которых разворачивается борьба интересов: поле конституционности и за-

кона, поле приватизации, поле взаимоотношения российских регионов с центральной властью, усложненное взаимодействием национальных интересов и амбиций, наконец, поле вхождения России как целостного государства в мировое сообщество, которое так же не остается неизменным.

Наконец, события в Чечне 1994–1996 годов показывают еще раз особенно важное значение тех теоретических подходов, которые были предложены в настоящей книге при анализе проблем власти и политики. В частности одна из наиболее конструктивных идей, предлагаемых автором, состоит в разработке *концепции рефлексивной политики*. Россия нуждается в умиротворении, в преодолении насилия. Эта ее внутренняя потребность может быть реализована лишь с помощью переосмысления старых традиционных подходов к самой политике на основе более четкого понимания как «своих собственных» интересов, так и интересов противостоящей стороны в каждом из разворачивающихся конфликтов.

Вместе с тем прошедшие два года позволили в какой-то мере конкретизировать те теоретические позиции, которые были сформулированы в предыдущих изданиях этой книги. За это время появилось несколько серьезных работ в этой области, в их числе «Юридическая конфликтология» (под редакцией вице-президента РАН академика Кудрявцева В.Н.), подготовленная Центром конфликтологических исследований РАН. Сами конфликты, о которых шла речь два года тому назад, приобрели более четкие очертания. Накопился некоторый опыт их регулирования, который нельзя оставить без внимания. Все это побуждает автора внести некоторые изменения в предлагаемое читателю третье издание настоящей книги. Дорабатывая настоящее издание, следует подчеркнуть, что новые отношения в обществе складываются через массу конфликтов, которые разворачиваются на всех основных уровнях социальной организации:

- на цивилизационном уровне — это конфликты, связанные с ломкой прежней и утверждением новой системы ценностей;

- на социетальном уровне — это конфликт между прежними способами организации общественной жизни и попытками создать новую систему общественных отношений на основе демократизации и рыночной экономики;

- на уровне структурных изменений — это конфликты между старыми и вновь складывающимися социальными слоями и группами;

- на институциональном уровне — это конфликты, связанные с конкурентоспособностью предприятий, перестройкой организационных отношений и финансовых связей, способных обеспечить работу этих предприятий в новых условиях;

— на уровне повседневной жизни — это конфликты, связанные с использованием людьми новых возможностей социального самоутверждения и со сложными процессами адаптации большинства населения к вновь складывающимся ценностям, нормам, требованиям рыночных отношений. Главная перемена в жизни, касающаяся обывателя, состоит в том, что индивиду предложено самому заботиться о своей судьбе.

Развертывание конфликтов одновременно на всех этих уровнях привело к тому, что в обществе произошли радикальные, а главное, необратимые перемены, характеризующиеся изменениями политической системы, экономических отношений, геополитического пространства и статуса Российского государства, состояния культуры.

Фокус перемен, на котором сосредоточено прежде всего внимание социологии как рода исследовательской деятельности, находится на линии отношений индивид—общество. Общество перестало восприниматься абстрактно: а) либо в качестве всеобщей силы тотального угнетения; б) либо в качестве гаранта индивидуального и семейного благосостояния.

Такой поворот дела привел к конфликтам тройкого рода:

1. Обнаружились те конфликты, которые ранее существовали подспудно (например, невозможность выносить бремя милитаризованной экономики или кадровые конфликты в национальных регионах).

2. Возникли новые конфликты, связанные с борьбой за власть, влияние, собственность, престиж и иные способы самоутверждения в политическом и социальном пространстве. Эта группа конфликтов имеет двойственный характер. С одной стороны, они представляют собою естественное следствие демократизации и выражаются в возникшем плюрализме политических позиций, становящейся многопартийности, возникновении новых государственных и политических институтов. С другой стороны, этот же процесс привел к подрыву ранее существовавших властных структур, законности и правопорядка, к неуправляемости процесса становления частнособственнических интересов. Наиболее существенным результатом произошедших преобразований стало не столько развитие свободного предпринимательства, направленного на подъем национальной экономики и повышение благосостояния населения, сколько ожесточенная борьба за использование любых возможностей обогащения, опирающаяся не на закон, а на право сильного. В результате насилие или угроза применения насилия превратились в один из доминирующих компонентов социальной жизни российского общества. Возникли и быстро распространились новые формы преступности: рэкет, торговля оружием, наркобизнес, наемные убийства в деловом, политическом и криминальном мире,

нажива на экспорте нелегальных товаров и иные нелегальные способы быстрого обогащения, требующие военизированной защиты вновь возникших интересов.

Криминализация общества имеет своим следствием: а) подрыв доверия к властям; б) создание ситуации полной социальной незащищенности, неуверенности в будущем, в возможности обеспечения порядка; в) превращение борьбы с преступностью в государственную задачу первостепенной важности.

3. Конфликты депривации, связанные с тем, что определенная часть населения, в особенности люди старшего поколения, не находят для себя места во вновь создаваемом социальном пространстве.

Переплетение этих трех видов конфликтов, включенность их во все области политической и повседневной жизни общества и есть иное определение социального кризиса, то есть кризиса всего общества, который в обыденном сознании воспринимается в целом как ситуация хаоса и неопределенности, потери разумных ориентиров, иррациональности. Практически это выражается в разрастании всего комплекса явлений девиантного поведения, в разрушении общечеловеческих норм и правил общения, в феноменах десоциализации и обыкновенного одичания.

Вместе с тем сейчас все отчетливее просматриваются и позитивные итоги реформ. Главный из них связан с пониманием значения нравственного потенциала общества, невозможности продолжения реформ на основе упрощенной концепции «экономического человека», готового поступиться ценностным содержанием культуры ради интересов сиюминутной выгоды. Такая коррекция в понимании реформ уже привела к более обоснованному и всестороннему пониманию роли государственного начала в экономических преобразованиях, к более взвешенной оценке того опыта, который был накоплен за годы советской власти. Более умеренной стала линия критики опыта СССР с позиций «тоталитаризма», более внятными стали результаты ситуационного анализа в различных сферах общественной деятельности.

Социология конфликта представляет собою теоретическую платформу для дальнейшего развития именно этой тенденции социологического и политологического анализа. Она неотъемлемая часть новой системы образования и новой культуры.

Автор выражает признательность за конструктивные замечания, высказанные при подготовке настоящего издания, членам Совета Проффессиональной Социологической Ассоциации Т.И.Заславской, В.Н.Кудрявцеву, Н.И.Лапину, Н.Е.Покровскому, В.Н.Шубкину, В.А.Ядову.

3 мая 1996 года

ОТ АВТОРА

Одна из характерных примет времени — чрезвычайно низкий престиж гуманитарных дисциплин и социального знания. В то же время само критическое отношение к общественным наукам означает определенную совокупность требований и ожиданий. Вдруг появится некий проблеск мысли, с помощью которой можно будет по-новому взглянуть на хаотическое состояние общества, переживающего кризис? Ведь в конце-концов любые идеи такого рода есть лишь осмысление опыта. И несмотря на уникальность того, что ныне переживает Россия, стоит заметить, что кризисные состояния и катастрофические тенденции случались и в истории иных народов и государств.

Название этой книги, предлагаемой для изучения, — «Социология конфликта». В самом общем плане смысл ее заключается в том, чтобы дать возможность читателю найти некоторые опорные точки в понимании происходящих социальных процессов.

Не секрет, что одна из важных причин кризиса, переживаемого российским обществом, состоит в отсутствии взаимопонимания между людьми, участниками политических движений, представителями властей разного уровня и разного рода. «Свет в конце туннеля» воспринимается по-разному даже теми, кто относит себя к числу оптимистов. Пессимистическая же позиция вообще лишь фиксирует кризисное или катастрофическое положение общества.

Социология конфликта исходит из того, что *конфликт есть нормальное явление общественной жизни; выявление и развитие конфликта в целом — полезное и нужное дело*. Не надо вводить людей в заблуждение с помощью мифа о всеобщей гармонии интересов. Общество, властные структуры и отдельные граждане будут достигать более эффективных результатов в своих действиях, если они не будут закрывать глаза на конфликты и конфликтные ситуации, а будут следовать определенным правилам, направленным на регулирование конфликтов. Смысл этих правил в современной обстановке состоит в том, чтобы:

- не допускать насилия как способа разрешения конфликтов;
- найти средства выхода из тупиковых ситуаций в тех случаях, когда насильственные действия все же совершились и стали средством углубления конфликтов;
- добиваться взаимопонимания между сторонами, противостоящими в конфликте.

Исходная позиция этой книги состоит в признании того факта, что российское общество вступило на путь болезненных и сложных преобразований, смысл которых обозначается весьма приблизительно и поверхностно двумя наиболее распространенными словами: рынок и демократия. Рынок — это не что иное как открыто признаваемый конфликт в области экономических интересов при наличии *правил* торгова, купли-продажи, сделки. При соблюдении этих правил обе стороны оказываются в выигрыше. При их нарушении выигрывает одна из сторон, но этот выигрыш оказывается краткосрочным.

Демократия — это также открытое сопоставление интересов, состязательность в области политических отношений, в борьбе за влияние на власть и за участие в ней.

Конфликт, таким образом, есть общее понятие для демократии и рынка. На понимание этой истины и на разработку соответствующих правил поведения участников конфликта в экономической и политической областях направлен предлагаемый учебник. Он может быть полезен управленцам и политикам, начинающим общественным деятелям и зрелым мужам, искушенным в развертывающихся баталиях.

Книга опирается на анализ острой дискуссии, в ходе которой обсуждаются перспективы развития российского общества, на анализ заявлений и документов политических лидеров и государственных деятелей, на анализ данных опросов общественного мнения, ныне систематически публикуемых в печати, и на достижения того направления социологии, которое называется социологией конфликта и представлено как зарубежными, так и отечественными авторами.

ВВЕДЕНИЕ

Для чего и как изучать конфликты?

Каждый человек на протяжении своей жизни неоднократно сталкивается с конфликтами разного рода. Мы хотим чего-то достичь, но цель оказывается трудно достигаемой. Мы переживаем неудачу и готовы обвинить окружающих нас людей в том, что мы не смогли достичь желаемой цели. А окружающие — будь то родственники или те, с кем мы вместе работаем, полагают, что вы сами виноваты в собственной неудаче. Либо цель была вами неверно сформулирована, либо средства ее достижения выбраны неудачно, либо вы не смогли оценить верно сложившуюся ситуацию и обстоятельства вам помешали. Возникает взаимное непонимание, которое постепенно перерастает в недовольство, создается обстановка неудовлетворенности, социально-психологического напряжения и конфликта.

Как выйти из сложившейся ситуации? Надо ли предпринимать какие-либо специальные усилия для того, чтобы преодолеть ее и вновь завоевать расположение окружающих вас людей? Или же не нужно этого делать: просто не следует обращать внимание на то, как к вам относятся другие?

Чтобы найти правильное решение этой дилеммы весьма полезно знать, что такое конфликт, как он разворачивается, через какие фазы проходит и как разрешается. В этом смысл изучения конфликтов.

Другой пример пояснит конфликтную ситуацию несколько иного рода: и вы, и ваш коллега претендуете на определенное благо, но это благо может принадлежать лишь одному человеку. Такая ситуация называется ситуацией конкуренции, соревнования, соперничества. На основе ее складываются весьма естественно и просто конфликтные отношения. Кто будет в выигрыше? Будет ли компенсация тому, кто окажется в проигрыше? Как будут развиваться отношения между людьми в момент состязания или конкурса, и каков будет характер этих отношений впоследствии?

На эти вопросы можно ответить лишь тогда, когда знаешь кое-что о конфликтах, о том, что такое конфликт.

Третий пример приведем из отношений между большими группами людей. Открыто крупное месторождение газа. Освоение его даст существенный экономический выигрыш и вместе с тем нанесет огромный ущерб окружающей местности, экологическому равновесию, приведет к разрушению традиционного образа жизни местного населения. Как правило, в такого рода ситуациях мнения людей разделяются. Одни стоят за первый вариант и апеллируют к прогрессу и экономическим интересам, другие — к экологическому равновесию и к необходимости защищать обычаи и культуру малочисленных народов. Расхождение во мнениях легко превращается в групповой и личностный конфликт, который в конце концов получает какое-то разрешение. Чтобы найти оптимальное решение, нужно обладать не только знанием экономических расчетов, но и знанием того, как развиваются подобные конфликты. Ведь такого рода ситуации возникают повсеместно. Столкновение точек зрения, мнений, позиций — очень частое явление производственной и общественной жизни. Можно сказать, что такого рода конфликты существуют всюду — в семье, на работе, в школе. Чтобы выработать верную линию поведения в различных конфликтных ситуациях, очень полезно знать, что такое конфликты и как люди приходят к согласию. Знание конфликтов повышает культуру общения и делает жизнь человека не только более спокойной, но и более устойчивой в психологическом отношении.

Наиболее важные конфликты между людьми и социальными группами концентрируются в сфере политики. Политика есть не что иное как сфера деятельности по разрешению и воспроизводству конфликтов. Не случайно долгое время в истории любого человеческого сообщества наблюдается соединение в одном лице функций правителя и судьи. Князь в древнерусском государстве не только военный защитник и сборщик дани, но и судья. Он определяет, кто прав и кто виноват в конфликтах, возникающих между заимодавцем и должником, продавцом и покупателем, претендентами на наследство, выросшими детьми, желающими отделиться от своих родителей вопреки их воле, и в массе других повседневных ситуаций.

Вместе с тем политика — не только область примирения конфликтующих сторон. Очень часто она оказывается средством провоцирования конфликтов. Политика сопряжена с властью. К власти стремятся не все, но очень многие, в особенности социально активные люди. Но число властных позиций в обществе ограничено. Если эти властные позиции не определяются нормами наследования, как это имеет место при монархическом политическом уст-

ройстве, то обязательно возникает конфликт между теми, кто имеет некоторые шансы и возможности занимать те или иные властные позиции. Борьба за такого рода позиции весьма распространена во всяком обществе. Характер ее зависит от политического режима, который существует в данном обществе в данный момент. Собственно, суть любого политического режима заключается именно в том, что он определяет формы политического конфликта в борьбе за властные полномочия. Он определяет те способы, пользуясь которыми участники политической борьбы или конкуренции добиваются своих целей, главная из которых — победа над своим противником, оппонентом, соперником.

Изучать конфликты нужно для того, чтобы научиться понимать политическую жизнь общества, чтобы не оказаться пешкой в политических играх, чтобы разбираться в хаосе политических действий и направлений и участвовать в политической жизни — даже если это участие ограничивается выборами в Государственную думу — вполне сознательно, отдавая себе отчет в том, что идеальных правителей быть не может, что все избираемые или назначаемые на государственные посты люди — обычные смертные. Их качества и политические, и человеческие во многом определяются тем, как они ведут себя в политических конфликтах, какие стороны их личности раскрываются в конфликтных ситуациях.

Следовательно, задачи изучения конфликтов многогранны. Каждый извлекает из этого изучения пользу для себя. Предприниматель получает сведения о том, как развивается конкуренция в условиях рынка, профсоюзный деятель узнает о методах защиты интересов своей профессиональной группы. Политический деятель и юрист получают сведения о прецедентах, имеющих для представителей этих родов деятельности особое значение. Они получают здесь и теоретические знания, поскольку конфликты в обществе развиваются не только на бытовом уровне, они пронизывают отношения как внутри государства, так и между государствами.

А «простому человеку» изучение конфликтов нужно для того, чтобы избавиться от своей «простоты» и получить те сведения, без которых невозможно быть гражданином своей страны, своего общества и действовать сообразно принципам гражданственности в различных, подчас весьма сложных общественно-политических ситуациях.

Что значит — изучать конфликты?

Что значит изучать конфликты и как это следует делать?

Сложность ответа на этот вопрос заключается в том, что, на

первый взгляд, здесь вообще нет предмета для какого-либо особого изучения. Мы как бы интуитивно знаем, что есть конфликты и есть согласие между людьми, что жизнь в согласии лучше, чем бесконечные споры, препирательства и тем более, чем враждебность людей друг к другу. Русская пословица гласит: «худой мир лучше доброй ссоры», а наш практический разум и обыденное сознание говорят о том, что конфликтных ситуаций лучше избегать, тогда твой жизненный путь будет более благоприятным.

Однако дело в том, что при всеобщем понимании высказанных выше истин люди не могут жить без конфликтов. Исторический опыт свидетельствует, что многие из народов прошли через разрушительные войны. Жизнь в мире была скорее исключением, чем правилом. При этом сами эти войны были результатом конфликтов между народами, странами и государствами. Особенный ущерб народам приносили гражданские войны, когда «брат шел на брата, а сын на отца». И эти войны возникали в результате конфликтов. Накануне военных столкновений и в ходе их всегда находились люди, призывавшие к миру, к тому, чтобы не прибегать к насилию. Но голос этих людей не был услышан правителями, революционерами, полководцами. Конфликты не угасали, а разрастались, сами примирители попадали в такую ситуацию, когда их примиренческие высказывания рассматривались как пособничество врагу, измена государственным и национальным интересам.

Эти факты свидетельствуют о том, что конфликты играют в жизни людей, народов и стран гораздо большую роль, чем хотелось бы самим людям: все хотят мира, но каждый стремится к нему по-своему, и в результате этого «по-своему» возникает война.

Эта ситуация была замечена еще древними историками и мыслителями. Каждый крупный конфликт не оставался бесследным. Войны описывались и анализировались в исторической литературе, и многие историки выделяли в качестве причин военных столкновений несовпадение интересов враждующих сторон, стремление одних захватить территорию и покорить население и стремление других защититься, отстоять свое право на жизнь и независимость.

Но не только историки описывали и изучали причины конфликтов и вооруженных столкновений. В XIX и XX вв. проблема конфликтов стала предметом изучения социологов. По сути дела в рамках социологии сложилось специальное направление, которое ныне обозначается как «социология конфликта». Изучение конфликтов означает в первую очередь ознакомление с весьма богатой и многообразной литературой по этой проблематике, усвоение теоретических и практических знаний, накопленных в рамках данного направления социологической мысли. Разумеется, дру-

гие области обществоведения внесли свой вклад в изучение конфликтов. Речь идет о психологии, политической науке, истории, об экономических теориях, об этнологии. Мы будем обращаться по мере надобности и к этим областям знания. Но в первую очередь нас будет интересовать социология конфликта, в рамках которой разрабатываются, с одной стороны, общетеоретические проблемы конфликта, а с другой — практические методы анализа и разрешения конфликтов разного рода.

Практические методы анализа конфликтов социологами заключаются прежде всего в том, чтобы выяснить, как сами конфликтующие стороны воспринимают конфликт и как они его оценивают. В этих целях используется метод экспертного интервью как с теми людьми, которые хорошо знают историю вопроса, так и с лидерами и рядовыми участниками конфликтующих направлений. Это очень трудоемкая и деликатная работа, так как далеко не всегда мотивы конфликта лежат на поверхности и адекватно осознаются участниками конфликта с той и другой стороны. Сбор материала на месте конфликта предполагает опрос свидетелей столкновений, ознакомление с масштабом ущерба, нанесенного сторонами друг другу. Необходимо также выяснить были ли попытки примирения в конфликте и чем они закончились, на какой стадии находится переговорный процесс, кто в нем участвует, каков статус посредников и лиц, участвующих в ведении и организации переговоров: могут ли они обеспечить выполнение тех решений, к которым придут конфликтующие стороны? Практически социолог, исследуя конфликтную ситуацию на месте, может пользоваться всей совокупностью традиционных и нетрадиционных методов. Надо при этом заметить, что именно в разработке проблематики конфликта особенно важны гибкие методы. Опросы статистического характера здесь не дадут больших результатов, другое дело — изучение менталитета противостоящих сторон с помощью интервью, включая подчас и повторные обращения к респонденту.

По поводу обнаружения пристрастий со стороны исследователя среди социологов, изучающих конфликты, нет единой точки зрения. Одни считают, что он не должен их обнаруживать, так как это отразится на достоверности информации и на возможности получения материалов от обеих сторон конфликта. Другие — опирающиеся на так называемую активистскую социологию, разрабатываемую французским социологом Аланом Турэном и его школой, полагают, что социолог должен непосредственно участвовать на стороне той силы, которую он считает прогрессивной, и содействовать тому, чтобы участники конфликта постоянно рефлексировали по поводу своих действий и высказываний, отдавали себе

отчет в том, как они формулируют цели своего движения и какими средствами они собираются пользоваться и пользуются на самом деле. Среди российских социологов к направлению Турэна принадлежит группа, возглавляемая Л.А. Гордоном, подготовившая целый ряд публикаций по современному демократическому и рабочему движению в России. Что касается сбора первичного материала по национальным конфликтам, то наилучшие результаты даст метод участия в переговорных процессах. Применительно к конфликтам производственного характера следует обратить внимание на методы инновационных и деловых игр. Успешная разработка таких методов осуществляется В.С. и Л.А. Дудченко.

Короче говоря, социологу, желающему участвовать в изучении конфликтов, нет необходимости начинать с пустого места. Среди российских авторов, разрабатывающих методы исследования конфликтов, следует назвать Ф.М. Бородкина (Новосибирск) — автора одной из первых книг по этой проблематике — и А.К. Зайцева — директора Калужского социологического института, специализирующегося на изучении производственных и региональных конфликтов.

Настоящая книга опирается на огромный опыт изучения конфликтов в России и за рубежом. Традиционный вопрос, с которым сталкивается любой исследователь в этой области, состоит в следующем: можно ли использовать методы, разработанные в западной литературе, для изучения российской действительности? Ответ здесь достаточно прост. Использовать методики и наработки при сборе и анализе материала в принципе не запрещается, но это надо делать, как говорится, с умом, имея в виду специфику российской действительности и российского менталитета. А главным образом нельзя забывать о том специфическом этапе развития России, который переживает страна сейчас и который сказывается на психологическом состоянии каждого человека. Вместе с тем наша позиция в этом вопросе состоит в следующем. Социология представляет особое направление знания, которое имеет определенную классику, традиции, накопленные знания, теоретические разработки. Все это составляет мыслительный арсенал человечества. Не освоив этого арсенала, не овладев теоретическими концепциями, разработанными в мировой науке, нельзя ничего понять и в российской действительности. Ни одна страна и ни один народ не изобретает заново для сугубо своих целей научное знание. Эта истина справедлива не только для технических областей знания и естественно-научных направлений, но и для социальных, и для гуманитарных дисциплин. Социология находится на стыке последних, то есть она обеспечивает переходные мосты между

гуманитарным знанием и социальными науками. Тем более важно, чтобы она опиралась на практику развития контактов между национальными школами, обогащая тем самым мировую культуру.

Эта книга предлагается в качестве учебника для студента, который готовится быть профессиональным социологом. Но поскольку она рассматривает конфликты по преимуществу на российской почве, постольку она может заинтересовать и более широкий круг читателей. Учебники, как известно, пишутся на основе курсов прочитанных лекций. При подготовке этой книги был использован специальный курс лекций, прочитанный несколько раз слушателям социологического колледжа, действовавшего при Институте социологии РАН.

Книга состоит из трех разделов, каждый из которых подразделяется на главы и параграфы. В первом разделе — пять глав, в которых последовательно рассматриваются фундаментальные проблемы социологии конфликта. Первая глава носит вводный характер. В ней рассматриваются исходные мировоззренческие установки на природу человека и характер отношений сотрудничества и конфликта между людьми. Благодаря анализу двух противоположных традиций социального мышления — аристотелевской и гоббсовской — выявляется основной вопрос социальной философии, заключающийся в обосновании либо приоритета индивида по отношению к обществу, либо приоритета общества по отношению к конкретному человеку. В первой главе рассматриваются особенности развертывания конфликтов в разных культурных контекстах и выявляется специфика конфликтов в российской истории. Предлагается авторская трактовка причин нынешнего российского кризиса.

Во второй главе показывается, какое место проблематика конфликта занимает в структуре современного теоретического знания в социологии. В этих целях детально рассматриваются взгляды Макса Вебера, Эмиля Дюркгейма, Талкотта Парсонса, Нейла Смелсера и Ральфа Дарендорфа. При этом имеется в виду, что взгляды К. Маркса по этому вопросу уже изложены в контексте первой главы. В третьей главе мы переходим к более специфическим вопросам теории конфликтов и устанавливаем различие между социологией конфликта и конфликтологией. В четвертой главе предлагается и обосновывается основная аналитическая схема изучения конфликтов, основанная на выделении потребностей, интересов, ценностей и норм в составе причин развертывания конфликтов. Соответственно, конфликты подразделяются автором на три основные группы — конфликты по поводу жизненных средств, конфликты как столкновения интересов и ценностные конфликты. Это тройственное членение заменяет дихотомичес-

кий подход, наиболее часто встречающийся в литературе: конфликт по поводу ресурсов и ценностный конфликт. Заключительная глава первого раздела посвящена взаимодействию конфликтов на макро- и микроуровне.

Во втором разделе выделяются ключевые сферы разворачивания конфликтов — сфера ценностей или духовной жизни, область столкновения экономических интересов, национальные конфликты и конфликты в организациях.

Содержание третьего раздела целиком посвящено анализу политического конфликта. В первой главе дается определение политического конфликта; детально рассматривается проблема власти в современной социологии. Для анализа динамики политической ситуации в России используется концепция политического пространства, предложенная французским социологом П. Бурдьё. Вычленение четырех полей политического пространства в российской политике принадлежит автору. В остальных главах рассматриваются некоторые наиболее важные эпизоды политической истории бывшего СССР и нынешней России. При анализе этих эпизодов и взаимосвязи между ними используется событийно-конфликтный подход, методологические принципы которого разрабатываются известным польским социологом П. Штомпкой.

В заключении кратко резюмируются новые методологические установки, которые являются результатом предшествующего изложения. Усвоение этих установок позволяет студенту приблизиться к пониманию специфики проблем, которые находятся в центре внимания современной социологии.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Для чего нужно изучать конфликты? Назовите по крайней мере три обоснования.
2. Что значит изучать конфликты?
3. Охарактеризуйте трудности, с которыми столкнется социолог при сборе эмпирического материала при изучении конфликта?
3. Каковы основные методы, предлагаемые для преодоления этих трудностей?
4. Назовите российских и зарубежных авторов, упомянутых в данном Введении. Вспомните, что о них сказано.

Домашнее задание

Найдите основные публикации упомянутых здесь российских авторов. Дайте собственную характеристику тем работам, с которыми вам удастся ознакомиться.

Р а з д е л I

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ КОНФЛИКТА

В настоящем разделе будут рассмотрены пять фундаментальных проблем социологии конфликта. Каждой из них посвящается отдельная глава. Главы имеют более подробное подразделение в виде параграфов. Каждый из параграфов представляет собою своего рода дидактическую единицу, содержание которой должно быть усвоено в ходе изучения предмета.

Итак, пять фундаментальных проблем заключаются в следующем:

1. В чем состоит природа конфликта? Является ли человек преимущественно существом конфликтующим или существом сотрудничающим?
2. Каковы собственно социологические подходы к анализу конфликтов, каково состояние современной социологической теории конфликта?
3. В чем состоит различие между социологией конфликта и конфликтологией?
4. Каковы движущие силы развертывания конфликта и какова его мотивация?
5. В чем состоят особенности взаимосвязи конфликтов, развертывающихся на макро- и микроуровнях?

Все эти пять фундаментальных проблем рассматриваются не только в общетеоретическом плане, но и с учетом той полемики, которая развертывается в настоящее время в научной литературе и публицистике по поводу того, что происходит в России.

ПРИРОДА КОНФЛИКТА

1. ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ: ДВЕ КОНЦЕПЦИИ — АРИСТОТЕЛЬ И ГОББС

Вопрос о том, какова природа конфликта, кажется на первый взгляд очень ясным и простым. Но, как это часто случается, он содержит в себе несколько иных вопросов, которые мы и рассмотрим в данной главе. Это, во-первых, вопрос о причинах конфликтов, во-вторых, о их роли в жизни общества и в жизни отдельного человека и, в-третьих, о возможностях регулирования конфликтов.

Во многом ответы на эти вопросы зависят от более общих мировоззренческих установок, которые принимаются в качестве исходной базы в рамках соответствующих социологических теорий. Прежде всего понимание конфликта связано с пониманием природы самого человека. Человек? Что это такое? И в чем состоит его собственная природа?

С древних времен до наших дней сталкиваются между собою по меньшей мере две точки зрения при ответе на этот вопрос.

Первая точка зрения восходит к Аристотелю (384—322 до н. э.), к его знаменитому трактату «Политика», в котором этот основоположник европейской науки систематизировал сложившиеся к его времени взгляды на общественное устройство и дал свой ответ на вопрос о лучших и худших видах организации совместной жизни людей.

Аристотель утверждал: «государство — продукт естественного возникновения... Государство принадлежит тому, что существует по природе, человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто... живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; его и Гомер поносит, говоря «без роду, без племени, вне законов, без очага»; такой человек по природе своей только и жаждет войны» (1).

«Очевидно, — утверждает Аристотель, — государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому» (2).

Как видно из приведенных высказываний, Аристотель в решении главного вопроса социологии о соотношении общества и

индивида недвусмысленно отдаст приоритет обществу. Общество, государство для него есть первичное начало, это целостность, а отдельный человек — часть более широкого целого. Государство, право, справедливость, — по Аристотелю, — разные стороны государственного общения, стремление к которому заложено во всех людях от природы. Деление же людей на тех, кто властвует, и тех, кто подчиняется, Аристотель относит к естественным законам природы.

Аналогичным образом решает обозначенную проблему и Платон (427–347 до н.э.), которого иногда называют первым социалистическим мыслителем.

К решению вопроса о соотношении общества и личности в пользу человека как отдельного самоценного существа общественная мысль приходит гораздо позже. Это связано с зарождением и становлением либеральных экономических и социальных теорий. Одним из первых социальных мыслителей, вставших на позиции общественного договора, был английский социальный мыслитель Томас Гоббс (1588–1679), опубликовавший в 1651 г. знаменитый трактат «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского».

Если Аристотель считал, что государство существует от природы и что человек по природе своей — существо общественное, политическое, то Гоббс полагает, что естественное состояние общества — это «война всех против всех». Он считает, что «природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей» (3). Но это равенство людей от природы само по себе не есть благо. Наоборот, «из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами. На пути к достижению их целей... они стараются погубить или покорить друг друга» (4).

Таким образом, из равенства надежд на достижение целей возникает взаимное недоверие, которое является непосредственной причиной обозначенного естественного состояния, т.е. войны всех против всех. При этом Гоббс выделяет три основные причины конфликта: «во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажда славы» (5).

Естественное состояние общества имеет, по Гоббсу, внутри самого себя тенденцию самоуничтожения. Чтобы эта тенденция не реализовалась полностью, люди приходят к выводу о необходимости заключить между собою договор, результатом которого и является государство. Государство, по Гоббсу, есть общая власть,

способная защитить людей как от несправедливостей, причиняемых ими друг другу, так и от вторжения чужеземцев. Эта власть сосредоточивается либо в руках одного человека, либо передается некоему собранию людей, которое признается в качестве представителей данного сообщества. Государство, следовательно, существует не от природы, а в силу общественного договора, смысл которого заключается в обеспечении интересов самосохранения и в возможности насильственного преодоления конфликтов.

Один из основных выводов Гоббса заключается в определении того, что представляет собою свобода подданных — граждан существующего государства. С его точки зрения, свобода подданного вполне совмещается с неограниченной властью суверена, который обязан соблюдать естественные законы. При этом поскольку государство не может сформулировать правила на все случаи жизни, постольку подданные обладают свободой поступать в соответствии со своим разумом в тех случаях, когда их поступки не оговорены специальными законодательными актами. «Свобода подданных, — пишет Гоббс, — заключается в тех вещах, которые суверен при регулировании их действия обошел молчанием, как, например, свобода покупать и продавать и иным образом заключать договора друг с другом, выбирать свое место пребывания, пищу, образ жизни, наставлять детей по своему усмотрению и т.д.» (5).

Резюмируя сопоставление двух традиций в понимании вопроса о соотношении человека и общества, еще раз подчеркнем, что аристотелевская позиция подчеркивает в человеке общественное начало, его способность к сотрудничеству с другими людьми, которая заложена как бы в самой природе человека. Будучи естественным человеческим свойством, она не нуждается в дальнейшем объяснении. Наоборот, конкретные формы общественной жизни объясняются с помощью этого стремления людей к совместной жизни и сотрудничеству.

Противоположная позиция, представленная Гоббсом, исходит из того, что человек есть некая самость, индивид, для которого другие люди представляют собою среду его обитания, врагов или партнеров, который сам формулирует свои цели и задачи и стремится к тому, чтобы использовать свои связи и отношения с другими людьми в качестве средств для достижения своих целей.

В зависимости от принимаемой позиции наблюдается и разный подход к пониманию конфликтов. Из того факта, что люди способны к сотрудничеству, вовсе не следует, что они не способны к вражде, ненависти, насилию. Исторический опыт свидетельствует об обратном. Важнейшие источники конфликтов или распрей, устанавливаемые в «Политике» Аристотеля, состоят в

имущественном неравенстве людей и в неравенстве получаемых ими почестей (6). Дело даже не в самом факте неравенства, а в том, что нарушается мера и справедливость в распределении имущества и почестей. С одной стороны, это способствует возрастанию своекорыстия и тщеславия, что в конце концов приводит к перерождению государственного строя; с другой стороны, чрезмерное стремление к богатству и почестям знатных мужей приводит к тому, что возникает недовольство со стороны простых людей, граждан государства, что становится причиной государственных переворотов. Названные две причины распрей, конфликтов, мятежей и государственных переворотов дополняются, по Аристотелю, целым рядом побуждений. «Причиной распрей, — пишет он, — бывают также наглость, страх, превосходство, презрение, чрезмерное возвышение; с другой стороны — происки, пренебрежительное отношение, мелкие унижения, несходство характеров» (7).

Преобладание несправедливого начала над справедливым, стремление государственных деятелей заботиться прежде всего о своем благе, а затем уже о нуждах государства и подданных — в этом главная причина политических конфликтов, по Аристотелю. Отсюда проистекает возникновение тирании и других неправильных форм государства. Основанием же правильных форм государственного устройства, по Аристотелю, является соблюдение меры в распределении благ и почестей, особенно в распределении должностных позиций в государстве. Ибо именно в этом — в порядке замещения должностей и заключается суть государственного устройства. Таковы основные мысли Аристотеля относительно роли и значения конфликтов, или в его терминологии распрей, в политической жизни общества.

Что касается понимания общества как «войны всех против всех», то конфликты здесь обусловлены не тем или иным общественным устройством или характером распределения благ и почестей в государстве, но самой природой человека и главным образом естественным равенством людей. Раз они равны в своих способностях, значит, они равны и в своих притязаниях. А поскольку предметы их притязаний не могут принадлежать всем сразу одновременно, постольку в отношениях между людьми заложен конфликт. Это не означает, что люди не способны к сотрудничеству. Но это сотрудничество они осуществляют не в силу своих природных влечений, а в силу принуждения, страха перед наказанием за нарушение общественного договора, согласно которому власть в обществе передается государству.

Гоббс, так же как и Аристотель, тщательно анализирует вопрос о причинах неустойчивости государства. Одна из причин

«немошей» государства состоит в том, что человек, добившийся высшего государственного поста, «довольствуется иногда меньшей властью, чем та, которая необходима в интересах мира и защиты государства» (8).

Вторая причина — яд мятежных учений. Одна из наиболее опасных и распространенных точек зрения заключается в том, что «каждый отдельный человек есть судья в вопросе о том, какие действия хороши и какие дурны... Из-за этого ложного учения люди становятся склонными спорить друг с другом и обсуждать повеления государства, а затем повиноваться или не повиноваться им в зависимости от собственного усмотрения, что вносит смуту и ослабляет государство». В особый ряд причин немощей государства Гоббс выделяет «подражание соседним народам» (9).

Сопоставляя между собою аристотелевскую и гоббсовскую традиции, обратим внимание на то, как в рамках этих традиций рассматривается вопрос о соотношении свободы и равенства. Если государство существует от природы, то люди от природы не свободны от его установлений. Вместе с тем они не могут быть равны между собою. Более того, с точки зрения Аристотеля существует много видов неравенства между людьми в обществе и от этих неравенств избавиться практически невозможно. Можно лишь с помощью государства, если оно справедливо, добиться меры в распределении различного рода благ, почестей, участия во власти и тем самым создать предпосылки для более гармоничной жизни. «Общепризнано, что в том государстве, которое желает иметь прекрасный строй, граждане должны быть свободны от забот о предметах первой необходимости» (10).

Исходная точка построения общественного устройства, по Гоббсу, — равенство. Но равенство не является ни благом, ни идеалом, так как оно источник раздоров. Договор между людьми — это действительное благо и ценность, условие сохранения сообщества, и этот договор устанавливает власть государства. Участники договора передают государству свое право на свободу, они ограничивают себя законом, который обязываются соблюдать и добровольно, и в силу поощрения, и в силу страха перед наказанием. Ибо поощрение и наказание становятся важнейшими средствами соблюдения верховной власти государства, обеспечения его суверенитета. Личная свобода состоит, следовательно, в законопослушании и в инициативе в тех случаях, которые в силу многообразия жизненных обстоятельств не могут быть оговорены в законе. А поскольку степень законопослушания и инициативы — в особенности в делах обмена и обогащения — неодинакова, постольку вполне естественно, что в общественном своем положении, в имуществ-

вс, знатности, богатстве, доступе к властным функциям и во многих других отношениях люди неравны. А это значит, что есть между людьми исходный конфликт, вытекающий из естественного права и ограниченности ресурсов, и есть конфликт вторичный, проистекающий из их общественного неравенства. Но и в том, и в другом случае государство является главным арбитром, судьей, инстанцией, определяющей, кто прав, а кто виноват в конфликте. Гоббс — в отличие от действительных либералов более позднего времени — вовсе не полагается на возможность автоматического установления согласия интересов и отстранения государства от решения конфликтов. Единственным сувереном в обществе может быть только государство. Сам индивид, личность, отдельный человек не может обладать суверенитетом. Его права ограничены общей волей государства. Он свободен в своих действиях лишь постольку, поскольку его действия не наносят ущерб другим гражданам этого же государства.

Охарактеризованные здесь точки зрения в решении проблемы взаимоотношения человека и общества пронизывают в самых различных формах всю историю общественной мысли. Спор о первичности и о приоритетности социального или индивидуального начала остается актуальным и в наши дни. Европейская традиция либерализма подчеркивает значение свободного рационального выбора личности в решении тех жизненных вопросов, с которыми она сталкивается. Человек — это прежде всего некоторая самость, обладающая свободой воли и ответственности, он сам строит свою судьбу. Он сам отвечает перед собой и своими близкими за свои неудачи и достижения. Каковы бы ни были внешние условия, человек находит в самом себе внутренние ресурсы им противостоять, добиваться тех целей, которые он ставит перед собою. Либерализм представляет собою основание активистского отношения к жизни, на этой основе формируется тип личности, известный как *self-made personality*, т.е. как человек, который делает сам себя. Позиция либерального мировоззрения в наибольшей мере адекватна реалиям рыночных отношений и тем формам демократии, которые сопряжены с высоко развитым чувством собственного достоинства, личной независимости и свободной ответственности.

Противоположная точка зрения в большей мере ориентируется на внешние обстоятельства и условия. Согласно этой точке зрения, для того чтобы люди жили богаче, лучше, интереснее, необходимо преобразовать общественный строй, добиться того, чтобы общественные отношения сделались «справедливыми», чтобы о каждом человеке проявлял заботу коллектив или госу-

дарство. Утверждение этой точки зрения на практике приводит к подавлению личной свободы и ответственности, к тому, что каждый человек в решении своих жизненных проблем уповает прежде всего на помощь со стороны, на обязанности государства. На этой основе складывается ижизвенческая психологическая установка, долгое время принимавшаяся в качестве наиболее справедливой.

Сравнивая эти две теоретические и нравственные позиции между собою, нельзя не признать вместе с тем, что ни в истории человеческих сообществ, ни в личной жизни мы не наблюдаем абсолютного господства той или другой точки зрения. Любые формы индивидуализма на практике дополняются определенными формами сотрудничества, и наоборот, коллективизм, как бы он не пропагандировался и не утверждался, дополняется на практике тем, что для решения тех или иных вопросов выдвигаются личности, обладающие силой воли, способностью подчинить себе или по крайней мере привлечь к своему делу других людей. Это значит, что та и другая позиции представляют собой определенные крайности.

Эмпирический факт, фиксируемый современной общественной наукой, состоит в том, что всякое общество возникло и развивалось как некое сообщество людей, индивидов, связанных между собою природными или иными узами. Человек не может жить в одиночку. Легенда о Робинзоне Крузо иллюстрировала способность к приспособлению отдельного человека, возможности его выживания в исключительно трудных условиях на необитаемом острове, без всякой помощи со стороны своих соплеменников, сограждан, соотечественников. Но эта легенда не отражает естественно-исторического пути становления человеческого сообщества и развития индивидуальности в рамках данного сообщества.

С самого начала обстоятельства жизни человека складываются таким образом, что он как бы обречен на сотрудничество с другими людьми. Более того, человек как личность развивается через это сотрудничество благодаря тому, что он усваивает навыки совместной деятельности в своем сообществе. Практически из древних, первобытных сообществ каменного века выжидали лишь те группы людей, становившиеся племенами или кланами, где вырабатывались приемы совместной самозащиты, осваивались формы разделения труда и, следовательно, взаимопомощи.

Индивид не может выжить без общества, период физиологической, природной зависимости человеческого детеныша от матери во много раз превосходит продолжительность такой зависимости у любых иных представителей животного мира. Но все же, будучи взрослым и встав на ноги, человек становится самостоятельным

существом в гораздо большей мере, нежели любой представитель стаи или стада животных. Он обладает разумом, самосознанием, его поведение в гораздо большей степени свободно, т.е. регулируется им самим на основе определенных правил общественного поведения, которые усваиваются в процессе социализации.

Будучи взрослым и самостоятельным, человек вскоре узнает, что его интересы отличаются от интересов других людей. В чем-то он всегда остается зависимым от общества. Но во многих важных вопросах он противостоит другим людям. Более того, можно сказать, что его интересы не совпадают с интересами других людей. Они оказываются весьма изменчивыми и подвижными. То, что недавно объединяло, например, группу сверстников, перестает действовать в качестве объединительной силы и общего интереса. Между ними возникают отношения соперничества, конкуренции, несовместимости позиций. Иными словами, возникает конфликт, который должен быть понят как вполне нормальное социальное отношение.

2. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И США

Осмысление природы конфликтов в общественной жизни не могло остановиться на рассуждениях Аристотеля и Томаса Гоббса.

Развитие различных регионов мира, становление капитализма, войны и революции, происходившие в Европе в XVII–XIX вв., давали богатый материал для размышлений и для теоретических выводов мыслителям самых разных направлений.

Во второй половине XIX в. большое распространение в Европе, а вслед за нею и в России получила марксистская интерпретация исторического процесса. В основу этой концепции была положена теория классовой борьбы как главной и доминирующей формы конфликта, пронизывающего всю историю человечества и принимающего своеобразные формы на разных этапах этой истории. Для капиталистической общественно-экономической формации главным стержнем являлась борьба между трудом и капиталом, или между рабочим классом и классом буржуазии. С точки зрения тех позиций, которые разрабатывались основоположниками и последователями марксистской теории, государство, как и другие политические институты, не являлось ни представителем интересов всего общества, ни арбитром в споре между конфликтующими группировками. Всякое государство — лишь ко-

митет, управляющий делами господствующего класса. Оно — по определению — носит классовый характер. Сам конфликт между классами принимает развитые формы лишь тогда, когда эксплуатируемая масса осознает действительную роль политических институтов, когда острое борьбы оказывается направленным именно против политического устройства общества, против государства. В ниспровержении старых форм государственности и в установлении новых ее форм европейские и российские марксисты видели суть пролетарской, социалистической революции.

Наиболее известные современные историки общественной мысли, как, например, Ральф Дарендорф (Германия) или Антони Гидденс (Великобритания), рассматривают марксизм в качестве весьма влиятельного направления, которое оказывает значительное воздействие на формирование сложившихся ныне способов понимания действительности. Они подчеркивают, что в теории марксизма был обобщен опыт европейской истории, в особенности таких ее важнейших событий или процессов, как индустриальная революция в Англии и Великая Французская буржуазная революция (1789—1793). Девятнадцатое столетие в Европе действительно прошло под знаменем острой политической борьбы между рабочим классом и классом предпринимателей. Рабочие европейских стран добились восьмичасового рабочего дня, законодательного запрещения использования детского труда на фабриках, создания не только системы рабочего и трудового законодательства, но и парламентских институтов, гарантирующих претворение в жизнь соответствующих прав. В подавляющем большинстве европейских стран классовый конфликт развивался таким образом, что государство должно было принимать законы под воздействием классовой борьбы, под воздействием рабочего класса, сформировавшего свои профессиональные и политические организации. Политические партии социал-демократического характера и национальные профсоюзы заняли важное место в политической жизни всех развитых европейских стран. Экономически господствующий класс предпочитал уступки рабочему движению, оформленные с помощью законодательства и права, тем потрясениям и разрушениям, которые могли бы последовать в случае его неуступчивости и пример которых демонстрировал опыт российской политической истории.

Европейское общество вошло благодаря этому в XX в. с большим опытом разрешения и примирения конфликтов. В ходе острой политической борьбы вырабатывалась культура компромисса — основа основ европейской политической жизни.

Не менее важен и интересен был в этом отношении и опыт США. XIX в. для этой страны, особенно начало века, — век ин-

дивидуализма, ожесточенной конкурентной борьбы. Это время, порождающее своеобразный психологический типаж американца, известный под названием *self-oriented personality*, т.е. личности, ориентированной на самое себя. Этот человек не мог полагаться на защиту закона и должен был сам отстаивать свое право на жизнь, нередко это приходилось делать с оружием в руках. Рассказы Джека Лондона, повести Фолкнера дают достаточно яркое представление об американской культуре этого времени. Классовый конфликт в США развивался несколько в иных формах, чем это было в Европе. В середине прошлого века он переместился в сторону конфликта между Севером, представлявшим интересы индустриального развития страны, и Югом — сосредоточением своеобразной феодальной суверенности штатов, господствующие круги которых развивались на экономической основе рабского труда чернокожих. Гражданская война между Севером и Югом разрешила этот конфликт в пользу капиталистического способа производства и отмены рабства. Таким образом сложились предпосылки для формирования современных Соединенных Штатов Америки. США, следовательно, прошли в своем историческом развитии через известную и разрушительную фазу насилия, которое послужило уроком для будущих поколений граждан этой страны.

По мере преодоления наследия гражданской войны уходила и культура «дикого Запада», основным атрибутом которой был шестизарядный кольт. Становление бизнеса в крупных масштабах оказалось несовместимо с произволом и неожиданностью социального поведения личностей, ориентированных на себя. Постепенно крупные формы и монополии перерабатывали огромный человеческий материал, превращая *self-oriented personality* в *other-oriented personality*, в совершенно иной социально-психологический типаж, формирующийся под доминирующим воздействием бюрократической культуры. Этот процесс переработки человеческого материала зафиксирован не только в художественной, но и в социологической литературе. Речь идет об исследованиях Уайта «Человек организации» и о знаменитой книге Дэвида Рисмена «Толпа одиноких».

В ходе этих преобразований формировалась своеобразная культура преобразования и разрешения конфликтов. В отличие от Европы, в США гораздо меньшее значение имеет при разрешении конфликтов общезаконодательное или общегосударственное законодательство. Гораздо большее значение приобретают фирмы и компании, с одной стороны, а с другой стороны, — местные власти. Кризис конца 20-х годов, или экономическая депрессия, как его называют, сыграл огромную роль в формировании американской

культуры преодоления конфликтов. Именно в это время под руководством социального психолога Элтона Мэйо была проведена серия экспериментов по организации производства, в ходе которых возникла теория человеческих отношений, упорно отвергавшаяся догматическим марксизмом. Суть этой теории в выявлении психологической составляющей как самостоятельного и очень важного компонента организации производственного процесса. Признание значимости работника как человеческого существа опровергало рационалистический тейлоровский подход к организации производства. Новые подходы исходили из той предпосылки, что работник — человек и гражданин, а не простая функция производственного технологического процесса. Открытие Мэйо способствовало изменению психологического климата на производстве и прежде всего в деятельности больших компаний и предприятий. Управленческий персонал обязан был получить багаж определенных социологических и психологических сведений и навыков, применение которых предотвращало производственные конфликты и обеспечивало стабильность экономической деятельности.

В политическом плане чрезвычайно важным был «новый курс», предложенный Ф.Д. Рузвельтом, в основу которого была положена идея гражданственности, ограничения appetites монополий во имя национальных интересов. Можно сказать, что «новый курс» и концепция человеческих отношений стали общезначимыми ценностями американского образа жизни, сыгравшими огромную роль в практике предотвращения конфликтов и их регулирования. Теперь каждый американец воспитывается на основе усвоения таких истин: конфликты существуют, они правомерны и избежать их невозможно, так как каждый человек имеет свои собственные интересы, которые он вправе отстаивать; однако обострение конфликта способно нанести людям, участвующим в этих конфликтах, гораздо больший ущерб, нежели тот выигрыш, который можно было бы ожидать, настаивая на своих собственных интересах — ибо другие люди также обладают своими интересами, и они будут их отстаивать с не меньшим энтузиазмом, если дело дойдет до угрозы их ущемления; лучший способ добиться реализации своих интересов — открытый переговорный процесс с теми, от кого зависит возможность реализации этих интересов. В конце концов можно найти такой вариант в ходе переговоров, при котором ни одна из сторон не будет ущемлена. Примером такой переговорной практики являются рыночные отношения, отношения договора и сделки, в ходе которых всегда идет определенная прикидка возможных выгод и потерь от той или иной акции.

Весьма интересно и развитие внутреннего политического кон-

фликта в американском обществе, характеризующемся достаточно высокой степенью стабильности и устойчивости. Механизм этой устойчивости в значительной мере обусловлен ритмом политической жизни США — четырехлетним сроком президентского мандата в соответствии с Конституцией. Автор книги «Социальный конфликт и социальные движения» Антони Обершелл — один из наиболее известных представителей социологии конфликта — так характеризует противостояние двух основных политических традиций в рамках американской демократии:

«Внутри американской демократической политической традиции, основанной на идеалах политического равенства и принципах народного суверенитета и правления большинства, всегда существовала и будет существовать — и скорее всего будет существовать всегда — напряженность между элитистской (Гамильтоновской) и популистской (Джефферсоновской) ориентациями. Действительно, каким образом предпочтения большинства народа могут быть превращены в закон? Те, кто не доверяют народной мудрости, и те, кто, напротив, не доверяют мотивам народных избранников и хотят минимизировать неравенства, являющиеся результатом политической дифференциации граждан, предпочитают различные формы структурной организации претворения демократических принципов в жизнь. Популисты считают, что законодатели — это необходимое зло и они должны быть лишь исполнителями народной воли. Элитисты рассматривают законодателей в качестве полезного посредника между предубеждениями общественного мнения и формированием общественной политики. Популисты выступают за частые и прямые выборы, имея в виду, что первичные выборы проверяют влияние партийных боссов, действующих группами и объединенно. Они используют референдум как противовес влиянию законодателей. Элитисты находятся в оппозиции к этим институтам. Распространение элитизма подрывает демократию в пользу олигархии. А распространение популизма вполне может содействовать установлению диктатуры и подавлению прав меньшинств нетерпеливым большинством. Успех демократической традиции в значительной мере основывается на противоречиях и напряженности, существующей между этими двумя конфликтующими ориентациями, так как это позволяет обеспечить реформирование и перестройку демократических институтов изнутри в соответствии с новыми обстоятельствами и новыми политическими силами» (11).

Мы привели это высказывание Обершелла для того, чтобы проиллюстрировать наличие по меньшей мере двух трактовок самой демократии — популистской и элитистской, — которые ока-

зываются весьма существенными даже при условиях функционирования хорошо отлаженных институтов демократического устройства общества. Позиция Обершелла лишь иллюстрирует тезис о весьма высокой сложности демократического общественного устройства, которая не просматривается при одномерном противопоставлении демократии и тоталитаризма (12).

3. ПРОБЛЕМА КОНФЛИКТА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Рассмотрев вкратце европейские и американские подходы к конфликту, остановимся и на российской традиции или на российских традициях и подходах к решению конфликтных ситуаций. Исходный момент здесь заключается в том, что российское общество XIX в. было расколотым обществом. Крестьянская и дворянская культура, крестьянский и дворянский образ жизни соприкасались и порою весьма тесно, но почти не перекрещивались между собою. Это достаточно обстоятельно зафиксировано в художественной литературе, в классических ее образцах. На этой основе в России разворачивается и нарастает политический конфликт, первым знаком которого было восстание декабристов 1825 г. Поражение восстания оказалось обусловленным не только мощью самодержавия, но и в не меньшей степени расколом самой революционной группы на сторонников умеренных преобразований и радикалов.

Крупный шаг в разрешении фундаментального национального конфликта был предпринят в ходе реформ 60-х годов. Речь идет об отмене крепостного права в 1861 г. (время гражданской войны в США и жесткого очерчивания интересов национальных государств в Европе в качестве определенного протеста на доминирование российских интересов после 1815 г.). Однако и в этот процесс вмешивается российский радикализм и максимализм. После событий 1 марта 1881 г. начинается эпоха реакции и контрреформ, характерная для всего царствования Александра III. Эта же линия боязни реформирования общества прослеживается в качестве доминирующей и в царствование Николая II. Русская общественная мысль в этих условиях раскалывается. Одна линия связана с воспеванием революции, другая — с ее проклятиями. Между ними нет промежуточных вариантов и точек соприкосновения. Главный конфликт конца XIX—начала XX в. носит не классовый характер, как в это время в Западной Европе, а общедемократи-

ческий, гражданский характер. Это конфликт между деспотизмом и произволом самодержавной монархии, с одной стороны, и общегражданскими правами пробуждающегося к самостоятельной жизни населения страны — с другой. В идеологическом плане полюса политической жизни закрепляются, с одной стороны, в концепциях религиозно-мессианского характера и предназначения России к неким великим свершениям и, с другой стороны, в прозападнических революционных теориях, берущих на свое вооружение идеи насильственных революционных преобразований.

В разных вариантах российского мировоззрения проблема конфликта занимала различное место.

Христианская религиозная философия обращалась к идее соборности, которая, по сути дела, не оставляла места для понимания каких-либо конфликтных отношений. Личность здесь растворялась в целостности народа, церкви, религии и государства. Конфликт мог рассматриваться с этой точки зрения лишь как ересь, отклонение от русской православной идеи и, естественно, должен был преследоваться и наказываться.

Революционные доктрины рассматривали конфликт прежде всего в терминах эксплуатации, личной зависимости и, несколько позже, в терминах классовой борьбы с указанием на классовую природу государства, о чем говорилось выше. На российской почве была развита теория трех форм классовой борьбы — экономической, политической и идеологической, — сыгравшая огромную мобилизующую роль в ходе революционных преобразований.

Либеральные теории и доктрины не получили особого распространения на российской почве. Кадетская партия, хотя и обладала известной политической устойчивостью, не имела особого влияния на принятие политических решений ни в годы распутищины, ни тем более в постреволюционный период, когда она оказалась одной из первых запрещенных политических организаций.

Крайняя идеологизация конфликта, использование таких формул, как «если враг не сдается, его уничтожают» или «кто не с нами, тот против нас», стали, по сути дела, трагической особенностью российской истории, содействовавшей превращению революции в гражданскую войну, а впоследствии — установлению тоталитарного политического режима. В российском национальном самосознании было очень мало места для терпимости, для понимания точки зрения противоположной стороны, для посреднической деятельности в любых ее вариантах. Великие цели требовали великих жертвоприношений. Никто не хотел уступать, и свою правоту каждый был готов отстаивать ценой собственной жизни, не говоря уже об имуществе, собственности и прочих

меркантильных интересах, которые отчуждались любыми вариантами русского национального самосознания. Идеал «духовности», к которому теперь столь часто обращаются, отнюдь не способствовал началу смирения и кротости. Наоборот, он требовал самопожертвования.

В этом плане чрезвычайно поучительна и роль толстовства как примиренческой идеологии, как попытки отстоять принцип непротивления злу насилием. Прежде всего не следует забывать, что великий русский правдолюбец был предан анафеме ортодоксальной православной церковью, что для него было большим испытанием. Но и преклонение перед Толстым, стремление обрести в нем учителя жизни, характерное для интеллектуальных кругов второй половины первого десятилетия, т.е. для эпохи послереволюционной (после первой русской революции 1905 г.), не оказалось источником действия. Примиренческий потенциал, заложенный в толстовстве, оказался невостребованным. Слишком велики оказались людская злоба и ненависть, аккумулировавшие в себе целые века взаимного отчуждения, господства и подчинения, принуждения и насилия, борьбы против этого насилия, выразившейся в истории российских бунтов или крестьянских войн, не приводивших страну к победе новых религиозных канонов. Более того, они оказались сконцентрированными на очень узком поле политического пространства, где почти каждое действие усугубляло это чувство взаимной неприязни и ненависти.

Что касается послереволюционного периода (после 1917 г.), то, во-первых, в этот период утвердились концепции классовой борьбы; во-вторых, масса ненависти после гражданской войны оказалась неисчерпанной; в-третьих, образ или стереотип «врага народа» стал одним из господствующих политических стереотипов в массовом сознании. Официальная доктрина догматизированного марксизма, а с 1929 г. «марксизма-ленинизма» играла огромную роль в мобилизации психологической энергии масс на преобразования такого масштаба, которые нельзя сравнивать с петровскими преобразованиями. Человек, личность был лишь материалом истории, ничтожной частью всемирных деяний, направленных на торжество «справедливости» во всемирно-историческом масштабе, с точки зрения которого «личная справедливость» и личная судьба были лишь помехой. Классовая битва шла в историческом масштабе, конфликты на более низких уровнях не могли иметь самостоятельного значения.

Такой подход к действительности, точнее говоря, такой способ видения и конструирования социальной реальности объясняет тот факт, что хотя в советской обществоведческой литера-

туре обсуждалась проблема противоречий в разных ракурсах, но это обсуждение никогда не опускалось до дискуссии о конфликте, который имел вполне конкретный и осязаемый характер. Наоборот, долгое время в качестве установочной точки зрения по отношению к литературе и искусству господствовал принцип бесконфликтности, согласно которому конфликты могли иметь место лишь в качестве пережитков прошлого или быть свойством чуждой классовой среды. Считалось, что в советском обществе достигнуто единство и даже сами противоречия играют в нем все более относительную роль.

4. ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КРИЗИСА

Конфликты и конфликтные ситуации — непосредственная реальность наших дней. За последние годы отброшены идеологические шоры, с помощью которых общество воспринималось в качестве рационально организованного целого: оно обладало «сознанием», знало о самом себе, каково оно и куда оно должно идти.

Оказалось, что официальная идеология выдавала желаемое за действительное. Сам понятийный аппарат, с помощью которого формулировались важнейшие характеристики общественных отношений, был важным средством социального контроля и инструментом стабилизации установившегося режима политической власти. Действительность была гораздо сложнее. Она не исчерпывается ни фразами о реальном и развитом социализме, ни штампами тоталитарного режима. За фасадом целостности, который рисовался разными красками — в одном случае розовой, в другом — черной, были скрыты сложнейшие противоречия и конфликты.

Груз милитаризации советской экономики — мощное развитие военно-промышленного комплекса (ВПК) — оказался непосильным для СССР. Он непосилен и для всего мира, включая США. Политика поддержания военно-стратегического паритета все в большей мере проявляла себя в качестве тупиковой. Наиболее дальновидные политики в разных странах ощущали бесперспективность дальнейшего движения в этом направлении. Дело не только в беспрецедентном расходовании ресурсов, не дающим никакой отдачи с точки зрения интересов благосостояния народов. С каждым годом увеличивалась вероятность всеобщей гибели от ядерной войны. Необходимо было найти новые формы совместной жизни прежде всего тем странам, которые сами были инициаторами и участниками гонки вооружений. Результатом

этого поворота в политике стало падение Берлинской стены, крах «системы социализма» и распад СССР. Не видеть связи между процессами демилитаризации — а в этом состоит потребность выживания человечества как рода и как земной цивилизации, — демократизацией и переходом от социализма к рыночной экономике в бывшем СССР и Восточной Европе невозможно.

Вместе с тем большинство тех, кто пишет о процессах демократизации в Советском Союзе, а теперь и о реформах в России, совершенно упускают из виду эту связь. Дело представляется таким образом, будто произошедшие изменения — либо результат заговора внешних сил, либо результат кризиса административно-командной системы. При этом замалчивается или забывается тот простой факт, что сама эта система была своего рода надстройкой над интересами военно-промышленного комплекса, что этот комплекс не мог создаваться и развиваться на основе методов демократии и рыночных отношений. Даже более богатые страны, чем Россия, создавали свои ВПК при мощной поддержке государственных капиталовложений и под государственным контролем, который диктовался существовавшими в годы холодной войны представлениями о государственных и национальных интересах и о государственной безопасности (13).

Действительная роль ВПК заключалась не только в обеспечении оборонных нужд государства, как они понимались в то время, но и в цементировании целостности всей политической системы. Он представлял собой ведущее звено, стержень того, что называлось единым народно-хозяйственным комплексом Советского Союза. Этим во многом объясняется то обстоятельство, что, как только ослабла политическая роль ВПК, СССР потерял экономическое основание своего собственного существования и распался, оставив тяжелое наследие всем странам и государствам, в него входившим.

Другой внутренний конфликт, заложенный в системе, состоял в том, что ее декларативно-идеологическое обрамление не соответствовало реальным экономическим интересам и потребностям, сложившимся в обществе. Уже в 70-е годы многие стали отмечать роль «теневой экономики», которая базировалась на отношениях, не фиксируемых ни статистикой, ни официальным общественным сознанием. Ее как бы не существовало, но вместе с тем она все в большей мере пронизывала сложившиеся общественно-политические и властные структуры. Так называемое Узбекское дело приоткрыло часть могущественных сил, действовавших на основе теневой экономики. Дело, конечно, состояло не в приписках о сдаче миллионов тонн хлопка, а в способах

реализации продукта, ускользавших от контроля вездесущих государственных органов. По сути дела, все распределительные и перераспределительные механизмы действовали на основе сложившихся неформальных связей. Работники торговли имели иной статус в системе общественных связей, нежели все иные группы, не имевшие прямого доступа к распределению произведенного продукта, и были заинтересованы в создании дефицита даже там, где с точки зрения произведенного объема продовольствия или иной продукции дефицит был невозможен. А дефицит означал доступ к контролю за распределением благ и возможности личного обогащения и обеспечения привилегий. Контроль за распределением означал и возможность создания отношений между определенной частью торгового сословия и партийно-государственным аппаратом. Материальные ценности обменивались на полномочия принятия решений. Во многих регионах страны эта система накладывалась и на клановые отношения, далеко еще не размытые процессами индустриализации. Власть и система принятия решений разрывались под воздействием противоречивых и в какой-то мере взаимоисключающих сил. С одной стороны, необходимо было решать собственные материальные проблемы, а с другой — сохранять определенный идеологический камуфляж. Тайная власть, которой был прекрасно известен механизм этого обмена, следила лишь за тем, чтобы баланс обмена не выходил за определенные рамки, которые признавались как допустимые. Вышестоящие звенья бюрократической иерархии покрывали отклонения и коррупцию нижестоящих ее звеньев, так как они дорожили рекомендованным и утвержденным кадровым составом: между верхами и низами складывались отношения взаимозависимости, взаимного обмана и принятия этого обмана в рамках установившихся правил идеологического камуфляжа.

Эта система взаимозависимости складывалась достаточно долго. Она создала собственные механизмы воспроизводства, основанные на распределении кадровых ресурсов. При этом особую роль в этой системе играла подготовка кадров специалистов с высшим образованием. В ряде регионов страны в специализированных вузах готовились не специалисты-профессионалы, а лица, предназначенные для того, чтобы занимать руководящие позиции в регионах. Властные и контрольные должности продавались по установленной таксе, равно как и места в высших учебных заведениях.

Реальные отношения, следовательно, весьма существенно расходились с декларируемыми. Разумеется, между теми и другими видами отношений существовала напряженность, в результате чего шла постоянная внутренняя борьба, подрывавшая официально

декларируемые ценности. Результат этой борьбы заключался в разрушении стимулов трудовой деятельности. Наличие постоянных двойственных оценок приводило к потере ориентаций, к тому, что складывалась психология угодничества, подхалимажа тем, кто контролировал реальную власть в соответствующем регионе или сфере деятельности.

Кризис 70-х годов, обозначенных как годы застоя, был прежде всего кризисом трудовой мотивации, следствием конфликта между явной и теневой системой оценок. На словах провозглашался, например, принцип материальной заинтересованности, а на деле лучше в материальном и социальном смысле жил тот, кто имел больший доступ к распределению благ. Этот слой был носителем реальной власти в обществе, и он включал в себя не только представителей официальных властных структур, но и хозяйственные кадры. Снабженцы, работники складов, те, кто занимался транспортировкой продукции, жили не хуже, чем средний слой бюрократии, не говоря уже о непосредственных создателях материальных и духовных ценностей, которые постоянно находились в положении зависимости от начальства в решении всех своих бытовых и производственных вопросов. Те, кто ориентировался на профессиональный труд и творчество, были, по сути дела, объектами эксплуатации со стороны «социалистической мафии», которая для поддержки своего статуса и уничтожения конкурентов обращалась к официальной идеологии.

Соединение обозначенных выше двух факторов и стало главной причиной кризиса той системы, которая называлась на официальном языке и была признана международным сообществом в качестве социалистической. Она не могла обеспечить поддержания на должном уровне творческой и профессиональной мотивации в самых разных сферах трудовой деятельности, с одной стороны, а с другой, — не могла выдержать огромную нагрузку, связанную с затратами на военно-промышленное производство.

Оба эти конфликта обнаружились со всей остротой в середине 70-х годов. Более того, они еще более обострились в связи с тем, что сложившийся в стране аппарат управления оказался неспособным к усвоению новых идей даже под угрозой собственной гибели. Умирающая партийно-политическая власть не хотела видеть ни кризиса, ни его причин. И даже когда этот кризис был признан — а это произошло лишь в 1989 г. на Первом съезде народных депутатов СССР, — она трактовала его причины как угодно, но только не в соответствии с реальным положением дел.

Перестройка обнаружила и выявила конфликт между военно-промышленным комплексом, милитаризацией экономики и по-

литики, с одной стороны, и потребностями сохранения человеческого рода — с другой. Однако она не смогла разрешить этого конфликта отчасти потому, что он не был осознан в полной мере, отчасти в силу сложности переориентации экономики на удовлетворение потребностей населения.

Для России она открыла новые перспективы экономического и политического развития, которые после длительной борьбы определились как перспективы развития демократии и рыночной экономики именно в российском варианте. Переход от одной группы целеполагающих критериев (защита социализма, поддержание военно-стратегического паритета) к другим системным параметрам (свобода предпринимательства, основанная на частной собственности, рыночная экономика, восстановление российской государственности, вхождение России в мировое цивилизационное и экономическое пространство) не могло пройти без глубоких потрясений, которые и проявились в новой фазе кризиса, охватывающего буквально все сферы общественной жизни и вовлекающего в свой водоворот все население страны.

Нынешняя ситуация характеризуется конфронтацией не только по поводу перспектив развития общества и способов соединения рыночных механизмов с государственными способами защиты населения, но и по поводу конкретных программ выхода из кризиса, разрешения тех проблем, которые возникли на путях становления рынка и демократии в стране, долгое время не знавшей этих институтов. Важным обстоятельством, проясняющим ситуацию, является тот факт, что именно в ходе реформ обнаружилось с такой ясностью и определенностью: в центре конфронтации и дискуссии, полемики и политической борьбы оказывается вопрос о власти: в чьих руках будет находиться власть, тот и будет в настоящее время определять, в чем же состоят интересы России и российской государственности. Именно в этом и заключается главная причина, стимулирующая конфликты разного рода в пределах бывшего советского политического и географического пространства. Подавляющее большинство конфликтов стимулируется борьбой за власть, за пределы сфер влияния, за допуск к принятию политических решений новых элит, сформировавшихся в прежних общественно-политических условиях. Ряд исследователей, в том числе Д. Лейн и К. Росс (Великобритания), считают, что в советском обществе сформировались не просто группы интеллигенции, претендовавшие на участие во власти, но новый «приобретательский класс», который был заинтересован в адекватной оценке своей профессиональной деятельности и квалифицированного труда. Этот класс и стал главным фактором дви-

жения общества в целом в сторону рыночных отношений, которые стали формироваться стихийно и подспудно в доперестроечный период. Этим и объясняется ожесточенность конфликтов и их широкая распространенность.

Теперь открытые конфликты пронизывают все структуры общественной жизни, более того, они оказываются ее основной тканью. Своеобразие ситуации заключается в том, что ни один общественно-значимый факт, ни одно событие прошлой истории не рассматриваются с какой-то единой или общепризнанной, общеприемлемой точки зрения. По каждому вопросу имеются по крайней мере две точки зрения и, как правило, они несовместимы, так как базируются на разных способах мышления или, как говорят в научной литературе, на разных, а порою и противоположных методологических предпосылках. Расхождения можно обнаружить как в политическом лексиконе общего порядка, так и в использовании данных, характеризующих конкретные события. Например, количество жертв в российском Белом Доме 4 октября 1993 г., масштабы и эффект ваучеризации, количество капитала, вывезенного за границу, показатели имущественного обогащения новых русских и т.д. Отсутствие точных сведений по наиболее важным вопросам создает ситуацию неопределенности и для научного анализа проблем, претендующего на объективность. Единственный способ остаться в рамках научного рассмотрения проблем состоит в том, чтобы принимать во внимание наиболее важные точки зрения представителей различных социальных групп, партий при оценке ситуации, рассматривая эти оценки в качестве части самой ситуации. Может быть, это предложение покажется слишком сложным и трудно реализуемым на практике. Но если его не принять, то односторонность оценок и выводов неизбежна.

Социология конфликта исходит из постулата: есть и другая точка зрения или «выслушай и другую сторону». И тогда вполне возможно если и не примирение сторон, то обогащение своей собственной точки зрения.

Приведем здесь одну из весьма характерных позиций, иллюстрирующих алармистский вариант оценки положения дел в России:

«Бывший Союз и Россия попали в полосу распада, глубочайшего экономического и политического кризиса, всеохватывающей депрессии...

За какие грехи страдает Россия? 10—15 млн. не живут, а существуют за биологической (физиологической) чертой. Недоедание, голод, дикие жилищные условия.

И опять парадоксы, идиотизм — в России больше всего праздников, академий, бирж, посреднических кооперативов, псевдоком-

мерсантов, спекулянтов, проституток, «плохих дорог и дураков», политиков. 34 тыс. преступных групп, 1,5 млн. единиц оружия на руках у населения, в 1992—1993 гг. невероятный разгул преступности. Пока в России меньше всего порядка, умных руководителей, заработок (в среднем за 1 час труда — 10—15 центов, а это в 5—10 раз меньше, чем в Польше, в 150—200 раз, чем в Японии). В 1992 г. родилось на 30% меньше детей, чем в 1987 г. Зарегистрировано 332 тыс. беженцев, из них 55 тыс. детей. До 1/5 детей младшего возраста больны хроническими заболеваниями. Практически здоровыми в школу приходят лишь 10—14% ребят. Более 3 млн. неполных семей, ежегодно без одного из родителей остается 500 тыс. детей, около 100 тыс. воспитываются в детских домах и домах ребенка. Преступность среди несовершеннолетних увеличилась за последние 2—3 года в полтора-два раза. В специальных школах-интернатах учится 259 тыс. детей с различными отклонениями...

На милицейском учете состоят 32—35 тыс. девочек-школьниц и учащихся ПТУ. Малолетняя проституция стала прибыльным и потому широко распространенным делом. В 1992 г. до 7—10 тыс. — почти в два раза больше, чем в 1985 г. — возросло число детей-наркоманов. Детское пьянство, алкоголизм, венерические заболевания приобрели характер эпидемии...

Россия на втором месте в мире (после Индии) по количеству нищих, бомжей, отверженных обществом. Почти половина населения живет за официально установленной чертой бедности или близко к ней...

В то же время почти 5% населения — сверхбогатые и богатые, сделавшие в основном крупные капиталы спекулятивным и криминальным путем, имеют все или почти все, даже по меркам развитых стран. Поляризация доходов и условий жизни, какую другие страны проходили за 10—15 лет, в России произошла за 1992—1993 гг.» (14).

Другой подход строится на опросах, регулярно проводимых среди населения Санкт-Петербурга. Данные одной из групп петербургских социологов дают следующую картину отношения к происходящим реформам: «25% населения — это люди, которые после начала реформ (после декабря 1991 г.) сумели не только сохранить, но и улучшить свое материальное положение. То есть реформы уже дали им какой-то позитивный результат. Они являются естественными сторонниками преобразований. Вернуть их в прошлое можно только насильем. Эти люди всеми способами будут реформы поддерживать. И они уже не беспомощны. У них есть какие-то связи, какие-то деньги для того, чтобы выстоять в довольно активной борьбе, которая с ними ведется.

Эти люди поняли, что надо самим позаботиться о себе и начали заботиться кто как может. Кто работает на трех работах, кто на своей, старой службе начал делать то, что ему нравится делать. А если нравится, то хорошо получается. А раз хорошо получается, глядишь — к нему очередь с денежкой...

Еще примерно четверть жителей Петербурга сумели сохранить уровень своего дореформенного благосостояния... Таким образом, если сложить эти «четверти», окажется примерно половина и даже чуть больше петербуржцев от преобразований в стране что-то получили и их не надо агитировать за экономические реформы. «Идеологическое» обеспечение реформы — это просто прилавки магазинов, а не измышления журналистов, абсолютно неадекватно пишущих о ситуации в стране.

Но есть другая половина. Примерно 20% — ощутившие после начала реформ некоторое понижение уровня своего благополучия и около 30% — люди, которым реформа принесла сплошные огорчения. Прежде всего это одинокие пенсионеры. Безответные старики и старушки с минимальной пенсией, которой с трудом хватает на хлеб. А дают им столь жалкие гроши потому, что сплошь и рядом гораздо лучше защищенные пенсионеры — ветераны войны, в частности — получают по сто тысяч...

Таким образом, мы имеем треть горожан, материальное положение которых с началом реформ резко ухудшилось, людей в основном пожилых, а следовательно, воспитанных на коммунистических идеалах и хранящих верность им. Разумеется, эти люди реформами недовольны».

Автор этой публикации признает, что «в январе 1992 г. после освобождения цен 90% населения Петербурга испытало не просто резкое ухудшение своего материального положения, а ухудшение качества питания. То есть первый этап реформ был настоящим шоком — речь шла об элементарном физическом выживании. Страна ощутила угрозу повторения тридцать первого года. Призрак голода надвигался на Ленинград. Это был настоящий ужас.

Сегодня от этих 90% осталась треть и даже чуть меньше, ибо голод не грозит даже одиноким старушкам» (15).

«Ход реформ зависит от отношения людей к миру и самим себе, — заключает автор. — Надо перестать надеяться на кого-то, в том числе и на реформаторов. Начать рассчитывать только на себя. Надо научиться делать то, что тебе нравится. И делать так, чтобы это было нужно другим» (15).

Мы привели эти две оценки в качестве иллюстрации идеологического конфликта, который пронизывает общественную жизнь

в целом. Дело не в том, чтобы разобраться, какая из оценок наиболее правильна. Это покажет ближайшее будущее. Вопрос заключается в том, что стояние на перспутье, на развилке дорог заключается в себе на самом деле и катастрофическую возможность, и возможность постепенного выхода из кризиса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 378–379.
2. Там же, с. 379.
3. Гоббс Т. Избр. соч. Т. 2. М., 1991. С. 93.
4. Там же, с. 94.
5. Там же.
6. См.: Аристотель. Указ. соч. С. 421.
7. Там же, с. 530.
8. Там же, с. 250.
9. Там же, с. 254.
10. Там же, с. 428.
11. Oberschall A. Social Conflict and Social Movements. NY: Prentice-Hall, 1973. P. 35–36.
12. Более подробный анализ отношения конфликта в развитых странах см.: Хондрих К.-О., Каплюу Т. Тенденции возникновения и урегулирования конфликтов: сравнительный анализ ситуации в США, Франции и Германии//Проблема конфликта в западной социологии. Профессиональная социологическая ассоциация и Волго-Вятский кадровый центр Отв. ред. А.Г. Здравомыслов. Нижний Новгород, 1994.
13. Приведем здесь некоторые экспертные оценки относительно роли ВПК в экономике Советского Союза. «На военные нужды в 1970–1989 гг. в СССР было израсходовано 700 млрд. руб. сверх того, что было необходимо для обеспечения военно-стратегического паритета между СССР и США и другими странами Запада. В 1990 г. — в завершающем году перестройки — СССР произвел больше, чем США, обычных вооружений (танков, бронемашин, орудий) в шесть раз, ракетно-ядерных — в два раза. Вопреки расхожему мнению, на это и пошли российские нефтедоллары. Их вовсе не проели, к сожалению. В результате гонки вооружений уже с 70-х годов в стране стало невозможно даже простое воспроизводство. Не возмещавший износ оборудования, жилого фонда, инфраструктуры, был почти полностью израсходован золотой запас страны. Даже и сейчас — в 1994 г., утверждает эксперт, пятая часть всех работающих прямо или косвенно занята в оборонной сфере, 6% мужского населения находятся в армии и других силовых структурах. Затраты на военные нужды, по данным Центра изучения безопасности ИМЭМО, составляют порядка 20% валового внутреннего продукта (в США он не превышает 6%). А это вдвое превышает бюджетный дефицит». — Белкин В.Д. Выживание и переход к устойчивому развитию — долговременная стратегия России//Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. Международный симпозиум 15–18 декабря 1994 г./Общ. ред. Т.Я. Заславской. М., 1995. С. 10–11.
14. Орлов А. Пора одуматься//Пезависная газета. 1993. 14 дек.
15. Кесельман Л. Страна брошена? Да. В нормальную жизнь//Известия. 1993. 11 дек.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Что такое сотрудничество и что такое конфликт? Дайте определения.
2. В чем состоит основное различие в понимании проблемы взаимоотношения общества и человека между Аристотелем и Гоббсом? Приведите соответствующие высказывания из их произведений.
3. Как эти мыслители понимали роль государства?
4. Сформулируйте исходные положения социологии Маркса по поводу социального конфликта. В каких работах и когда были изложены эти взгляды?
5. Чем отличается Европа XIX в. от Европы второй половины XX в. с точки зрения социологии конфликта?
6. Что дает опыт США для понимания характера социальных конфликтов и методов их разрешения?
7. Кто такой Элтон Мэйо? В чем заключаются основные положения теории «человеческих отношений»? Какова практическая сторона применения этой теории?
8. Охарактеризуйте наиболее типичные конфликты российской истории. Какие конфликты доминировали в России на протяжении XIX столетия? Какое отношение эти конфликты имели к революции 1917 г.?
9. Охарактеризуйте основные варианты российского мировоззрения в начале XX в.
10. Каковы основные положения толстовства и российского марксизма. В чем их расхождения и есть ли между ними что-либо общее?
11. В чем заключался политический смысл понятия «классового врага» и теории обострения классовой борьбы после революции?
12. Охарактеризуйте три главных компонента кризиса советского общества в 70–80-е годы.
13. Сформулируйте основной постулат социологии конфликта. Приведите примеры, иллюстрирующие этот постулат.

Глава 2

ПРОБЛЕМА КОНФЛИКТА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В современной литературе по истории социологии сложившиеся социологические направления подразделяются на две большие группы в зависимости от того, какое место в теоретических построениях занимает проблема социального конфликта. Такое разделение мы находим прежде всего у весьма авторитетного ис-

торика социологии Джеффри Александера. Теории Маркса, Вебера, Парето, а из ныне живущих — Дарендорфа с этой точки зрения рассматриваются как те, в которых проблематика конфликта занимает доминирующее место при объяснении социальных процессов и изменений. Дюркгейм, Парсонс, Смелсер преимущественное внимание в своих теоретических построениях уделяют проблеме стабильности и устойчивости. Их теории ориентированы не столько на изучение конфликта, сколько на обоснование консенсуса.

Это деление направлений социологических теорий можно признать верным лишь с определенной долей условности. Главным образом оно основывается на противопоставлении функционализма и социологии конфликта, сформулированном Ральфом Дарендорфом.

Дарендорф формулирует *две системы постулатов* и сопоставляет их между собой.

Талкотт Парсонс

1. Каждое общество — относительно устойчивая и стабильная структура.

2. Каждое общество — хорошо интегрированная структура.

3. Каждый элемент общества имеет определенную функцию, т. е. вкладывает нечто в поддержание устойчивости системы.

4. Функционирование социальной структуры основывается на ценностном консенсусе членов общества, обеспечивающем стабильность и интеграцию.

Ральф Дарендорф

1. Каждое общество изменяется в каждой своей точке, социальные изменения — вездесущи.

2. Каждое общество в каждой своей точке пронизано рассогласованием и конфликтом, социальный конфликт — вездесущ.

3. Каждый элемент в обществе вносит свой вклад в его дезинтеграцию и изменение.

4. Каждое общество основано на том, что одни члены общества принуждают к подчинению других.

Справедливости ради следует отметить, что Дарендорф не утверждает, что одна из обозначенных им позиций является более верной или истинной в сравнении с другой. Строго говоря, — считает он, — обе предложенные модели «валидны», полезны и необходимы для социологического анализа. Они различаются тем, что первая делает акцент на сотрудничестве, а вторая — на конфликте и изменении. Но оба компонента взаимодействия —

сотрудничество и конфликт — постоянно присутствуют в общественной жизни в тех или иных сочетаниях (1).

Более внимательный подход к теоретическим работам ведущих социологов позволяет, однако, утверждать, что представители социологии конфликта анализировали вопросы консенсуса и стабильности, равно как и теоретики «консенсуального» направления отнюдь не игнорировали проблематики, связанной с социальной напряженностью, конфликтами, причинами социальных взрывов и возмущений. Более того, взгляды ведущих представителей социологии не оставались неизменными. В разные периоды своего творчества они уделяли разное внимание соответствующим аспектам социологической проблематики. Во всяком случае можно сказать, что сама по себе дихотомия: «конфликт — консенсус» или «напряженность — стабильность» сохраняется как важнейшая проблема всех более или менее значительных теоретических построений социологии XIX–XX вв. Без уяснения взглядов соответствующего теоретика по этому вопросу вряд ли можно себе представить его взгляды с достаточной полнотой. Тем более, что то или иное решение этой проблемы тесно связано с пониманием причин и форм социальных изменений.

В данной главе мы проанализируем взгляды по этому вопросу М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Н. Смелсера, Р. Дарендорфа. Мы отобрали их потому, что эти авторы внесли наиболее существенный вклад в развитие социологической теории вообще и социологии конфликта или социальной напряженности в частности.

1. ПРОБЛЕМАТИКА КОНФЛИКТА В СОЦИОЛОГИИ МАКСА ВЕБЕРА

Проблема конфликта пронизывает все три главных направления творчества выдающегося немецкого социолога: социологию политики, социологию религии и социологию экономической жизни. Наиболее очевидна проблематика конфликта, разумеется, в социологии политики, прежде всего в связи с анализом трех идеально-типических форм господства — подчинения или форм осуществления власти: традиционной, харизматической и рациональной. При анализе властных отношений для Вебера преимущественное значение имеют не столько акции насилия, сколько механизмы согласия с властными полномочиями. А это значит, что страх за жизнь и имущество не являются, по его мнению, единственным основанием принятия власти: в разных реальных политических структурах и разных исторических преобразованиях про-

являются различные констелляции материальных и идейных интересов, побуждающих индивидов к согласию с властями или, наоборот, к протесту против них. Ход цивилизации вырабатывает все более сложные формы политической мотивации, хотя он и не делает людей более свободными от давления общественных структур и политических институтов.

Для современного общества, по Веберу, наиболее адекватны рациональная система права, согласие с властью, основанное на законе, наличие конституционных основ правопорядка и развитого гражданского самосознания, что не исключает глубокого политического конфликта между классами и статусными группами, составляющими данное общество.

Особую роль в современном политическом конфликте играет бюрократия, превращающаяся в слой с особыми интересами и имеющая возможность проводить свою волю через систему государственных учреждений. Вебер не высказывал морального негодования по поводу бюрократического произвола. В полемике со сторонниками социалистических преобразований и революционного обновления мира он лишь утверждал, что «диктатура пролетариата несомненно переродится в диктатуру бюрократии». Формулируя идеально-типические черты бюрократии: законопослушность, беспристрастное отношение к тем, кто обращается в учреждение, рационализм и т.д., Вебер прекрасно понимал, что эти качества чиновника могут формулироваться в качестве общих принципов и требований, но они не являются реальными свойствами лиц, занимающих соответствующие должности. Конфликт между нормативными предписаниями и реальной психологией был для него частью социальной реальности, степень и формы этого конфликта подлежали эмпирическому исследованию.

Не меньшую роль проблематика конфликта играла и в веберовской социологии религии. Здесь конфликт касался не вопросов распределения и перераспределения властных полномочий, а прежде всего мировоззренческо-ценностных установок, закреплявшихся в соответствующих типах религиозного мировоззрения. В исследованиях религиозных систем древних Китая, Индии, Израиля Вебер преимущественное внимание обращает на проблему соотношения религиозных верований и статусных и властных привилегий (положительного и отрицательного характера) групп, составляющих общество. Кроме того, он анализировал деятельность лидеров соответствующих религиозных движений, которые сформулировали идейное ядро соответствующих мировых религий. Влияние этого ядра — степень его принятия и поддержки — не может быть выведено из условий способа производства. Это влияние

можно объяснить взаимодействием двух обстоятельств: во-первых, оно есть результат реакции на материальные и идеальные интересы вполне определенных социальных групп, а во-вторых, это результат творческого воздействия религиозного вдохновения и харизматической личности, которые действуют как «независимые переменные».

С точки зрения Вебера, мировоззренческие установки мировых религий созданы вполне определенными социальными группами, занимавшими четко обозначенное социальное положение и обладавшие соответствующим статусом в обществе. Это — конфуцианские ученые, индусские брахманы, еврейские левиты и пророки, христианские святые. Каждая из этих групп имела свой «стиль жизни» и утверждала определенную совокупность религиозных убеждений. Особое внимание Вебера привлекал вопрос о том, каким образом взгляды нескольких человек, одаренных харизматическим вдохновением, превращались вначале в «стиль жизни» некоторой статусной группы, а затем, в конце концов, в доминирующую ориентацию всей цивилизации. Именно отсюда и происходили основные вопросы, которые он изучал при сравнении соответствующих цивилизаций в тот момент их становления, когда возникали соответствующие религиозные убеждения.

Теоретические позиции Вебера при этом имеют явно выраженную конфликтную направленность. Выдающийся исследователь творчества Вебера Р. Бендикс утверждает, что исходная позиция Вебера состоит в том, что всякое общество можно понять как состоящее из позитивно и негативно привилегированных статусных групп, которые озабочены прежде всего тем, чтобы сохранить в неизменности или упрочить влияние ныне сложившегося «стиля жизни» путем установления социальной дистанции и исключительности, с одной стороны, и монополизации экономических возможностей — с другой. Чтобы разобраться в стабильности и динамике какого-либо общества, мы должны попытаться понять усилия этих групп в их соотношении с идеями и ценностями, распространенными в обществе. Мы можем выбрать и другой путь исследования: найти для каждой данной идеи или ценности те статусные группы, материальный и идеальный образ жизни которых упрочивается благодаря этим ценностям и идеям.

Таким образом, Вебер подходит к изучению религиозных идей с точки зрения их отношения к коллективным действиям и прежде всего с точки зрения изучения тех социальных процессов, благодаря которым прозрение и вдохновение нескольких становится убеждением множества людей. Он полагает, что каждая социальная группа характеризуется склонностью к идеям определенного

направления, соответствующим их образу жизни: крестьяне склонны к поклонению природе и магии, христианское благочестие представляет собою типичный феномен городской буржуазной культуры, военная аристократия, как и другие политически доминирующие группы, обладает специфическим чувством чести, которое несовместимо с идеализацией смирения и т.д.

Обе линии исследовательской деятельности имеют в своем основании общее допущение, состоящее в том, что общество является совокупностью статусных групп, идеи и интересы которых в какой-то части расходятся, а в какой-то части совпадают. При этом расхождение идей и интересов является реакцией на расхождение статусных ситуаций, а переkreщивание или совпадение их идей и интересов может быть объяснено при изучении прошлых конфликтов и способов их разрешения, которые воплотились в сложившихся формах господства и согласия.

Понимание общества как некоторого баланса противостоящих сил дает ключ к пониманию того, почему Вебер отказывается от попыток рассматривать социальные структуры в качестве чего-то целого. Социология, с его точки зрения, это изучение сознательного (*understandable*) поведения индивидов в обществе, а такие коллективные образования, как государство, нация, семья, не «действуют», не «поддерживают себя» и не «функционируют». Между индивидами существует важная связь, которая может способствовать стабилизации общества. Действие каждого человека ориентировано на действия других, и люди придают специфическую ценность тем коллективным образованиям, в которых они участвуют. Но это не значит, что эти коллективности существуют в виде некоторых целостностей высшего порядка.

С точки зрения Вебера, общество — это арена действия борющихся между собою статусных групп, каждая из которых имеет свои собственные экономические интересы, амбиции, понимание мира и других людей. Он использует этот подход при анализе земельной аристократии, поднимающейся буржуазии, бюрократии и рабочего класса в имперской Германии. Тот же подход используется и в сравнительных исследованиях религии. Успех каждой из мировых религий явился результатом длительной борьбы. Каждая из лидирующих статусных групп встречала сопротивление одной или нескольких групп, которые преследовали свои материальные и идеальные интересы во имя сохранения и утверждения исключительности и привилегированности их собственного «стиля жизни». Конфуцианские ученые должны были бороться с магией, мистикой таоизма и с буддистскими монахами; брахманы-хиндуисты с притязаниями кшатриев, с буддизмом и джайнизмом, равно как

и с различными неортодоксальными направлениями внутри брахманизма; иудейские пророки вели борьбу с огромным числом царских пророков, оракулов и с различными группами левитов.

Внимание к постоянной борьбе между различными социальными группами было сердцевинной веберовского мировоззрения. Он полностью отдавал себе отчет в том, что определенные конфликты, в основе которых лежит противостояние конечных ценностей, не могут быть устранены никакой аргументацией или разъяснением позиций. Его исследования в области социологии религии эмпирически подтверждают эту точку зрения. Конфуцианство, брахманизм и иудейская религия — совершенно несовместимы друг с другом в мировоззренческом смысле. Человек не может последовательно отстаивать сразу две из этих систем верования и действия.

Но, с другой стороны, это отнюдь не означает, что общество характеризуется постоянной нестабильностью. В своих исследованиях Китая и Индии Вебер показал, что статусные группы в лице конфуцианских ученых или брахманов становятся «носителями культуры». Это означает, что их образ жизни содействует стабильности общества. Как бы ни были условны соответствующие взгляды, но если они получают поддержку со стороны господствующей в обществе группы, то они принимаются как само собою разумеющаяся позиция, которая санкционирует одобрение и неодобрение тех или иных действий и высказываний. В исследовании древнего иудаизма Вебер раскрывает роль религиозного инноваторства. Именно здесь он выясняет, каким образом вдохновение отдельных людей становится доминирующей ориентацией раввинов после исхода, еврейского народа в целом и при некотором изменении формы основанием Западной цивилизации.

2. КОНФЛИКТ И ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ

Если для Вебера в центре внимания находится конфликт материальных и идеальных интересов различных статусных групп, характеризующихся собственными экономическими интересами, амбициями и определенной системой жизненных ориентаций, то для Дюркгейма в большей мере свойствен иной подход, связанный с проблемой взаимоотношений общества и личности. Для Вебера проблема существования общества в качестве субъекта действия остается открытой. Действует на самом деле индивид, положение которого связано с определенным социальным статусом. Связь между индивидами опосредована системой значений,

на основании которой каждое действующее лицо оценивает возможную реакцию на свои действия со стороны других.

Дюркгейм исходит из прямо противоположной посылки. Для него общество есть «реальность *suī generis*». Оно, несомненно, стоит над человеком, каждый индивид, появляющийся на свет, застает общество и его институты в готовом виде. Более того, поколения людей сменяют друг друга, а система общественных институтов — родственные связи, семья, культы и обряды, государство с его установлениями, нравственные требования — остается неизменной. Вся совокупность общественных связей и институтов, считает Дюркгейм, скрепляется коллективным сознанием, которое и есть лишь другое название для общества. Коллективное сознание существует независимо от индивидуального, более того, оно не может быть сведено и к сумме индивидуальных сознаний и представлений. Общество, по Дюркгейму, имеет более фундаментальную основу своего существования, нежели индивид. Индивид черпает свои представления об окружающем мире благодаря тому, что общество создает средства восприятия этого мира: основные понятия, формирующие сознание человека, закреплены в речи, в языке и сами они представляют собою определенную проекцию общественных отношений в индивидуальном сознании.

В сознании каждого индивида существует как бы два сознания: «одно, общее нам со всей нашей группой, которое представляет собой не нас самих, а общество, живущее и действующее в нас; другое, наоборот, представляет собой то, что в нас есть личного и отличного, что делает из нас индивида» (2). В этой двойственности индивидуального сознания заключаются решающие предпосылки личностного конфликта, который постоянно находится в поле зрения Дюркгейма.

Важнейшей категорией социологии Дюркгейма является понятие солидарности. Это то, что соединяет индивидов, превращает их в некоторую целостность. Дюркгейм выделяет два вида солидарности — механическую и органическую. Первая имеет в своей основе одинаковость отношения индивидов к обществу. Здесь отношения между коллективным и индивидуальным сознанием подобны отношению человека к вещи, которой он обладает. «Индивидуальное сознание, рассматриваемое с этой точки зрения, полностью подчинено коллективному типу... В обществе, где эта солидарность очень развита, индивид не принадлежит себе; это буквально вещь, которой распоряжается общество. Поэтому в таких социальных типах личные права еще не отличимы от вещных» (3).

Органическая солидарность, напротив, основана на глубоко эшелонированном разделении труда. Она предполагает не оди-

наковость индивидов, а их различия. Единство организма тем больше, чем отчетливее дифференциация частей.

Особое место в социологии Дюркгейма занимает проблема нравственности, которую он в определенной мере противопоставляет отношениям, основанным на интересе. Если интерес и сближает людей, то лишь на несколько мгновений, — считает Дюркгейм. Интерес создаст между людьми лишь внешнюю связь. При обмене различные стороны остаются вне друг друга и, совершив сделку, каждый оказывается снова один. Сознания индивидов в этом случае приходят только в поверхностное соприкосновение. «Если посмотреть глубже, — пишет Дюркгейм, — то окажется, что во всякой гармонии интересов таится скрытый и только отложенный на время конфликт. Ибо там, где господствует только интерес, ничто не сдерживает сталкивающиеся эгоизмы, каждое «я» находится относительно другого «я» на военном положении, и всякое перемирие в этом вечном антагонизме не может быть долговечным» (4).

Действительная природа органической солидарности, по мнению Дюркгейма, связана, с одной стороны, с развитой системой права, а с другой, с нравственным самосознанием. При этом нравственность рассматривается Дюркгеймом в качестве конкретной совокупности норм, воздействующих на реальное поведение индивидов через понимание ими своих прав и обязанностей. «Каждый народ вырабатывает свою систему нравственности, определяемую условиями, в которых он живет. Поэтому невозможно навязывать ему другую нравственность, — как бы высока она ни была, — не дезорганизуя его; а такие потрясения не могут не ощущаться болезненным образом отдельными людьми». В то же время в нравственных требованиях, как и во всякого рода иной деятельности, важно соблюдать меру. «Нравственность, — подчеркивает Дюркгейм, — не может повелевать сверх меры промышленными, торговыми и тому подобными функциями, не парализуя их, а они, между тем, имеют жизненное значение. Так, считать богатство безнравственным — не менее гибельная ошибка, чем видеть в нем благо по преимуществу» (5).

Фундаментальные понятия социологии Дюркгейма — нормальное и патологическое состояние общественных отношений. Они не отождествляются с нравственными оценками: нормальное не есть хорошее, а патологическое не совпадает с плохим. Для каждого типа социальных отношений имеется своя социально допустимая норма патологии или отклонения. Так, преступления, самоубийства, психические заболевания или несчастные случаи — пожары, дорожные происшествия — все это явления нежелательные. Но общество пока еще не нашло средств от них избавиться. Они

повторяются с определенной частотой и периодичностью. Если собрать статистические данные, касающиеся этих фактов, то окажется, что они обладают определенной устойчивостью. Для каждого общества существуют свои нормы социальной патологии — преступлений, самоубийств, которые фиксируются социальной статистикой. Метод Дюркгейма состоит в том, чтобы накапливать социальные факты и анализировать их в качестве своего рода естественнонаучных данных.

Особое внимание Дюркгейма привлекает феномен самоубийства. В рамках его теории статистика самоубийств должна выявить степень нравственной солидарности членов общества. В своей книге, посвященной этой проблеме, он впервые проводит сравнительное исследование статистики самоубийств на протяжении XIX в. в европейских странах. Дюркгейм подразделяет самоубийства на три группы: эгоистические, альтруистические и основанные на аномии, т.е. на потере главных ценностных ориентиров в жизни, разрушении смысла существования в результате личностного кризиса. Как правило, констатирует Дюркгейм, аномические самоубийства совершаются в условиях нравственного кризиса, разрушающего коллективное сознание в обществе. Далеко не все социальные потрясения, как показывает Дюркгейм, порождают нравственный кризис в обществе. Война, например, ведет к усилению патриотических чувств, к усилению солидарности и внутренней сплоченности общества. Эти периоды характеризуются резким уменьшением самоубийств и даже психических заболеваний.

Весьма интересны в этой связи рассуждения Дюркгейма о характере кризиса нравов, которое переживало европейское общество в начале XX в. Истоки и природу этого болезненного состояния Дюркгейм видит в том, что «за небольшой промежуток времени в структуре наших обществ произошли глубокие изменения: они освободились от сегментарного типа со скоростью и в масштабах, подобных которым нельзя найти в истории. Поэтому нравственность, соответствующая этому типу, испытала регресс, но другая не развилась достаточно быстро, чтобы заполнить пустоту, оставленную прежней нравственностью в нашем сознании. Наша вера поколеблена; традиции потеряли власть; индивидуальное суждение освободилось от коллективного. Но, с другой стороны, у функций, разъединившихся в ходе переворота, еще не было времени для взаимного приспособления, новая жизнь, как бы сразу вырвавшаяся наружу, еще не смогла полностью организовать... Если это так, то лекарство от зла состоит не в том, чтобы стараться во что бы то ни стало воскресить традиции и обычаи, которые, не отвечая более теперешним социальным условиям, смогут жить лишь искусствен-

ной и кажущейся жизнью. Что необходимо — так это прекратить аномию, найти средства заставить гармонически сотрудничать органы, которые еще сталкиваются в беспорядочных движениях, внести в их отношения больше справедливости, все более ослабляя источник зла — разного рода внешнее неравенство.

Первейший долг в настоящее время — создать себе нравственность. Такое дело невозможно осуществить посредством импровизации в тиши кабинета; оно может возникнуть только самопроизвольно, постепенно, под давлением внутренних причин, благодаря которым оно становится необходимым. Рефлексия же может и должна послужить тому, чтобы наметить цель, которой надо достигнуть» (6).

Существенный компонент новой нравственности — как ее понимает Дюркгейм, — заключается в регулировании конфликтов. Народы, пишет он за полтора десятилетия до начала первой мировой войны, вызывают к состоянию, когда отношения между обществами будут регулироваться мирно. Но эти естественные человеческие устремления могут быть удовлетворены лишь тогда, когда все люди образуют единое общество, подчиненное одним законам. «Точно так, как частные конфликты могут сдерживаться только регулирующим действием общества, заключающего в себе индивидов, так и интерсоциальные конфликты могут сдерживаться только регулирующим действием одного общества, заключающего в себе все другие. Единственная сила, способная умерять индивидуальный эгоизм, — это сила группы; единственная сила, способная умерять эгоизм групп, — это сила другой, охватывающей их группы» (7).

Можно сказать, что социологическая теория Дюркгейма создала рационалистическую теорию разрешения макроконфликтов. Поколениям политиков, жившим после него, нужно было сделать немного: усвоить его теорию и следовать ей на практике. Но иррациональные стремления оказались сильнее и через некоторое время слова его стали гласом вопиющего в пустыне...

3. СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ В ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ ТАЛКОТТА ПАРСОНСА

В трактовке социального конфликта Талкотт Парсонс гораздо ближе к Дюркгейму, чем к Веберу и тем более к Марксу. Пафос его первой значительной работы «Структура социального действия» (1937) состоит в критике утилитаризма в объяснении поведения человека и в обосновании нормативного компонента в структуре социального действия. Схема действия, основанная на рациональ-

ном понимании субъектом своих собственных интересов, представляется Парсонсу недостаточной. В состав исходных элементов социального действия — цели, средства и условия действия — он вводит и понятие нормы, которая проистекает из веберовского понимания действия. Если субъект действия учитывает в своих намерениях и целях реакцию других, то само это учитывание становится своего рода нормативным требованием к формулировке целей. Причем этот компонент оказывается, с точки зрения парсонсианства, не менее важным, чем наличие материальных ресурсов социального действия. Введение этой составляющей в состав социального действия является для Парсонса основанием того, что он свою теорию называет волюнтаристической или идеалистической. В отличие от своих оппонентов или предшественников, он не сводит основания социального действия ни к утилитаристской позиции поиска эгоистических интересов, ни к чисто рациональной схеме поиска адекватных средств для достижения целей.

Из этой посылки проистекают весьма важные следствия. Парсонс отчетливо понимает, что нормативный элемент не может не встречать сопротивления при реализации социального действия. Следовательно, этот элемент есть один из важнейших источников социальной напряженности и потенциального конфликта. Более основательно эта мысль будет развита Парсонсом при рассмотрении взаимоотношений между социальной системой, с одной стороны, и системой культуры. Вычленение культуры в целом, а не только ее нормативной составляющей — одна из кардинальных идей парсонсианства.

Другой важный источник социальной напряженности, понимание которого заложено в теоретической конструкции Парсонса, связан с проблемой соотношения двух главных линий в регулировании социального действия. Как известно, социальное действие, по Парсонсу, разворачивается на четырех уровнях: организм, личность, социальная система, культура. Каждый из предшествующих уровней представляет собою предпосылку для реализации последующего: наличие определенной телесной организации человеческого существа есть предпосылка и условие существования и функционирования личности; формирование личности, в свою очередь, — предпосылка существования социальной системы; наконец, наличие социальной системы есть предпосылка существования культуры. Такова первая линия детерминации социального действия, раскрывающаяся через совокупность предпосылок. Здесь линия детерминации идет от более простых компонентов социального действия к более сложным. Но соотношение уровней социального действия этим не ограничивается. По мне-

нию Парсонса, другая линия детерминации имеет не менее важное значение. Это линия связана с концепцией иерархического контроля: каждый последующий уровень действия оказывает на предшествующий обратное регулирующее воздействие. Это происходит прежде всего в силу того обстоятельства, что на каждом новом уровне иерархии социального действия накапливается более мощный информационный потенциал. Наряду с прямой связью существует в структуре социального действия обратная связь. Личность не есть просто следствие собственных биологических предпосылок: она воздействует на эти предпосылки благодаря ценностным ориентациям личности, составляющим ее мотивационное ядро. Наиболее существенные свойства личности, ее внутренний мир определяют, какие и в какой степени из биологических нужд и потребностей будут действовать в данной ситуации.

Социальная система также оказывает регулирующее, контрольное воздействие на личностные амбиции, на систему мотивов индивидуального поведения. Эти регулирующие свойства социальной системы проявляются самым многообразным способом, но главным образом через механизмы социализации. Наконец, культура, отделившись от социальной системы, оказывает на нее огромное воздействие.

Две обозначенных линии внутри социального действия действуют в противоположном направлении. Они отнюдь не всегда взаимно и гармонически дополняют друг друга. В их взаимодействии, в реальном историческом процессе образуются разрывы, несовпадения, которые могут объяснить множество частных фактов и обстоятельств, связанных с социальной напряженностью, конфликтами, социальными взрывами и переворотами, попятными движениями и т.д. Благоприятным моментом социальной эволюции является взаимное дополнение обеих линий детерминации социальных и культурных процессов, но это происходит скорее как исключение, нежели как правило.

Важнейшей составляющей теоретической конструкции выдающегося американского социолога является выявление напряженности на всех уровнях социального действия, рассматриваемых самостоятельно.

При анализе организма как исходного компонента социального действия особое значение в теории Парсонса имеет разграничение внутренних физиологических потребностей, принимающих форму психологических побуждений, и потребностей в социальных отношениях, которые сопровождают человека с первого момента его появления на свет и оказывают существенное, подчас и преобразующее, воздействие на первый круг потребностей. Для

Парсонса и всего его направления тезис о социальной природе человека не подлежит сомнению. Особое значение в его теоретической конструкции имеет анализ процесса социализации, в ходе которого человек оказывается приобщенным не только к способам функционирования социальной системы, но и к нормам и ценностям соответствующей культуры. Разумеется, что между обозначенными выше двумя видами потребностей организма складывается определенная напряженность, которая при неадекватных способах социализации может перерасти в открытый конфликт.

Следующий уровень развертывания социального действия связан с личностью. В этой связи Парсонс выделяет пять основных коллизий, характеризующих проблемы личностного выбора. Он характеризует их в качестве определенных стандартов (*pattern-variables*), которые организуют мотивацию социального поведения на уровне личности. По сути дела через эти стандарты характеризуются наиболее существенные и типические внутриличностные конфликты, которые так или иначе перерабатываются индивидом при осуществлении любых социально значимых поступков.

Первая дилемма заключается в возможности выбора между аффективностью и аффективной нейтральностью. Речь идет о том, что личность может быть включена эмоционально в совершаемое действие, переживая каждый его эпизод и малейшее изменение ситуации, или оставаться эмоционально нейтральной, невовлеченной в ход развития событий. Этот выбор не может быть продиктован внешними обстоятельствами. Он осуществляется не на основе рациональных соображений, хотя они и могут оказывать косвенное воздействие на степень вовлеченности в дело. Выбор определяется внутренней мотивацией и ценностными ориентациями личности как таковой.

Вторая дилемма связана с тем, что действие может быть ориентировано на сугубо личные или частные интересы индивидуума или же на те или иные формы коллективных интересов и коллективной заинтересованности. Это дилемма частного и общего интереса, которая решается также на основе внутренней работы и исходных ценностных ориентаций личности.

Третья дилемма партикуляризма — универсализма. Универсальные критерии при выборе варианта действия связаны с преобладанием когнитивных установок, с выявлением не просто коллективных интересов (которые могут носить весьма локальный или ограниченный характер), а с выявлением универсального смысла предпринимаемого действия в масштабах культуры. Партикулярная вовлеченность в действие предполагает концентрацию внимания на особенностях совершаемого действия и его результатов.

Четвертая дилемма достижения — предписания. В случае ориентации на достижение первостепенное значение имеет результат деятельности, и, следовательно, его оценка с точки зрения рационального соотношения целей и средств достижения результата. В случае ориентации на предписание первостепенное значение имеет выполнение заданных правил действия: ритуала, порядка его совершения, стабильности отношений, в рамках которых совершается действие.

Наконец, пятая дилемма специфичности — диффузности. При выборе в пользу специфичности особое значение приобретает вопрос о конкретном способе удовлетворения потребности, о специфически избираемом объекте социального действия. При выборе в пользу диффузности имеются более широкие возможности удовлетворения потребности с помощью вариации объектов действия. Так, в одном случае человек голоден, но он может удовлетворить свой голод в рамках изысканных предметов гастрономии и кулинарии, в другом — гастрономический изыск не имеет значения. Главное, чтобы была хоть какая-нибудь пища.

Еще раз следует подчеркнуть, что выделенные Парсонсом дилеммы являются основаниями внутриличностных конфликтов, которые разрешаются на основе ценностных ориентаций личности. При определенных условиях они могут превращаться в зоны социальной напряженности и в социальные конфликты, разрешение которых осуществляется уже на ином — более высоком уровне.

Следующий уровень анализа социального действия связан у Парсонса с понятием социальной системы как коллективности определенного типа, характеризующейся специфическим распределением социальных ролей, с одной стороны, и нормативно-ценностными установками, возникающими в рамках культуры, с другой стороны. Главным понятием на этом уровне в парсонсианской концепции выступает понятие целостности, которая обеспечивается благодаря функционированию определенной системы равновесия. Но само это равновесие и целостность системы не достигаются автоматическим образом, они есть результат сложного взаимодействия всех компонентов социальной системы, которая неизбежно проходит через определенные точки социальной напряженности. Социальная система, по Парсонсу, характеризуется четырьмя функциональными требованиями: воспроизводства сложившихся форм (*pattern-maintenance*), интеграции составляющих ее подсистем, достижения цели и адаптации. Порядок изложения функциональных требований социальной системы может быть иным. В данном случае он подчинен идее определенного цикла в изменениях социальной системы: от устойчивости за счет регу-

лирования скрытых напряжений в социальной системе (это связано с первой функцией) до изменений, связанных с реализацией определенной цели и адаптации к новым условиям.

Проблема социальных изменений остается постоянно в поле зрения парсонсианской концепции. Она рассматривается в двух основных вариантах, по меньшей мере. Во-первых, постоянно происходят внутрисистемные изменения, ибо само равновесие социальной системы не есть неподвижность. Это — постоянно изменяющееся равновесие, которое характеризуется Парсонсом по аналогии с биологическим гомеостазом. В рамках системы существует постоянное нарушение баланса связей и их воспроизводство. Во-вторых, происходят изменения самой системы в целом под влиянием как внутренних — экзогенных, так и внешних — эндогенных факторов или точнее стимулов, которые могут иметь самое разное происхождение и силу воздействия.

Парсонс специально выделяет категорию напряжения как наиболее важную для понимания внутренних изменений. В общем плане напряжение есть некоторая тенденция или прессинг, обуславливающий возникновение дисбаланса в отношениях между структурными элементами социальной системы. В случае большого напряжения контрольные механизмы социальной системы могут не справиться с задачей поддержания сложившегося баланса отношений, что приводит к разрушению структуры. «Напряжение есть тенденция к нарушению равновесия в балансе обмена между двумя или более компонентами системы» (8).

Важно отметить, что структурные изменения социальных систем не осуществляются, по Парсонсу, некоторым безличным образом. Сама социальная система есть точка перекрещивания культурных нормативов и ценностных ориентаций и индивидуальной мотивации. Поэтому потрясения системы органически сплавляются с потрясениями в сфере индивидуальной мотивации (9).

Чтобы понять механизм разрушения социальной структуры, Парсонс разъясняет более конкретно механизмы ее функционирования. Это функционирование связано, с одной стороны, с механизмами распределения, действующими с помощью таких средств, как деньги и власть; они определяют баланс между преимуществами и потерями, выигрышем и проигрышем действующих социальных субъектов. С другой стороны, действуют механизмы интеграционной коммуникации, которые влияют прежде всего на мотивацию этих субъектов, влияя на определение их желаний и средств осуществления этих желаний.

Возникающее напряжение — а источником его может стать практически все, что угодно — либо преодолевает раздвигатель-

ную черту, обеспечивающую сохранение данной системы, либо не преодолевает благодаря действию механизмов социального контроля и саморегулирования системы. Однако если напряжение выходит на этот уровень, оно, как подчеркивает Парсонс, всегда будет связано с более или менее сильными компонентами иррационального поведения. Это очень важная характеристика кризисных отношений.

«Напряжение на уровне структурных компонентов системы, — пишет Парсонс, — проявляется в некоторой совокупности признаков, симптомах возмущения (*disturbance*), демонстрирующих психологические приметы иррациональности. Эти признаки и приметы распределяются вдоль основных осей надежды и страха, оптимизма и возбуждения (*anxiety*), демонстрируя нереалистические тенденции в том и другом отношении... Обязательно в таких ситуациях будут возникать фантазии и утопические идеалы будущего состояния общества, идеализации прошлых состояний, надежности положения *status quo*, которое будет очищено от источников неудовлетворенности... Эти мотивационные компоненты оказываются общими симптомами возмущения в институционализации социальных структур» (10).

Не меньший интерес с точки зрения понимания природы конфликта в современном обществе имеет и парсоновский анализ культуры как четвертого основного компонента в структуре социального действия. Констелляции культуры, как они определяются Парсонсом, включают в себя три главных компонента:

1) системы идей и убеждений, где преобладающими являются познавательные интересы;

2) системы экспрессивных символов, куда относится искусство с его формами и стилями. Здесь преобладают не столько интересы познавательного характера, сколько «катектические» — по выражению Парсонса — интересы, т.е. интересы желания и нежелания;

3) системы ценностных ориентаций, где преобладают интересы оценки альтернатив действия с позиций их последствий для систем действия.

Такова аналитическая постановка вопроса о содержании культуры как подсистемы социального действия. Вместе с тем, когда Парсонс переходит к историческому материалу, связанному с проблемой взаимодействия социальной системы и культуры, то выясняется, что в рамках культуры им объединяются три области человеческой деятельности: религия (включая философию), искусство и наука. Нравственность им в большей степени связывается не столько с культурой, сколько с интегрирующими функциями социальной системы.

Как уже отмечалось, одна из главных идей Парсонса состоит в обосновании самостоятельности культуры. На богатом историческом материале в своих последних работах 1966 и 1971 гг. он показывает огромное историческое значение отделения культуры от социально-политических отношений. Именно это отделение сыграло решающую роль в становлении европейской культуры. Последняя выросла из воссоединения культурных традиций, заложенных двумя античными обществами, которые Парсонс называет «произрастающими» цивилизациями (seed-bed civilizations) — древнеиудейской и древнегреческой. Именно в древней Иудее произошел впервые процесс отделения культуры от социальной системы, что нашло выражение в идее монотеизма, с одной стороны, и в формулировке нравственного закона в виде десяти заповедей Моисея, с другой стороны. Социальные отношения, на основе которых возникли эти культурные явления, давно исчезли, но их культурный результат в виде определенной системы ценностей и убеждений сохранился. Феномены культуры приобрели самостоятельное существование. В древней Греции этот процесс приобрел еще более заметные формы: от религиозных и мифологических воззрений отпочковалась философская деятельность, сформировались предпосылки науки, наметились первые формы политической культуры, получившие значение самостоятельных образцов или стандартов организации общественных отношений. Возникла культура диспута. Основанием дальнейшего развития культурных процессов стала изобретенная письменность и другие средства накопления и передачи информации.

В своих последних работах Парсонс, как бы отвечая на критику, упрекавшую его в склонности к стабилизирующим концепциям, которые якобы содействуют апологетике существующих общественных отношений, выступает прежде всего как представитель неозволюционистского направления в социологии. Основной категорией в этих работах становится понятие структурной дифференциации, которая представляет собою главную пружину усложнения общественных связей и основную силу становления современного общества. Парсонс не игнорирует в этих работах классовые и политические конфликты. Но с его точки зрения наиболее существенными процессами, связанными с переходом к обществам современного типа, являются отделение права от государства, религии от церкви, развитие системы светского образования, становление рыночных отношений, равно как и современных форм представительства, парламентаризма, системы выборов и других атрибутов демократического строя.

4. ВКЛАД НЕЙЛА СМЕЛСЕРА В ТЕОРИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Как мы видели, ведущий теоретик структурно-функционального направления Т. Парсонс отнюдь не игнорирует проблему социальных изменений. Он лишь более резко, чем его предшественники, критикует модель однофакторного развития или концепцию доминирования одного из источников социальных сдвигов, включая и изменения в социальной структуре. По сути дела, вопросы о доминировании материально-экономических или, наоборот, идеологических сил в общественном развитии он считает выходящими за рамки социологии. Это вопросы философского, мировоззренческого плана, очень мало содействующие аналитическим усилиям социологической теории.

Социология с точки зрения Парсонса, равно как и его ученика Нейла Смелсера, призвана заниматься не построением умозрительных картин, а анализировать социальные процессы в деталях. Разумеется, к такого рода процессам, относящимся к компетенции социологии, относятся и социальные изменения различного рода. Основные положения теории социальных изменений Парсонс и Смелсер формулируют в книге «Экономика и общество», написанной в соавторстве. На основе анализа индустриальной революции в Англии авторы этой книги выделяют семь главных этапов социального изменения, которые могут быть названы основными этапами инновационного процесса. Вот эти семь ступеней:

(1) Процесс начинается с того, что появляется некоторое чувство «неудовлетворенности» производственными достижениями экономики в целом или ее отдельных секторов и ощущение «возможностей» улучшения положения дел, основанное на потенциальной доступности производственных ресурсов.

(2) Возникают симптомы беспокойства, с одной стороны, в форме неоправданных эмоциональных реакций негативного плана, включающих в себя обнаружение враждебности и агрессии, а с другой стороны, в виде нереалистических надежд, которые проявляют себя во всякого рода фантазиях, утопиях, воспоминаниях о лучших днях и т.д. Иными словами, здесь конкретизируется тезис Парсонса об иррациональном компоненте социальной напряженности как предпосылке структурных перемен.

(3) На третьем этапе осуществляются попытки урегулирования возникших напряжений за счет мобилизации мотивационных ресурсов на основе существующей системы ценностей.

(4) В высших управленческих сферах возникает благожелательная терпимость по отношению к быстро распространяю-

щимся новым идеям, но эта терпимость пока проявляется в осторожных формах — без связи с ответственностью за предлагаемые перемены.

(5) Предпринимаются попытки уточнить и конкретизировать новые идеи и предложения, так как они становятся объектом пристального внимания со стороны предпринимательских кругов.

(6) Теперь осуществляется ответственное применение нововведения теми, кто принимает на себя определенный риск. В результате, если этот риск оказался оправданным, возникает прибыль, которая и есть форма вознаграждения, или же следует наказание в виде финансовой неудачи. Результат во многом зависит от поведения потребителя, который либо будет найден, либо нет.

(7) На последнем этапе то, что было нововведением, становится элементом образа жизни и включается в повседневную рутину производственного процесса. Новый способ делать вещь становится институционализированным и превращается в часть экономической структуры.

Можно сказать, что мы здесь имеем дело с описанием фаз инновационного конфликта, который начинается с полного отрицания предлагаемого новшества, а заканчивается институционализацией и рутинизацией вновь возникшего процесса. И хотя авторы рассматривают эту проблему на примере экономических изменений, анализ этапов изменения вполне может быть применен и в других областях человеческой жизнедеятельности.

В «Теории коллективного поведения» (1962) Н. Смелсер преимущественное внимание обращает на те формы коллективных действий, которые обычно рассматриваются как иррациональные. К их числу относятся различного рода возмущения, бунты, восстания, формы коллективного помешательства, паники. В этот же ряд попадают религиозные и политические революции и национальные движения. Коллективное поведение он определяет как «мобилизацию на основе некоторых убеждений, которые по-новому определяют социальное действие» (11).

В качестве основных компонентов социального действия в данной работе рассматриваются:

(1) обобщенные (или отвлеченные) (generalized) цели или ценности, которые обеспечивают наиболее широкие направления целенаправленного социального поведения;

(2) правила, контролирующие способы достижения этих целей — нормы;

(3) способы организации людей, которые обеспечивают мобилизацию индивидуальной энергии ради достижения определенных целей в рамках нормативной системы;

(4) доступные в данной ситуации возможности действия, которые действующее лицо использует в качестве средств.

По отношению ко всем этим компонентам или структурным уровням социального действия у отдельных индивидов складывается различное отношение: ценности есть предмет убеждения или веры, их можно принимать или не принимать и принимать с разной степенью приверженности. По отношению к нормам может существовать конформное, согласное с ними поведение и, наоборот, отклоняющееся поведение, выходящее за пределы нормативных требований. По отношению к организации, будь то предприятие, фирма, учреждение, школа, семья, больница, церковь и т.д., может существовать индивидуальная ответственность или отсутствие таковой. В этом смысле можно говорить о лояльности индивида по отношению к организации. Что касается ситуационных возможностей действия, то здесь первостепенное значение имеет уверенность индивида в том, что он этими возможностями располагает, или, наоборот, отсутствие такой уверенности (12).

Для более конкретного анализа форм социального поведения важно обратить внимание на то, что, согласно Смелсеру, каждый из выделенных им четырех компонентов социального действия располагается на семи уровнях, различающихся между собою по степени конкретности ситуации и специфичности. Таким образом он получает таблицу уровней специфичности действия, содержащую 28 (4×7) клеток. Напряженность, возникающая в любой точке этой системы, может служить источником коллективного поведения-возмущения: «любой вид напряжения, — утверждает Смелсер, — может выступать в качестве некоторой детерминанты любой формы коллективного поведения» (13). Само же напряжение определяется как «несоответствие между компонентами действия и, следовательно, их неадекватное функционирование» (14).

Более детальный анализ напряжения заключается в выявлении того, как оно обнаруживается в каждом из компонентов социального действия. Смелсер начинает с последнего компонента, т.е. с анализа напряжения при оценке возможностей действия в конкретной ситуации. Главная проблема в данном случае состоит в двойственности или неопределенности в решении вопроса об адекватности средств по отношению к избранным целям, источники которой могут быть исключительно многообразны. Неопределенность в выборе средств может быть результатом сложности и непредсказуемости ситуации, недостаточной подготовки в смысле знаний и опыта того, кто предпринимает действие, конфликта при решении вопроса о выборе доступных средств его осуществления и т.д.

На уровне организации и мобилизации мотивации один из главных источников напряжения заключается в несоответствии между ответственным выполнением соответствующих ролевых функций и характером вознаграждения. При этом речь идет не об экономическом вознаграждении, а о реализации тех целей, которые связаны со спецификой соответствующих видов социального действия. Действительно, человек участвует в бизнесе ради экономического вознаграждения, но в политике он участвует на основе своих политических интересов, в религиозной деятельности — ради спасения души; он включается в деятельность определенных ассоциаций на основе своих убеждений или из соображений престижа. Соответственно под социальным вознаграждением имеется в виду богатство, власть и престиж. Там, где наблюдаются нарушения в распределении вознаграждения, задеваются интересы, что и оказывается источником напряженности, более или менее значимой. Эти интересы связаны с определенными областями функционирования общества — трудом, бизнесом, религией, образованием, семьей или «публикой».

Напряженность на уровне норм сопряжена прежде всего с уровнем интеграции взаимодействия людей, а на уровне ценностей она переплетается с взаимодействием различных культурных, религиозных и идеологических установок, приверженность к которым четко обозначает идейно-мировоззренческие установки индивидов.

Тот факт, что любая точка напряженности может перерасти в конфликт и стать причиной коллективного поведения, вовсе не означает, что в накоплении напряженности действует полный произвол. Предложенная Смелсером аналитическая схема опирается на обобщение огромного эмпирического материала, заимствованного из американской истории. Смелсер опирается на исторические исследования борьбы за гражданские права и становление американского федерализма, на детальный анализ многообразных этнических и социально-политических движений XIX в. в США, на знание стачечного движения и изменений в законодательстве, связанных с регулированием отношений между бизнесом, профсоюзам и рабочим классом. Он уделяет особое внимание вспышкам насилия в американской истории нового времени. Суть его концепции состоит в том, что психологические состояния, определяющие новое видение ситуации и вызывающие к действию, развиваются по принципу «добавления к стоимости». В развитии коллективных настроений, подготавливающих вспышки насилия и ненависти, одно состояние при определенных обстоятельствах может перейти в другое.

Исходной точкой развития становится ситуация неопределенности. Массовая психология направлена на то, чтобы уменьшить напряжение, возникающее на основе двойственности ситуации. При этом первой реакцией на возникновение двойственности или неопределенности оказывается распространение слухов и истерическая реакция. Смысл массовой истерии состоит в том, что она превращает ситуацию неопределенности в абсолютную угрозу. Это — негативная реакция на двойственность ситуации, которая становится источником паники, а возможно, и разрушительных массовых действий. Промежуточный этап между неопределенностью и истерией состоит в крайнем возбуждении, которое порождается неясностью перспективы действия, неуверенностью в смысле и направленности действия, не говоря уже о выборе средств. «В обстановке неопределенности человек находится в состоянии возбуждения потому, что он не знает, чего он должен бояться; а когда он переходит в истерическое состояние, он по крайней мере полагает, что он знает, откуда исходит опасность» (15). Истерия вносит определенность, но эта определенность, как правило, связана с формированием образа источника опасности — врага, который ответствен за создание ситуации неопределенности.

К счастью, изучение конфликтных ситуаций и событий так называемого коллективного поведения показывает, что истерия и крайнее возбуждение — не единственные формы реакции на неопределенность ситуации. Контрбалансом этим психологическим состояниям служит надежда на лучший исход событий, которая оказывается столь же существенной характеристикой коллективного поведения, как и истерия. Оптимистическая оценка ситуации неопределенности опирается на ее собственные позитивные компоненты и на оптимистический настрой в поведении человека. Именно поэтому при возникновении кризисных ситуаций, при резком повороте событий нельзя предсказать исхода. Он во многом зависит от соотношения негативной и позитивной оценок ситуации, от истерических компонентов ситуации, которая перерастает во враждебность, насилие, желание найти «козла отпущения» и выместить на нем свою злобу и от надежды на лучший исход дела — (wish-fulfilment beliefs), с помощью которых структурируется ситуация неопределенности. Дальнейший механизм разрешения ситуации Смедсер связывает с социальными движениями двух типов. Первые им обозначаются как нормативно ориентированные, вторые — как ценностно ориентированные. Первые как бы не затрагивают ценностных устоев действия, и в этой связи они могут быть охарактеризованы как реформистские, вторые ориентированы на изменения ценностных оснований системы. В

эту рубрику попадают религиозные — преимущественно сектантские движения, движения национальные и социально-политические, характеризующиеся в современном мире через совокупность различного рода «измов».

Среди тех примеров напряженности, которые приводит Смелсер по ходу конструирования своей теории коллективного поведения, особого внимания заслуживает эпизод, связанный с развитием космической техники. Шоковое воздействие на общественное мнение США, на ученый мир и правительственные структуры этой страны произвели запуск первого советского спутника в 1957 г., а затем и первого космонавта в 1961 г. Это стало мощным источником социальной напряженности национального масштаба: самая богатая страна оказалась отставшей в важнейшем направлении развития науки и техники. Смелсер показывает, что возможны были разные стратегии снятия этой напряженности — от финансирования отдельных проектов до радикальных перемен в общественно-политическом устройстве. В результате был найден оптимальный уровень решения проблемы, который предусматривал отнюдь не частные изменения. Основной упор был сделан на изменение отношения к научному знанию в обществе в целом, на повышение престижа исследовательской работы.

В целом же при регулировании напряженности Смелсер возлагает особые надежды на информационную и психологическую подготовку населения, на разработку специальных программ, которые предотвращали бы негативное воздействие ситуации неопределенности и содействовали бы упорядочению психологических реакций, основанных на более глубоком понимании происходящего, на повышении авторитета компетентного знания и искусства управления в противоположность взрывам истерии, вспышкам насилия, упованию на харизматического лидера или на новые идеологические доктрины, неизбежной составляющей которых остаются различного рода утопические надежды.

5. РАЛЬФ ДАРЕНДОРФ: КОНФЛИКТ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Основная работа Дарендорфа «Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе» была опубликована в 1957 г. — через 12 лет после окончания второй мировой войны. Автор этой книги родился в довоенное время, ужасы войны он пережил в детстве и в подростковом возрасте. Несомненно, что главным вопросом для него стал, как и для многих обществоведов его поколения, вопрос об интерпретации мира.

В готовом виде Дарендорф еще в студенческие годы застаёт две доминирующие интерпретации. Одна — предложенная американской социологией и воплощенная в теории социального действия Т. Парсонса. Другая — марксистская интерпретация действительности, положенная в основу тех политических систем, которые утвердились в Восточной Европе и в Советском Союзе после разгрома фашистской Германии. Ни та, ни другая интерпретация не удовлетворяют социолога. Он видит их «идеологизм», стремление оправдать соответствующие, хотя и противостоящие друг другу, системы власти.

В своем критическом анализе сложившихся интерпретаций мира Дарендорф стремится к максимальному объективизму. Он постоянно опирается на первоисточники, прибегая к обильному цитированию соответствующих авторов, и прежде всего К. Маркса и Т. Парсонса. Вся первая часть его работы «Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе» полностью посвящена разбору основных положений марксистской социологии. Дарендорф не без оснований исходит из того обстоятельства, что наиболее важная часть марксистской концепции — теория класса, и прежде всего теория осознания классом своих собственных интересов. Именно в классовом противостоянии основной источник конфликта в капиталистическом обществе XIX в. Маркс не придумывает социологические понятия. Его теория классового конфликта представляет собою осмысление двух наиболее важных процессов европейской истории XVII—XIX вв. — Великой Французской революции 1789—1793 гг. и промышленной революции, развернувшейся в Англии и других европейских странах. Ни тот, ни другой процесс не мог быть понят вне категорий классов и классовой борьбы.

Главный конфликт европейской истории XIX в. — это конфликт между предпринимателем и рабочим. Он разворачивается в промышленной сфере, которая была на протяжении прошлого столетия доминирующей сферой общества. В этом пункте и именно в данных исторических границах Дарендорф полностью солидаризируется с Марксом.

Большое место Дарендорф уделяет механизмам разворачивания классового конфликта. Для понимания этих механизмов особое значение имеет теория превращения «класса-в-себе» в «класс-для-себя», сформулированная К. Марксом. До тех пор, пока интересы класса остаются неосознанными, невысказанными и несформулированными, класс не выступает на политическом поприще в качестве самостоятельной общественной силы, он остается «квази-группой». У него имеются потенциальные предпосылки к объединению, но само объединение еще не происходит. Класс ста-

новится действительной общественной силой лишь тогда, когда он — благодаря своим идеологам и политическим представителям — обретает голос. Этот процесс завершает становление класса, превращает его в реальную политическую силу и «заинтересованную группу» в обществе. Наиболее важный признак становления класса в качестве самостоятельного субъекта исторического действия заключается, по Дарендорфу, в возникновении ассоциации — организации, претендующей на «выражение» классовых интересов или интересов некоторой иной «квази-группы». Ассоциация приобретает политический и юридический статус. Политическая партия — один из видов ассоциации. Ее формальным признаком является сознательное членство.

В связи с анализом проблемы превращения «класса-в-себе» в «класс-для-себя» Дарендорф обращается к дискуссии о природе интересов. Он показывает, что вопрос об объективности или субъективности интересов постоянно возникает в истории социологической мысли. По его мнению, интересы не есть объективно заданные силы, они объективно-субъективны. В их структуре можно выделить латентный компонент, связанный с требованиями, вытекающими из ролевых позиций субъекта, и явный компонент или явные интересы, которые представляют собою психологические реальности. Благодаря этим явным или осмысленным интересам чувства, воля и желания субъекта, в том числе и личности, направляются к некоторой цели. В марксистской традиции это понятие сближается с категорией классового сознания.

Особое место в дифференциации и поляризации интересов занимает, по Дарендорфу, отношение к власти или авторитету. Вслед за Вебером он определяет власть как способность осуществить свою волю, невзирая на сопротивление и независимо от оснований, на которых основывается сама эта способность. Авторитет в большей мере связан с легитимным признанием отношений господства (доминирования) и подчинения. Эти отношения пронизывают все структуры общественной жизни, так как ни одно совместное действие не может осуществиться без разделения уровней ответственности, т. е. без авторитета и власти. Отношения авторитета существуют при всех исторических условиях и в любых социальных образованиях. Свойства этих отношений заключаются в следующем:

1. Они всегда субординированны.

2. Вышестоящие инстанции осуществляют управление нижестоящими, и это соответствует ожиданиям. Средствами управления являются распоряжения и команды, предупреждения и запреты по отношению к конкретным действиям нижестоящих инстанций.

3. Ожидания, обосновывающие правомочность управления, относятся не к лицам, а к социальным позициям.

4. В силу этого обстоятельства отношения авторитета касаются лишь ограниченной сферы. В этом отличие авторитета от власти, которая стремится к обобщенному, а не специфическому управлению.

5. Поддержание авторитета — одна из функций правовой системы.

Отношения авторитета обязательно включают в себя ситуацию конфликта, так как та группа, которая обладает авторитетом, заинтересована в сохранении соответствующих структур, а группы, которые лишены доступа к власти заинтересованы в изменении тех условий, которые лишают их причастности к авторитету-власти.

XX век означает вступление в постиндустриальное общество, в котором снижается значение классового конфликта. Этот век внес, по мнению Дарендорфа, решающие изменения в социальную структуру общества. Прежде всего, развитые общественные системы перестали быть индустриальными обществами в строгом смысле слова. Промышленность и вместе с нею промышленное предприятие перестали играть доминирующую роль в организации общественных связей и отношений. Маркс и его последователи не смогли уловить этого перехода к постиндустриальной цивилизации. Промышленное предприятие перестало быть главным институтом, основной клеточкой этого постиндустриального общества, а вместе с этим изменением потерял свое значение и классовый конфликт между предпринимателем и рабочим. Этот конфликт перестал влиять на все стороны общественной жизни, перестал играть роль основного противоречия и главного конфликта. Он оказался локализован в рамках предприятий или отраслей промышленного производства.

Не менее важным обстоятельством, меняющим картину общественных отношений, стал факт институционализации этого конфликта. Рабочие и предприниматели западных стран выработали формы регулирования конфликта по поводу распределения прибыли и заработной платы. Отраслевые профсоюзы, законодательство, посреднические фирмы, государственная политика регулирования конфликтов — все это оказалось новой реальностью, благодаря которой была устранена крайняя напряженность классовой борьбы, пронизывающая ткань общественных отношений в XIX в.

Все это не означает устранение конфликта из жизни общества в принципе. Наоборот, конфликты становятся более многообразными, так как увеличивается многообразие линий дифференциации интересов и соответственно линий распределения авторитета.

Вместо общества, которое было резко поляризовано — дихотомизировано, возникает плюралистическое общество, с пересекающимися интересами.

Изменение характера конфликтов в обществе влечет за собой и изменение типов структурных изменений. Дарендорф выделяет три основных варианта структурных преобразований.

Первый состоит в том, что в ходе преобразований полностью меняется состав правящего слоя, занимающего доминирующие позиции в ассоциации или обществе. Это преобразование революционного типа, и в качестве примера Дарендорф приводит здесь русскую революцию.

Второй вариант предполагает частичную замену правящего слоя. Это скорее эволюционное, чем революционное, изменение, в большей мере соответствующее практике структурных изменений в европейских странах. Так, в Великобритании при смене кабинета министров в результате выборов новой правящей партии сохраняется прежний состав администрации, что обеспечивает преемственность государственной деятельности и большую стабильность государственных интересов.

Третий тип изменений вообще не предполагает изменения состава персонала. Изменяется политика, проводимая существующей властью. Правящая партия имеет возможность включить в свою программу требования оппозиции и корректирует свою собственную политическую линию сообразно с этими требованиями. Такой вариант изменений наиболее медленный, но вместе с тем он во многих случаях оказывается наименее болезненным. Хорошо регулируемый конфликт ближе всего именно к этому третьему варианту структурных изменений.

Посткапиталистическое общество XX в. характеризуется прежде всего изменениями в самом типе структурных преобразований. В этом обществе вырабатываются нормы регулирования конфликтов, что связано, с одной стороны, с индустриальной демократией, а с другой стороны, с политической демократией.

Дарендорф считает, что индустриальная демократия и политическая демократия — главные системы институтов, характерные для европейских государств после второй мировой войны, и главные условия обеспечения социального мира и благоденствия. Что касается индустриальной демократии, то она представляет собою новый тип взаимоотношений между рабочим и предпринимателем в промышленности, который характеризуется следующими моментами. Прежде всего ей свойствен высокий уровень организованности противостоящих сторон: интересы предпринимателей защищаются самой организацией производства, финансовой мо-

шью и законодательством. Но и интересы труда представлены достаточно мощными профсоюзными организациями, которые опираются на силу закона. Каждая из сторон имеет выработанные формы представительства не только на общенациональном уровне, но и в пределах каждого предприятия. Благодаря этому обеспечивается участие рабочих в управлении промышленностью.

Как индустриальная демократия, так и политическая возникли отнюдь не сразу. Западные страны вынуждены были прийти к ним, чтобы сохранить стабильность или чтобы найти пути выхода из кризиса в 30-е годы. Это новые формы общественных отношений, противостоящие тоталитарным обществам и тоталитарным структурам. Вместе с тем демократия в сфере индустриальных отношений, как и в сфере политики, не устраняет конфликта, ибо конфликт — по Дарендорфу — исходная клеточка социальной жизни. В этом пункте Дарендорф вступает в полемику, но уже не с Марксом, а с Т. Парсонсом.

Конфликт — неизбежный результат всякой системы управления, любой иерархически организованной системы. Идеал полного социального равенства — несомненная утопия, вредное заблуждение, которое приводит лишь к разрушению эффективности всякой совместной деятельности.

В западном посткапиталистическом обществе возникают большие возможности регулирования классового конфликта, который не устраняется, а локализуется в отраслевых рамках или рамках предприятия. Дарендорф считает, что применение термина «регулирование» применительно к конфликту гораздо точнее, чем термина «разрешение». Понятие «разрешение конфликта» вводит в заблуждение, оно «отражает социологически ошибочную идеологию, согласно которой полное устранение конфликта возможно и желательно» (16).

Для успешного регулирования конфликта, считает Р. Дарендорф, важны три обстоятельства.

Во-первых, наличие ценностных предпосылок. Каждая из сторон конфликта должна признавать наличие конфликтной ситуации, и в этом смысле ее исходная позиция состоит в том, что за оппонентом признается само право на существование. Это не означает, разумеется, признания справедливости содержательных интересов оппонента. Иными словами, регулирование конфликта невозможно, если одна из сторон заявляет, что противоположная сторона не имеет права на существование или что позиция противоположной стороны не имеет под собою никаких оснований.

Конфликт невозможно регулировать и в том случае, когда стороны или сторона заявляют об общности интересов. Это также

своеобразная форма отрицания наличия самого конфликта. Решающим моментом в регулировании конфликта является признание различий и противостояния.

Во-вторых, чрезвычайно важным моментом в регулировании конфликта является уровень организации сторон. Чем более организованными являются обе стороны, тем легче достичь договоренности и исполнения условий договора. И наоборот, диффузный и расплывчатый характер интересов, их рассеянность делает невозможным регулирование конфликтов.

В-третьих, конфликтующие стороны должны согласиться относительно определенных правил игры, при соблюдении которых возможно сохранение или поддержание отношений между сторонами. Эти правила должны предоставлять равенство возможностей для каждой из сторон конфликта. Они должны обеспечивать некоторый баланс в их взаимоотношениях.

Регулирование конфликтов обеспечивается специальными институтами парламентского типа, которые должны: а) обладать полномочиями на ведение переговоров и достижение согласия. Предполагается, что эти институты должны быть в достаточной степени автономными; б) эти институты должны обладать монополией на представительство интересов своей стороны; в) решения, принятые этими институтами, должны быть обязательными; г) они должны действовать демократически.

Процедурные аспекты регулирования конфликтов состоят в примирении, посредничестве и арбитраже. Включение этих процедур в жизнь общества сужает возможности насильственного развития классового конфликта. Важна, следовательно, не революция, устраняющая классы, а эволюционные изменения, где классовые интересы поддаются постоянному регулированию в постоянно меняющемся мире.

Эволюционный характер структурных преобразований обеспечивается также и всей совокупностью институтов, составляющих современную политическую демократию. Одно из главных свойств политической демократии состоит в том, что общественные группы, не участвующие во власти непосредственно, обладают собственными организациями. Это обеспечивается свободой объединений и развитыми системами коммуникаций. Благодаря этому все конфликтующие стороны и их интересы признаются институционально. Парламентские органы обеспечивают систему регулярного примирения между партиями. Особое значение при этом имеют правила игры, основанные на конституции государства и на совокупности утвержденных процедур и регламентов, способствующих выработке решений. Суть этих правил со-

стоит в ограничении монополии на власть со стороны правящей партии. Они обеспечивают всем сторонам политического конфликта законные ожидания того, что в будущем они могут получить власть.

Дарендорф всесторонне анализирует вопрос: кому же принадлежит власть в демократическом государстве? Он не согласен с той весьма распространенной точкой зрения, что за политическими институтами и учреждениями имеются некоторые «реальные» скрытые силы, которые определяют деятельность этих институтов. Он полагает, что правящий класс — не какая-то тайная пружина в общественном организме. Это совокупность тех лиц, которые занимают реально значимые политические должности и позиции. В этой связи он вводит понятие ситуационного класса. Премьер-министр, президент, спикер парламента, председатель Верховного суда обладают реальной властью. В своей деятельности они опираются на парламент и на администрацию. Правящий класс в буквальном смысле слова состоит из бюрократии и правительства. Парламент же частично входит в правящий класс, а частично представляет собою оппозицию. Что касается бюрократии, то она, согласно Дарендорфу, не может быть самостоятельным классом. Ее латентные интересы всегда направлены на сохранение того, что существует. Но то, что существует, определяется не самой бюрократией. Осуществление власти в современном обществе невозможно без бюрократии, но и власть самой бюрократии невозможно, так как она не представляет собою единого класса. Ее власть, по Дарендорфу, не самостоятельна, она как бы делегирована ей для осуществления исполнительских функций подлинными носителями власти. Кроме того, бюрократия оказывается постоянной составляющей политического конфликта. Она сопровождает и поддерживает любую группу, которая находится у власти, причем только до тех пор, пока эта группа обладает властными полномочиями. Это слой, обслуживающий реальную власть, который проводит в жизнь директивы правящего слоя с обязательным условием лояльности по отношению к этому слою.

Одно из наиболее важных свойств демократического общества состоит в том, что оно строится на признании допустимости конфликта и многообразия несовпадающих интересов. Властные структуры призваны регулировать соответствующие конфликты, не позволяя им обостряться до насильственных форм. В обществе тоталитарного типа конфликт не признается. Он изгоняется из области регулирования общественных отношений и замещается единообразием и полным согласием с существующей системой власти. Однако и демократическое, и тоталитарное общества Да-

рендорф рассматривает не столько как реально существующие политические структуры, а как определенные идеальные типы. В реальной политической жизни наблюдается наличие тоталитарных элементов в демократии и наличие демократических тенденций в рамках тоталитарного политического устройства. Поэтому, по мнению Дарендорфа, борьба между демократией и тоталитаризмом не является главным политическим конфликтом послевоенной истории. В каждом реально существующем обществе идет внутренняя борьба между силами тоталитаризма и силами демократии и центральное место в этой борьбе занимает вопрос о допустимости конфликта и о методах его регулирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society, 1959. P. 161–163. Подробный обзор монографии Р. Дарендорфа на русском языке см. в кн.: «Проблема конфликта в западной социологии», изданной Профессиональной социологической ассоциацией и Волго-Вятским кадровым центром/Отв. ред. А.Г. Здравомыслов. Нижний Новгород, 1994.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 126.
3. Там же, с. 127.
4. Там же, с. 192–193.
5. Там же, с. 222–223.
6. Там же, с. 379–380.
7. Там же, с. 375–376.
8. Parsons T. An Outline of Social System//Theories of Society, 1962. V. 2. P. 71.
9. Там же, с. 74.
10. Theories of Society. V. 1. P. 75.
11. Smelser N. Theory of Collective Behaviour, 1963. P. 8.
12. Ibid., p. 12.
13. Ibid., p. 49.
14. Ibid., p. 47.
15. Ibid., p. 85.
16. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society, 1959. P. 224.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

Следует обратить внимание студента на то, что данная глава одна из наиболее сложных для восприятия и усвоения, так как речь в ней идет о том, какое место занимает *теория* конфликта в контексте более широкой *социологической* теории. Содержание этой главы основывается на анализе основных работ наиболее известных социологов-теоретиков. Следовательно, чтобы понять, о чем идет речь в каждом из параграфов этой главы, надо добиться ясности в том, каково главное содержание теоретичес-

ких построений, предлагаемых М. Вебером, Э. Дюркгеймом, Т. Парсонсом и другими авторами. Сформулированные ниже вопросы должны помочь в достижении этой ясности. Итак:

1. Приведите определение общества, данное Максом Вебером. Какое место в обществе занимает конфликт материальных и идеальных интересов? В чем, по вашему мнению, различие в понимании конфликта у Вебера и у Маркса?
2. В чем смысл понятий механической и органической солидарности по Дюркгейму? Как соотносятся между собою формы солидарности и формы конфликта согласно теории Дюркгейма? А как соотносятся между собою норма и патология? Что такое девиантное поведение? Можно ли его рассматривать как форму конфликта? Что такое аномия?
3. Каковы источники социальной напряженности на четырех уровнях социального действия по Парсонсу? Сможете ли вы охарактеризовать эти четыре уровня социального действия? Дайте определение социальной напряженности по Парсонсу. Как вы представляете себе процесс дифференциации между социальной системой и системой культуры?
4. Охарактеризуйте основные компоненты коллективного поведения по Смелсеру. Какова роль ситуации неопределенности при возникновении социальной напряженности? Как люди реагируют на напряженность, возникающую на основе неопределенности? Какие пути блокирования конфликтных ситуаций рассматриваются Смелсером?
5. В чем заключается вклад Р. Дарендорфа в теорию социального конфликта? Что является, по его мнению, главным источником конфликта? Что такое индустриальная и политическая демократия? Каковы наиболее важные средства предотвращения насильственных конфликтов?

Глава 3

СПЕЦИАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КОНФЛИКТА. ПЕРЕХОД К КОНФЛИКТОЛОГИИ

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Мы рассмотрели наиболее важные теоретические концепции современной социологии и выяснили место проблематики конфликта в этих теориях. Большая часть этой проблематики разрабатывается на макроуровне в контексте крупномасштабных теоре-

тических построений, связанных с задачами объяснения социокультурных изменений в современном обществе. Разумеется, разработка фундаментальных проблем социологии конфликта не ограничивается работами выделенных в настоящей главе авторов. К числу крупных теоретиков конфликта следует отнести Георга Зиммеля, Питирима Сорокина, Лунса Козера, Иммануила Валлерштейна. Вопросы взаимоотношения противоречий, социальной структуры, конфликтов разрабатываются в работах английских социологов Джона Рекса и Антони Гидденса.

Вместе с тем, как отмечалось уже во Введении, проблематика конфликта носит сугубо прикладной характер. Она пользуется широким спросом при решении вполне конкретных ситуаций, в которых наблюдается столкновение интересов двух или большего числа сторон. По сути дела, в практике организации современного менеджмента, в дипломатии, в юриспруденции, коммерческой деятельности и иных областях жизни, где наблюдается непосредственное столкновение интересов противостоящих сторон, сложилось прикладное направление, которое получило название *конфликтологии*. Конфликтолог — это *специальная профессия*, представители которой участвуют во многих переговорных процессах, выезжают в «горячие точки», где работают в качестве консультантов и участвуют в переговорном процессе на разных уровнях и в разных ситуациях.

Одна из наиболее известных работ по конфликтологии в собственном смысле слова — вышедшая в США книга Роджера Фишера и Уильяма Ури (1), выдержавшая только в этой стране около 20 изданий и переведенная в 30 других странах. Авторы этой книги обобщают в ней свой многолетний опыт по разрешению конфликтов. Единственным условием успешной деятельности конфликтолога и реализации советов, которые даются в этой книге и других работах конфликтологического профиля, — это желание самих конфликтующих сторон вести переговоры и находить пути к примирению противоположных интересов. О содержании конфликтологии как направления прикладной деятельности достаточно убедительно говорит содержание этой книги, изданной на русском языке в 1990 г. Вот названия ее глав: «Не ведите позиционный торг», «Делайте разграничения между участниками дискуссии и обсуждаемыми проблемами», «Сосредоточьтесь на интересах, а не на позициях», «Изобретайте взаимовыгодные варианты», «Настаивайте на использовании объективных критериев», «Как “увеличить пирог”» и т.д. К числу работ этого направления относятся и публикации известного конфликтолога Кеннета Боулдинга (2), специализирующегося в области общей теории конфликта при-

менительно прежде всего к анализу международной переговорной практики. Другой американский исследователь — Анатолий Раппопорт (3) разрабатывает теоретические модели конфликтных ситуаций разного рода.

Для того чтобы иметь более полное представление об исследовательской работе в этом направлении, важно знать, что между теоретическими и сугубо прикладными работами конфликтологического характера существует промежуточное звено: тот слой теоретических разработок, которые Роберт Мертон назвал бы «теориями среднего уровня» в области изучения конфликтов. Здесь также преобладают американские авторы. Среди работ этого направления можно назвать книгу Луиса Крисберга (4), исследование Чарльза Тилли «От мобилизации к революции» (1978), упоминавшуюся уже работу Антони Обершелла «Социальный конфликт и общественные движения» (1973), работы Джеймса Рула «Теории гражданского насилия» (1988), Роузмари Кромптон (Великобритания) «Класс и стратификация. Введение к современным дебатам». Как видим, эти авторы специализируются либо на анализе многообразных форм конфликта, либо на его специфических аспектах. Так, в работе Л. Крисберга рассматриваются такие вопросы, как виды и ступени развития конфликтов, их основания, вопросы возникновения конфликтов и формулировки целей конфликтующих сторон, эскалации и деэскалации конфликтов, их возможные результаты, проблемы посредничества и переговорного процесса и, наконец, теории моделирования конфликта (5).

2. ЧЕТЫРЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ПРИЧИНЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

При определении самого понятия «конфликт» чаще всего мы сталкиваемся с попыткой подвести его под более широкую категорию противоречия. Но такой способ определения влечет за собою игнорирование специфики собственно конфликтных отношений. Поэтому, на наш взгляд, такое подведение частного под общее недостаточно, а порою и ошибочно.

В догматизированной версии марксизма, выполнявшей функции официальной идеологической доктрины, признавалось наличие противоречий в советском обществе преимущественно неантагонистических, но до признания конфликтов, тем более социальных, дело не доходило. О характере противоречий, о том, какое противоречие нужно было считать основным или главным, продолжались многократно возобновлявшиеся дискуссии. При

этом во всех дискуссиях противоречия формулировались в предельно абстрактной и обезличенной форме: между производством и потреблением; производительными силами и производственными отношениями; между производительными силами и отдельными сторонами производственных отношений; между «новым» и «старым». Основная методологическая установка состояла в том, чтобы подчеркнуть значение единства сторон, целостности социально-политической системы. Некоторые авторы всерьез рассуждали о том, что при социализме, в отличие от капитализма, единство противоположностей, а не противоречие, является движущей силой развития общества. Мышление в этих категориях не давало возможности перейти к конкретному анализу социальных процессов, к поведению социальных групп и лиц, решающих те или иные вполне определенные конкретные жизненные задачи.

В современной социологической литературе вопрос о связи между противоречием и конфликтом рассматривается известным английским социологом Антони Гидденсом. «Под конфликтом, — пишет он, — я имею в виду реальную борьбу между действующими людьми или группами независимо от того, каковы истоки этой борьбы, ее способы и средства, мобилизуемые каждой из сторон. В отличие от конфликта понятие противоречия относится к некоторой структуре. Оба эти понятия весьма близки между собой, так как противоречие выражает уязвимое место, слабое звено в конструкции социетальной системы. Вместе с тем противоречие указывает на разделение интересов между различными группами и категориями людей, в том числе и между классами» (6).

Гидденс далее подчеркивает, что социальные противоречия связаны с различиями в образе жизни людей, принадлежащих к разным социальным группам, и неравенством их жизненных шансов, которые, в свою очередь, определенным образом влияют на формирование картины мира. Но противоречия далеко не всегда влекут за собой конфликты. Для превращения противоречий в конфликты необходимы осознание противоположности интересов и соответствующая мотивация поведения. Пока противоположность интересов не осознана, конфликт, как полагает Гидденс, еще не наступает. С этой точки зрения конфликт выступает прежде всего как осознанное, осмысленное противоречие несовпадающих или противостоящих друг другу интересов сторон, готовых предпринять или уже предпринявших определенные действия, основанные на указанном противостоянии.

Несколько иной ракурс проблемы конфликта выявляется при попытках вывести социальную напряженность из уровня удовлетворения базовых потребностей людей и социальных групп.

Именно такой подход к проблеме демонстрирует Питирим Сорокин при выяснении вопроса о причинах социальных конфликтов и революций. «Непосредственной предпосылкой всякой революции, — пишет он, — всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения...

Если пищеварительный рефлекс доброй части населения «подавляется» голодом, то налицо одна из причин восстаний и революций; если подавляется инстинкт самосохранения деспотическими экзекуциями, массовыми убийствами, кровавыми зверствами, то налицо другая причина революций... Если «подавляется» собственнический инстинкт масс, господствуют бедность и лишения, и в особенности, если это происходит на фоне благоденствия других, то мы имеем еще одну причину революций» (7).

Среди подавленных инстинктов, потребностей и рефлексов, которые вызывают социальное напряжение, взрыв и конфликт, П. Сорокин выявляет, помимо перечисленных выше, потребности коллективного самосохранения (семьи, религиозной секты, партии), потребность в жилище и одежде, половой рефлекс, инстинкт самовыражения и интерес к соревновательности, творческой работе, приобретению разнообразного опыта, потребность в свободе.

Как мы видим, указание на связь неудовлетворенных потребностей и нарастающих конфликтных ситуаций, рассмотрение источника конфликтов в подавлении базовых потребностей человека, без удовлетворения которых он не может существовать, позволяет ближе подойти к анализу конкретных социальных конфликтов. С этой точки зрения всякий конфликт характеризуется прежде всего неудовлетворенной потребностью и стремлением найти средства для того, чтобы эту потребность удовлетворить. Многомерная неудовлетворенность потребностей и интересов, депривация значительных масс населения составляет, по Сорокину, главный источник революционных потрясений в обществе. Предотвращение революции, развитие общества по пути реформирования возможно тогда, когда власть предержащие отслеживают меру удовлетворения потребностей различных социальных слоев и находят средства для их удовлетворения или компенсации, когда они не допускают кричащих антагонизмов в мере развития и удовлетворения потребностей, поддерживая социальное неравенство на уровне социальной нормы.

Следующий шаг по пути конкретизации конфликтов связан с разработкой вопросов социального равенства и неравенства. Положение людей и вытекающий из него уровень социальных притязаний определяется не вечными инстинктами, а сопоставлени-

ем с другими людьми. То, что является приличным уровнем жизни для одних людей, другими может рассматриваться как бедность и нищета. Важны не сами по себе потребности, но и средства их удовлетворения, доступ к соответствующим видам деятельности, который обусловлен социальной организацией общества. Именно в этой связи встает вопрос не только о равенстве и неравенстве в уровне благосостояния, но и сопоставлении жизненных шансов различных социальных групп. Как показал опыт советского общества, само по себе стремление к всеобщему равенству не может рассматриваться в качестве блага; оно часто приводит к уравнительности, к угасанию стимулов творческой деятельности и инициативы. Неравенство, в том числе и социальное, неустранимо. Более того, оно имеет положительное значение для общества в целом, так как оказывается важнейшим источником состязательности, конфликтности, стимулирующим жизненную энергию человека.

Неравенство, как и социальный конфликт, содействует мобилизации жизненной энергии, влечет за собой необходимость социальных изменений, в том числе и в организации общественной жизни. Применительно к социальному конфликту неравенство социальных положений означает неодинаковый доступ к ресурсам развития индивидов, социальных групп или сообществ людей. Поэтому в определение природы конфликта включается и проблема ресурсов как средств достижения социальных целей.

Однако здесь возникает центральный вопрос, на который указывает Р. Дарендорф. Кто и каким образом распоряжается ресурсами? Иными словами, в чьих руках находится власть? Этот вопрос безусловно связан с определением самой власти, которая представляет собой совокупность социальных позиций, позволяющих одной группе людей распоряжаться деятельностью других групп людей. Именно здесь заложен центральный конфликт в любой системе общественных отношений. Люди делятся между собою не только на богатых и бедных, не только на тех, кто обладает недвижимостью, и тех, кто живет на зарплату, но и на тех, кто участвует во власти и кто не участвует в ней. Точнее говоря, все названные деления существуют и имеют определенное значение, в том числе и для формирования конфликтов, но в сравнении с признаком участия или неучастия во власти иные признаки имеют второстепенное или третьестепенное значение.

Помимо трех названных подходов к объяснению социальных конфликтов, существует и четвертый, который может быть охарактеризован как нормативно-ценностный подход. Согласно этой точке зрения, которая идет от Э. Дюркгейма и Т. Парсонса, несо-

впадение целей и интересов людей или соответствующих групп есть главная причина конфликтов. «Социальный конфликт, — утверждает, например, Луис Крнеберг, — существует в том случае, когда две или большее количество сторон убеждены в том, что цели их деятельности несовместимы» (8).

Все выделенные выше позиции имеют в своем основании некий общий фундаментальный теоретический вопрос: о природе интереса и о способе его осознания действующим субъектом. И в самом деле в любом определении конфликта так или иначе мы сталкиваемся с вопросом о несовпадении интересов, целей, борьбы за жизненные ресурсы и т.д. Поэтому при рассмотрении конфликта вполне уместно вновь задаться вопросом: что же такое интересы как побудители социальных действий? В литературе долгое время существует спор относительно того, являются ли интересы некой объективной данностью или же они представляют собою некоторые характеристики сознания людей и различных социальных сообществ. Позиция автора этой книги по этому вопросу была сформулирована еще в 1964 г. и позже развита в более основательную теоретическую конструкцию (9). Вслед за Гегелем можно сказать, что интерес — это момент субъективности во всяком объективном деле. Интерес — это стремление чего-то достичь, что-то изменить или сохранить, он не просто осознается в качестве некоторой объективной данности наподобие закона природы или сложившегося порядка вещей. Интерес — это внутреннее отношение действующего субъекта к действию, которое он производит: это переход субъективности, сложнейшей внутренней мотивации в некоторый результат, который фиксируется как нечто объективное, уже совершенное, сделанное. Такое определение интереса позволяет понять главную дилемму, сформировавшуюся при обсуждении проблемы мотивации человеческой деятельности и человеческих поступков: почему получается так, что люди, руководствуясь собственными интересами, совершают ошибки личностного и социального плана? Ответ на этот вопрос таков: интерес не есть нечто стабильное и неподвижное. Интересы подвижны, изменчивы, и главным источником изменений интересов оказывается сам опыт человеческой деятельности. По мере развертывания социального действия происходит изменение отношения к нему или в направлении углубления заинтересованности в самом процессе действия и его результате, или же в направлении ослабления интереса и переключения его на те аспекты последствий деятельности, которые ранее не были заметны и очевидны. Такое толкование интереса включает в себя и динамику сознания субъекта действия, распространяет сферу заинтере-

сованности не только на непосредственные выгоды меркантильного характера, но и на нравственные аспекты сознания. Вместе с тем, оно позволяет по-иному взглянуть и на известную дилемму взаимоотношения интереса и долга, ответственности, нравственных оснований социального действия.

Ныне в российском обществе намечается постепенный переход к стабилизации общественно-политических отношений. Кризисное состояние общества сопряжено с разрушением общественных связей и с диффузным характером социальных интересов. Возникает такая ситуация, когда на первый план выступает не «выражение» интересов как неких объективно заданных параметров, определяемых социальным положением субъекта, а полагание интересов, связанных с их декларированием и отстаиванием в конфликте. Сами реформы и социально-политические преобразования в России для многих людей означают необходимость переосмысления интересов, нахождения новых точек опоры как в жизненной философии, так и в практических формах социального поведения. Это справедливо не только применительно к отдельным индивидам и личностям, но и к социальным группам, институтам и государствам. В этой связи весьма существенны соображения, высказанные Фрэнсисом Фукуяма — консультантом Рэндкорпорейшн (США): «Попытки определить «объективный» национальный интерес, — утверждает он, — ни к чему не приведут. Реальные «базовые» национальные интересы, безусловно, существуют, однако они обычно минимальны и не являются решающими при определении государственной внешней политики. Государства обладают значительным запасом свободы в определении своего национального интереса, и то, что сейчас подразумевается под понятием «национальный интерес», в действительности скрывает массу идеологических, политических, исторических и культурных точек зрения относительно целей государства, внешнего окружения и т.д. Таким образом, когда говорят, что Россия или какая-либо другая страна должна следовать ее национальному интересу, вопрос о том, что это за интерес, остается» (10).

За недостатком места мы не будем сейчас касаться иных вопросов фундаментального характера. Подчеркнем лишь еще раз, что важнейшим средством выхода из кризиса и преодоления насильственных конфликтов остается современная рациональная политика, учитывающая при декларации и формировании проводимых в жизнь интересов реакции противоположной стороны в конфликте. Социология конфликта, следовательно, органически связана с признанием *дискурсивного характера теоретического знания* и переходом к *рефлексивной политике*, суть которой не в

силовой аргументации, а в превентивном учете интересов противоположной стороны. Именно в силу этого обстоятельства она может восприниматься традиционалистами, которые исходят из прежних представлений о взаимосвязи «окостеневших» интересов и государственных структур, как «предательская политика», руководствующаяся интересами противника, врага или оппонента.

3. ДИНАМИКА «ЖИВЫХ» КОНФЛИКТОВ

Из того, что было сказано в предыдущих главах, ясно, что конфликты разного рода пронизывают не только всю историю человечества и историю отдельных народов, но и жизнь каждого конкретного человека. Если говорить о самом общем определении конфликта, то его можно было бы дать следующим образом: *конфликт представляет собой столкновение интересов различных групп, сообществ людей, отдельных индивидуумов*. При этом само по себе столкновение интересов должно быть осознано обеими сторонами конфликта: люди, действующие лица, участники общественных движений, в самом развитии конфликта начинают понимать его содержание, приобщаются к тем целям, которые выдвигают конфликтующие стороны и воспринимают их как свои собственные. Разумеется, что конфликт может быть вызван существенными причинами, затрагивающими сами основы существования соответствующих конфликтующих групп, но он может быть и иллюзорным, воображаемым конфликтом, когда люди полагают, что их интересы несовместимы и взаимоисключают друг друга, а «на самом деле» можно не обострять конфликт, жить в мире и согласии.

В развитии конфликта, в переходе его в стадию крайнего обострения многое зависит от того, как именно воспринимаются самые исходные, начальные события, приводящие к развитию конфликта, какое значение придается конфликту в массовом сознании и в сознании лидеров соответствующих общественных группировок. Для понимания природы конфликта и характера его развития особое значение имеет «теорема Томаса», которая гласит: «Если люди воспринимают некоторую ситуацию в качестве реальной, то она будет реальной и по своим последствиям». Применительно к конфликту это означает, что если есть несовпадение интересов между людьми или группами, но это несовпадение не воспринимается, не ощущается и не чувствуется ими, то такое несовпадение интересов не приводит к конфликту. И наоборот, если между людьми имеется общность интересов, но сами участники ощущают друг к другу враждебность, то отношения между

ними будут обязательно развиваться по схеме конфликта, а не сотрудничества. Сознание конфликта, ощущение враждебности намерений, реакция на воображаемую или реальную угрозу, состояние подавленности, угнетения порождают превентивные или защитные действия той стороны, которая чувствует ущемленность и связывает эту ущемленность с действиями некоторых иных групп или людей. Так воображаемое превращается в действительное.

В конфликте мы сталкиваемся зачастую с ситуацией, когда не «бытие определяет сознание», а сознание определяет «действительное положение вещей». Так оно и происходит в массе конкретных случаев, в каждом из которых некоторая реальность переплетается с определенными формами воображения. Это очень важно понять, анализируя межличностные, межгрупповые, социально-политические, идеологические (ценностные), территориальные, национально-этнические конфликты.

Обращаясь к тому, что предлагает нам жизнь в современном обществе, попытаемся разобраться, как «устроен конфликт». Предварительное расчленение этого вопроса предполагает необходимость выяснения трех исходных позиций:

- а) Кто участники конфликта? Кто ведет борьбу и с кем?
- б) За что именно идет борьба? Что является предметом спора и в какой мере предмет конфликта осмыслен его участниками?
- в) Какие средства применяются для достижения своих целей той и другой стороной? Углубляют ли эти средства конфликт или же они оставляют возможность умиротворения сторон?

Ответы на эти вопросы образуют своего рода трехмерное пространство, которое может помочь разобраться в содержании конфликта.

Начнем с первого вопроса: кто ведет борьбу?

В политике, коммерции, трудовых отношениях и повседневной жизни часто можно встретить ситуации, в которых участники конфликта подразделяются на тех, кто открыто выступает друг против друга, и тех, кто как бы смотрит со стороны, а подчас и стимулирует конфликт, надеясь получить от него прямую или косвенную выгоду. В прямом конфликте сталкиваются интересы двух сторон: например, двух претендентов на одно место, двух национально-этнических сообществ или государств по поводу спорной территории, двух политических партий при голосовании проекта закона и т.д.

Однако при более внимательном изучении ситуации выясняется, что этот прямой конфликт или открытое столкновение интересов сопряжено с более сложной системой отношений. Так, претенденты на одно место оказываются не просто равновелики-

ми личностями, обладающими одинаковыми правами и притязаниями на должность. Каждый из претендентов поддерживается определенной группой людей. Если должность или позиция, по поводу которой разгорается конкуренция, имеет отношение к власти, к возможности распоряжаться другими людьми, то эта позиция является престижной, оцениваемой достаточно высоко со стороны общественного мнения. Поэтому не исключается, что открытое столкновение двух противоборствующих претендентов может быть инициировано третьей стороной или третьим участником, который до поры до времени остается в тени и ожидает, когда обстоятельства приведут к дискредитации соперников и общественное мнение склонится в пользу того, кто не участвовал до сих пор в борьбе за престижное место.

Весьма популярным в политике и коммерции является провоцирование конфликтов в тех же самых целях — дискредитации неясных противников и оппонентов через их взаимное самонистребление. Рассматривая вопрос об участниках конфликта, нужно, следовательно, различать прямых и косвенных участников, более широкий круг заинтересованных сторон, определить, в какой мере конфликт отвечает интересам сторон, а в какой мере он является спровоцированным. Возможно, что выявление всех этих аспектов сложной конфликтной ситуации само по себе будет способствовать урегулированию конфликта: каждая из сторон поймет, что она была лишь пешкой в более крупной игре.

В условиях становления демократических институтов власти в России в качестве реальных субъектов конфликта на макроуровне выступают структуры президентской власти, Правительство, Государственная Дума, Конституционный суд. Достижение консенсуса между этими участниками политического процесса обеспечило бы способность этих структур использовать властные полномочия в целях разрешения конфликтов на более низких уровнях общественной жизни. И напротив, конфликтность на верхних этажах власти стимулирует распространение конфликтных ситуаций в сферах, подлежащих регулированию со стороны правительства.

Как показывает опыт, особенно большое значение в создании конфликтных ситуаций имеет личностный компонент, т.е. способность конкретных политических деятелей, занимающих соответствующие позиции в структурах власти, обострять и без того напряженные отношения своими высказываниями или действиями. Многие депутаты и государственные деятели самого высокого ранга не всегда взвешивают последствия своих слов, не осознают того, что слово политика воспринимается в общественном

мнении не так, как слово частного лица и рядового гражданина. Разумеется, в политике действуют живые люди с их слабостями, достоинствами и недостатками, симпатиями и антипатиями, с их собственным кругозором и уровнем культуры. Но это тот слой людей, который воплощает и осуществляет представительские функции, поэтому всякий жест, слово и реплика политического деятеля воспринимаются как действие властной функции, расширяющей пространство влияния конкретной личности. Конкретных людей нельзя превратить в функции их политических ролей и позиций, но культура политического поведения предполагает по возможности устранение личных амбиций, симпатий и антипатий прежде всего тех людей, которые обладают властью. Неустраняемая личная антипатия или чувство враждебности между политическими деятелями в высших эшелонах власти влечет за собой дополнительную напряженность, повышает коэффициент конфликтности политических отношений.

Далее, рассматривая вопрос об участниках конфликта, необходимо заметить, что всякий конфликт так или иначе персонафицирован. У каждой из сторон конфликта имеются свои лидеры, вожди, руководители, идеологи, которые озвучивают и транслируют представления своей группы, формулируют «свои» позиции и представляют их в качестве интересов своей группы. При этом зачастую бывает трудно разобраться, выдвигает ли того или иного лидера сложившаяся конфликтная ситуация или он сам создает эту ситуацию, поскольку он — благодаря определенному типу поведения — занимает позицию лидера, вождя, «выразителя интересов» народа, этнической группы, класса, социальной прослойки, политической партии и т.д. Во всяком случае, в любом конфликте личностные особенности лидеров играют исключительную роль. В каждой конкретной ситуации они могут вести дело на обострение конфликта или находить средства для его урегулирования.

Как правило, лидер не одинок. Его поддерживает определенная группа, но эта поддержка почти всегда осуществляется на некоторых условиях. Определенные члены «группы поддержки» находятся одновременно в отношениях соперничества или конкуренции за позиции в лидировании. Следовательно, лидер вынужден считаться не только с противоположной стороной в конфликте, но и с тем, как он будет воспринят в своей собственной среде, насколько прочна его поддержка среди его собственных сторонников и единомышленников.

Следующий вопрос: насколько сплоченной и организованной является каждая из сторон конфликта и каковы «механизмы мобилизации» в рамках каждой из конфликтующих сторон. Одно

дело — сплоченная группа, борющаяся за определенные идеалы справедливости, которые не пользуются поддержкой широких масс населения. И совсем другое дело — массовые движения, укоренившиеся в сознании сравнительно широких слоев населения, передающиеся в качестве некоторых заветов от одного поколения к другому.

Перейдем теперь к вопросу об источниках конфликта: за что же, как правило, разворачивается борьба? Каково соотношение между декларируемыми позициями и реальными побуждениями или интересами в конфликте?

Прежде всего, следует отметить бесконечное разнообразие конфликтных ситуаций и невозможность свести их окончательно к какому-либо единому началу и общему знаменателю. И все же исторический опыт и социальная практика позволяют определить некоторое число тех проблем, по поводу которых формируются конфликтные ситуации, перерастающие в конфликты. Мы здесь остановимся лишь на четырех источниках конфликтов, достаточно распространенных во всех человеческих сообществах. Это богатство, власть, престиж и достоинство, т. е. те ценности и интересы, которые имеют значение во всяком обществе и придают смысл действиям конкретных лиц, участвующих в конфликтах. В разных исторических контекстах приоритетность соответствующих ценностей может модифицироваться, но содержательная сторона дела от этого изменяется не очень существенно.

На первое место для нынешней российской ситуации следовало бы поставить такую ценность, как *«богатство»*. Во-первых, обращение к идее социальной дифференциации позволяет каждому открыто стремиться к тому, чтобы избавиться от «бедности» и «стать богатым». В массовом сознании и в практических жизненных отношениях богатство — это не просто некоторая сумма денежных средств или имущества, а возможность расширения пределов своей деятельности и влияния. В ходе российских реформ возникло новое отношение как к богатству вообще, так и к деньгам в частности. Как только открылись новые каналы социализации в сфере торговли и финансовых отношений, масса людей ринулась в эту нишу для того, чтобы решить свои жизненные проблемы и избавиться от гнета бедности и уравнительности. Возникла жесткая конкуренция, не регулируемая законом. Те, кто хотели добиться свободы через богатство, должны были рисковать, и они шли на этот риск, подчас подавляя в себе чувства осмотрительности и осторожности и порывая с предассудками морали и законопослушного поведения. И это не удивительно, впервые для людей энергичных и сообразительных

открылись возможности приобретения движимости и недвижимости в крупных масштабах. При этом быстро шло усвоение той истины, что деньги сами по себе не должны просто «накапливаться», они должны быть в обороте, с тем чтобы приносить новые деньги. Очень скоро слой разбогатевших людей в России почувствовал и понял, что коммерческая деятельность, направленная на приобретение богатства, требует от человека постоянного напряжения. Быть богатым надо не только уметь, надо профессионализироваться в сфере коммерции и финансовых отношений, ибо конкуренция в этой области оказывается достаточно жесткой: тот, кто не может выдержать психологической и физической нагрузки, разоряется, теряет только что обретенное богатство, а с ним и открывшиеся было возможности, влияние, положение, связи. Материальным воплощением богатства является капитал, деньги, ценные бумаги, собственность на земельные участки и жилье, на средства транспорта и связи, технологии, оружие, средства рекреации. Но обладание всем этим дает человеку иное мироощущение жизни в сравнении с тем, которое существует у большинства. Это ощущение как бы безграничных или расширившихся возможностей, это ощущение власти, исключительности и привилегированности в этом мире, которое представители нового класса собственников стремятся передать по наследству. Поскольку борьба за собственность ведется исключительно жесткими и порою жестокими методами, постольку именно в этой области конфликты разворачиваются с особой силой. Эмпирическим свидетельством жесткости конфликтов по поводу богатства и собственности в российской практике являются сотни убитых предпринимателей, практика уголовных разборок, столкновений охранных отрядов, действующих по законам мафиозных структур. В этом плане формирование российских рыночных отношений напоминает период первоначального накопления, пройденного западными странами в XVI–XVII, а в США в XIX в. Крупный капитал ныне стремится к тому, чтобы завершить период криминального накопления богатства и усилить роль права и государства в становлении цивилизованного социального неравенства.

Вторым не менее важным источником конфликтов является борьба за *власть*. Она не менее притягательна, нежели богатство как таковое, хотя бы потому, что булат и золото постоянно ведут между собою спор. Эмпирическим выражением властных позиций являются государственные и негосударственные должности и позиции, позволяющие контролировать распределение ресурсов на основе права распоряжения, определять доступ к потокам значи-

мой информации, участвовать в принятии решений. Поле власти создает специфическую среду общения, вхождение в которую — один из важнейших мотивов политической деятельности. Здесь также формируется чувство исключительности, приобщенности к чему-то более важному и значимому, чем повседневные интересы. В особенности эти чувства обостряются в тех ситуациях, когда человек получает возможность распоряжаться средствами насилия: отдавать распоряжения об аресте, определять движение войсковых соединений, давать приказы о применении оружия. Конфликты в политическом пространстве обладают столь же большой силой вовлечения, как и конфликты, связанные с богатством, но они, как правило, обрамляются более высокопарной фразеологией, связанной с декларациями относительно общих — национальных, государственных — интересов и интересов прогресса в целом.

Еще один источник конфликта, сказывающийся непосредственно на характере его протекания, — распределение властных полномочий и позиций, имеющихся в иерархии властных или управленческих структур. Чем более высокое положение затрагивается в конфликте, тем ожесточеннее борьба. На самом вершине иерархической системы — посты президента, председателя кабинета министров и членов правительства, руководящие позиции в парламенте или иных политических структурах — борьба является наиболее ожесточенной. Вопросы материальной выгоды здесь, как правило, отступают на задний план. И каждый из участников конфликта готов пожертвовать многим ради достижения целей, связанных с политическим престижем, соответствующими символическими позициями, связанными с государственной атрибутикой, с расширением властных полномочий своих собственных или своей группировки (11).

В политике скрытой доминантой всех отношений является борьба за власть. Но эта доминанта никогда или почти никогда не декларируется открыто. Она облекается в сложные нравственные, правовые и идеологические одежды. Дело в том, что любой политик и любая политическая партия нуждаются в поддержке со стороны общественного мнения и в самооправдании. Поэтому ни один из участников политического конфликта не может заявить прямо: «мои оппоненты попользовались властью, теперь настала моя очередь». Такое откровенное и циничное заявление сразу же лишило бы претендента на власть искомой поддержки. Он должен представить прежнюю власть как не соответствующую интересам народа, нации, общества, мешающей прогрессу, свободе и вообще должен включить в свою аргументацию как можно более широкий круг аргументов. При этом вопрос о том, верит ли претендент

этим аргументам или нет, не имеет принципиального значения. То, что на самом деле имеет значение, это поддержка данной политической партии, общественного движения, данного лидера со стороны общественного мнения.

С точки зрения социологии конфликта, исходным пунктом развития политического конфликта оказывается необходимость перераспределения власти и авторитета как в масштабах всего общества, так и в масштабах отдельных организаций и объединений. В свою очередь, обозначенная необходимость обусловлена тем, что в жизнь вступают представители новых поколений — в прежних общественных структурах так или иначе формируется новая элита, требующая себе места под солнцем. Чем стабильнее и чем более замкнутой выглядела система властных отношений на прежних этапах развития, тем болезненнее оказывается конфликт, связанный с перераспределением власти. Это — основная линия развития конфликта, распространяющаяся многообразными путями и способами сверху вниз.

Третий источник — *престиж*. Реальным воплощением престижа являются известность и популярность личности, ее репутация и авторитет, сила влияния на принятие решений, демонстрируемое уважение к данному человеку и его мобилизационный потенциал. Престиж в очень редких случаях может быть завоеван без поддержки власти и богатства, поэтому это в какой-то мере вторичный источник конфликта. Но дело в том, что и богатство, и власть как бы аккумулируются в престиже. Ни то, ни другое не может сохранить свое влияние, не получая поддержки со стороны общественного мнения. Борьба за власть и богатство может начинаться с конфликтов по поводу престижа — создания репутации, или наоборот, дискредитации той или иной персоны или группы людей в глазах общественного мнения. Отсюда и возникает представление о так называемой четвертой власти, которая сосредоточена в средствах массовой информации.

Рассматривая российскую ситуацию, важно указать и на четвертый источник конфликтов в современной практике общественных отношений. Это *человеческое достоинство*. Речь идет о таких ценностях, как уважение и самоуважение, компетентность, профессионализм, представительность, признание, нравственные качества личности. Если все свести только к предыдущим трем источникам конфликтов, то получается довольно безрадостная картина почти неопровержимого утверждения зла и порока, разрушения нравственного начала в обществе. Однако в борьбе за богатство, власть и славу человеку не стоит забывать о границах своего выбора, отделяющих человеческое, гуманное, культурное

начало от бесчеловечного и безнравственного. И эти границы проходят внутри каждого конкретного индивида. Тот, кто переходит эти границы, теряет прежде всего право на самоуважение, а вместе с тем подрывает свое личностное достоинство, свою гражданскую и профессиональную честь. Поэтому, кстати, в борьбе за власть и богатство, за социальный престиж особое место занимает стратегия либо на возвышение личности, либо на ее растаптывание, на унижение человеческого достоинства, на слом личности. С помощью стратегии второго типа создается криминальная среда, формируются сообщества подонков, действующих во имя интересов хозяина. Обычно мобилизационные механизмы создания такой среды сопряжены с формулами «деньги не пахнут» или «политика — грязное дело». Однако нравственный конфликт, связанный с определением конечных ценностей или смысла человеческого существования, пронизывает все иные конфликты. Как правило, проблема нравственного конфликта сопряжена с выбором средств достижения своих целей в том или ином конкретном конфликте.

Характер конфликта, реальное его разворачивание и протекание зависит не столько от деклараций о намерениях сторон, интересы которых не совпадают, сколько от тех средств, которые на самом деле используются в конфликте. Крайние полюса — насилие и переговорный процесс. Однако между этими крайними полюсами существует масса промежуточных ступеней, которые демонстрируются на практике в достаточно очевидных масштабах.

4. ПРИНЦИПЫ И ИНТЕРЕСЫ В КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

При анализе природы конфликта нельзя обойти и вопрос о том, что же именно является конкретным предметом притязаний конфликтующих группировок.

Конфликт по поводу ценностей, важнейших жизненных установок относится к числу наиболее сложно разрешимых. Здесь включается в дело то, что называется принципами, которыми очень трудно, а подчас и невозможно поступиться. Отступая от принципов, от заветов предков, от определенных традиций, конфликтующая сторона теряет свое лицо, свой престиж, свой собственный образ, сложившийся в самосознании. Спор по поводу меры отступления от принципа всегда влечет за собою раскол соответствующей группы, находящейся в состоянии конфликта с другой группой. Это связано с изменением лидерства и с иным пониманием исходных ценностей.

Конфликты по поводу материальных ресурсов поддаются регулированию с большим эффектом. Прежде всего эти материальные ресурсы могут так или иначе соизмеряться, и поэтому вопрос о разделе ресурсов может стать и становится, как правило, предметом торга, переговоров. Здесь возможны взаимные уступки и договоренности.

В российской ситуации различие между этими конфликтами видно при сопоставлении вопросов суверенитета той или иной республики или вновь образовавшегося суверенного государства и проблем обеспечения этих государств энергетическими ресурсами. Одна из ошибок руководства СССР, ускорившая его развал, состояла в неумении видеть разницу между этими двумя типами конфликтов. Это непонимание особенно ярко проявилось в связи с попыткой организовать экономическую блокаду прибалтийских государств. В этом случае она неизбежно привела к результату, противоположному в сравнении с тем, который ожидался. Анти-советские, антиимперские настроения лишь усилились и привели к более высокому уровню сплочения населения вокруг исходных ценностей.

В целом в последние годы в политике СССР можно было заметить явную переоценку экономической проблематики, надежду на автоматическое действие экономических факторов, экономических интересов и их разумное толкование. Наличие единого народно-хозяйственного комплекса само по себе рассматривалось как гарантия незыблемости Союза ССР. Философская же предпосылка этой аргументации заключалась в упрощенном материализме, уверенности в том, что в политике нельзя пренебрегать экономическими интересами. На самом деле ситуация показала обратное. В условиях кризиса тот достигает большего политического эффекта, кто менее всего считается с экономическими интересами, кто выдвигает на первый план принципы суверенизации, независимости от центра, автономизации.

5. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОНФЛИКТОВ

Источником обострения конфликтов между большими группами, как уже отмечалось, является накопление неудовлетворенности существующим положением дел, возрастанием притязаний, радикальное изменение самосознания и социального самочувствия. Как правило, сначала процесс накопления неудовлетворенности идет медленно и подспудно, пока не происходит некоторое событие, которое играет роль своего рода спускового меха-

низма, выводящего наружу это чувство неудовлетворенности. Неудовлетворенность, приобретающая открытую форму, стимулирует возникновение социального движения, в ходе которого выдвигаются лидеры, отрабатываются программы и лозунги, формируется идеология защиты интересов. На этом этапе конфликт становится открытым и необратимым. Он либо превращается в самостоятельный и постоянный компонент общественной жизни, либо завершается победой иницилирующей стороны, либо решается на основе взаимных уступок сторон.

Адекватный анализ конфликтной ситуации предполагает тщательное выделение обстоятельств созревания конфликта. Здесь могут действовать исторические, социально-экономические и культурные факторы, завершающиеся в действиях политических структур и институтов.

Следует подчеркнуть своеобразие возникновения каждого из основных типов конфликта.

Социально-экономический конфликт возникает на основе неудовлетворенности прежде всего экономическим положением, которое рассматривается либо как ухудшение в сравнении с привычным уровнем потребления и уровнем жизни (реальный конфликт потребностей), либо как худшее положение в сравнении с другими социальными группами (конфликт интересов). Во втором случае конфликт может возникнуть даже при условии некоторого улучшения условий жизни, если оно воспринимается как недостаточное или неадекватное.

Сложнее обстоит дело с национально-этническими конфликтами. В разных регионах бывшего СССР эти конфликты имели разный механизм возникновения. Для Прибалтики особое значение имела проблема государственного суверенитета, для армяно-азербайджанского конфликта — территориальный статусный вопрос Нагорного Карабаха, для Таджикистана — межклановые отношения.

Политический конфликт означает переход на более высокий уровень сложности. Его возникновение связано с сознательно формулируемыми целями, направленными на перераспределение власти. Для этого необходимо выделение на основе общей неудовлетворенности социального или национально-этнического слоя особой группы людей — представителей нового поколения политической элиты. Зародыши этого слоя формировались в последние десятилетия в виде незначительных, но весьма активных и целеустремленных, диссидентских и правозащитных групп, открыто выступавших против сложившегося политического режима и ставившихся на путь самопожертвования ради общественно зна-

чимой идеи и новой системы ценностей. В условиях перестройки прошлая правозащитная деятельность стала своего рода политическим капиталом, позволившим ускорить процесс формирования новой политической элиты.

В развитии политического конфликта на макроуровне особое значение имело переопределение источников этих трех конфликтов, установление связей между движениями разного рода. Так, важнейшим элементом поражения горбачевского курса стало выдвижение бастующими шахтерами и их руководителями требования об отставке Президента СССР, сформулированного в отчетливой форме в 1991 г.

6. ПРОБЛЕМА «ЦЕНЫ КОНФЛИКТА»

В зависимости от возможного исхода конфликты подразделяются на чистые и смешанные. Первые характеризуются тем, что в них нет места для соглашения, даже для возможного согласия. Вторые могут разрешаться таким образом, что обе стороны могут оказаться в выигрыше. Может быть выигрыш этот будет распределяться неравномерно, но лучше иметь небольшое улучшение своих позиций, чем потерять все. Под этим углом зрения можно представить себе четыре возможных варианта конфликта между двумя противостоящими сторонами «А» и «Б»:

«А» выигрывает за счет «Б».

«Б» выигрывает за счет «А».

Обе стороны оказываются в проигрыше, хотя они надеялись на благоприятный для себя исход.

Обе стороны могут оказаться в выигрыше в разных отношениях на основе компромисса, взаимных уступок, взвешивания возможных потерь в ходе самого конфликта.

К сожалению, очень часто противостоящие стороны не учитывают «цены» самого конфликтного действия, тех жертв, которые окажутся принесенными ради достижения, казалось бы, очень легко достижимой цели. В результате конфликт развивается таким образом, что обе стороны несут ущерб и не могут остановиться в своей конфронтации, так как каждый шаг в развязывании конфликта ведет к ответным действиям, образованию порочного круга и тупиковой ситуации.

Обычно любой конфликт начинается с предъявления определенных притязаний одной из сторон к другой. Если вторая сторона имеет возможность эти притязания удовлетворить и удовлетворяет их, то конфликта удастся избежать или, по крайней мере,

отодвинуть его. Дело в том, что предъявление притязаний далеко не всегда является адекватным. Это можно наблюдать как в быту, так и в серьезных политических столкновениях. Важно поэтому разобраться, в чем существо спора, что на самом деле разделяет стороны и является источником антагонистических отношений и враждебности.

7. СТАДИИ РАЗВЕРТЫВАНИЯ КОНФЛИКТА

Рассматривая вопрос о стадии, на которой находится конфликт, мы вновь должны обратиться к исходному определению социального конфликта. Это определение по необходимости носит весьма общий характер. В нем присутствуют такие элементы, как указание на связь конфликта с социальной напряженностью, с противостоянием социальных сил, с источниками социальных изменений.

Итак, *конфликт — это важнейшая сторона взаимодействия людей в обществе, своего рода клеточка социального бытия. Это форма отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями.* Существенная сторона социального конфликта состоит в том, что эти субъекты действуют в рамках некоторой более широкой системы связей, которая модифицируется (укрепляется или разрушается) под воздействием конфликта.

В предложенном нами определении мы отходим от такого понимания конфликта, которое основывается на идее ограниченных ресурсов, на которые претендуют разные стороны и которые, якобы, оказываются предметом конфликта, объектом разнонаправленных притязаний. Мы исходим из того, что если интересы разнонаправленны и противоположны, то их противостояние будет обнаруживаться в массе самых разных оценок; они сами найдут для себя «поле столкновения», при этом степень рациональности выдвигаемых притязаний будет весьма условной и ограниченной. Вполне вероятно, что на каждом из этапов развертывания конфликта он будет сосредоточен в определенной точке пересечения интересов, которая и будет представляться конфликтующими сторонами главным предметом столкновения.

Каждая из сторон воспринимает конфликтную ситуацию в виде некоторой проблемы, в разрешении которой преобладающее значение имеют три главных момента:

во-первых, степень значимости более широкой системы связей, преимущества и потери, вытекающие из предшествующего

состояния и его дестабилизации, — все это может быть обозначено как оценка доконфликтной ситуации;

во-вторых, степень осознания собственных интересов и готовность пойти на риск ради их осуществления;

в-третьих, восприятие противостоящими сторонами друг друга, способность учитывать интересы оппонента.

Нормальное развитие конфликта предполагает, что каждая из сторон способна учитывать интересы противостоящей стороны. Такой подход создает возможность сравнительно мирного разворачивания конфликта с помощью переговорного процесса и внесения корректив в предшествующую систему отношений в направлении и масштабах, приемлемых для каждой из сторон.

Однако в переживаемой нами ситуации чаще бывает так, что сторона, инициирующая конфликт, исходит из негативной оценки предшествующего положения дел и декларирует лишь свои собственные интересы, не принимая во внимание интересы противоположной стороны. Противостоящая сторона вынуждена в этом случае предпринимать особые меры для защиты своих интересов, которые воспринимаются и интерпретируются инициатором конфликта как стремление защитить *status quo*. В результате этого обе стороны могут претерпеть определенный ущерб, который относится на счет противостоящей стороны в конфликте.

Такая ситуация чревата применением насилия: уже на начальной стадии конфликта каждая из сторон начинает демонстрировать силу или угрозу ее применения. В этом случае конфликт углубляется, так как силовое воздействие обязательно встречает противодействие, связанное с мобилизацией ресурсов сопротивления силе.

Чем большее стремление к применению силы наблюдается в конфликте, тем сложнее его разрешение, т.е. выход на новые параметры социальных отношений. Насилие создает вторичные и третичные факторы углубления конфликтной ситуации, которые подчас вытесняют из сознания сторон исходную причину конфликта.

Каждая из сторон вырабатывает на этой фазе свою интерпретацию конфликта, неизменными элементами которой являются представление о правомерности и обоснованности собственных интересов и предпринятых в их защиту действий и обвинение противоположной стороны, т.е. создание образа врага. На этом этапе создается, следовательно, идеологическое оформление конфликта, которое для каждого из его участников выступает в виде определенной суммы критериев, разделяющих весь социальный мир на своих и чужих, на тех, кто либо поддерживает, либо не поддерживает именно эту сторону. Силы нейтральные, настроенные

примиренчески, воспринимаются при этом как союзники противоположной или враждебной стороны.

Таков путь к возникновению новой фазы конфликта — тупиковой ситуации. Она означает практически паралич действий, неэффективность принимаемых решений, так как каждая из сторон воспринимает предложения и действия, направленные на выход из кризиса, в качестве одностороннего выигрыша противоположной стороны.

Тупиковая ситуация имеет тенденции к саморазрушению. Выход из нее может быть найден только на путях радикального пересмотра сложившейся ситуации и отказа от тактики борьбы по принципу «все или ничего». Как правило, такой пересмотр связан со сменой лидеров вначале одной, а затем и другой конфликтующей стороны, которые пересматривают сложившиеся на предыдущих этапах идеологические обоснования конфликтов, выявляя их мифологическое содержание и отсутствие социологического реализма.

Здесь открываются новые возможности для переговорного процесса, которые должны опираться на пересопределение, новое осознание собственных интересов, основанное на опыте развертывания конфликтной ситуации и осмыслении общих потерь, понесенных сторонами на стадии обострения конфликта, его идеологизации и тупика.

Таким образом, основные этапы или фазы конфликта могут быть резюмированы следующим образом:

1. Исходное положение дел; интересы сторон, участвующих в конфликте; степень их взаимопонимания.
2. Иницилирующая сторона — причины и характер ее действий.
3. Ответные меры; степень готовности к переговорному процессу; возможность нормального развития и разрешения конфликта — изменения исходного положения дел.
4. Отсутствие взаимопонимания, т.е. понимания интересов противоположной стороны.
5. Мобилизация ресурсов в отстаивании своих интересов.
6. Использование силы или угрозы силой (демонстрации силы) в ходе отстаивания своих интересов; жертвы насилия.
7. Мобилизация контрресурсов; идеологизация конфликта с помощью идей справедливости и создания образа врага; проникновение конфликта во все структуры и отношения; доминирование конфликта в сознании сторон над всеми иными отношениями.
8. Тупиковая ситуация, ее саморазрушающее воздействие.
9. Осознание тупиковой ситуации; поиск новых подходов; смена лидеров конфликтующих сторон.
10. Переосмысление, переформулировка собственных инте-

ресов с учетом опыта тупиковой ситуации и пониманием интересов противостоящей стороны.

II. Новый этап социального взаимодействия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фишер Р., Ури У. Путь к согласию. Или переговоры без поражения. М., 1990.
2. Boulding K.E. Conflict and Defence. N.Y.: Harper & Row, 1962.
3. Rapoport A. Fights, Games, and Debates. Univ. of Michigan Press, 1960.
4. Kriesberg L. Social Conflicts. Prentice-Hall. 1973, 1982. На русском языке с работой этого автора можно познакомиться по статье «Этничность, национализм и насилие 1990 годов», опубликованной в сб. «Анализ и прогноз межнациональных конфликтов в России и СНГ» под ред. А. Здравомыслова. М., 1994.
5. Российские авторы сравнительно недавно обратились к исследованиям практических вопросов урегулирования конфликтов. Назовем здесь статью В.А. Соснина «Переговорный процесс: теоретические и практические проблемы преодоления конфликтных ситуаций», опубликованную в сб. «Анализ и прогноз...» (прим. 4). Глава о социальных конфликтах включена в учебник С.С. Фролова «Социология». М.: Наука, 1994. С. 225–242. Близкий к этому круг вопросов рассматривается и в книге А. Дмитриева, В. Кудрявцева и С. Кудрявцева «Введение в общую теорию конфликтов». М., 1993.
6. Giddens A. The Constitution of Society. — Polity Press. Cambridge, 1989. P. 198–199.
7. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 272–273.
8. Kriesberg L. Social Conflicts. Prentice-Hall, 2nded., 1982. P. 17.
9. Здравомыслов А.Г. Проблема интереса в социологической теории. Изд-во ЛГУ, 1964; Потребности, интересы, ценности. М., 1986.
10. Фукуяма Ф. Неясность национального интереса//Независимая газета. 1992. 16 окт.
11. Обершелл. Указ. соч. С.37.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Охарактеризуйте три уровня исследования конфликтов в теоретическом и прикладном аспектах.
2. Известны ли вам работы российских авторов по социологии конфликта и по конфликтологии?
3. Приведите четыре точки зрения на трактовку причин социального конфликта.
4. Дайте определение понятия «конфликт»? Что значит «столкновение интересов»?
5. Что такое «стороны конфликта»? Какова роль сознания конфликтующих сторон в развитии конфликта?
6. Свяжите определение конфликта с теоремой Томаса.
7. Каковы основные фазы развития конфликта?
8. В чем, по вашему мнению, отличие кризисной ситуации от тупиковой? Можете ли вы описать пути выхода из тупиковой ситуации, опираясь на ваш личный опыт и на литературу?

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И МОТИВАЦИЯ КОНФЛИКТА

Содержание предыдущей главы показывает многообразие подходов к изучению конфликта в истории социологии. Разумеется, представленное многообразие не исчерпывается изложенными теоретическими концепциями. Ведь каждое теоретическое построение из числа тех, которые были представлены выше, предлагает свой угол зрения, опираясь как на состояние теоретической мысли в данный момент и в данной стране, так и на специфику реального развертывания конфликтов в соответствующих жизненных пространствах. Ситуация конца XX столетия, равно как и развитие российского кризиса, дает массу материала, раскрывающего новые грани конфликтов разного рода — от международных до личностных. Эта ситуация предполагает новые теоретические разработки и подходы аналитического характера. Они могут содействовать систематизации исторического и эмпирического материала и становиться своего рода средством понимания происходящего.

1. АНАЛИТИЧЕСКАЯ СХЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

В настоящей главе мы предложим аналитическую схему исследования конфликтов, опирающуюся на предшествующее изучение предмета. Мы можем представить эту схему как попытку моделирования, как основание для классификации, которая исходит из определенных предпосылок. Первая из таких предпосылок заключается в том, что в теоретическом знании всегда сохраняется некоторый императив целостного представления предмета исследования. Анализ частных процессов, как бы он ни был важен и скрупулезен, не может заменить видения общего развертывания процессов. Это общее видение может быть итогом исследования многообразных частных, как бы их суммой и резюме, а может быть и предпосылкой дальнейшей исследовательской деятельности. Скорее всего, при разработке эффективных теоретических схем мы имеем дело одновременно и с результатом, и с началом, стимулом дальнейших исследований. Вторая идея общего характера, предвещающая изложение дальнейшего материала, состоит в усвоении одного из наиболее существенных выводов, проистекающих из предшест-

вующего теоретического анализа: конфликты исключительно многообразны по способам своего существования и развертывания, по источникам своего происхождения, по движущим силам, которые в известной степени определяют способ их действия, и, наконец, по мотивации, по той жизненной энергии, которая вовлекается в динамику конфликтов и оказывается для них своего рода питательным материалом. Чисто рационалистические подходы к объяснению конфликтов вряд ли могут служить надежным инструментом их анализа, но и исключение рациональности, способности к познанию и осмыслению собственных интересов со стороны действующих сил также не может привести к успеху на этом поприще.

Конфликт — и это не отрицает ни один из представленных выше теоретиков — *есть одновременное развертывание действия и контрдействия. Это реализация намерений и вместе с тем преодоление сопротивления, которое неизбежно встречается в ходе этой реализации. Это исключительно сложное совместное действие по меньшей мере двух сторон, объединенных противостоянием.* В более специфической литературе по анализу конфликтов мы можем встретить преимущественно две точки зрения на природу конфликта. Первая может быть названа ресурсной точкой зрения, вторая — ценностной. В теориях первого типа доминирует экономическое объяснение конфликта. Он всегда развертывается за существенно значимые средства жизнедеятельности, будь то территория, сырьевые и энергетические ресурсы, сферы политического доминирования. Теории второго типа можно назвать ценностными. На первый план здесь выступают системы верований и убеждений, несовместимые принципы организации общественного устройства, взаимоисключающие культурные стереотипы.

В нашем теоретическом анализе предпринята попытка объединить ресурсный и ценностный подходы, показать, с одной стороны, различия в обосновании социального поведения в том и другом случаях и, с другой стороны, раскрыть способы их взаимодействия между собою.

Как видно из предшествующего изложения, любое социальное напряжение может превратиться в социальный конфликт при соответствующих условиях. Однако ход этого превращения, способ осмысления этого процесса, характер его представления в сознании действующего субъекта будет вместе с тем развиваться по определенным правилам. При этом будет сохраняться определенная последовательность в аргументации, в выдвижении притязаний и в обосновании своих требований. В действиях противостоящих сторон всегда будет иметь место апелляция:

к тому, что *жизненно необходимо* для соответствующего субъекта;

к тому, что представляют собою *вариации средств и методов* удовлетворения соответствующих жизненных потребностей;

к тому, что для него существенно и важно с точки зрения сохранения собственной идентичности; к тому, что «общепринято»; освящено обычаем.

Эти четыре линии аргументации, выдвигаемые с обеих сторон конфликта, обозначаются как апелляции к *потребностям, интересам, ценностям и нормам*. Разграничение между потребностями, интересами, ценностями и нормами составляет первую линию аналитического расчленения конфликтов. Мы не будем здесь рассматривать вопрос о том, в какой мере конкретное содержание притязаний в ходе развертывания конфликта соответствует «действительным» потребностям, интересам, ценностям и нормам. Дело в том, что если эти линии аргументации возникают и разрабатываются, то они становятся сами по себе реальностью конфликтной ситуации, опровержение которых осуществляется не теоретическим путем, а практически. Суть дела в том, что в конфликте одна совокупность потребностей, интересов, ценностей противостоит другой, выдвигаемой противоположной стороной. При этом обозначенные линии причинного развертывания конфликта могут действовать не только совместно, но и каждая в отдельности. Конфликт будет полным и развернутым, когда он основывается на одновременном включении в мотивацию всех четырех способов причинных обоснований или всех четырех уровней мотивации: потребностей, ценностей, интересов и норм. Что касается четвертого уровня, связанного с апелляцией к нормативности, то он имеет преимущественное значение на этапе регулирования конфликта, выяснения возможных точек соприкосновения или примирения сторон. На практике дело может обстоять таким образом, что в конфликт может быть включен лишь один из уровней мотивации. Чаще всего конфликт осознается как противостояние интересов.

Вторая линия аналитического расчленения конфликтов связана с тем, в какой из сфер жизнедеятельности общества развертывается данный конфликт. Речь идет о трех сферах: экономической, политической и культурной. В первой из них конфликт, как правило, развертывается по поводу ресурсов социального действия или, более широко, по поводу средств жизнедеятельности субъекта. Во второй — политической сфере — главным предметом конфликта будет являться власть. В третьей — интерпретация культурных норм и целевых установок общества как некоего социального целого.

Сопоставляя между собою обозначенные выше линии аналитического расчленения конфликтов, мы получаем искомую схему, которая будет выглядеть следующим образом:

С х е м а 1. Перекрестный анализ движущих сил конфликта и сфер жизнедеятельности

Движущие силы	Сферы жизнедеятельности		
	Экономика	Политика	Духовная жизнь
Потребности	Варианты использования ресурсов	Варианты самоорганизации	Человек: рациональный — эмоциональный
Интересы	Институты распределения	Интеграция — раскол	Тип культуры
Ценности	Ориентация на рынок — государство	Власть как средство или самоцель	Интерпретация высших ценностей
Нормы	Договор — выгода	Закон — манипуляция	Долг — удовольствие

Предложенная схема позволяет выявить наиболее существенные причины глубинных конфликтов между субъектами разного уровня. В сфере экономики это будут конфликты, сопряженные с вариантами распределения ресурсов, конфликты, связанные с функционированием институтов распределения, и конфликты, раскрывающие противоположность экономических установок разного типа. В сфере политики вся совокупность жизненных интересов вращается вокруг способов организации общества, уровня его сплоченности и характера властных отношений. В сфере духовной жизни конфликты связаны с внутренним миром человека, характером свободы, типом культуры и интерпретацией высших ценностей: добра, справедливости, высшего блага.

Что касается движущих сил или глубинных причин конфликтов, то они также обладают значительной вариабельностью. Если речь идет о потребностях, то необходимо учитывать не только проблему воспроизводимости ресурсов и характера их использования, но и фундаментальные проблемы, касающиеся способов самоорганизации общества, равно как и преимущественную ори-

ентацию субъекта действия либо на рациональные, либо на эмоциональные характеристики и побуждения деятельности. Интересы, в свою очередь, представляют собою не просто некоторые стремления к благам, удовлетворяющим жизненные нужды и потребности. Они определяют отношение к сложившимся в обществе институтам распределения, которые, в свою очередь, определяют допустимые для данного общества пределы и социально устоявшиеся формы неравенства. Во взаимодействии с духовными сферами жизнедеятельности людей интересы определяют типы культуры: ее ориентацию преимущественно на познание, на труд, на досуг, на индивидуальные достижения или на сильно развитые формы группового контроля над поведением индивида. Ценности проявляются, как видно из предложенной схемы, не только в области чисто духовных отношений. Они в значительной мере определяют базовые ориентации общества, в том числе и его выбор между типами экономического развития и экономической организации общества. Характер ценностных ориентаций в обществе во многом определяет и отношение к власти. Крайние варианты этого отношения сопряжены с прагматическим отношением к ней или с восприятием ее как самодовлеющего начала, выполняющего роль терминальной ценности в отношениях между членами сообщества.

Предложенная схема может служить важным средством исследования реальных конфликтных ситуаций, поскольку она определенным образом демонстрирует порядок выдвижения требований конфликтующими сторонами. В этой схеме содержится по сути дела минимальный набор предъявляемых требований и притязаний. Этот набор предъявляется каждой из сторон. В определенных случаях выдвигаемые требования могут носить «зеркальный» характер: потребности, выдвигаемые одной из сторон, с той же силой предъявляются и другой стороной. Но в большинстве реальных ситуаций характер притязаний является асимметричным, что позволяет более тщательно отнестись к проблематике обмена уступками, подводя на практике дело к взаимной выгоде.

Важно обратить внимание и на структуру каждой из клеточек мотивационного ядра конфликта. Каждая из них содержит определенные варианты устремлений. В силу этого каждая из них может быть источником напряжения, раскола, возникновения новых конфликтных ситуаций и усугубления стародавних конфликтов.

Предложенная схема не исчерпывает собою всех возможных вариантов классификации конфликта. В нее не включена характеристика самого субъекта действия или конфликтующей стороны. Используя схематику, предложенную Н. Смелсером, можно вы-

строить следующий ряд уровней конфликтующих сторон, поднимаясь от простых ко все более сложным субъектам действия:

1. Межиндивидуальные конфликты.
2. Межгрупповые конфликты, при этом в числе групп можно выделить:
 - а) группы интересов,
 - б) группы этно-национального характера,
 - в) группы, объединенные общностью положения.
3. Конфликты между ассоциациями (партиями).
4. Внутри- и межинституциональные конфликты.
5. Конфликты между секторами общественного разделения труда.
6. Конфликты между государственными образованиями.
7. Конфликт между культурами или типами культур.

Важно обратить внимание на то, что каждый из субъектов действия может выступать стороной конфликта, при этом применительно к данному субъекту конфликт может разворачиваться во всех сферах его жизнедеятельности и со всей полнотой мотивации или с включением всей совокупности его движущих сил.

Рассмотрим более подробно наиболее существенные проблемы детерминации конфликта через выстроенную систему движущих сил.

2. КОНФЛИКТ ПО ПОВОДУ ЖИЗНЕННЫХ СРЕДСТВ ИЛИ КОНФЛИКТ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Современная ситуация в мире выдвигает проблему ресурсов или жизненных потребностей на одно из первых мест. Как известно, имеются различные оценки состояния экономических и демографических ресурсов как применительно к миру в целом, так и применительно к его отдельным регионам, странам и народам. Эти оценки распадаются, как правило, на две крайние группы — алармистские и оптимистические. Каждая из этих крайних позиций пытается воздействовать на сложившуюся ситуацию таким образом, чтобы предоставить аргументы в пользу своей точки зрения определенным политическим силам и группировкам и оказать влияние на состояние общественного мнения. Это, разумеется, не означает, что проблем не существует на самом деле. В полемике по вопросам экологии рассматриваются действительно существенные вопросы, решение которых связано с обеспечением перспектив жизнедеятельности соответствующих общественных групп и человечества в целом. Для России наиболее существен-

венными проблемами экологического порядка оказываются загрязнение атмосферы и водных массивов, истощение почвы, нарушение экологического равновесия в ряде регионов страны в результате индустриализации и химизации народного хозяйства. Огромный ущерб жизненным интересам населения бывшего Советского Союза нанесла Чернобыльская авария. Как выяснилось через некоторое время после этой аварии, на территории России имеется целый ряд районов, пораженных радиоактивным излучением и практически непригодных для жизни. Однако применение средств контроля радиационной обстановки не развито. Население в целом, за исключением сравнительно узких привилегированных групп, не имеет доступа к информации по этим вопросам.

Конфликты по поводу потребностей могут быть подразделены на два типа: во-первых, конфликт из-за реальной или кажущейся ограниченности ресурсов; во-вторых, из-за соотношения краткосрочных и долгосрочных потребностей. Несомненно, что к числу наиболее существенных долгосрочных потребностей всего человечества относится освоение околоземного космического пространства. Однако реализация соответствующих программ — дело чрезвычайно дорогостоящее. В условиях кризиса это дополнительная нагрузка на бюджет, в связи с чем появляются аргументы против развертывания соответствующих программ. Примерно таким же образом обстоит дело и с вопросами финансирования фундаментальных научных исследований, которые не могут дать непосредственной отдачи в краткосрочной перспективе. Однако свертывание этих программ означает некоторый выигрыш с точки зрения ближайшей перспективы и проигрыш в долгосрочном варианте.

Проблема ориентации на ближайшие и отдаленные цели является общечеловеческой и вечной проблемой. Она касается не только человечества в целом, но и жизнедеятельности любых сообществ, социальных институтов, социальных групп, жизненных потребностей любой семьи и каждого отдельного индивида. Во всех структурах человеческого взаимодействия эта проблема возникает вновь и вновь, решается и вновь пересрешается. Примеры, иллюстрирующие значение этой проблемы, могут быть приведены из самых разных областей. Так, каждая семья в современном обществе самостоятельно решает вопрос о количестве детей, т. е. о продолжении своей жизни в потомстве. При этом семейная политика призвана учитывать с помощью семейного планирования «качество» будущих новых членов семьи — их здоровье, уровень образования, характер жилищных условий и т.д. Все это связано с долгосрочными потребностями воспроизводства на индивидуальном уровне. Выбор в пользу этих потребностей несомненно

означает определенный ущерб текущему благосостоянию семьи. В кризисных условиях ущерб этот может быть весьма существенным. Совокупный результат решений, принимаемых на индивидуально-семейном уровне, может стать и становится подчас важнейшим фактором неблагоприятной демографической ситуации для населения данной страны или данной этнической группы. Так, с 1993 г. в России наблюдается тенденция превышения смертности над рождаемостью, зафиксированная в социальной статистике и в семейно-демографических обследованиях населения.

Следующая линия конфликта, связанного с динамикой потребностей, проходит через формы и способы организации совместной жизни людей. Сами эти способы неверно представлять в качестве некоторой внешней силы по отношению к данному сообществу. Случаи навязывания политического строя имеют место в истории, но лишь в редких случаях они оказывают определяющее воздействие на потребности людей. По большей части эти формы совместной жизни вырабатываются обществом и являются существенной характеристикой народного образа жизни. В современной политологической литературе принято деление политических систем на четыре группы: либеральные, демократические, авторитарные и тоталитарные. Каждый из вариантов политической системы опирается на определенную сумму стереотипов политического поведения, которые и составляют потребности определенного рода.

Современная Россия рассматривается преимущественно как общество переходного типа — при этом имеется в виду, что переход осуществляется от тоталитаризма к политической демократии. В дальнейших разделах книги будет более подробно проанализирован вопрос об изменении в системе политической власти в российском обществе. Сейчас важно обратить внимание на то, что тоталитарный политический режим с самого начала своего возникновения опирался на определенные стереотипы массового сознания, на широко распространенные предрассудки, превращавшиеся в привычки и в своего рода политические потребности.

Новые политические потребности — потребность участия в политической жизни — складываются с большим трудом. Главный вопрос здесь заключается в формировании нового нравственно целостного отношения к власти, которая сама по себе далека от демократического идеала. Конфликт между нравственностью и политической практикой сегодняшнего дня оказывается глубинным конфликтом, развивающимся на уровне жизненных потребностей человека. Этот конфликт не сразу дается массовому сознанию, как бы отступая на второй план по сравнению с жесткой борьбой политических интересов, разыгрывающихся на поверхности.

Третья сфера конфликта на уровне потребностей связана с выработкой баланса рационально осмысленных и эмотивных стремлений, в которых проявляются подчас подсознательные сферы мотивации (1). Здесь мы также сталкиваемся с общечеловеческими свойствами. Конфликт рационального и эмоционального пронизывает все структуры человеческой жизни. Он лежит в основе разделения между собою высших сфер духовной деятельности — науки и искусства, которые пытаются найти компромисс между собою при помощи философии и религиозного сознания. В современной кризисной ситуации эмоциональное начало в человеческом поведении — вполне необходимая составляющая мотивации — все больше отходит от соединения с мотивацией, основанной на способности человека к познанию и мышлению. Оно как бы отгораживается от рациональных импульсов искусственно создаваемой стеной и становится все в большей мере основанием для иррациональной мотивации, для немотивированного поведения, которое не хочет соотнобразовываться с требованиями разума, тут и там ставя его под сомнение. Наблюдается повсеместное обращение к суевериям, к силам и соображениям потустороннего характера, к возвышению непосредственного чувства, интуиции над разумом. Эта тенденция ведет к примитивизации культуры, к обоснованию быстрой реакции на ситуацию. Она стимулирует таким образом насилие, которое выступает в качестве реакции на непосредственные чувства.

Уровень сложности процессов, переживаемых в критических ситуациях и свойственных социальному кризису, превосходит те схемы рационального объяснения действий и поступков людей, которые работали ранее и которые исключали из поля зрения массового сознания нежелательные события, факты, тенденции, отношения. Кризис сознания, таким образом, следует рассматривать не как кризис рациональности вообще, а как кризис определенных ограниченных форм рациональности, задававших приемлемые формы интерпретации социальных отношений. Рациональность, как заметил еще М. Вебер, органически связана с проблемой власти в обществе. Она призвана упорядочить существующие способы господства и подчинения и предложить людям определенные варианты мышления, оправдывающие их законопослушание. Естественно, что с изменением типа власти, который происходит в настоящее время в России, меняется и тип рациональности. Становление нового типа — это процесс не столько социализации, сколько процесс выработки новых форм культуры, основанной на иных ценностных характеристиках и параметрах.

Рассмотрение конфликта потребностей в трех взаимодейст-

вующих между собою и все же самостоятельных сферах жизнедеятельности человека и общества показывает, что потребности нельзя сводить лишь к сумме внешних требований, проистекающих из социальных и экономических условий. Они представляют собою определенные стержневые линии организации всей системы взаимодействия в социуме. Они проявляются в массовых привычках и навыках культуры, которые усваиваются людьми в ходе их социализации, индивидуального развития, воспитания.

Вместе с тем проблема определения приоритетности тех или иных потребностей остается важнейшей проблемой социально-политического характера. Ни одно государство, ни одна политическая партия не может в своей практической политике закрывать глаза на потребностные, по сути дела сущностные конфликты, которые связаны не только с определенными вариантами использования ресурсов, но и с выбором определенных вариантов развития самой культуры.

Исследование конфликта в сфере удовлетворения потребностей людей (питание, жилье, медицинское обслуживание, соотношение заработной платы и цен, пенсионное обслуживание, страхование, семейная политика, решение экологических проблем) предполагает пересмотр нормативистского подхода, длительное время доминировавшего при разработке основных проблем социальной политики. Суть этого подхода состояла в определении некоторого среднестатистического показателя обеспечения жизненных потребностей (например, научно обоснованного метража жилой площади на человека или научно обоснованных нормативов потребления мяса, овощей и т. д.) и сравнения с этим показателем достигнутого на этот год показателя реального потребления опять же в среднестатистическом измерении.

Этот подход был положен в основу социальной статистики. По сути дела он исходил из уравнительной трактовки потребностей. Он не учитывал реальных механизмов распределения и потребления как составляющих компонентов общего экономического процесса.

Теоретическая модель удовлетворения потребностей населения и реальный процесс находились в вопиющем противоречии друг с другом. Согласно теоретической модели в экономике должен был действовать принцип материальной заинтересованности работника в результате своего труда, однако на практике преимущества в области потребления доставались тем слоям общества, которые *контролировали* процесс распределения жизненных благ. Именно на этой основе формировалась теневая экономика как результат сращивания торговой мафии с партийно-бюрократи-

ческими структурами. Этот слой в большей мере овладевал механизмами присвоения общественного богатства и становился стержнем номенклатуры, обеспечивающей себе наиболее высокий жизненный уровень, основанный на использовании гласных и негласных привилегий.

Основной результат теневой дифференциации жизненного уровня состоял не столько в возникновении нового общественного слоя, сколько в формировании особой предкризисной психологической атмосферы в обществе, основной особенностью которой было падение престижа квалифицированного труда во всех областях производственной деятельности и подавление какой бы то ни было инициативы.

Именно этот фактор — наряду с милитаризацией экономики — стал главной причиной падения эффективности производства и вхождения в фазу экономического кризиса. Связи между производителем и потребителем оказались разорванными именно в распределительном механизме.

Различные варианты реформирования экономики имеют в виду в качестве конечной цели восстановление разорванных связей между производством и потреблением с помощью рыночных отношений, т. е. на основе соотношения спроса — со стороны потребностей и предложения — со стороны производства. Если товар не пользуется спросом, то он не должен и производиться, а если на него возникает и поддерживается спрос, то и производство должно быть выгодным производителю и расширяться. Однако практическое осуществление реформы не укладывается в эту вполне ясную схему. В действие при практических преобразованиях вступает множество опосредствующих факторов, которые приводят к существенным отклонениям от задуманных программ.

Если обратиться к анализу практики проведения экономической реформы в 1992—1996 гг., то следует отметить следующие наиболее важные тенденции в развитии потребностей населения.

1. На первом этапе экономической реформы произошло массовое снижение жизненного уровня, сопровождающееся быстрым ростом дифференциации социального положения. Богатство, неравенство в имущественном положении признаются вполне законными, что фиксируется эмпирически в появлении клуба миллионеров, с одной стороны, и восстановлением профессионального нищенства (не исключаяющего нищенства от нужды), с другой. Соответственно и сами потребности резко дифференцируются. На одном полюсе накапливается спрос на жизненные блага исключительного характера, на предметы роскоши и атрибуты комфортной жизни, на другом — происходит примитивизация по-

требностей и формирование замкнутых циклов потребления, обеспечивающих простое «выживание».

2. В этих условиях вполне понятно стремление опереться на «средние слои», которые могли бы обеспечить развитие массового спроса на предметы жизненной необходимости и задать определенные стандарты потребления, которые оказались бы «нормальными», т. е. не впадающими в крайности неумеренной роскоши и демонстративной нищеты. Однако создание такого слоя предполагает формирование потребителя, который смог бы обеспечить себе определенный достаток. Главное препятствие состоит в том, что этот потребитель должен быть одновременно и современным производителем, нормальным работником с высокоразвитой трудовой и производственной мотивацией. Инициаторы реформы пытаются стимулировать мотивацию через превращение труженика, работавшего на государство, в собственника (с помощью механизма «ваучеризации»), полагая, что обладание собственностью, в том числе и на средства производства, окажется главным мотиватором созидательной инициативы. В качестве одного из важнейших аргументов этих преобразований выступает тезис о том, что политическая свобода должна опираться на свободу экономическую, т. е. на право свободного распоряжения своей собственностью.

Этот поворот в социальной политике меняет отношение прежде всего к деньгам, которые становятся мерой индивидуального богатства и формируют новую психологию, центральным пунктом которой является успех в сфере рыночных отношений.

В результате реформа проникла прежде всего в область торговых и распределительных отношений и почти не задела интересы, связанные с расширением производства, с новыми инвестициями и новыми технологиями. Сложнейшей проблемой реформирования российской экономики стала увязка интересов быстро растущего торгового капитала и капитала производственного. Важнейшей составляющей российской экономики стал компрадорский капитал, вывозящий то, что добыто коммерческим предпринимательством, за пределы страны.

Отказ от государственного вмешательства в ход реформы стал важнейшим источником криминализации экономической деятельности. Там, где возникали проблемы со взаиморасчетами в условиях полного паралича судебных властей, экономического арбитража, органов охраны правопорядка, возникала потребность в охране имущественных интересов с помощью вооруженных группировок, применения насилия и постоянной угрозы насильственной расправы с должником, нарушителем партнерских отношений в сделке и т.д.

Ввести экономические отношения в русло законности и правопорядка оказалось гораздо более трудной задачей, чем создать эту ситуацию, которая складывалась как бы стихийно на основе тех принципов, которые были провозглашены в связи с либерализацией цен и поощрением коммерческого начала во всей структуре предпринимательской деятельности.

3. КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Общее между потребностями и интересами состоит в том, что в обоих случаях мы имеем дело со стремлениями людей, непосредственно воздействующими на их социальное и экономическое поведение. Однако если потребности ориентируют поведение людей на обладание теми благами, которые оказываются жизненно необходимыми или стимулируют жизненно значимые способы деятельности человека, то интересы — это те стимулы действия, которые проистекают из взаимного отношения людей друг к другу. *Непосредственный предмет социального интереса* — это не само благо как таковое, а *те позиции индивида или социального слоя, которые обеспечивают возможность получения этого блага*. А поскольку эти позиции являются неравными, постольку интересы в определенном смысле более конфликтогенны, чем потребности. Как в повседневной речи, так и в теоретическом анализе интересы гораздо чаще соединяются с социальным положением, которое фиксирует на определенное время совокупность возможностей, предоставляемых действующему лицу обществом. Именно социальное положение очерчивает границы доступного и возможного для индивида и социальной группы. Через возможное и в принципе доступное оно воздействует и на формирование реалистических желаний и стремлений. Положение, отрефлексированное в желаниях, чувствах, умонастроениях и жизненных планах, превращается в совокупность сложных стимулов деятельности — в интересы, которые и выступают в качестве непосредственной причины социального поведения.

Со стороны общества на формирование интересов оказывают наибольшее воздействие институты и системы распределения жизненных благ, сложившиеся в нем. Так или иначе через системы распределения решается наиболее существенная задача организации всякой социальной общности: соотнесения результата деятельности и признания этого результата через вознаграждение. При этом не следует иметь в виду лишь материальное или финансовое вознаграждение. Это — лишь частный случай более общего соци-

ального механизма мобилизации мотивации деятельности индивидов и социальных групп. В качестве вознаграждения может использоваться весьма широкий спектр не только имущественных, но и духовных благ, предоставление которых означает повышение престижа вознаграждаемого лица или социальной группы за то, что считается или признается полезным для общества. Денежное вознаграждение в условиях рыночной экономики выступает в качестве «обобщенного» средства вознаграждения, поскольку оно предоставляет человеку большую свободу выбора в расходовании полученных средств. Конкретное благо, получаемое удовлетворение в рамках этой системы, становится частным делом. В рамках бюрократической системы гораздо большее значение в качестве средства вознаграждения имеет, например, продвижение по службе.

Через определенные виды соединения пользы и награды общество организует интересы социальных групп, направляя их по некоторым более или менее стабильным каналам. Интересы поэтому направлены не на абстрактное общество вообще, а на систему социальных институтов и прежде всего на институты распределения, которые оказываются главными инструментами регулирования социального положения. Через эти институты и закрепляется (воспроизводится) и изменяется совокупность социальных положений в обществе.

Любые социальные институты, особенно институты распределения, теснейшим образом связаны с организацией экономической жизни. Но вместе с тем они имеют продолжение в сфере политических, т.е. властных, отношений. Поэтому и экономические интересы имеют тенденцию к превращению в интересы политические. Это происходит в тех случаях, когда напряженность, возникающая на основе неудовлетворенных экономических притязаний, не получает разрешения в своей сфере, когда становится очевидным, что политическая власть направлена на сохранение прежде существовавших экономических институтов и прежде всего институтов распределения, рассматриваемых в широком смысле слова. С одной стороны, они регулируют распределение благ, а с другой, — распределение массы населения данного общества в соответствии с имеющимися в обществе позициями, социальными ролями, положениями. Институты политической власти имеют более непосредственное отношение именно к этому второму виду распределения, скрепляя при помощи права, законодательства, обычая и авторитета социальную структуру. При этом осуществляется либо интегрирование общества, либо его расслоение и раскол.

Естественно, что не всякое расслоение ведет к расколу. Наоборот, во многих случаях органическая солидарность, о которой

писал Дюркгейм, обеспечивается социальной дифференциацией. Раскол возникает в случае нелегитимной дифференциации, которая основывается на дисфункциях распределительных и политических институтов. Социальные интересы в этом случае не дополняют друг друга, а становятся антагонистическими, взаимоисключающими. Собственно все социальные революции, радикальные общественные преобразования порождаются глубинными конфликтами интересов: деятельность социальных групп в этом случае оказывается разнонаправленной прежде всего по отношению к наиболее существенным экономическим институтам — собственности и системам распределения, — а также к средствам и способам использования политической власти. Низы в этом случае не желают жить по-старому, а верхи не могут управлять обществом с помощью прежних политических, экономических и социальных институтов.

С точки зрения социологии конфликта интересы, следовательно, нельзя сводить только лишь к экономическим отношениям. Они пронизывают все сферы жизнедеятельности и все жизненные отправления человека, раскрывая их социальную природу, постоянно демонстрируя, что любой жизненный акт так или иначе затрагивает отношения с другими людьми, с обществом, с социальными группами. В духовной жизни интересы получают свое завершение, оформление через формирование определенных стереотипов культуры, через признание нормальными определенных форм жизнедеятельности людей. Нежелание жить «по-старому» означает слом старых стереотипов культурного поведения и формирование новых «образцов», на которые ориентируется массовое сознание.

Одновременное преобразование экономических, политических и культурных институтов под напором соответствующих потребностей и интересов означает по сути дела переструктурирование общества, формирование новых социальных групп. Но теоретически этот процесс может быть представлен двояким образом. Первый вариант состоит в том, что возникновение новых групп происходит в прежнем социальном пространстве. Каркас общества остается неизменным, а изменяются лишь взаимоотношения групп: те, кто занимали очень мало места в прежнем социальном пространстве, стали занимать больше места, и наоборот. То, что происходит в России сейчас, означает иной тип изменений. Изменяется сама «кривизна» пространства, изменяется каркас общества и основы его общественно-политического устройства. Поэтому прежние схемы социально-политических преобразований не объясняют всей сложности происходящих перемен.

Меняются не только группы внутри общества; меняется и само общество. И это проявляется прежде всего в изменении критериев социальных различий, что связано с изменением ценностных параметров общественной жизни, духовной культуры, способов организации экономической, социальной, политической деятельности людей. Преобразования в России не имеют, по-видимому, аналогов в мировой истории; поэтому их столь сложно объяснить, апеллируя к прошлому опыту и к теоретическим построениям, обобщающим прежние преобразования.

Как известно, прежние преобразования объяснялись прежде всего столкновением интересов крупных общественных сил, что составляло стержень классовой борьбы и социальных преобразований. Отсюда и попытки объяснить преобразования в России с помощью дихотомического противостояния общественных сил. На первом этапе эти силы фиксировались как бюрократические и демократические. При этом демократические силы рассматривались в качестве движущей силы перестройки, а бюрократические — в качестве основы «механизма торможения». Смысл горбачевских реформ в Советском Союзе, активно проводившихся в жизнь с 1987 г., состоял в изменении общественно-политической ситуации в стране, в разрушении системы тоталитаризма с помощью гласности и демократизации. Выборы на Первый съезд народных депутатов, состоявшиеся весной 1989 г., сопровождались радикализацией политических умонастроений и вовлечением преобладающей части населения в политический процесс. Эти выборы положили начало разрушению монополии КПСС на осуществление властных полномочий в обществе. Речь шла теперь не о борьбе против бюрократии в общем плане, а об отстранении от власти партии, о разрушении ее идеологических устоев, действовавших в качестве ценностного основания всей общественной системы. В конце концов эта борьба привела вначале к изъятию из текста Конституции СССР знаменитой шестой статьи, закреплявшей монопольное положение КПСС в системе власти, а затем и к более основательному решению этой задачи.

В ходе быстрой демократизации изменялись не только политические институты, но и представления об обществе. На первом этапе перестройки общественная мысль ограничивалась противопоставлением номенклатуры и бюрократии, с одной стороны, и интересов народа или общества, с другой. Номенклатура рассматривалась в качестве особого класса со своими собственными интересами, получающими наиболее полное удовлетворение в рамках тоталитарной или административно-командной системы. Этот подход был представлен в литературе в публикациях А. Нуйкина,

С. Андреева и других публицистов начала 90-х годов. Вывод состоял в том, что изменения в условиях перестройки осуществляются в соответствии с законами классовой борьбы и революций.

Дальнейшее развитие событий показало ограниченность этой первоначальной точки зрения. Конфликт интересов оказывается в нашем обществе отнюдь не дихотомическим (демократия против номенклатуры), а гораздо более сложным и многоплановым. Он развивается на основе усложненного варианта структурной кристаллизации общественных отношений и связей, в котором особую роль играют не столько традиционные факторы социально-экономического положения, сколько взаимоотношения социальных институтов и развертывание внутриинституциональных конфликтов.

К анализу крупномасштабных конфликтов на социетальном уровне можно подойти двумя путями. С одной стороны, следует рассмотреть основания этих конфликтов, связанные с различием положения социальных групп в обществе. При этом, чтобы анализ был адекватным требованиям современной науки, необходимо отойти от пресловутой трехчленной формулы описания социальной структуры общества, достаточно подробно раскритикованной в литературе еще в 70-е и 80-е годы (2). Необходимо зафиксировать, если угодно, эмпирически наблюдаемые различия в социально-экономическом положении и статусе соответствующих групп, как и различия в ролевых функциях этих групп. С другой стороны, нельзя обойтись при анализе конфликтов на макроуровне и без выяснения идейного противостояния.

В идеологических формулах о будущем России и о перспективах ее развития противостояние обнаруживается наиболее резко и отчетливо. Идеологические ориентации, в свою очередь, не могут не оказывать воздействия на оценку настоящего: те, кто поддерживает правительственный курс, в большей мере склонны к выявлению позитивных тенденций в ходе реформ, а у тех, кто противостоит этому курсу, формируя «право-левую» оппозицию и предоставляя ей идейно-теоретический материал, преобладает алармистская оценка действительности.

Важно подчеркнуть, что сами эти оценки не остаются в сфере «субъективного». Они вплетаются в жизнь, становятся частью этой жизни и действительности, побуждают людей не только к соответствующим высказываниям, но и к действиям. Таким образом, сама действительность оказывается конфликтной. При этом конфликт разворачивается как бы на двух направлениях. Одна линия идет от социально-структурных различий между группами, а вторая — от идеологических разногласий. Обе эти линии воздействия на макроконфликт перекрещиваются, но не совпадают.

Современное общество ушло очень далеко от дихотомического деления, свойственного большинству европейских стран XIX в., когда идеологические ориентации опирались на вполне определенные классовые интересы, когда идеологи и политические доктрины «выражали» эти интересы. В конце XX в. усложнилась социальная структура и более многообразными стали идейные ориентации, разрушились прямые взаимосвязи между интересами и идеями, а главное, существенно обогатился социальный опыт соответствующих групп.

Попытаемся проанализировать вначале различия в положении людей.

В настоящее время можно эмпирически зафиксировать следующие наиболее массовые группы, действующие на макроуровне (3).

1. Слой новых предпринимателей

В него входят по крайней мере пять групп: (1) те, кто встали на путь предпринимательства на основе закона о кооперации 1987 г.; (2) кто еще до 1985 г. входил в состав теневой экономики и сохраняет достаточно влиятельные позиции в сфере распределения и контроля за продвижением товарной массы; (3) представители номенклатурной приватизации, (4) фермерский слой и (5) нувориши, создающие состояния на использовании складывающейся и меняющейся конъюнктуры. Интересы этого слоя формируются в ходе превращения государственной собственности в частную и формирования рыночных отношений. Эти два процесса создают экономические предпосылки обогащения, с одной стороны, и обнищания, с другой, что обеспечивалось экономической политикой правительства Гайдара — и прежде всего либерализацией цен. Особая сфера интересов этого слоя — валютные операции, иностранные инвестиции, возможность сотрудничества с зарубежными фирмами. Хотя интересы предпринимателей имеют общее основание, они не являются едиными; они внутренне противоречивы и в силу этого не могут быть представлены какой-либо одной политической партией. Наиболее мощные группы новых предпринимателей пытаются включиться в политику и влиять на формирование правительственного курса вплоть до определения его кадрового состава.

Общий правительственный курс состоит в предоставлении наиболее благоприятных возможностей для здоровых элементов этого слоя, который пока еще невелик и озабочен проблемой увеличения своих капиталов с помощью коммерческой и финансовой деятельности.

Положение, статус, самосознание этого слоя неоднородно. Одни интересы у руководителей новых банковских структур, несколько иные — у производителей. Большое дифференцирующее значение имеют сферы приложения капитала и методы его приобретения. На характер интересов этой группы в целом особое воздействие оказывают основные зоны напряженности или зоны риска, которые могут быть обозначены следующим образом:

Риск капиталовложения.

Налогообложение.

Рэкет.

Конкуренция.

И только после всего этого — отношения с наемной рабочей силой, профсоюзами и т.п.

Предприниматель должен постоянно перерабатывать в своем сознании все эти зоны напряженности и действовать на основе психологически перерабатываемой информации по всем обозначенным зонам риска.

2. Технократический слой, занимавший и занимающий командные позиции в промышленности и народном хозяйстве в административно-командной системе

Общее уmonoстроение этого слоя выражает руководство Союза промышленников и предпринимателей. Его программа: мягкое вхождение в реформу (упущенные возможности программы Рыжкова—Абалкина), сохранение своих командных позиций, приватизация через собственность трудовых коллективов (это даст наибольшие шансы для самосохранения этого слоя в условиях экономического кризиса), экономическая независимость (особенно при монопольном положении на производстве определенных видов продукции). Этот слой также не является единым. Объективно он расчленяется по степени включения в военно-промышленный комплекс и переориентации производства на товары народного потребления.

3. Квалифицированные рабочие и часть инженерно-технического персонала прогрессивных (наукоемких) отраслей производства

Объективно заинтересованы в быстром переходе к рыночным отношениям, так как могут выиграть от нормализации цен на их продукцию и оплаты квалифицированного труда. Однако структурные диспропорции в развитии промышленности порождают конкуренцию внутри этого слоя: длительное время шел процесс

перепроизводства инженерно-технического персонала, сказавшийся на характере политических умонастроений этой части общества.

4. Неквалифицированная часть рабочих, инженерно-технической интеллигенции, сферы обслуживания

Этот слой представляет собою социальную базу консервативных общественно-политических умонастроений и организаций. Легко политизируется, так как его интересы терпят наибольший ущерб от перехода к рыночным отношениям.

5. Работники энергодобывающих отраслей промышленности, труд которых осуществляется в тяжелых условиях и воспринимается как недостаточно компенсированный на фоне углубляющейся социальной дифференциации

Отсюда повышенная социальная напряженность и предбазисовое состояние.

6. Работники сельского хозяйства

В их среде разворачивается конфликт между колхозно-совхозным и фермерским сектором. От сбалансированного подхода к этому конфликту во многом зависит успех или неуспех реформы. Вновь, как и в 20-е годы, приобретает значение конфликт, основанный на ножницах цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности.

7. Работники системы обслуживания, науки, здравоохранения и образования

Положение этой группы характеризуется усилением зависимости от новых властных структур, напряженностью в связи с общим перепроизводством, усреднением оценки труда, недостаточным стимулированием профессионального роста и квалификации. Напряженное положение в этой группе порождает повышение стремления к эмиграции в этой среде; это главная причина утечки мозгов, снижения интеллектуального потенциала общества.

8. Пенсионеры

Наименее защищенная часть общества и вместе с тем демографически мощный слой, интересы которого оказывают большое влияние на формирование бюджета.

9. Военнослужащие

Особого внимания заслуживает анализ положения военнослужащих, которые попали в весьма двусмысленную и парадоксальную ситуацию. Здесь достаточно четко просматривается расчленение иерархических интересов, осложняющихся спецификой положения воинских подразделений в конкретном регионе. Многие части российской армии оказались на территории иных суверенных государств. Развитие внутриармейских и межгосударственных конфликтов требует мер быстрого реагирования от федерального правительства.

10. Бюрократия

Работники аппарата государственных и административных структур обеспечивают функционирование властных структур, оказывают существенное воздействие на характер выполнения принимаемых решений, регулируют потоки деловой информации и доступ к соответствующим ступеням властной иерархии, формируют стиль властных отношений. Этот стиль — формально-казенный или гуманно-демократический, деловой или суетливо-беспорядочный (бестолковый) — во многом определяет отношение населения к власти в целом.

11. Элита

Для полноты картины и для верного понимания механизмов социальных изменений необходимо выделить еще одну группу в обществе, которая своеобразно связана со всеми предыдущими слоями. Речь идет о политической, интеллектуальной и духовной элите. Отношения в рамках элиты составляют ткань и содержание политического процесса. В идейных и психологических установках членов этой группы наиболее полно просматривается дифференциация интересов всех общественных сил. Они выполняют функцию лидеров общественного мнения. Особенность социального положения этой части общества состоит в том, что эти люди занимают влиятельные должности или же, по крайней мере, включены в борьбу за их распределение. Определенная часть этой группы составляет правящую элиту, т.е. тех, кто имеет доступ к рычагам власти и возможность оказывать прямое воздействие на выработку общегосударственных решений.

Естественно, что каждая группа характеризуется прежде всего собственным родом деятельности, своим уровнем и объемом

профессиональной подготовки и внутренней дифференциацией положений, которая определяет характер внутригрупповой солидарности и социальной мобильности. Можно сказать, что размер дохода и формы его получения также являются специфическими. Все это вместе взятое создает определенные предпосылки для формирования интересов, но предпосылки не всегда превращаются в интересы. Это то, что Дарендорф обозначает как «квази-группы» и «квази-интересы». Члены квази-групп находятся в сходном положении, у них могут быть весьма сходные жизненные пути, один и тот же стиль жизни, но одинаковость не всегда превращается в общность. Чтобы произошло превращение квази-групп в активную силу социального конфликта, необходимы институциональные и идейные формы признания общности интересов, равно как и открытое заявление об этой общности со стороны представительных общественных организаций. Это могут быть политические партии, профессиональные союзы, союзы деловых людей, общества в защиту пенсионеров или военнослужащих и т.д. Вот в этом случае возникают действующие интересы, которые получают определенное оформление.

Констатация положения основных социальных групп еще раз показывает, что в обществе нет каких-либо могущественных сил, способных действовать в едином направлении. Это означает, что степень свободы в дальнейшем определении социально-политической траектории развития общественных отношений весьма высока; эта траектория будет определяться в значительной степени политической волей, уровнем сознания и ответственности активно действующих политических сил.

4. ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЙ КОНФЛИКТ

а) Целе-рациональный конфликт

По отношению к конфликтам, развитие которых побуждается потребностями и интересами, ценностно-нормативный конфликт имеет более определенно выраженный идеологический характер. Здесь сталкиваются различные, а точнее говоря, противоположные интерпретации целей общественного развития.

Мы уже видели, что одна из наиболее существенных проблем переходного общества заключается в стремлении выйти из хаоса. Естественно, что хаос и порядок — понятия относительные. И все же необходимой предпосылкой порядка является определенный уровень рационализации общественных отношений, основанный на общем признании некоторой системы ценностей. Речь идет не

о единственной системе ценностей. Признание допустимости светского мировоззрения не означает требования его полного доминирования, равно как и наоборот. Современная культура предполагает достаточно широкие рамки терпимости, т. е. возможности общения и совместного действия людей или групп, приверженных разным системам мировоззрения и различным ценностным ориентациям. Однако терпимость и взаимное признание пока еще не являются доминирующими способами взаимоотношений между ценностными установками. Достаточно часто системы ценностей выступают в качестве самодостаточных источников мотивации, действующих на основе деления человеческих сообществ на своих и чужих. Именно в этом случае мы наблюдаем ценностный конфликт. Различия между своими и чужими, между нами и ими приобретают определяющее значение и становятся доминирующим фактором индивидуальной и групповой мотивации.

В российских условиях мы наблюдали на протяжении XX в. мощные ценностные противостояния эксплуататоров и трудовой массы, белых и красных, ортодоксальных марксистов и отступников-ревизионистов, демократов и представителей номенклатуры, сторонников и противников реформ. Все это политические противостояния связаны с конфликтами политических интересов. Но дело в том, что любые политические и экономические интересы получают определенное ценностное обрамление, связанное с интерпретацией коренных вопросов мировоззрения, взаимоотношения человека и общества, проблем личной свободы, роли государства и т.д. Ценностные противостояния и приоритеты — и в этом их особенность — основаны на вере. Люди верят в возможность достижения лучшей жизни, в то, что именно эта группа политических лидеров знает правильный путь выхода из кризиса. Они верят в тот или иной вариант идеи справедливости и свободы. В соответствии с верой выстраивается и знание, т.е. система рациональных аргументов, объясняющих и оправдывающих исходные символы веры — постулаты, на основе которых строится данная система ценностей. Например, если одна политическая группировка ориентирована на создание рыночных отношений, а другая — на государственный социализм, каким бы словом это ни называли, то в качестве аргументов в пользу соответствующих точек зрения будет использоваться широкий спектр доводов экономического, социально-политического, философского и психологического характера. И все же в конечном счете в основе самих этих систем аргументации будет убежденность, вера в то, что лучшим способом организации общественного устройства является

такой, который обеспечивает приоритет индивида по отношению к общественному целому или, наоборот, приоритет общественного целого над индивидуальными стремлениями. Как мы уже видели из содержания первой главы, спор этот является вечным. Это спор в рамках европейской культурной традиции. И он в конечном счете выражает две системы ценностных ориентаций, формирующих разную или противоположную интерпретацию проблемы взаимоотношения индивида и общества.

Несомненно, что с этой точки зрения очень важное место в европейской культурной традиции занимает и вопрос об отношении к государственной власти. Несомненно, что сама власть оказывается общественно значимым благом или ценностью. Но эта ценность может рассматриваться в качестве инструментальной, т.е. в качестве средства для достижения тех или иных целей, или же в качестве самодовлестной и приоритетной ценности. В условиях слома одной политической системы и замены ее другой широкое распространение в массовом сознании приобретает негативное отношение к власти вообще. Как свидетельствуют многочисленные опросы по этому поводу, существует склонность именно во власти как таковой видеть главный источник зла. Такое восприятие власти, как правило, сопряжено с иллюзорной самооценкой, с представлением о том, что можно якобы сохранить нравственную чистоту, порядочность и иные личностные добродетели, обеспечив себе наиболее удаленную из возможных дистанцию от власти. Однако дело в том, что неосознаваемые властные отношения присутствуют в любом акте жизнедеятельности, в том числе и в акте распределения и потребления. Властные отношения пронизывают собою все общественные структуры не только в тоталитарном обществе, но и в самой демократической общественной системе. Разница заключается лишь в том, как именно и какая часть этих отношений осознается. И в условиях демократии человек, творческая личность, не может быть независимым от источников своего существования. Свободным на самом деле может быть лишь патриархальный крестьянин, производящий сам большую часть потребляемой им продукции и не нуждающийся в современной системе связей, информации, средствах передвижения и общения. Для демократического выбора важно, в какой мере мотивация социального поведения является саморегулируемой и самоопределяемой, а в какой мере эта мотивация задается и управляется средствами массовой информации и современного социального контроля. Истина состоит в том, что человек ощущает себя тем более свободным, чем в меньшей мере он ощущает настойчивое давление властных структур. Вся-

кое принуждение — прямое или косвенное — ущемляет права личности, ограничивает возможности индивидуального выбора, а поскольку именно власть как институт располагает реальными средствами принуждения и поддерживает их в состоянии готовности, постольку каждым отдельным человеком она воспринимается как источник угрозы.

Принципиальным с точки зрения демократических ценностей и общечеловеческой нравственности является вопрос о способах и средствах, которые использует власть в качестве инструментов мобилизации и социального контроля. В какой мере эти средства оказываются всеобщими — распространяемыми на всех одинаково, а в какой мере они носят избирательный характер? Если они носят избирательный характер, то каковы критерии избирательности? Наконец, каковы формы участия во власти для граждан, каковы способы воздействия на нее со стороны тех, кто оказывается в подчиненном положении? Именно в ответах на эти вопросы и проходит водораздел между ценностями демократического общества и демократически ориентированной личности и личности недемократической, авторитарной, антидемократической.

Еще один уровень ценностного конфликта проявляется в сфере духовной жизни. Отчасти мы его уже касались, рассматривая вопрос о соотношении знания и веры как конечных оснований систем ценностей. Важно подчеркнуть, что эта проблема перекрещивается с взаимоотношением рационального и эмоционального начала, но линии перекрещивания оказываются далеко не совпадающими. Оппозиция веры и знания проявляется в истории человеческой культуры с разной степенью напряженности. В то же время синтез эмоциональной и рациональной мотивации может осуществляться в различных формах духовного творчества по-разному. Во всяком случае в духовной жизни и в культурном пространстве заключается неисчерпаемый и вечно существующий источник мотивации социального поведения личности, определяющий бесконечно многообразные переходы сугубо личностной, приватной и интимной мотивации к общественно значимой — социально одобряемой или отвергаемой системе действий и поступков. Это означает, что и источники расхождений и конфликтов между людьми в этой сфере бесконечно многообразны. Но здесь же находятся и огромные ресурсы регулирования конфликтов, так как ценности не только разъединяют людей, но и соединяют их. Перспективы стабилизации социально-политической системы решающим образом соединены с включением ценностей духовной культуры — во всем их многообразии — в регулирование тех конфликтов, которые основываются на противостоянии потребностей и интересов.

б) Нормативный конфликт и кризис нравственных оснований мотивации поведения

Как мы видели, в нынешней политической жизни действуют люди, стремящиеся к удовлетворению своих потребностей, добивающиеся реализации собственных интересов, руководствующиеся собственными представлениями о том, что для них важно, а что нет. Социальный эффект, возникающий в качестве результата их действий, не заложен в побудительных силах этих действий. Более того, несовпадение намерений, стремлений, целеформулирующих программ действий с их результатами оказывается важнейшей феноменологической характеристикой кризисного состояния общества: стремление к лучшему оборачивается незапрограммированным отрицательным эффектом в значительной мере потому, что политические структуры, выступающие в качестве непосредственных организаторов совместных действий (по определению), не имеют связи с соответствующими «жизненными мирами», воплощающими динамику потребностей, интересов и ценностей в их массовидном варианте.

Мир потребностей и интересов вращается по своей орбите, а мир политических пристрастий — по своей. Демократический проект представляет собою попытку преодолеть этот разрыв, однако реализация его наталкивается на огромные непредвиденные трудности, связанные прежде всего с пластами архаичной культуры, не переработанными в ходе предшествующих преобразований.

Сказанное не означает, что между политическими структурами и жизненными интересами людей существует полный разрыв. Любой политический режим имеет свои точки соприкосновения с этими интересами и направляет их в соответствии с тем, какова его природа. Опираясь на сложившиеся структуры, власть не просто «выражает» интересы общества, она творит их по своему образу и подобию. Так, сталинский политический режим, утвердившийся с конца 30-х годов в качестве системы тоталитарного контроля над обществом, аккумулировал и поощрял худшие политические умонастроения и привычки. Он опирался на зависть, трактовавшуюся как требование справедливости, на доминирование враждебности, истолкованной в качестве здорового классового инстинкта, на не критическое восприятие власти, истолкованное как единодушие в ее поддержке, на политический сыск, доноительство и тайну, трактовавшиеся в качестве высших проявлений государственной лояльности и осознания общественного долга. В этом и заключался феномен политического отчуждения — в формировании псевдопотребностей, поощрявшихся политическим режимом. При этом государство могло облекать любую низость и подлость, любое

предательство в благородную и даже жертвенную мотивацию. В этом и заключается главный нравственный парадокс сталинского политического режима, который оказывается трудно преодолеваемым массовым политическим сознанием.

Конфликт между нравственностью и политической практикой сегодняшнего дня оказывается глубинным конфликтом, развивающимся на уровне жизненных потребностей человека. Этот конфликт не сразу дается массовому сознанию, как бы отступая на второй план по сравнению с жесткой борьбой политических пристрастий, разыгрывающихся на поверхности. Главный вопрос здесь в формировании нового нравственно целостного отношения к власти, которая сама по себе и в новых условиях весьма далека от нравственного идеала (4). Отрицание любой власти в пользу «спокойной совести» оказывается, с этой точки зрения, индикатором незрелости политического сознания, которое руководствуется максимой «богу — богово, а кесарю — кесарев». Конечно, спокойная совесть — важная ценность в иерархии массового сознания, она как бы апеллирует к нравственному идеалу. Но если она противопоставляется участию во власти, ее поддержке (или неподдержке), то политика, т. е. решение общегосударственных и гражданских дел, начиная от исполнения элементарных гражданских обязанностей и кончая решением вопросов о войне и мире, воспринимается как «грязное дело», недостойное тех, кто стремится к «чистой совести» и душевной гармонии. Само это противопоставление, укоренившееся в массовом сознании, оказывается таким образом предпосылкой «грязной политики», условием, содействующим формированию гражданской безответственности в той области деятельности, которая должна была бы характеризоваться в качестве сферы наибольшей нравственной ответственности.

Из сказанного ясно, что огромное значение в преодолении кризисных ситуаций вообще и российского кризиса в частности имеет нравственное состояние массового сознания. Мы приведем здесь результаты социологического опроса, направленного на то, чтобы «измерить» глубину самого нравственного кризиса общества. Разумеется, сама по себе такая попытка может быть поставлена под сомнение. Ведь состояние нравственности весьма сложно уловимая вещь. Это прежде всего состояние духа, уверенности в будущем, доверия к обществу и людям. При этом негативными показателями являются данные о распространении преступности, взаимного страха, тревожности и готовности к массовидным действиям, направленным на самозащиту. В настоящей главе мы не будем приводить данные объективной нравственной статистики, а будем в большей мере оперировать данными опроса, смысл

которого состоял в том, чтобы выяснить меру распространенности и поддержки общезначимых ценностей нормативного характера. Еще раз повторим, что измерение нравственного состояния общества методом опроса — задача исключительно сложная. При прямой ее постановке неизбежно включается в действие элемент нравственного самоконтроля: респонденты умеют отличать добро от зла в разных их проявлениях и всегда будут высказываться в пользу добра, нравственности и добродетели. А социологу, если он не учитывает этого обстоятельства и принимает данные такого опроса на веру, может легко спутать нормативный идеал общественных отношений с реальным состоянием нравственного сознания.

Чтобы избежать этой опасности, автором был предложен в общероссийский опрос, проведенный в ходе изучения динамики ценностных ориентаций населения России под руководством Н.И. Лапина, ряд суждений, которые можно обозначить как суждения, *оправдывающие* негативные формы поведения с помощью обычных аргументов: «так делают все», или «так поступил бы каждый при благоприятных обстоятельствах», или «таковы объективные условия», «такова жизнь». Здесь важен, конечно, отбор реальных форм негативного поведения, предлагаемых для оценки. Это не должны быть экстремистские формы, связанные с явными преступлениями, убийством, организованной преступностью и т.д. Речь должна идти о достаточно распространенных формах поведения, стоящих на грани нарушения закона и подлежащих скорее нравственному осуждению, чем правовому регулированию. В число этих форм были включены следующие семь позиций: тайная кража имущества или денег, месть, отказ от заботы о детях, отказ от заботы о престарелых родственниках, проституция, взыточничество, пьянство.

Эти формы поведения представляют собою отступление от общепринятых культурных и нравственных стандартов поведения, зафиксированных в обычаях, представлениях о честности, порядочности в мире повседневного общения, исполнении своих обязанностей по отношению к ближним. В совокупностях культурных норм такого рода определенным образом зафиксирован «общий интерес»: их соблюдение — неэкономическое условие «благополучия всех». Можно сказать, что сами по себе обозначенные нормы являются не случайными, они связаны с основополагающими формами человеческого общежития. Как известно, некоторые из них воплощены в библейские истины.

Более конкретно сам ряд выделенных нами норм-ценностей можно сформулировать следующим образом:

1. Соблюдение библейской заповеди «не укради», т. е. чест-

ность как норма поведения, связанная с соблюдением права собственности.

2. Норма любви к ближнему и терпимости, которая в наибольшей мере должна была бы проявляться в осуждении мстительности как достаточно распространенного свойства в человеческих отношениях, способствующего распространению враждебности и ненависти.

3. Норма заботы о детях со стороны родителей, включение которой определено резким ростом практики подкидывания детей и детской беспризорности.

4. Норма заботы о родственниках старшего поколения, о старости. Хотя в практике социального обеспечения существуют дома престарелых, все же предполагается, что они могут быть использованы для людей, не имеющих близких родственников. Обыденное сознание осуждает использование этих домов трудоспособными детьми для своих родителей.

5. Норма некоммерческого отношения к собственному телу — запрета на проституцию. Эта норма наиболее очевидным образом сталкивается с практикой коммерциализации личностных отношений, о которой говорилось выше. В то же время в молодежной среде существует определенная снисходительность к нарушению этой нормы в качестве временного средства заработка, что, в частности, проиллюстрировано в одном из наиболее известных фильмов российского кинематографа «Интердевочка». Кроме того, в практике социального поведения достаточно широкое распространение имеет феномен косвенной проституции — за квартиру, за продвижение по службе, за ученую степень, за поездку за границу и т.п.

6. Норма честности при исполнении должностных обязанностей, осуждение взяточничества и чиновнических поборов

7. Норма соблюдения собственного достоинства, недопущение распада личности.

Эти семь норм-ценностей охватывают наиболее важные сферы человеческих взаимоотношений: семейные устои, отношения собственности, отношение к государственному аппарату, отношение к самому себе (пределы личной свободы) и себе подобным.

Прежде чем анализировать полученные данные, приведем те формулировки, которые были использованы в анкете, с тем чтобы читатель мог сам оценить степень строгости в ходе их последующей интерпретации.

В соответствии с выделенными нормами-ценностями предлагалась пятиранговая шкала согласия (от «полностью согласен» до «совсем не согласен») со следующими суждениями (сохраняется порядок расположения суждения в анкете):

1. Каждый, если он знает, что останется незамеченным, склонен присвоить чужое имущество, деньги.

2. Того, кто причинил тебе какой-либо вред, нельзя оставлять безнаказанным; следует жестоко мстить за такие вещи.

3. Если родители отказываются от своих детей, значит, они не имеют возможности создать условия для их достойного воспитания.

4. Когда кто-то бросает больных родственников и стариков, то он считает, что о них должно заботиться государство.

5. Если кто-то занимается проституцией, то в этом нет ничего особенного, потому что все продается и покупается.

6. Люди берут взятки, чтобы обеспечить свою семью и будущее детей.

7. Люди пьянствуют и спиваются, потому что жизнь такая, и не надо никого воспитывать.

Как видно из предлагаемого перечня, для согласия или несогласия избираются весьма распространенные формы суждений, которые можно слышать в разговорной речи. С такими суждениями так или иначе сталкивался любой респондент (опрашивалось 1062 человека на основе общероссийской выборки. Опрос осуществлялся Центром Ф. Шереги Российского Независимого Института Социальных и Национальных проблем).

При этом согласие с предложенным суждением рассматривается как оправдание соответствующей формы негативного (девиантного) поведения. Это согласие нельзя, разумеется, интерпретировать в том смысле, что респондент готов совершить соответствующие действия. Оно означает, что аргументы в пользу такого поведения присутствуют в его сознании и что он выражает согласие со стереотипной формой оправдания этого поведения. Вряд ли здесь можно говорить о сознательной установке, скорее речь идет о некоторой вербально выражаемой склонности оправдать другого в соответствующей ситуации. В какой мере эта склонность может быть распространена на самого респондента — вопрос другой. Его решение зависит от степени идентификации респондента с другими либо же от противопоставления его другим.

Рассмотрим теперь полученные результаты, которые можно представить с нескольких точек зрения.

Прежде всего в результате опроса получено ранжирование выделенных норм (суждений) по их дифференцирующей способности. Это ранжирование определяется долей людей, уклонившихся от согласия или несогласия с обозначенными выше суждениями. Доля неопределившихся — свидетельство жесткости соответствующей нормы: чем меньше эта доля, тем в большей мере суждение дифференцирует на тех, кто данную норму принимает, и на тех,

кто оправдывает отклонение от нее. Приведем полученное ранжирование соответствующих норм, обозначая их с достаточной мерой условности одним-двумя словами:

Таблица 1

Ранжирование суждений относительно норм-ценностей по степени их дифференцирующей способности

Нормы-ценности	Доля неопределившихся (в % от числа опрошенных)
1. Норма заботы о старшем поколении	21,4
2. Личное достоинство	23,6
3. Честность государственных чиновников	23,7
4. Запрет на проституцию	31,2
5. Забота о детях	34,6
6. Терпимость	36,8
7. Собственность	37,5

Интересный и весьма неутешительный результат опроса состоит, следовательно, в том, что по поводу, казалось бы, бесспорных суждений от 21 до 37% (каждый пятый или почти два из пяти) выбирают позицию неопределенности (третий пункт на пятибалльной шкале) либо прямо уклоняются от ответа, выбирая позицию «не знаю». Вывод, который может быть предложен состоит в том, что полученное распределение — косвенное свидетельство достаточно распространенного феномена нравственной незрелости в массовом сознании.

Оставшиеся разделились на тех, кто принимает оправдания негативного поведения, и тех, кто отвергает сами формы поведения, причем ряд из них категорически не соглашается. Здесь мы получаем иной ряд норм-ценностей, располагая их по нарастанию согласия с оправданием.

Таблица 2

Согласие-несогласие с семью вербализованными нормами-ценностями (в % от числа опрошенных)

Нормы-ценности	Оправдание отклонения	Неприятие отклонения
1. Забота о старшем поколении	15,3	62,1
2. Забота о детях	17,3	47,2
3. Неприкосновенность чужого	19,7	42,0
4. Личное достоинство	22,2	52,1
5. Недопустимость проституции	23,6	43,9
6. Терпимость	27,2	34,9
7. Честность чиновника	37,5	36,6

Рассматривая полученные данные, можно прийти к следующим выводам, которые характеризуют направленность и уровень развития нравственного сознания в обществе.

Во-первых, должность чиновника рассматривается как вполне легитимная в глазах значительной части общественности: синакура: с оправданием взяток согласны 37,5% опрошенных, против, осуждающих 36,6% (при 24% воздержавшихся — см. табл. 1). Это значит, что нечестность чиновника не вызывает особого удивления и резкого протеста в обществе. Это может быть интерпретировано как важнейший индикатор нравственного разложения, ибо на честности чиновника зиждется авторитет государства. По сути дела важнейшая проблема реформирования страны состоит в том, что нет норм, скрепляющих отношения между государством и гражданином.

Во-вторых, оправдание мести можно рассматривать как показатель уровня конфликтности и озлобленности в обществе. Оправдывают необходимость «жестокоего отмщения за причиненный вред» более четверти опрошенных, которые оказываются весьма далекими от христовой заповеди всепрощения и готовы оправдать иную норму взаимоотношений: «если ты мне сделал плохо, то я тебе должен сделать в два раза хуже».

В-третьих, почти четвертая часть (против 44% при 31% воздержавшихся) голосует в пользу суждения, оправдывающего проституцию, так как «все продается и покупается».

В-четвертых, вопрос о личном достоинстве — на примере дозволенности спиваться и отказа от вмешательства в личные проблемы такого рода — оставляется на усмотрение самого индивида в соответствии с последовательно либеральной концепцией. Спиваться или не спиваться — это личное дело каждого: так считают 22%, что вполне соответствует реальной поведенческой тенденции, распространившейся за последние годы и основанной на экономическом интересе от продажи спиртного как одного из самых прибыльных видов бизнеса. Следует отметить все же, что 52% опрошенных видят особую социальную опасность этой тенденции, наблюдаемой в массе уличных сцен, домашних и бытовых скандалов. На динамику нравственных оценок этого явления несомненно огромное влияние оказала критика неумело организованной властями антиалкогольной кампании, которая долгое время подавалась средствами массовой информации в качестве примера тоталитарного вмешательства государства в частную жизнь.

В-пятых, нарушение права частной собственности оправдывается (с помощью аргумента о том, что все люди — потенциальные воришки) только каждым пятым. А два из пяти не присоединяются к такого рода оправданию.

Наконец, в-шестых, семья оказывается ценностью, обнаружившей наибольшую устойчивость. И все же от 15 до 17% опрошенных готовы согласиться с суждениями, оправдывающими нарушение норм заботы о детях и престарелых. Хотя здесь наблюдается наиболее высокий процент неприятия общераспространенных оправданий.

Таким образом, на основании полученных данных можно предварительно измерить нравственное состояние общества, которое оказывается соответствующим тенденциям, фиксируемым в личном опыте и в моральной статистике. От 15 до 37% занимают оправдательную позицию по отношению к нарушениям общепринятых нравственных устоев, от 21 до 37% оказываются в положении нравственной неопределенности даже в ситуации выбора вербальных нравственных суждений, и, наконец, от 34 до 62% разделяют общепринятые нравственные нормы, несмотря на переживаемый кризис и драматическое переплетение конфликтов на макро- и микроуровнях. Стоит отметить, что от 5 до 19% занимают достаточно жесткую позицию полного неприятия оправданий. Во всяком случае, полученное распределение оставляет некоторую надежду на то, что нравственный кризис не останется постоянным и что его преодоление станет важнейшим фактором экономической и политической стабилизации российского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Более подробно об этом можно найти в журнале «Вопросы социологии», вып. 6, 1996 — тематический номер «Рациональность и власть».
2. См., напр.: Весоловский В. Классы, слои и власть. М., 1981.
3. См.: Заславская Т. И. Стратификация современного российского общества//Информационный бюллетень. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. № 1; Радаев В. В., Шкаратап О. И. Социальная стратификация. Разд. 4, 5 и заключение. М., 1995; Тихонова Н. Е. О расстановке социальных сил... (доклад, представленный на симпозиум «Социальные изменения и радикальные преобразования в общественных системах», проведенном в рамках Первого съезда ССА в 1991 г.).
4. Более подробно по этому вопросу см.: Динамика ценностных ориентаций населения России: 1990—1994 годы: Аналитическое обозрение/Авторский коллектив под руководством чл.-кор. РАН Н. И. Лапина.//Круглый стол «Бизнес России». М., 1995.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Охарактеризуйте предложенную в этой главе аналитическую схему исследования конфликтов. Выберите из этой схемы любые три клетки и попытайтесь сопоставить их конфликтный потенциал между собою.

2. Чем отличаются конфликты, основанные на потребностях, от конфликтов, основанных на интересах?
3. Охарактеризуйте семь уровней субъектности конфликта.
4. Какие социальные слои (группы) выделяются в данной главе? Охарактеризуйте интересы трех социальных групп по вашему выбору. Желательно те, которые вам более известны на основании личного «жизненного опыта».
5. Каковы главные зоны риска современного российского предпринимателя? Каким образом эти зоны риска связаны с его интересами?
6. В чем специфика ценностных конфликтов?
7. Как бы вы охарактеризовали нравственное состояние российского общества?

Глава 5

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ НА МАКРО- И МИКРОУРОВНЯХ

Практическая задача регулирования конфликтов предполагает уяснение механизмов их развертывания. В этой связи одна из наиболее сложных теоретических задач связана с уяснением механизмов взаимоотношения конфликтов на разных уровнях. Как уже отмечалось в предыдущих разделах книги, эта проблема относится к числу фундаментальных проблем социологии конфликта. Она остается весьма слабо разработанной, главным образом в связи с тем, что всякий конфликт носит, как правило, многоуровневый характер. Между его развертыванием на макроуровне и в микромасштабе имеется масса переходных моментов, связанных со специфическими особенностями сферы развертывания конфликта, равно как и фазы его развития.

В настоящей главе мы рассмотрим следующие вопросы: во-первых, разберемся в том, как соотносятся между собою понятия конфликта и кризиса; в этом же параграфе главное внимание будет уделено механизмам воздействия тех процессов, которые развертываются на макроуровне, на повседневную жизнь людей. Естественно, возникает вопрос об обратном влиянии микроконфликтов на процессы, происходящие на макроуровне. Содержание этой главы позволяет осветить и вопрос о персонификации конфликтов как важнейшем механизме, определяющем характер их развертывания.

Далее в этой главе рассматриваются вопросы, связанные с иррационализацией как действительности, так и мышления,

осуществляющихся в эпоху переломных и кризисных ситуаций. В этой связи вполне логичен переход к заключительному параграфу данной главы, посвященному социологическим аспектам психоанализа.

1. КОНФЛИКТЫ И КРИЗИС: ОТ МАКРОУРОВНЯ К ПРОБЛЕМАМ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Для уяснения российской специфики важно обратить внимание на перекрещивание экономических, политических и ценностных конфликтов, которое резюмируется в понятии кризиса. Эти формы макроконфликтов не только накладываются один на другой, но и взаимно стимулируют друг друга таким образом, что вопрос о первичности какой-либо одной из конфликтных областей лишается смысла. В кризисе находится не экономика или политика, а общество в целом. Программы выхода из кризиса, предлагавшиеся до сих пор, оказались неэффективными именно в силу того, что они не учитывали и не учитывают этот целостный или, как говорят сейчас, системный характер конфликтов, взаимно порождающих друг друга.

Чтобы более основательно понять процесс смены ситуации, нужно проанализировать не столько макроструктурные процессы, сколько обратить внимание на связь между макро- и микроуровнями и попытаться обозначить переходы между ними. Это тем более важно, что реформирование политических и экономических структур в России осуществляется сверху. Оно опирается или пытается опереться на государственные рычаги управления при значительной инертности массы населения и консервативности многих промежуточных структур.

Прежде всего, обратим внимание на неоднозначность самого понятия «конфликт на микроуровне». Основной смысл его состоит, на наш взгляд, в том, чтобы обозначить развертывание конфликта в повседневной жизни и повседневных обстоятельствах. Заметим, что за последние годы сложилось целое направление в теоретической литературе, названное «социология повседневной жизни». Кризисная ситуация в обществе не может не задеть уровня повседневности. Здесь происходят огромные изменения, которые сопровождаются межличностными конфликтами разного рода. Основная проблема для подавляющего большинства населения связана со степенью включенности в новые общественные отношения. Более точно следует сказать об уровне участия в строительстве этих новых отношений, перемалывающих прежние психоло-

гические установки. «Участие» при этом вовсе не означает вполне осознанную, целерациональную деятельность, связанную с осмыслением происходящего. Новые отношения предполагают стимулирование действий, направленных на достижение ближайших целей. Обобщенная формула этого целеполагания на уровне массового сознания обозначается как «выживание». Опросы 1992 и 1996 гг. показывают, что от 10 до 25% населения России решают задачи выживания достаточно успешно. При этом значительная часть общества медленно движется в заданном направлении — к предпринимательству, частной инициативе, к доказательству своей конкурентоспособности, преодолевая огромные трудности личного и психологического порядка.

Другое понимание конфликта на микроуровне связано с тем, что любой макроконфликт, особенно политический и ценностный, обладает свойством персонификации. Борьба партий и политических группировок, разных «социальных сил» имеет обязательное личностное воплощение. Опыт последних лет демонстрирует, насколько важным оказывается этот личностный аспект политического процесса. Неумение и нежелание отрешиться от личностных пристрастий, амбиций, предвзятых оценок со стороны лидеров политических направлений приводили во всех такого рода случаях к обострению конфликтных ситуаций. В сфере большой политики стимулирование конфликта на микроуровне обязательно осложняет конфликт, разрушает возможности компромисса или переговорного процесса, а подчас такого рода личностные выпады намеренно используются для провоцирования противника или оппонента.

Остановимся прежде всего на том понимании конфликта на макроуровне, которое указывает на его связь с повседневной жизнью и повседневными отношениями. Стимулов для возникновения конфликтных ситуаций в повседневном обиходе в условиях кризиса и дестабилизации экономики и политики более чем достаточно. Главные каналы воздействия макроконфликтов на повседневную жизнь состоят, во-первых, в резком снижении жизненного уровня значительной массы населения, ускорившемся процессе очевидной социальной дифференциации, разрушении производственных связей и структур, оборачивающихся угрозой массовой безработицы. Второй канал стимулирования конфликтных ситуаций заключается в изменении сложившихся ранее институтов социализации. Речь идет о школе, системе высшего и среднего образования, организации способов прохождения военной службы, возникновении новых каналов социализации, связанных с развитием малого бизнеса, коммерческих структур, различного рода полуполюгальных образований.

И тот, и другой каналы воздействия, исходящие от общества, оказывают влияние прежде всего на семейные отношения. Изменение размеров и источников дохода приводит к возникновению новых проблем в семье. Пересматриваются взаимные отношения между супругами, все большее значение в этих отношениях приобретают материально-имущественные компоненты, что означает возникновение новых форм ответственности и взаимозависимости в семье. Молодое поколение в тех семьях, которые оказались достаточно прочными и способными пережить удары экономического кризиса, гораздо более критически относится к представителям старшего поколения в семье и ищет собственные пути обеспечения своей экономической самостоятельности. Разрушение семейных традиций в профессиональном и нравственно-этическом плане получает все большее распространение.

Для современного российского общества характерно формирование новых норм, регулирующих внутрисемейные отношения. Этот процесс особенно отчетливо наблюдается в семьях так называемых новых русских. В то же время растет число разводов, внутрисемейных конфликтов, бытовых скандалов и ссор. Семья все в меньшей мере выполняет свою функцию социально-психологической защиты от того давления, которое каждый из ее членов испытывает со стороны общества, и все в большей степени становится ареной личностного и нравственного конфликта.

Важнейший источник продуцирования конфликтов, разрывающихся в сфере повседневности, заключается в кризисе системы ценностей на уровне всей общественной системы. За несколько последних лет изменились смысловые значения общественно-политических отношений и структур, произошли существенные сдвиги в области культурных ориентаций. То, что представлялось ранее значимым и важным, перестало быть таковым в условиях ценностного кризиса, который проявляет себя во всех областях жизни как кризис рациональности. Именно это обстоятельство и выступает основанием для весьма распространенных оценок состояния умов в обществе: общество в целом представляется сумасшедшим.

В деятельности политических лидеров трудно найти какие-либо рациональные системы аргументации и обоснования их собственных действий. Ценностный кризис глубоко переплетается с кризисом политическим, ибо вопрос о смысле тех или иных политических платформ и программ тесно связан с исходными мировоззренческими ориентациями, с символами веры идеологического характера.

Переплетение экономического, политического и идеологического кризиса порождает ситуацию саморазрушения и хаоса. С

точки зрения взаимодействия конфликтов на макро- и микроуровнях этот кризис означает прежде всего переход в ситуацию неопределенности для каждого отдельного человека и для его семьи. Общественные структуры не предлагают человеку четко очерченных путей и способов социализации. Возникают новые масштабы свободы выбора и самоопределения, к которым человек оказывается психологически и нравственно не подготовлен. Наоборот, все более широкое распространение получают десоциализация личности, потеря жизненных ориентиров, формирование асоциальных способов личностной мотивации. В структурах сознания все большее место занимают новые самоидентификации, основанные на чувстве национальной или племенной принадлежности. Распространяются иные архаичные структуры и формы сознания.

Одна из наиболее существенных характеристик ценностного кризиса заключается в утверждении чувства реванша по отношению к прошлому как важнейшей социально-психологической детерминанте практического поведения, особенно в политической сфере. На этой основе вырабатывается система официальных клише-заклинаний идеолого-мифологического характера, с помощью которых осуществляется разрыв с прошлым. Система новых символов становится важнейшим средством завоевания политического пространства новой политической элитой, характеризующейся не столько стремлением к конструктивному диалогу или к созидательной деятельности, сколько накоплением опыта провоцирования конфликтов. Политика таким способом конструирует новую политическую реальность: ее особенность в углубляющемся разрыве между структурами власти и повседневной жизнью. Каждая из этих сфер движется в своего рода замкнутом пространстве, без соприкосновения друг с другом. (Об этом в частности свидетельствовало поведение любопытствующей толпы в часы вооруженного противостояния властей во время октябрьского кризиса 1993 г.)

2. КОНФЛИКТЫ НА МИКРОУРОВНЕ КАК ИСТОЧНИКИ ИРРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Рассмотрим теперь противоположный процесс, заключающийся в накоплении и констелляции конфликтов, разворачивающихся на микроуровне. В силу повторяемости и массовости эти конфликты определенным образом воздействуют на макропроцессы. Без уяснения этой стороны дела картина взаимодействия конфликтов будет не ясна.

Выше мы уже упоминали процесс *меркантилизации* отноше-

ний между людьми. Это непрменный атрибут перехода к рыночной экономике, его психологическое обрамление, особенно сильно действующее в начальной фазе этого процесса. Несомненно, что меркантилизация отношений подрывает основы общечеловеческих ценностей и приводит к массе неожиданностей в сфере личностных отношений. То, что ранее составляло предмет повседневных обязанностей и воспринималось как само собою разумеющееся, вдруг стало предметом купли-продажи, торговой сделки.

Важнейшим следствием ценностного кризиса на микроуровне оказывается, далее, *смена авторитетов*. Любая система власти и управления в обществе предполагает определенную иерархию авторитетов, добровольное согласие подчиняться или по крайней мере согласовывать свои действия с представителями власти. Изменение властных структур, а тем более изменение политического режима сопряжено с несколькими этапами в признании новых лидеров и новых авторитетов. Вначале происходит разрушение прежних авторитетов и образование своего рода вакуума. На этом этапе на первый план выдвигаются лидеры, энергия которых направлена на разрушение прежней системы ценностей. Лишь позже, когда будет пройден этап полного отрицания, вновь возникнет потребность в авторитетах созидательного типа. Это означает, что изменения властных структур и поиск новых форм легитимности происходит не только на институциональном уровне, но и персонифицируется. В перспективе выдвигается новый тип организатора производства и политического лидера, появляются новая социальная среда и новые способы формулирования притязаний и выражения интересов. Все это вместе взятое означает формирование новой элиты, для которой характерен не только новый лексикон, но и новый стиль поведения. При этом смена «лидеров общественного мнения» тесно связана со сменой поколений. Обладание авторитетом в прошлых структурах и в системе прошлых отношений само по себе оказывается препятствием для приобретения статуса в новых общественно-политических структурах и отношениях.

Третья существенная характеристика кризисной ситуации — широкое распространение *чувства незащищенности и страха*. Это — непосредственная реакция на разрушение границ между дозволенным и недозволенным, на разрушение авторитетов. В то же время эти настроения растут в результате развития криминогенной ситуации в обществе. В 1991—1993 гг. в России ежегодный рост зарегистрированных преступлений составлял до 30% в год. Особенно много совершается преступлений против личности. В городах и населенных пунктах складывается неизвестная ранее ситуация,

когда жители в вечерние часы опасаются выходить на улицу, возникает страх за жизнь своих близких и свою собственную.

Все это вместе взятое означает, что на микроуровне возникают новые типы мотивации повседневного поведения людей. И эти новые типы мотивации, основанные на частном интересе, на меркантилизации отношений, на потере авторитетов, сопряженной с ростом чувства личной ответственности, на постоянном чувстве страха и угрозы для жизни людей, продуцируют варианты дестабилизирующего поведения. Те процессы, которые происходят на макроуровне, приобретают значение именно через призму этой новой мотивации. В какой мере они содействуют психологической стабилизации или дестабилизации внутреннего мира личности? В этом наиболее существенный вопрос всех тех преобразований, которые происходят в обществе. Разумеется, на первых порах проведения преобразований имеется некоторый запас психологической устойчивости, который, однако, может быть израсходован достаточно быстро. Поддержка реформ предполагает создание в общем позитивного психологического баланса. Слишком долгое накопление негативных социальных эмоций неизбежно ведет к росту социальной напряженности структурного порядка и к открытым массовым конфликтам.

Рост социально-психологической напряженности ведет к возрастанию иррациональных форм поведения на микроуровне. Нетерпение оборачивается экстремизмом и отчаянием. В силу этих обстоятельств программы, рассчитанные на рационального экономического человека, который знает, в чем состоят его собственные интересы, не получают поддержки и не могут быть реализованы. Большая часть этих программ не учитывает складывающейся социально-психологической атмосферы. Кризисная ситуация, потрясая российское общество, демонстрирует несостоятельность рационально-экономической доктрины и показывает значение внеэкономических ценностных ориентаций. Аффективность и иррационализм вряд ли могут быть вполне поняты на основании тех методологических установок, с помощью которых объяснялись социальные процессы в условиях стабильности.

3. ПЕРСОНИФИКАЦИЯ МАКРОКОНФЛИКТОВ И ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ

Обратимся теперь ко второму смыслу понятия «конфликт на микроуровне», о котором мы говорили выше. Речь идет о личном воплощении социальных отношений. Типичные личности

демонстрируют определенные сгустки мотивации, наиболее характерные для своего времени или своего движения. Попытаемся проанализировать под этим углом зрения ситуацию 70-х годов, т. е. так называемого времени застоя.

Можно утверждать, что социально-политическое и культурное пространство этого времени было расположено между двумя крайними точками — двумя символическими и вместе с тем реальными персонажами, имена которых Леонид Брежнев и Владимир Высоцкий. При всем различии их социальных позиций и огромной социальной дистанции они были в чем-то неусловимо схожи между собой. Это были две стороны одной медали, два полюса одного магнита.

Брежнев — дряхлеющий глава политической олигархии, которого сохраняют для того, чтобы при этой передвижке не нарушить сложившийся баланс политических сил, устраивающий все властные структуры. В последние годы он ничего не произносит от себя, а озвучивает лишь то, что отработано и согласовано аппаратом. В личном плане испытывает привязанность лишь к заботливой медсестре, которую от него не могут оторвать ни КГБ, ни врачебные инстанции. Семейные отношения при этом также сохраняют стабильность, так как жена понимает, что власть мужа гораздо более важная ценность в сравнении с некоторым воображаемым ущербом семейным отношениям. Вот характеристика сложившегося положения дел, данная человеком несомненно осведомленным и наблюдательным — лечащим врачом Л. Брежнева Е. Чазовым: «Уйди Брежнев с поста лидера в 1976 году, он оставил бы после себя хорошую память... Но судьба сыграла злую шутку со страной и партией. Она оставила еще почти на 7 лет больного лидера, терявшего не только нити управления страной, но и критическую оценку ситуации в стране и в мире, а самое главное — критическое отношение к себе, чем поспешили воспользоваться подхалимы, карьеристы, взяточники, да и просто бездельники, думавшие только о своем личном благополучии» (1). Во второй половине 70-х и начале 80-х годов жизнь главы тогда еще могучего государства представляла собою медленное умирание, вызывающее нравственное и эстетическое отвращение, тщательно скрываемое от общественности на официальном уровне.

Эта же линия личностного поведения, имеющая политический характер, продолжается в действиях двух последующих генеральных секретарей ЦК КПСС. Об обстоятельствах такого рода могут лишь мечтать любые разведки враждебных государств! Умирающий слой геронтократии, упорно цепляющийся за власть ради самой власти. Не нужно было никаких дополнительных усилий для того, чтобы завести страну в безвыходное положение.

В. Высоцкий — другой полюс политического и культурного пространства. Не случайно сфера его деятельности находится вне политики, так как политическая оппозиция в лице правозащитного движения по сути дела была лишена возможности оказывать какое-либо влияние на умонастроения общества. Вместе с тем, накапливающееся чувство отвращения и пустоты выражается в политических песнях В. Высоцкого — романтического героя весьма прозаического времени. Человек с огромным напором жизненных сил, аккумулировавший в своем творчестве подспудное настроение протеста и потому сделавшийся народным любимцем по крайней мере в тех масштабах, в которых уместно употребление слова «народ» применительно к распадающемуся обществу 70-х годов. Талантливейший бард бездарного времени. В этом суть его личностной драмы: широкое признание в узких, не связанных друг с другом кругах, представляющее собою эстетическую приправу к общему чувству омерзения.

Настоящий поэт не может вынести этого напряжения и постепенно превращается в алкоголика и наркомана. Ни любовь, ни негласная популярность не могут дать внутренней опоры творчеству, как бы упирающемуся в глухую стену. Крик отчаяния в замкнутом пространстве, из которого нет выхода, — вот что такое песни Высоцкого, вот в чем основа его популярности. Если на одном полюсе социального пространства было демонстративное умирание, то на противоположном — демонстративное самоубийство.

В плане личностного выражения, следовательно, социальный конфликт 70-х годов можно понять как конфликт между бюрократическим властолюбием и богемой, провозглашающей отказ от ценностей. Таковы два полюса пространства, из которого вышла перестройка.

Перестройка дала новые контуры политической деятельности, вдохнула смысл в погибающее общество. Политический конфликт стал развиваться здесь иначе. Его можно было увидеть и воспринять воочию на XIX конференции КПСС и на Первом съезде народных депутатов СССР. В ходе этих событий еще действует рациональное начало, еще сохраняется надежда на лучшее будущее. Однако события в Тбилиси накануне съезда, в Баку — почти через год и в Вильнюсе — еще через один год постепенно подрывают веру в прогресс, сохранившуюся от старого мировоззрения. Возникает конфигурация конфликта, связанная с действием иррациональных сил. Ее исследование предполагает обращение к новым методам анализа, в частности к направлениям социологии и политологии, связанным с психоанализом.

4. ВОЗМОЖНОСТИ ПСИХОАНАЛИЗА ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В КОНФЛИКТАХ

Краеугольным понятием психоанализа выступает понятие «вытеснение». Несомненно, что жесткий авторитет властных структур, свойственный прежней системе общественных отношений, был связан с вытеснением в сферу подсознательного, иррационального всей проблематики власти. Все, что касалось содержания властных полномочий, механизмов действия властных структур, мотивации, присущей властным отношениям, не подлежало осмыслению и анализу. Действовали закрытые инструкции, запрещавшие публиковать какие-либо данные, касающиеся методов работы партийного аппарата. Тем самым аппарат был выведен за пределы критики, а его деятельность — за пределы теоретического анализа.

Практически это означало не только формирование антидемократических норм, связанных с нарушением гласности. Эффект был более существенным. Сложившаяся практика формировала принципиально раздвоенное сознание. Был наложен запрет не только на обсуждение, но и на обдумывание тех вопросов, которые имели самое непосредственное отношение к эффективности принимаемых решений. Главным успехом успешного функционирования в рамках партийного аппарата и продвижения по служебной иерархии, в котором соблюдалась почти железная последовательность ступеней, было безусловное признание формального авторитета вышестоящего начальства. Более того, между руководителем и подчиненным складывались отношения феодальной зависимости, при которой все вопросы подчиненного, включая его сугубо личные отношения, так или иначе становились предметом заботы начальства. Нормой поведения был конфликт на уровне равных статусных позиций и в то же время умение подчиняться или создавать видимость полного подчинения.

Стиль отношений в рамках аппарата был источником психологической фрустрации у многих работников партийного аппарата и государственных служащих. Именно этим можно объяснить столь яростный разрыв с прежней системой власти и идеологические метаморфозы, наблюдавшиеся среди тех, кто так или иначе был вовлечен в высшие эшелоны власти. Многие публикации 1987—1991 гг. — яркое свидетельство того, что этот разрыв происходил не на уровне рациональной критики прошлого, а прежде всего был связан со всплеском освободившихся от постоянного контроля и самоконтроля эмоций. Личностный конфликт, основанный на механизмах замещения и вытеснения, часто разре-

шался благодаря его переносу в сферу политической и идеологической деятельности. В определенных случаях можно было наблюдать такую зависимость: чем глубже были заверения в верности официальной идеологической доктрине и чем успешнее была карьера в рамках прежней системы, основанная на такого рода заверениях, тем более основательным был разрыв с прошлым. Этот конфликт сопровождался невротическими срывами. Необъяснимые и неожиданные поступки стали на протяжении этого периода не исключением из правил, а скорее нормой политического поведения. В конечном счете неотрефлексированность этого процесса привела к ряду кризисов властных структур и в последующий период, что проявилось наиболее отчетливо в событиях 21 сентября — 4 октября 1993 г.

Процедура психоанализа предполагает осознание глубины залегания вытесненного в слоях подсознания. Механизм освобождения и рационализации деятельности связан с осмыслением и называнием вины за совершенное преступление или деяние, осуждаемое общественной моралью. В этом пункте концепция психоанализа имеет прямую связь с проблематикой оценки прошлого исторического опыта, с преступлениями, совершенными сталинским режимом, и с темой покаяния, широко обсуждаемой в средствах массовой информации и в кругах гуманитарной интеллигенции. Покаяние, — с точки зрения некоторых бывших идеологов, а ныне строгих носителей нравственного императива, — предполагает радикальное изменение личностных установок, оно должно быть продекларировано публично, как это было сделано авторами целого ряда социологических и философских публикаций. Смысл его в том, чтобы признать собственную вину и ответственность за поддержание тоталитарного режима и таким путем добиться очищения.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой исключительной сложности, которую невозможно обойти молчанием. Абсолютно неправильно утверждать или делать вид, что такой проблемы не существует и что каждый решает ее в соответствии с собственным мироощущением и чувством нравственной ответственности.

Преодоление личностного конфликта в этой области зависит во многом от выработки общественного консенсуса по поводу прошлого страны:

— называются ли деяния, связанные с организацией ГУЛАГа, массового террора, режима личной диктатуры Сталина, системы всеобщего доноительства, преступлениями или же все это неизбежные следствия революции, гражданской войны, модернизации и индустриализации и т.д.?

— если это были преступления, то против кого и кто был их субъектом?

— можно ли рассматривать исторические события, повернувшие ход российской истории и оказавшие значительное и в ряде случаев благотворное влияние на ход мировой истории (это представляется неоспоримым при оценке итогов Второй мировой войны), результатом деяний кучки «заговорщиков и бандитов»?

— что такое большевизм как общественно-политическое явление и как психологическая характеристика?

— что такое тоталитарная система применительно к Советскому Союзу и России? Какова эвристическая ценность этой политологической категории?

Определенная часть этих проблем рассматривалась в ходе заседаний Конституционного суда, который решал вопросы о конституционности августовских указов 1991 года Президента России по поводу КПСС. Эта попытка откликнуться на реальную нравственную и социально-психологическую проблему заслуживает детального и беспристрастного анализа и изучения.

В ходе такого исследования мы неизбежно столкнемся с тем обстоятельством, что проблемы аналогичного плана вставали и перед другими народами в современной истории. Так, для формирования самосознания немецкой нации в послевоенный период огромное значение имел Нюрнбергский процесс. В результате этого процесса были выработаны определенные методологические установки, направленные на решение проблемы личной вины и ответственности за причастность к нацистской и фашистской идеологии. Две позиции были особенно важны с точки зрения формирования массового сознания немецкой нации. Во-первых, произошло отделение нацистской идеологии и политики от нации, от немецкого народа в целом. Это было связано с выявлением институционального источника преступлений фашизма, т.е. с ролью национал-социалистической партии и ее расистской идеологии, сформулированной Гитлером в «Mein Kampf». Во-вторых, на первый план была выдвинута концепция индивидуальной ответственности в противоположность точке зрения, настаивающей на коллективной ответственности: каждый член нацистского движения и нацистской партии должен отвечать за те деяния, которые совершил именно он. Однако при таком подходе снимается проблема коллективной солидарности, вопрос о поддержке политических лидеров, об оправдании принятого ими политического курса в массовом сознании и о других явлениях, которые очень трудно оценить с юридически-правовой точки зрения, но которые вместе с тем сыграли огромную роль в формировании соот-

ветствующих общественно-политических настроений. Отказ от продолжения анализа социально-психологического фундамента фашизма, начатого Т. Адорно и его сотрудниками, привел к глубокому психологическому кризису, который пришлось пережить новому поколению немцев. Те, кто родились в сороковые годы и позже, не могли нести персональной ответственности за совершенные деяния, в том числе и за организацию фабрик массового уничтожения людей, отбираемых по расовому признаку. Это юридическое освобождение от ответственности. Но в то же время вставал вопрос о национальной идентификации, ибо процессы, происходившие в Германии в годы нацистской диктатуры, затрагивали всю нацию, все семьи и касались прямым или косвенным образом судеб ближайшего родительского поколения. Представители послевоенного поколения либо должны были исключить из своего сознания вопрос об оценке своих родителей с помощью механизмов вытеснения, либо они должны были признать какую-то степень преемственности между своим и прежним поколением, но для этого необходимо было произвести критическую оценку свершенного. Анализ этой проблемы на ином историческом материале был дан двумя немецкими авторами — супругами Митчерлих (2). Авторы этой книги показали, что здоровая психика нации не может быть основана на исключении прошлой истории из сферы собственного опыта новых поколений. Стремление отбросить прошлое жестоко мстит за себя, порождая невротизм и психологическую неустойчивость. Прошлое должно быть «пережито», переработано сознанием, а система идентификаций, скрепляющая личностное самосознание, должна быть не сломана, а переосмыслена. Освобождение от чувства неполноценности, основанного на комплексе вины, должно произойти не за счет забвения прошлого, а путем его критической переработки, сохраняющей нормальную способность к переживанию трагических моментов истории. При такой переработке опыта сохраняется способность к печали как нормальное явление человеческой психики и культуры, содействующее балансу эмоционального и рационального компонентов самосознания.

В противном случае происходит «оцепенение чувств», прошлое «травматически утопает», из него автоматически изымается всякое — и желательное, и нежелательное участие в событиях. Оцепенение чувств приводит к маниакальному забвению прошлого, что само по себе порождает искажение образа истории, дереализацию как прошлого, так и настоящего.

Таким образом психоаналитический подход позволяет выработать гораздо более сложное отношение немецкой нации к своему

прошлому, нежели отношение, связанное либо с апологетикой, либо с полным отрицанием. И это отношение оказывается психологической предпосылкой существования реального внутреннего свободомыслия, равно как и функционирования демократических институтов власти.

Что же произошло с российским самосознанием относительно сталинизма? Открытие преступлений, совершенных в ГУЛАГе (открытие не для исторической науки, а для массового сознания), в связи с публикацией исследования А.И. Солженицына оказалось своего рода шоковым ударом. Возникло вполне отчетливое стремление отмежеваться от прошлой истории и найти конкретное лицо, ответственное за свершившееся. В 1987—1989 гг. наблюдался феномен десталинизации в прессе и во всей совокупности средств массовой информации, который стал основанием для утверждения антикоммунистической, а затем и антисоциалистической идеологической установки. Возникла мощная реставрационная волна, которая продолжается и по сегодняшний день. Она соединяется с восстановлением архаических структур сознания — обращением к национальной идее в разных ее вариантах, включая открытый национализм, к клерикализму и мистике, и даже с обоснованием целесообразности монархического правления, которое демонстрируется видными политическими деятелями новой волны. При этом отсчитывается не полтора десятилетия, как это было с немецкой историей, а более семьдесят лет, содержащие в себе исключительно противоречивые тенденции и события реальной истории. В этом смысле идеологический кризис, охватывающий российское общество, оказывается более основательным и глубоким. Общее с немецким кризисом послевоенного времени заключается в том, что его не удастся разрешить ни методом вытеснения из сознания прошлого, ни методом проклинающих прошлое деклараций. Ведь все нынешнее поколение, все проблемы демократизации, порядка, реформы, построения рыночной экономики уходят корнями своими именно в те 70 лет Советской власти, по отношению к которым стремятся навязать проклятие, используя иррационализацию массового политического сознания в качестве инструмента в борьбе за власть. Вытеснение из сферы осознанного и осмысленного отношения к действительности огромного исторического периода, охватывающего жизнь нескольких предшествующих поколений (преимущественно дедов и прадедов того поколения, которое ныне вступает в жизнь), позволяет создать некоторые упрощенные до примитивности схемы идеологического порядка. Но оно не способно привести к нормализации массовое сознание хотя бы потому, что в личном плане слиш-

ком многое оказывается задетым посредством такого вытеснения. Ценностный конфликт не получает разрешения, а лишь загоняется вновь в область подсознания, в сферу смутных воспоминаний, а для некоторых и в область ночных кошмаров, тени которых падают на реалии современной политической жизни, искажая ее до неузнаваемости, до невозможности найти в ней хотя бы некоторые устойчивые точки опоры. *Фрустрированное сознание* очень трудно поддается саморефлексии, а это означает, что путь преодоления кризисов, связанный с нормализацией разрешения конфликтов на макро- и микроуровнях, окажется более сложным, чем этого можно было бы ожидать, оставаясь в рамках рационалистической точки зрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чазов Е. Здоровье и власть. М., 1992. С. 141.
2. Mitscherlich Alexander und Margarete. Die Unfähigkeit zu Trauern. Grundlagen kollektiven Verhaltens. (Неспособность к печали). München, 1967, 1977, 1991.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Что такое российский кризис?
2. Какова взаимная связь конфликтов на макроуровне с конфликтами на микроуровне?
3. В каком плане изменились личностные отношения между близкими людьми за годы проведения реформаторского курса?
4. Как, по вашему мнению, можно было бы охарактеризовать тенденцию иррационализации действительности?
5. Каковы ваши представления о возможностях применения психоанализа для понимания происходивших в СССР изменений политических режимов и массовой психологии?
6. Ваше отношение к идее покаяния?
7. Что значит «переживание» прошлого, сталкивались ли вы с психологическим феноменом, который называется супругами Митчерлих «оцепенением чувств»?
8. Какова, по вашему мнению, связь между психологическим состоянием людей и экономическими процессами в обществе?

Раздел II

СФЕРЫ РАЗВЕРТЫВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

Глава I

ЦЕННОСТНЫЙ КРИЗИС И ПАРТИКУЛЯРИЗАЦИЯ КОНФЛИКТОВ

В данной главе ситуация в России будет рассмотрена под углом зрения кризиса духовных ценностей. Для этого необходимо проследить соединения и разрывы ценностей культуры и ценностных ориентаций личности. Связь между этими двумя крайними компонентами культуры — важнейшее цементирующее и стимулирующее начало всей общественной жизни. И напротив, разрыв этой связи означает глубокий духовный кризис. В современном обществе в соединении различных составляющих общественной жизни и в осознании его целостности огромная роль принадлежит интеллигенции. Она выполняет роль духовного и интеллектуального посредника в системе общественных связей. Но интеллигенция может справиться с этой ролью лишь при условии, если ее сознание не разорвано, если оно само основывается на определенных посылах мировоззренческого характера. Одна из особенностей российского духовного кризиса заключается в резком повороте от атеистического миропонимания к религиозному. Потребность в религии определяется поиском смыслообразующих оснований жизни. В связи с этим в главе рассматриваются фундаментальные проблемы социологии религии. В заключительном параграфе дается характеристика наиболее распространенных идеологических ориентаций, выявляется специфика идеологического конфликта как разновидности конфликта ценностного.

1. ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ: СОЕДИНЕНИЯ И РАЗРЫВЫ

Всякое человеческое сообщество скрепляется не только с помощью взаимных интересов, обмена благами и услугами, проистекающего из разделения труда, не только общими для всех членов сообщества угрозами и опасностями, но и определенным, более или менее одинаковым пониманием всей совокупности жизненных задач и проблем.

Разумеется, одинаковость понимания нужно принимать *cum grano salis*, т. е. у каждого — свое мировоззрение, свой жизненный опыт, свои предпочтения и привязанности. И все же, чтобы эти индивидуальные предпочтения признавались и уважались другими, необходима общая система координат, в качестве которой выступает невидимая глазу и неосозаемая реальность: общая система ценностей.

Система ценностей — это мир значений, благодаря которому человек приобщается к чему-то более важному и непреходящему, чем его собственное эмпирическое существование, это окультуренная и передающаяся от поколения к поколению с помощью некоторой совокупности условных знаков (символов) констелляция чувств, эмоций и идей, существенных для данного сообщества. Система ценностей — важнейший компонент культуры и культурной жизни. Она возвышает человека, приобщает его к миру духовности. Благодаря ценностям человеческое существование выходит за рамки потребностей и интересов, за рамки того, что необходимо для жизни, и того, что выгодно, удобно, эффективно в данный момент времени. Именно благодаря приобщению к миру ценностей жизнь отдельного человека приобретает смысл.

Система ценностей выполняет важную функцию как в жизни сообщества людей, так и в жизни отдельного человека. Главное ее назначение состоит в том, что здесь как бы накапливаются критерии, позволяющие отделить добро от зла, пользу от вреда, истину от заблуждения. Это задача безусловных ценностей, составляющих стержень духовной культуры сообщества людей. Их называют также терминальными ценностями. Другая группа критериев связана с ценностями инструментального порядка, с теми, которые позволяют отделить важное от менее важного и совсем неважного, значимое и существенное от мелкого и преходящего.

С древних времен вырабатывались представления о классической триаде ценностей, составляющих основание культуры и духовности: *добро, истина и красота*. Именно здесь сосредоточены

подлинно человеческие устремления, возможности выхода человека в царство свободы и преодоления им мира необходимости и своекорыстия. На протяжении истории человеческого общества, равно как и на материалах культурно-антропологических исследований неоднократно демонстрировалось, что конкретное содержание этих главных ценностных понятий наполнялось разным, а порою и прямо противоположным содержанием. Однако все социально значимые побуждения в любых человеческих культурах и сообществах люди облекали именно в форму этих понятий. В известном смысле эти понятия являются абсолютными характеристиками культуры. Как бы низко ни падал конкретный человек, как бы ни кипели страсти под влиянием нужды, зависти, политических амбиций и притязаний, люди вновь и вновь будут обращаться к идеалам прекрасного, справедливого, истинного. Такова позиция, исходящая из уважения к классическим формам развития знания, искусства и философского мышления. Этой позиции противостоит модернизм — неопределенное умонастроение в культуре, исходным понятием которого оказывается «здесь и сейчас».

В XIX и XX вв. мир ценностей существенным образом расширился и обогатился. Значимыми стали ценности личного достоинства и индивидуальной свободы. Идея гражданских прав приобрела ценностное содержание и стала важнейшим критерием, используемым для сравнения между собою различных политических порядков и режимов власти. Вместе с тем обнаружились очень сложные пути достижения названных выше основных ценностей. Прямолнейное восхождение по нарастающей линии духовного прогресса, воплотившееся в свое время в идеологии Просвещения, оказалось несбыточной мечтой, фантазией, мифом. В XX в. возникла практика массового уничтожения целых народов, обоснование которой было дано теориями расового неравенства и неполноценности определенных этнических групп. Сторонники этих концепций, как и те, кто контролировали лояльность по отношению к государству или политическому режиму на основании критериев идеологического порядка, также взывали к абсолютным истинам.

Поэтому современное общество и современная общественная мысль с большой осторожностью относится ко всякого рода декларациям по поводу абсолютных ценностей. Один из наиболее фундаментальных процессов, совершающихся в культуре современных обществ, — процесс релятивизации ценностных представлений, стремление ограничить их действие и смысл сиюминутными ситуациями, что приводит подчас к низведению ценностей к интересам и потребностям материального или физиологического порядка.

Если рассматривать более широкий круг человеческих побуж-

дений, то нельзя не заметить важной духовной потребности человека к поискам и обоснованию смысла своего собственного существования в этом мире. Человек хочет понять мир, в котором он живет. Чтобы ориентироваться в этом мире, он должен знать, что хорошо и что плохо. Какие из его действий и побуждений получают поддержку и одобрение со стороны того сообщества людей, к которому он принадлежит, а какие — будут явно неодобряемы и даже наказуемы? Понимание критериев самооценки и оценки поступков других людей дается благодаря усвоению ценностного и нормативного содержания культуры. Наиболее существенная характеристика системы ценностей состоит в том, что именно здесь сосредоточены представления людей о смысле их жизни. Система ценностей — это смыслообразующая сфера общественных отношений. Именно здесь формулируются конечные основания выбора действия, связанные с философией данного общества, с его мировоззренческими установками. Благодаря усвоению системы ценностей человек решает для себя вопрос о том, ради чего он живет. Оценка каждого конкретного поступка приобретает смысл только в соотношении со способом решения этой общей мировоззренческой задачи, которая осмысливается в виде понятий добра, правды, справедливости, красоты, достоинства, свободы и иных ценностных категорий. Сообразно этим категориям соответствующие поступки называются добрыми или злыми, героическими или низкими, прекрасными или безобразными, справедливыми или эгоистическими, а люди, их совершающие, становятся носителями соответствующих нравственных и эстетических качеств.

Усвоение ценностных критериев, предлагаемых обществом, — дело исключительно сложное и неоднозначное и в то же время необходимое. Если у людей не было бы общих представлений о добре и зле, то их совместная жизнь была бы просто невозможной. Наличие системы ценностей, воплощаемое в культуре, — одно из неперемennых условий сохранения каждого данного сообщества, а распад этой системы ценностей и есть не что иное, как свидетельство кризисного состояния общества. Такой распад приводит к разрушению ценностных ориентиров и критериев различения правильного от неправильного, доброго от злого, хорошего от плохого, полезного от вредного и т.д. Чтобы уяснить значение ценностных критериев, важно иметь в виду, что каждый отдельный поступок мотивируется сам по себе гораздо более конкретным спектром побуждений и интересов. Мотивация совершения поступка всегда ситуативна, соотнесена с данными обстоятельствами и интересами данного человека — субъекта этого действия. При этом он может думать о конечных нравственных категориях, а может во-

обще не принимать их во внимание, преследуя самые ближайшие задачи, вытекающие из данной ситуации. Более того, многие поступки, совершаемые конкретными людьми, совершаются ими не под влиянием расчета, не в результате обдумывания и взвешивания ситуации, а на основе интуиции или в результате аффективной концентрации эмоций, которые требуют разрядки, выхода из сложившегося положения, ответной реакции на угрозу, действительное или кажущееся оскорбление и т.д. Реальные поступки совершаются далеко не всегда под воздействием прямой ценностной мотивации, в них всегда или почти всегда присутствует иррациональный момент, компонент подсознательной мотивации, которая не осмысливается самим действующим агентом.

Между конкретной мотивацией, следовательно, и миром ценностей и культуры существует дистанция, которая то увеличивается, то сокращается. Ценностный кризис заключается прежде всего в увеличении этого разрыва. Наиболее краткая характеристика такого состояния общественных отношений выражена в формуле «распалась связь времен» — *the time is out of joint*.

«Нормальное» состояние общества, напротив, характеризуется прежде всего наличием механизмов передачи и изменения наследия, созданного предшествующими поколениями, к поколениям современным. Благодаря институтам социализации разрыв между индивидуальным миром и ценностями культуры данного сообщества преодолевается с обеих сторон.

Ценностный мир личности или совокупность ее ценностных ориентаций строится прежде всего на основе переживания собственного опыта. Сам процесс переживания этого опыта, воспоминаний о содеянном, самооценка поступка, самоанализ — дело глубоко интимное. Здесь человек остается наедине с самим собою. В ходе этой нравственно-психологической работы по осмыслению и переживанию собственного опыта человек формирует образ самого себя или «Я-образ», в котором содержится не только память о том, что было важного и существенного в жизни, но и отношение к себе, основанное на сопоставлении «Я» с «Другими» и на предполагаемом восприятии этого «Я» «Другими». Разумеется, структура самосознания не сводится к Я-образу. Как показывает современный психоанализ, она более сложна и многогранна. Но именно вокруг Я-образа концентрируются ценностные представления и ценностные ориентации личности, придающие ей определенность. В свою очередь ценностные ориентации организуют мир эмоций и переживаний, они оказывают наиболее существенное воздействие на мотивы поступков и действий. Благодаря ценностным ориентациям разрешаются на подсознательном уровне

конфликты желаний, побуждений, устремлений, составляющие содержание внутреннего психологического процесса.

Третий важнейший компонент внутренней жизни — стремление освоить мир ценностей, предлагаемых культурой сообщества, к которому принадлежит человек, хотя это ему далеко не всегда удастся в полной мере. Важно обратить внимание, однако, на сам способ усвоения ценностей культуры. Это усвоение происходит при помощи наиболее широких обобщений философского, мировоззренческого и религиозного плана, которые входят в определенные системы рационализации жизненного опыта. Рационализация как система умозаключений связывает внутренний мир с миром культурных ценностей и значений. С ее помощью человек упорядочивает свой опыт, придает ему некоторый социальный смысл и получает ответы на вопросы такого плана: зачем я живу, зачем я действую, есть ли смысл в моей жизни?

Это так называемые гамлетовские вопросы, через которые неизбежно проходит каждый человек в ходе развития его собственного внутреннего самосознания:

Быть или не быть? Вот в чем вопрос...

Напомним, как заканчивается этот известный монолог:

Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда покров земного чувства спят?
Вот в чем разгадка. Вот что удлинит
Несчастьям нашим жизнь на столько лет.
А то кто снес бы униженья века,
Неправду угнетателя, вельмож
Заносчивость, отринутое чувство,
Нескорый суд и более всего
Насмешки недостойных над достойным,
Когда так просто сводит все концы
Удар кинжала! Кто бы согласился,
Кряхтя, под ношей жизненной плестись,
Когда бы неизвестность после смерти,
Боязнь страны, откуда ни один
Не возвращался, не склоняла воли
Мириться лучше с незнакомым злом,
Чем бегством к незнакомому стремиться!

Ключевые символы этого монолога (Шекспир У. Гамлет. Действие III. Акт I/Пер. Б.Л. Пастернака): выбор, жизнь и смерть, загадка жизни, благородство, духовное страдание, смирение с ударами судьбы, сопротивление морю бед, смерть и сон, сон и явь

(«покров земного чувства»), телесная природа, желанная цель, многообразие несчастий (своего рода классификация социальных конфликтов), достоинство, тяготы жизни, неизвестность потустороннего мира, страх перед нею, воля, примирение с известным злом, бегство от неизвестности, совесть, действие, осторожность, решительность, свет размышления, великие начинания, поворот, молитва, грех.

Возможно, что эти символы можно было бы упорядочить под углом зрения соотношения внутреннего мира и главных ценностей жизни с ценностями культуры, через которое (соотнесение) и раскрывается смысл бытия.

2. ПРОБЛЕМА ПОСРЕДНИЧЕСТВА И РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Со своей стороны, общество предлагает и разрабатывает свои варианты преодоления разрыва между ценностными ориентациями личности и ценностями культуры, используя разнообразную совокупность средств.

Прежде всего оно предлагает упрощенные варианты ценностей в качестве прямо одобряемых образцов поведения: героев средств массовой информации, лауреатов премий и т.д., с помощью которых декларируются идеалы общественной полезности или общественного блага. Оно помещает в центр своей пропагандистской деятельности не систему философских обоснований мира ценностей и культуры, а конкретных индивидов, образы которых должны стать частью комплексов, мотивирующих поведение других людей. Таким образом осуществляется интерпретация системы ценностей для массового сознания и для массового потребления.

Кроме того, в обществе происходит структурная интерпретация ценностей. Представления о добре и зле, о красоте и уродстве, об истине и заблуждении разъясняются специально предназначенными для этих целей «проповедниками», в качестве которых выступают определенные профессиональные группы в обществе: художники, писатели и музыканты, например, наиболее компетентны в вопросах искусства и, следовательно, в вопросах разграничения прекрасного от безобразного. Ученые в наибольшей мере компетентны в вопросах истины и заблуждения, учителя жизни — в вопросах справедливости и добра в их отличии от зла и несправедливости. На этом поприще выступают ныне профессиональные политики, которые должны «знать», в чем состоит общественное благо и общественная польза.

Однако само содержание такого рода пропагандистской деятельности существенным образом различается в условиях стабильности и бурных социальных перемен и потрясений. Стабильность характеризуется наличием социально-ценностного консенсуса. Как минимальное ее условие необходима официальная интерпретация системы ценностей общества, получающая более или менее значительную поддержку со стороны массового сознания. В условиях кризиса, во-первых, нет единой официальной интерпретации системы ценностей, что порождает огромные трудности перед слоем посредников-пропагандистов. Какой версии исторического процесса должен учить, например, школьный учитель в условиях конфронтации и идеологического противостояния? Во-вторых, кризис характеризуется тем, что массовой поддержки официальной идеологической доктрины не существует. В этом и заключается главный механизм разрыва между целостным общественным организмом и частной индивидуальной жизнью.

В результате этого разрыва ослабляется действие не только социализирующих институтов в обществе: школы, семьи, системы высшего образования, но и институтов социального контроля: правосудия, правоохранительных органов, системы поддержания и обеспечения правопорядка, ставится под вопрос эффективность пенитенциарной системы, т.е. тюрем, колоний и других учреждений, обеспечивающих исполнение приговоров, связанных со сроками изоляции преступников от общества. В результате создаются благоприятные условия для криминализации всей системы общественных отношений.

Опыт российских преобразований свидетельствует, что плавный переход от одной стабилизирующей системы ценностей к другой, вырабатываемой на совершенно противоположных основаниях, невозможен. Главная причина здесь не только в сложности опосредствующих связей, но и в неопределенности ценностных ориентаций складывающейся системы.

По-видимому, реформы подошли к такому моменту, когда необходима конкретизация целевых установок.

Скорее всего эффективность ценностного согласия может быть обеспечена не столько путем декларирования терминальных ценностей, сколько путем утверждения в массовом сознании правомерности инструментальных ценностей, к числу которых можно отнести верность договору, признание приоритета закона, соблюдение кодекса правил конкурентной борьбы, правопослушное поведение граждан, отклонения от которого могут служить источником применения санкций, в том числе и насильственных, если они опираются на авторитет государства, честность и порядоч-

ность во взаимоотношениях между частными лицами, уважение к личному достоинству и частных интересов.

3. КОНФЛИКТЫ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

В годы кризисов, войн и иных общественных потрясений сознание людей в своем стремлении понять происходящее неизбежно обращается к смыслообразующим категориям, к последним основаниям бытия. Особенно привлекательными, притягивающими оказываются ранее отвергнутые формы мышления и стереотипы поведения, к числу которых долгое время в России относилась и религия. В силу множества причин, слившихся воедино, духовный кризис, переживаемый обществом, переплетается ныне со своеобразным религиозным ренессансом: прежде всего речь идет о религиозном обосновании нравственности, о стремлении возродить ритуалы, освящающие наиболее важные вехи человеческой жизни — рождение, вступление в брак, смерть. В связи с этим за короткое время церковь из отторгаемой и полузапретной организации превратилась в мощный центр духовного притяжения. В несколько раз увеличилось количество прихожан; церковные праздники превратились вновь в события народной жизни; средства массовой информации обеспечили наглядность участия в церковных церемониях и обрядах высших должностных лиц государства, а должность священнослужителя стала одной из наиболее престижных в общественном мнении.

Так, при общероссийском опросе, проведенном в апреле 1992 г. Центром социально-политического анализа и прогнозирования РНИСиНП (руководитель Центра — Ф.Э. Шереги), выявилась следующая ранжировка профессии в общественном мнении (предлагалось отметить не более трех наиболее уважаемых профессий из общего списка в пятнадцать наименований):

бизнесмен, предприниматель	58,2%
работник магазина и сферы услуг	30,8%
священнослужитель	26,4%
юрист	23,3%
фермер	22,2%
врач	19,6%

Последние места в списке заняли — инженер (2,5%), преподаватель вуза (2,6%), кадровый военный (4,3%). Ученый и учитель в школе заняли 10-е и 11-е места.

Несомненно, что одним из главных условий наблюдающегося религиозного ренессанса стало изменение самого общества, утверждение демократических норм в отношении религиозного мировоззрения и церковных учреждений. Следует отметить, что наряду с этим действует и другой фактор — мотив реванша в общественном сознании, стремление сделать наоборот по отношению к тому, что ранее не одобрялось или запрещалось. Здесь, следовательно, важен не только момент вновь обретаемой веры, но и демонстративная мотивация протеста по отношению к прошлому, на основании чего складывается своего рода мода на религию и участие в церковных обрядах, распространяющаяся среди молодежи и интеллигенции.

Само по себе обращение к религии так же, как и избрание конфессии, дело сугубо личное и интимное, однако общество ныне озабочено выработкой противовесов небывалому росту преступности, всеобщей необязательности и анархии. Вопрос состоит в том, может ли религия стать одним из таких противовесов? В какой мере восстановление мирской власти должно опираться на религиозное обоснование? Является ли эта задача своего рода культурной инновацией или это воспроизведение архаических структур в системе образования и воспитания? Эти вопросы являются отнюдь не личностными. Они входят в сферу социологии религии. Нейл Смесер в своем учебнике по социологии определяет предмет этой дисциплины следующим образом: «Для социолога религия — социальное явление. Социологи хотят знать, как организованы любые религиозные группы, не только те, к которым принадлежат они сами. Они хотят знать нормы и ценности религиозных групп и то, что дает религия как для членов соответствующей группы, так и для общества в целом. Они хотят знать, почему существуют религии и каким образом они передаются от поколения к поколению. Они хотят знать также, как принадлежность к религиозным группам воздействует на другие стороны жизни людей — на их установки, семейную жизнь и т.д.» (1).

В современной социологической литературе религия рассматривается не в качестве отчужденной формы общественного сознания, отраженного бытия, а в виде органической формы самой жизни, связанной со смыслообразующими началами культуры. Вместе с тем, всякая религия соединена с определенными формами организации, с групповыми материальными и идейными интересами соответствующих общественных сил и прежде всего с интересами и формами жизни священнослужителей, которые так или иначе опираются на признание и поддержку «мирян».

Анализируя в свое время истоки религиозной деятельности и

религиозного мышления, Макс Вебер пришел к заключению о том, что важнейшим свойством большинства мировых религий является их способность удовлетворять «потребность в спасении». Конечно, сама идея спасения трактуется в разных религиозных доктринах и даже религиозных толках по-разному. В одном случае речь идет о более благоприятном перевоплощении в последующей жизни (буддистское учение о Карме), в других — о райских вратах как вознаграждении за праведную жизнь (христианство, ислам). Но все же сама потребность в спасении — это некоторая психологическая реальность. Сама эта потребность оказывается, по мнению Вебера, тем сильнее, чем более дифференцированы и структурированы социальные связи, ограничивающие жизнь человека и его сознание некоторым замкнутым пространством. В силу усложнения самой культуры и увеличения многообразия ценностей возникает напряженность, противоречие между повседневностью, которая как бы лишается смысла, фрагментарностью особенных интересов, с одной стороны, и стремлением человека к неким высшим ценностям, благодаря которым жизнь его обретает смысл и наполняется всеобщим содержанием, с другой стороны. Это психологическое и культурное напряжение и составляет главное основание религиозного поиска, размышлений о смысле бытия, о судьбе человека, о греховности повседневных побуждений и потребности в спасении.

Это напряжение разрешается посредством формулирования определенной доктрины — суммы религиозных постулатов, главным из которых является постулат божественного определения смысла существования. Освящение бытия, повседневной жизни, поступков и деяний отдельных лиц — это то, что оказывается объединяющим моментом для всех религиозных доктрин и благодаря чему религия становится важной составляющей всей человеческой культуры.

Более конкретным основанием потребности в спасении выступает проблема несправедливости страдания: одна из общечеловеческих тем культуры. Почему одни счастливы на этой земле, а жизнь других проходит в страданиях? Почему страдает невинный ребенок? Почему люди не равны в распределении счастья и горя? Поиск ответа на этот вопрос порождает идею вечности, включая идею вечного бога и бессмертия, благодаря чему в конечном счете происходит «воздаяние», ибо, как гласит Евангелие, «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» (от Марка, гл. X, 25). Религия, следовательно, по крайней мере в учении о греховности и воздаянии представляет собою ответ на уравнительную тенденцию, заложенную в общественной психологии.

Предлагаемые религиозными доктринами варианты спасения во всех случаях предполагают, что структура мира обладает определенной целостностью и смыслом. В нем есть определенный порядок вещей, хотя этот порядок и не создается ни отдельным человеком, ни сообществом людей. Он дан изначально и имеет сверхъестественное происхождение. Такова суть религиозного рационализма, который имеет в своем основании идею смысла. Один из наиболее популярных священнослужителей православной церкви протоиерей Александр Мень писал: «Даже те, кто утверждает абсурдность мира, его бессмысленность и отчужденность человека от мира, делают это потому, что в человеке заложено противоположное понятие, понятие смысла. Тот, кто не знает, что такое смысл, не чувствует, никогда не поймет, что такое абсурд. Он никогда не возмутится против абсурда, никогда не восстанет против него, он будет с ним жить, как рыба в воде. И именно то, что человек восстает против абсурда, против бессмыслицы бытия, и говорит в пользу того, что этот смысл существует» (2).

Однако поскольку вопросы смысла существования, порядка вещей, греховности и воздаяния, потребности в спасении и т.д. основываются на весьма сложной системе аргументации, постольку само знание полемики вокруг этих вопросов становится особым специализированным занятием в рамках данной религиозной общины. Понимание того, что в обществе возникает и воспроизводится специальная группа людей, занимающаяся не только вопросами богословского порядка, но и поддерживающая соответствующие обычаи и ритуалы общения с высшим миром, и составляет основание социологического взгляда на религию. Социолог не занимается богословской или философской дискуссией по поводу специфических религиозных вопросов. Он исходит из того, что такая дискуссия есть данность религиозной жизни. Его интересует именно группа священнослужителей — ее положение в обществе, ее представления о самой себе и о своей роли в обществе, ее дифференциация, ее не только духовные, но и сугубо мирские, в том числе и материальные интересы. Представление о том, что этой группе чужды мирские интересы так же нелепо, как и утверждение о том, что священнослужители — сплошь обманщики, эксплуатирующие невежество и непросвещенность массы. Среди религиозных деятелей можно найти немало людей высоконравственного поведения, преданных своим идеалам и своей вере. Но эти примеры не опровергают того тезиса, что сословие в целом нуждается в материальных средствах для своего существования, что борьба политических и экономических интересов свойственна любой церковной организации.

Для анализа внутренних конфликтов религиозной и церковной жизни огромное значение имеют исследования в области истории христианства. В 1912 г. немецкий историк Эрнест Трельч (1865—1923) опубликовал труд «Социальные учения христианских церквей». Главная задача этой работы состояла в том, чтобы ответить на вопрос: каковы были взаимоотношения церковных организаций и тех общественных структур, в рамках которых они действовали. Отношения между церковью и государством, например, не сводятся к известной формуле: «Кесарю — кесарево, а Богу — богово», хотя в ней и намечается как бы нравственная граница сфер влияния. Э. Трельч в своем исследовании пришел к выводу: история христианской церкви может быть понята как противоречивое взаимоотношение двух тенденций — компромисса с миром и в то же время — отрицания мира. С одной стороны, существует линия приспособления к миру, а с другой — протеста против этого приспособления. Трельч рассматривает этот конфликт применительно к четырем сферам римского общества — семье, политике, экономике и обучению (философии). Во всех четырех направлениях он обнаруживает глубокий конфликт, выраженный в компромиссе: «брак допускается, но безбрачие рассматривается в качестве высшей ценности; существующие власти признаются законными, но в целом политическая власть для христианина является ценностью низшего порядка (как тут не вспомнить конфликт между официальной церковью и политиком в священническом одеянии — Глебом Якуниным в наши дни!); труд и торговля воспринимаются как необходимые условия общественной жизни и благосостояния людей, но погоня за богатством оказывается весьма опасным делом для души христианина; рациональность и обучение принимаются, но весьма избирательным образом: лишь постольку, поскольку они не противоречат христианским убеждениям и ценностям» (3).

Опираясь на эту работу, Макс Вебер решает весьма важную в методологическом плане задачу. Он конструирует идеальные типы религиозного отношения к миру. Его задача — показать теоретическую возможность конфликта или столкновения между собою различных структур жизненных отношений или своего рода констелляций материальных и духовных интересов. В сфере чисто религиозного сознания Вебер конструирует два противоположных отношения к миру. В одном случае — аскетизм — уход от мира, неприятие его ценностей, отшельничество и мистицизм, соединяющийся с надеждой помочь миру, обращаясь к религиозному призванию, молитве, вере в спасительное начало религиозной идеи.

Другая линия конфликта, четко обозначающаяся в религиозном сознании, связана с напряженностью, возникающей между религиозным мирозерцанием и повседневностью. В этой связи Вебер указывает на одну из загадок Священного писания. Как толковать слова Евангелия: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч. Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку домашние его». И далее, еще сильнее: «Кто любит отца и мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Евангелие от Матфея, гл. 10, ст. 34–37).

Каким же образом проповедь христианской любви совмещается с этим евангельским *credo*, произносимым самим Иисусом Христом? Ответ Вебера состоит в том, что потребность в спасении и вере разрушает все остальные связи, как бы сильны они не были. Братство на основе веры сильнее отношений родства и семейных привязанностей. Только тот, кто поймет эту истину, может быть на самом деле верующим.

Разумеется, выделенное Вебером типологическое отношение между религией и мирской повседневностью в действительности не существует в чистом виде. Оно опосредовано массой конкретных обстоятельств и социальных институтов. Однако суть дела в том, что это отношение указывает на вполне возможную идеологизацию религиозного сознания, которая проявляется на самом деле в крайних формах религиозной жизни. С точки зрения социологии конфликта важно знать не только распространенность религиозной обрядности в массе населения, но и степень приверженности, меру фанатичности в исповедовании соответствующих доктрин. Как правило, в своем официальном выражении все религии и церкви провозглашают идеалы терпимости. Другое дело — фанатические, экстремистские направления и группы, готовые ради доказательства своей приверженности религиозной доктрине определенного типа пойти на самосожжение и иные формы коллективного самоубийства. Ситуация абсурда, о которой упоминал А. Мень, погибший, по-видимому, от руки фанатиков веры или иных носителей абсурда, содействует появлению мессианских идей и настроений, которые могут оказаться весьма опасными в их практическом применении.

Поэтому для рациональной политики в делах возрождения религиозности и восстановления прав церкви очень важно соблюдать меру соотношения религиозного и светского компонентов в массовом сознании. Определенные данные на этот счет были получены в упоминавшемся выше исследовании 1992 г. В целом на

прямой вопрос: являетесь ли вы верующим человеком? — 23,4% ответили утвердительно; 33,8% — избрали неопределенный ответ; 42,6% — ответили отрицательно.

Поскольку ожидания негативных последствий в связи с декларацией религиозных взглядов были устранены, постольку можно сказать с определенной долей уверенности, что полученные данные заслуживают доверия. Не лишены интереса и данные о распределении ответов на этот вопрос по регионам России.

Т а б л и ц а 3

**Распределение ответов на вопрос:
«Являетесь ли вы верующим?» по регионам (1992 г.)**
(в % от числа опрошенных)

Город	Позиции		
	да	не могу ответить определенно	нет
Москва	33,9	26,8	38,4
Воронеж	32,4	34,5	33,1
Ставрополь	31,2	36,2	32,6
Наб. Челны	27,5	36,2	36,2
Сыктывкар	24,5	37,4	37,4
Кемерово	22,9	26,4	50,7
Владивосток	18,8	30,2	50,3
Калининград	17,1	37,9	45,0
Тверь	14,5	43,5	42,0

Тот факт, что в Москве доля объявивших себя верующими оказалась выше, чем в других городах, подтверждает нашу гипотезу относительно того, что сама эта декларация происходила не без участия политических соображений, направленных на поддержку ранее отторгаемого института религии и церкви.

Вывод, который следует из приведенных данных, заключается в том, что оптимальный вариант решения проблемы взаимоотношения религии и общества состоит в деполитизации этих отношений, в реальном обеспечении конституционного права совести и вероисповедания, в нахождении баланса между конфессиями и мировоззрениями, выполняющими жизненно важные для людей смыслообразующие функции. Без распространения духа терпимости в обществе ко всем мировоззренческим позициям нравственный кризис общества не может быть преодолен.

4. ЦЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Особую роль в современных политических конфликтах имеют ценности идеологического характера, фиксирующие отношение к сложившимся в обществе политическим порядкам и связанные с определенным пониманием того, какими должны быть взаимоотношения между индивидом, обществом и властью. Важно обратить внимание на то обстоятельство, что идеологические ориентации концентрируют основное внимание не на том, что есть на самом деле, а на том, что, согласно теоретической доктрине, должно быть. Всякая идеология — это проект будущего общественного устройства, это предложение изменить мир в определенном направлении. Суть идеологической деятельности заключается в целеполагании. Вполне уместно сделать вывод: роль идеологических доктрин и ценностей идеологического порядка будет тем выше, чем больше распространена в обществе неудовлетворенность существующим положением дел.

Может быть предложено несколько вариантов классификации идеологических ценностей. Весьма распространенной является классификация, основанная на отношении к ныне действующим политическим и экономическим институтам. Под этим углом зрения идеологии подразделяются на *консервативные*, поддерживающие status quo и культивирующие пиетет по отношению к старым добрым временам, *революционно-радикальные*, настаивающие на быстрых изменениях и применении самых суровых мер ради обозначенных целей, и *либерально-реформистские*, поддерживающие необходимость некоторых изменений, но не принимающие методы революционной борьбы ради достижения этих изменений.

Эти три группы ценностей оказываются определенными и весьма важными ориентирами в политической борьбе. В соответствии с выбором политических ориентаций строится и система авторитетов в социологической теории и политической практике.

Каждая из систем ценностей предлагает свое видение мира, которое в значительной мере предопределяет и оценки конкретных событий, участников политической драмы, эпизодов политической жизни.

Выдающийся французский социолог Раймон Арон сопоставляет под этим углом зрения три способа понимания состояния общественных отношений, сложившихся в Европе, представленные тремя крупнейшими мыслителями: Огюстом Контом, Карлом Марксом и Алексисом де Токвилем. Европейское общество XIX века определялось тремя мыслителями по-разному. «По мнению Конта, оно было индустриальным, Маркс называл его ка-

питалистическим, а в глазах Токвиля оно было демократическим. Выбор прилагательного зависел от угла зрения, под которым рассматривалась действительность.

Для Конта современное, или индустриальное, общество характеризовалось исчезновением феодальных и теологических структур. Основную проблему общественной реформы представлял консенсус. Речь шла о восстановлении единства религиозных и моральных убеждений, без которого ни одно общество не может быть устойчивым.

Наоборот, для Маркса основная проблема общества его времени вытекала из внутренних противоречий капиталистического общества и соответствующего порядка. Этих противоречий было по крайней мере два: противоречие между производительными силами и производственными отношениями и противоречие между общественными классами, обреченными на вражду вплоть до исчезновения частной собственности на средства производства.

Наконец, по мнению Токвиля, современному ему обществу был свойствен демократический характер, что означало для него смягчение классовых или сословных различий, тенденцию к уравниванию общественного положения, а через определенное время — даже экономического положения. Однако демократическое общество, призванное привести к равенству, могло стать (в зависимости от многих факторов) либеральным, т.е. управляемым представительными учреждениями, сохраняющими интеллектуальные свободы, или же, наоборот, при неблагоприятных второстепенных обстоятельствах — деспотическим. Новый деспотизм распространился бы на индивидов, живущих сообразно с характером общества, но равных в своем бессилии и порабождении» (4).

Соответственно этим трем позициям предлагаются и три взгляда на перспективы общественного развития. Конт в наибольшей мере уповает на консенсус и стабилизацию. Маркс предсказывает неизбежность катастрофической и вместе с тем благотворной революции. Что касается Токвиля, то, с его точки зрения, будущее не детерминировано полностью и оставляет место свободе: «демократические общества, направленность общественного развития могут быть либеральными или деспотическими в зависимости от многих причин» (5).

Политическая история последних лет существования Советского Союза показывает, сколь огромным было значение идеологического противостояния различных общественных сил в политическом конфликте.

В 1989–1991 гг. — после Первого съезда народных депутатов СССР — в масштабах всей страны и общества в целом развернулся

конфликт, концентрирующийся вокруг проблемы легитимности власти. Он затрагивал как систему ценностей, доминировавшую в массовом сознании, так и способы ее обоснования. Этот конфликт превратился в кризис перестройки; он породил массу тупиковых ситуаций и привел к кризису мировоззрения и мотивации экономической и политической деятельности всех социально-политических групп в обществе.

На Первом съезде народных депутатов обнаружилась несовместимость партийно-централистского и демократического подходов к разрешению социальных проблем. (Предложения А.Д. Сахарова по повестке дня съезда и о том, чтобы съезд провозгласил себя *высшим органом власти* в стране, не были поддержаны съездом в целом при очевидном давлении на съезд со стороны его руководства. Вполне возможно, что уступка демократической части съезда на этом этапе привела бы к иному сценарию в развитии событий.) Жесткость позиции большинства по отношению к меньшинству стала источником ценностного раскола общества. В результате вместо *опережающей уступки*, которая могла бы быть базой консолидации всех общественных сил, возникла тяжелая позиционная борьба, в ходе которой демократические силы отвоевывали одну позицию за другой, добиваясь вместе с тем поддержки со стороны массового сознания, по крайней мере, в главных центрах политической жизни страны.

Основные ценностные ориентиры сторон, хотя они и менялись на протяжении конфликта, могут быть охарактеризованы следующим образом.

Первая сторона. В обществе необходимы изменения. Об этом свидетельствует экономический и социальный кризис. Рациональная программа изменений заключается в формуле перестройки, которая должна быть осуществлена на основе сохранения социалистической системы общественных отношений. Необходим переход к рынку как важному цивилизованному началу, но рынок совместим с обновленным социализмом. КПСС — будучи самой массовой политической организацией — содержит в себе мощный потенциал обновления. Демократизация есть переход к открытому обществу; она есть необходимый элемент подлинного социализма, очищенного от деформаций и наслоений. КПСС должна преобразоваться в партию социал-реформистского демократического типа, что станет существенным шагом на путях вхождения Советского Союза в мировую цивилизацию. Если персонифицировать эту позицию, то ее надо связать с именем М.С. Горбачева.

Вторая сторона. Обновление общества необходимо, но главным условием обновления является отказ от социалистической

системы ценностей и социалистической идеологии. Социализм, Октябрьская революция, политика ВКП(б) и КПСС — основная причина всех бедствий, обрушившихся на общество в послереволюционный период. Нам нужна демократизация западного типа, в основе которой лежат отношения частной собственности. Либеральная система ценностей есть главное условие прогресса, и она не совместима с социализмом. Наиболее последовательными выразителями этой позиции стали на этапе 1989—1991 гг. Г.Х. Попов, Б.Н. Ельцин, руководство межрегиональной группой народных депутатов.

Третья сторона. Перестройка — политика, враждебная народу и обществу. Лидеры перестройки — агенты мирового империализма; их главная задача — воплотить в жизнь план антисоциалистического заговора, разработанного в антисоветских центрах. Социалистическую политику необходимо проводить жестко, понимая классовое содержание идеологии; идеологическая борьба есть форма борьбы классовой. Недопустимы отступления от марксистско-ленинской идеологии; именно эти отступления — источники анархии, кризиса, паралича власти. Сталинизм не исчерпал себя политически и исторически, так как политика Сталина обеспечила уважение к великой державе. Эта позиция была закреплена в известной статье Н. Андреевой; публикации ее содействовал Е.К. Лигачев. Она стала оплотом партийно-бюрократической точки зрения и в августе 1991 г. объединила вокруг себя деятелей ГКЧП.

Помимо этих трех сторон с достаточно четкими ценностными ориентациями идеологического порядка в конфликте участвовали силы национального возрождения, которые по-разному соотносились с обозначенными тремя сторонами. Они играли в развитии политического процесса более важную роль, так как именно эти силы соприкасались напрямую с проблемами государственности, с реальными властными структурами. Это обстоятельство не учитывалось в полной мере представителями первой стороны, сторонниками перестройки. Поэтому прогрессивная позиция обновления социализма воспринималась как консервативная или реакционная по отношению к силам национального возрождения на первом этапе. Демократические силы, оформившиеся в виде движения «Демократическая Россия», взяли себе на вооружение лозунг суверенитета республик, в том числе и суверенитета РСФСР. В результате этого противники перестройки стали защитниками — по сути дела единственными — государственности. Линия на обновление Союза на основе заключения нового союзного договора, хотя и получила поддержку на всенародном референдуме 17 марта 1991 г., не опиралась на необходимый минимум согласия в выс-

шем эшелоне власти как в центре, так и на местах, где стали доминировать антигорбачевские настроения.

Столкновение ценностных ориентаций, переплетающихся с личностными качествами участников политического процесса, привело через ряд сложных тупиковых ситуаций 1990–1991 гг. к прекращению существования СССР, к возникновению новых ценностно-идеологических ориентаций в высшем эшелоне власти.

Без особого преувеличения можно утверждать, что в столкновении идеологических ориентаций победу одержала вторая концепция, в то время как первая и третья лишились всякой опоры в массовом сознании. Однако это не привело к ситуации идеологической монополии. Сама по себе идея рыночного пути и приватизации содержит в себе массу вариантов, которые теперь сталкиваются между собой при разработке программ выхода из кризиса. При определенных толкованиях эта позиция может включать в себя и крайние позиции — возрожденное «западничество» и возрожденное «славянофильство».

Весьма мощным ценностным слоем выступает в нынешней духовной ситуации компонент *реставрации*: отказ от светского государства и светской культуры, возбуждение чувства национальной ущемленности, все более частые напоминания о традициях едино- и самодержавия, формирование ореола героизма вокруг тех, кого ранее безоговорочно называли предателями.

Болезненная ломка ценностных ориентиров при выработке официального идеологического курса преломляется в массовом сознании в лучшем случае полной «приватизацией» духовной сферы, а в худшем — распространением цинизма и открытым отказом от нравственного обоснования социального поведения.

В этих условиях наиболее перспективным оказывается цивилизационно-культурный ценностный комплекс, центральной идеей которого остается вхождение в мировую цивилизацию, преодоление длительного периода конфронтации и изоляции, переинтерпретация интересов страны с учетом современных мировых проблем, решение которых предполагает новое понимание взаимоотношения национальных и общечеловеческих интересов, рассматриваемых в более широком ценностном контексте.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Smelser N. Sociology. Prentice-Hall. 3rd ed., 1988. P. 284.
2. Мень А. Христианство//Лит. газета. 1990. 17 дек.
3. O'Dea T.F. The Sociology of Religion. Prentice-Hall, New Jersey. 1966. P. 67.
4. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 305–306.
5. Там же, с. 306.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Что такое ценности? Что такое личностные ценностные ориентации?
2. Чем характеризуется ценностный кризис общества?
3. Каким образом происходит соединение между собой ценностей культуры и личностных ценностных ориентаций? Что такое социализация индивида?
4. В чем вы видите роль интеллигенции в современной жизни?
5. Чем различаются между собой общества, ориентированные на светскую культуру и на культуру религиозную?
6. Ваша оценка состояния религиозности в России.
7. В чем Макс Вебер видел главные характеристики религиозного сознания и его конфликты?
8. Что такое идеологические ценности? Назовите основные идеологические доктрины, действующие в России и современном мире.

Глава 2

ФОРМЫ СТОЛКНОВЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Производственные конфликты, ставшие одним из важнейших компонентов кризиса, резко меняют социально-психологическую атмосферу в обществе. Источники этих конфликтов в изменении непосредственной производственной ситуации и, как следствие, в изменении отношения к труду. В силу этого для анализа производственных конфликтов может быть использована достаточно эффективно предложенная нами в других работах концепция мотивации трудовой деятельности.

Исходные положения этой концепции состоят в следующем. Удовлетворенность (или неудовлетворенность) трудом каждого отдельного работника определяется совокупным действием четырех основных мотивационных блоков. Первый из них охватывает взаимоотношения двух ролевых позиций работника: тех, которые проистекают из его обязанностей на данном предприятии и рабочем месте, и тех, которые характеризуют его в качестве члена семьи. Посредником между этими двумя функциями является заработная плата, которую работник получает, как правило, в денежной форме. Не исключаются при этом и формы натуральной оплаты, равно как и социальных выплат, гарантируемых государством, профсоюзами или самими фирмами. Главный интерес работ-

ника состоит в величине заработной платы, главный интерес предпринимателя — в качестве и количестве труда, в уровне квалификации самого работника и в обеспечении его заинтересованности и ответственного отношения к исполняемым обязанностям.

Основоположник классической политической экономии и один из наиболее выдающихся представителей либерального направления в экономической науке Адам Смит писал: «Человек всегда должен иметь возможность существовать своим трудом и его заработная плата должна по меньшей мере быть достаточной для его существования. Она даже в большинстве случаев должна несколько превышать этот уровень; в противном случае ему было бы невозможно содержать семью и раса этих рабочих вымерла бы после первого поколения» (1).

В марксистской политической экономии заработная плата рассматривается как цена товара «рабочая сила»; величина ее во многом определяется законом спроса и предложения, сложившейся конъюнктурой на рынке труда, с одной стороны, и способностью наемных рабочих отстаивать свои интересы в ходе экономической борьбы, с другой стороны. В условиях государственного монополизма эти законы продолжали действовать, но в скрытой форме: средняя зарплата по отрасли регулировалась на основе оттока квалифицированных рабочих из данной отрасли. В целом государственная социальная политика в области заработной платы опиралась на принципы экономии (по возможности не дать рабочему заработать, проводя систематический пересмотр норм выработки) и уравнительности (допускать дифференциацию оплаты труда в самых минимальных масштабах). При этом большую амортизационную роль, блокирующую накопление недовольства рабочих, играли общественные фонды потребления.

В условиях перехода к рыночной экономике вся прежде существовавшая система оплаты труда разрушилась: в самом невыгодном положении оказались работники государственных предприятий и бюджетные категории трудящихся. По тем и другим болезненным образом ударил кризис неплатежей и в особенности инфляция. Одно из самых негативных следствий либерализации цен, осуществленной правительством Гайдара, заключалось в похищении массы трудовых сбережений, доверенных государству вкладчиками сбербанков. На уровень оплаты труда большое влияние оказывают, наряду с темпами инфляции, структурная перестройка и угроза безработицы. В результате действия всей совокупности кризисных факторов мотивационное значение заработка не увеличилось, а снизилось. В противоположность заработку — плате на основе оценки трудового вклада — выросло значение дохода,

который не зависит от квалификации работника. В результате доходы работников коммерческих структур и совместных предприятий стали несопоставимы с доходами большей части трудящихся, занятых в производственных отраслях народного хозяйства, в системах образования, здравоохранения и науки. Индексация стала главным инструментом социальной политики правительства, используемым в целях предотвращения социального взрыва.

В нормальных производственных условиях оплата труда осуществляется на основе так называемого меритократического принципа, т.е. учета всей совокупности полезных качеств работника для данного предприятия. При этом величина зарплаты в максимальной степени индивидуализируется, а расчеты с работником становятся своего рода коммерческой тайной. В принципе чем больше человек зарабатывает на данном рабочем месте, тем выше уровень его удовлетворенности работой. Это тем более очевидно в тех случаях, когда заработок является доминирующим мотивом труда. А таких случаев — подавляющее большинство. Через заработок, как отмечал уже А. Смит, работник получает не только средства к жизни для себя, но и для своей семьи. Величина заработка оказывается показателем общественного признания, социальной ценности данного работника и основанием его самооценки.

Иными словами, величина заработка — важный источник социального самочувствия. Как правило, большая часть производственных конфликтов начинается с проблем, связанных именно с зарплатой.

Второй мотивационный блок — восприятие и оценка содержания работы, отношение к тому, что именно приходится делать на рабочем месте или в связи с производственными обязанностями. По степени содержательности занятия людей различаются в гораздо большей степени, чем по заработку, особенно если принимать во внимание только те виды труда, которые относятся к работе по найму. Наименее престижные работы — монотонные, конвейерные, где в течение всего рабочего дня нужно выполнять одни и те же операции и где невозможно менять даже позу на рабочем месте. Наиболее престижны — уникальные работы по изготовлению важных и редких приборов, деталей; работы эти связаны с высокой квалификацией, которая достигается многолетним опытом и постоянным обновлением соответствующего запаса знаний.

Весьма большой объем в народном хозяйстве занимают работы, не требующие уникальной квалификации, но предполагающие значительные затраты физических усилий, и труд в весьма неблагоприятных условиях, отражающихся на состоянии здоровья трудящихся. К числу таких работ относятся шахтерские профес-

сии в угольной промышленности, при разработке сланцев, при добыче полезных ископаемых. Нелегко и труд текстильщиц и пряильщиц, которые, как правило, работают при грохоте станков в течение всего рабочего дня и дышат воздухом повышенной влажности, так как заданные нормы влажности обуславливают качество вырабатываемой пряжи и ткани. Есть и менее массовые производства с вредными условиями труда, где предполагается компенсирующий заработок, более короткий рабочий день и более ранние сроки выхода на пенсию.

Характеристика производственных условий и содержания труда особенно важна для понимания производственных конфликтов. Вряд ли можно считать случайностью, что угледобывающая промышленность оказывается отраслью с наибольшей степенью социальной напряженности. Шахтеры Воркуты, Кузбасса провели наибольшее число забастовок и стали инициаторами нового рабочего движения.

Третий мотивационный блок — отношения между работниками в ходе совместной работы. Те или иные формы совместности необходимы почти во всякой работе. Подчас именно от слаженности команды зависит эффективность работы очень многих людей. И наоборот, небрежность одного человека, в особенности если он занимает руководящий пост, приводит к тому, что усилия многих могут оказаться напрасными. Слаженность, следовательно, важная предпосылка здорового социально-психологического климата. Особенно большое значение, как показывает социологический анализ проблем труда, придают характеру отношений между работниками женщины. В целом характер внутригрупповых отношений задается непосредственными руководителями, организаторами производства. От их умения строить отношения между людьми зависит желание или нежелание работать, удовлетворенность или неудовлетворенность со стороны работника каждым проживаемым рабочим днем.

Наконец, четвертый компонент мотивации связан со смыслом самой производственной деятельности. Ради чего я работаю? Только ли ради заработка или мой труд имеет какое-то значение с точки зрения более широких ценностей? Такой вопрос задает себе каждый, хотя далеко не каждый осмысливает до конца эту проблему, удовлетворяясь порой высоким заработком за те дела, смысл которых ему самому далеко не ясен.

Итак, заработок, содержание труда, отношения с сотоварищами и, наконец, смысл трудовых усилий — вот четыре мотивационных блока, взаимодействие которых определяет уровень удовлетворенности или неудовлетворенности работой, профессией, тру-

дом в целом. Ясно, что в этих же четырех блоках заключаются и источники производственных конфликтов.

Все четыре мотивационных блока претерпевают существенные изменения в условиях перехода к рынку и изменения форм собственности. В чем же состоят эти изменения?

Прежде всего, вопросы заработка становятся очевидно доминирующими. Сохранить свой кадровый потенциал и занять определенное место в рыночной экономике могут лишь те предприятия, которые способны не понизить уровня заработной платы ниже социально-приемлемой нормы. Этот уровень оказывается весьма быстро меняющимся в связи с инфляционными процессами: повсеместный рост цен ведет к возрастающему недовольству уровнем заработной платы, этот рост цен превращается в фактор давления на администрацию предприятия, которая должно изыскать ресурсы для повышения заработной платы. А повсеместное повышение зарплаты ведет к новому витку в повышении цен. Экономика оказывается в инфляционном тупике, выход из которого пока еще не найден.

Второй момент, связанный с изменением мотивационного значения заработной платы, заключается в признании рыночной стоимости рабочей силы. Работник не просто нанимается на предприятие. К нему приходит осознание того факта, что он продает администрации предприятия, акционерному обществу или «фирме» свою квалификацию, способность к производственной деятельности или определенную часть своего личного времени, которое в результате акта «купли-продажи» превращается в рабочее время, подлежащее определенной регламентации. Продажа личного времени и превращение его в рабочее осуществляются на определенных условиях, которые носят отнюдь не всеобщий характер. Здесь многое зависит от случая и конъюнктуры: кто именно выступает в качестве продавца рабочей силы и кто — в качестве ее покупателя. В наиболее благоприятных условиях оказываются те группы наемного труда, которые сумели заключить контракты со смешанными акционерными обществами или просто иностранными фирмами. Заработок, получаемый в валюте, несопоставим со средними размерами заработка на российском рынке труда. Однако наличие привилегированных групп профессионалов не может не оказывать влияния на социальное самочувствие тех, кто не попал в число счастливиц. Тем более, что более высокий жизненный уровень привилегированной группы оказывает несомненное воздействие на уровень цен и на дифференциацию качества услуг, предоставляемых всему населению.

Кроме того, как мы отмечали в первом разделе, происходит

изменении отношения к деньгам, резко дифференцирующее отношение к зарплате. Недовольство величиной заработка означает стремление — ныне легализованное — найти иные источники доходов, связанные, как правило, с коммерческой деятельностью и игрой на конъюнктуре. Значительная часть профессиональных кадров перемещается в непроеизводственную сферу, где легче попасть в число лиц, получающих высокие доходы.

Эти перемещения означают существенные сдвиги в содержательной насыщенности рабочего времени. Тот, кто вступает на путь самостоятельного предпринимательства и коммерции, перестает делить время на рабочее и нерабочее. Весь цикл его жизнедеятельности, так же как и система общения, оказывается подчиненным стремлению «заработать большие деньги». В результате в обществе происходит изменение критериев оценки профессиональной деятельности, т.е. содержания труда. Личностный конфликт между интересной работой и недостаточным заработком становится очень острым. Общество не только теряет кадры профессионалов в сфере высоких технологий, понижается престиж традиционно высоко значимых в социальном отношении профессий: учителей, врачей, преподавателей вузов, ученых и просто специалистов высокой квалификации.

Наибольшие сдвиги происходят, разумеется, в сфере межличностных отношений и прежде всего в области взаимоотношений управленческих кадров и основной массы работников. Администрация в целом — в особенности на акционированных предприятиях — воспринимается уже не в качестве представителей государственных интересов, а в качестве представителей собственников или предпринимателей. Разумеется, этот процесс еще не завершен. Многое здесь зависит от способов акционирования основного капитала и от форм собственности, но в перспективе именно здесь намечается одна из наиболее серьезных областей развития производственных и социальных конфликтов. Это сфера высокой степени социальной напряженности по определению: ведь одна из наиболее важных задач всего перехода к рыночной экономике состоит в том, чтобы изменить отношение к труду со стороны непосредственного работника. Главным средством изменения соответствующих стереотипов будет проведение политики дифференцированной оценки трудового вклада и трудовых усилий, требующее преодоления психологии уравнительности: принцип уравнительности выполнял функцию коллективной защиты средневзвешенного работника, не стремящегося прилагать свои способности и усилия ради решения производственных задач.

Политика конверсии создает предпосылки для изменения смысловых ориентаций трудовой деятельности. Привилегированное

положение гражданского оборонного промышленного комплекса закончилось. На поле конкуренции выступили три главных отрасли производства, образующих народное хозяйство в целом: сырьевые отрасли, перерабатывающая промышленность и конечные области производства, создающие завершённый продукт потребления для народонаселения. Резкая переориентация приоритетов в области хозяйственной политики не может пройти спокойно и без потрясений, особенно в условиях готовности правительства к продолжению политики шоковой терапии.

Опрос, проведенный среди управленческого персонала двух ремонтных предприятий метрополитена в Москве в 1992—1993 гг., раскрывает следующие источники напряженности, фиксируемые в сознании администрации разного уровня:

- задержки в выдаче и в сроках пересмотра зарплаты;
- распределение ресурсов среди внутренних подразделений предприятия, в том числе и регулирование соотношений в зарплате между ними;
- низкая дисциплина труда, проявляющаяся в пьянстве на рабочих местах;
- неблагоприятные условия труда на специфических участках;
- отношения с поставщиками, затрудняющие организацию ритмичной работы на производственных участках;
- распределение традиционно выгодных и невыгодных работ;
- отношения с конкурирующими предприятиями, которые могут перебивать заказ или добиваться более благоприятных отношений с тем же кругом поставщиков;
- неясность с критериями оценки труда, наложение друг на друга ряда критериев: результативности работы, качества продукции и сроков исполнения, квалификации работника, стажа его работы на данном предприятии, его авторитета в рабочей среде и т.д.;
- быстрая сменяемость рабочей силы;
- недостаток информации относительно экономической эффективности более широкой производственной организации, относительно цен на конечный продукт и на рабочую силу;
- плохо налаженный учет.

Весь круг этих проблем представляет собою поле непосредственной управленческой деятельности. Он находит решение в повседневной управленческо-административной работе. Но в то же время каждая из обозначенных проблем может при невнимании, задержке в решении, просчете превратиться в источник социального конфликта, нарушающий ритм производства и разрушающий экономический и социальный эффект данного производственного участка.

Теперь проанализируем, как развивается производственный конфликт от первого проявления недовольства до забастовки — крайней формы производственного конфликта.

Как правило, все начинается с недовольства, источник которого может и не осознаваться рабочим сразу и непосредственно, а иногда оно локализуется вполне четко и определенно. В этом месяце заработок получился меньше, чем в предыдущем. В чем дело? Требуется пояснения. Может быть так, и это особенно характерно для кризисной ситуации, что сам рабочий в этом и не виноват. Просто были трудности с сырьем, с поставками, с заготовителями и т.д. для всего производства, а может быть, цех перерасходовал энергию и администрация решила сэкономить на меньшем объеме работ. Причин может быть масса. Они — эти причины — вплетены в повседневную жизнь. И тогда...

Следующий шаг в развитии конфликта: явно высказанное несогласие с соответствующими действиями администрации, которое, как правило, со стороны представителей администрации не встречает поддержки. Наоборот, если недовольство высказано, то администрация обязана ответить на это высказывание, с тем чтобы не дать возможности приобрести этому недовольству характера общественного мнения. Администрация интерпретирует источник этого недовольства либо как частный случай, либо как нечто, выходящее за пределы контроля и компетенции администрации данного цеха или участка, либо как результат вздорности и нетерпимости работника, высказывающего соответствующие притязания. Таких работников администрация пытается дискредитировать.

Поэтому чрезвычайно важно для дальнейшего развития производственного конфликта, кто именно высказал недовольство. Если это высказывание новичка, то оно не будет иметь серьезных последствий. Другое дело — публичное заявление опытного рабочего данного предприятия или цеха, мнение которого зачастую является определяющим.

Следующий шаг конфликта — реакция рабочих на защиту администрации. Если конфликт не имеет сам по себе глубоких оснований, то все дело может ограничиться высказанным недовольством, с одной стороны, и реакцией администрации, которая, кстати, не всегда должна настаивать на своем особом мнении, с другой. Иногда лучше признать критику и поправить положение дел, не превращая конфликтную ситуацию в затяжной конфликт. Если же каждая из сторон остается при своей точке зрения, то будет накапливаться взаимное недовольство, которое прорвется в каком-то инциденте. Скорее всего, это будет грубость либо со сто-

роны отдельного рабочего, либо со стороны представителя администрации. Это может быть просто словесная перепалка с использованием русских непечатных выражений, составляющих субкультуру рабочей среды, либо отказ от выполнения каких-то конкретных требований со стороны администрации, либо нарушение производственной или трудовой дисциплины. Последнее совершается не по оплошности, а «назло» этим людям, которые, как считают рабочие, сидят в заводоуправлении и «много о себе воображают» и главным образом озабочены тем, как бы «пожиться за счет рабочего человека». Труд администратора в рабочей среде за таковой не воспринимается. Чаще всего вся эта «публика» расценивается в качестве «захребетников», за которых надо «вкалывать» рабочему. В такого рода инциденте вдруг всплывает накопившееся раздражение рабочих от станка по отношению к так называемым инженерно-техническим работникам — сословию ИТР.

Со стороны администрации факт грубости, отказа от работы или демонстративного нарушения дисциплины не может оставаться незамеченным. «Проглотить» такие вещи и оставить их без последствий — значит наступить на свой собственный авторитет и подорвать свой престиж, свое право на распорядительскую деятельность. Поэтому следующий ход — санкция со стороны администрации, которая может носить разнообразный характер: приказ, снижение заработка, перевод в менее благоприятные условия, что осуществляется чаще всего под предлогом производственной необходимости.

На этом этапе также еще есть возможность прекращения конфликта: поссорились, повздорили и... примирились.

Однако в действительности все зависит на этом этапе от общей обстановки на данном производственном участке. Какова мера неудовлетворенности деятельностью администрации? Если недовольство уже накопилось по совокупности всех причин, то вполне естественно, что возникший инцидент становится предметом обсуждения со стороны общественного мнения в курилке, во время перерывов и после работы. Нормальное развитие от простого конфликта к забастовке происходит именно в этот момент. Обсуждение вопроса приводит к расколу позиций. Одни говорят, что на это «наплевать и забыть», другие, что этого так оставлять нельзя. Надо проучить представителя администрации и «всю эту зарвавшуюся бюрократическую сволочь». Если в конфликт со стороны администрации вовлечено конкретное лицо, то выясняется биография этого лица с упором на то, чем оно занималось «во времена господства тоталитарной системы». Таким образом в этот же момент формируется и определенная политическая мотивация в

конфликте, которая в дальнейшем может приобрести самодовлеющее значение.

На стороне администрации в этот момент также происходит расщепление мнений. Одни настаивают на примирении и предлагают перевести лицо, замешанное в конфликте, на какую-то другую должность, с тем чтобы не раздражать общественное мнение, другие — настаивают на принципе: «Почему мы должны уступать? Если позволить грубить Сидорову, то в конце концов работать не будет никакой возможности».

Таким образом расщепление мнений в обеих группах по поводу инцидента становится основанием для групповой солидарности и групповой оппозиции.

Далее события должны приобрести определенное оформление. Требования рабочих, обсуждаемые вначале кулуарно, приобретают форму коллективного заявления: «рабочие не удовлетворены сроками выдачи зарплаты и поэтому они требуют, чтобы зарплата выдавалась в срок в соответствии с трудовым соглашением и законодательством. Если этого не будет... — здесь устанавливается предел терпения... — то будет объявлена предупредительная забастовка продолжительностью несколько часов или в течение целого рабочего дня». Самое существенное на этом этапе состоит не просто в факте выдвижения требований, а в том, что в ходе всего этого подготовительного периода и формулирования самих требований, нахождения адресата и перечня условий, которые могут охватывать весьма широкий круг социальных, кадровых, финансовых и организационных проблем, выделяется группа рабочих, которые воспринимают этот процесс как чрезвычайно важный. Враждебность к противоположной стороне становится ведущим мотивом их деятельности, которая, однако, не декларируется, а сохраняется в качестве латентной мотивации. Доминирующим же понятием, наиболее употребляемым на этом этапе рабочими-активистами, оказываются понятия справедливости и несправедливости, столь понятные каждому и способные собрать под знамена формирующейся группы все большее число людей. Ибо за формулой справедливости скрывается масса самых разных случаев и жизненных впечатлений. Далее группа актива, в нее, кстати, может уже и не входить тот, при участии которого заваривался весь сыр-бор, становится самостоятельным действующим лицом.

В опыте забастовочного движения России особое значение имела еще одна промежуточная фаза. Она была связана с взаимоотношениями со старыми профсоюзными структурами. Прежний профсоюзный актив, как правило, в подобных конфликтах пытался успокоить ситуацию и его действия воспринимались как

соглашательские, как действия агентуры администрации в рабочей среде. Авторитет прежних профсоюзных лидеров и всей прежней системы организации профсоюзов старого толка был подорван. В ходе забастовочных кампаний формировался новый актив, который составил основу независимых профсоюзов. Таким образом был произведен переворот в профсоюзных структурах (3).

Непосредственный социально-политический итог такого рода развития событий чрезвычайно велик. Смысл его в выдвижении новых лидеров и в создании предпосылок обеспечения рабочего контроля за деятельностью администрации. После того, как забастовка наконец-то состоялась, она становится важнейшим событием в жизни данного коллектива. Она заставляет радикально изменить методы управления и административной работы и стимулирует администрацию к тому, чтобы не допускать в дальнейшем подобных конфликтов, гася их на более ранних стадиях и избавляясь в своих собственных рядах от лиц, чьи позиции характеризовались непомерным усердием и упрямством в защите интересов административной стороны.

Более важное значение забастовки приобретают, когда они включаются в политическую борьбу, когда требования политического характера и политическая мотивация становятся преобладающими.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1935. С. 63.
2. Анализ механизма разворачивания забастовки см. в статьях А.К. Зайцева, опубликованных в журнале «Социальный конфликт», Калуга, 1993—1995.
3. Более детальный анализ конфликтов в рабочей среде см. в кн.: Гордон Л. и др. Шахтеры-92. Социальное сознание рабочей элиты. М., 1993.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Что такое экономические интересы?
2. Дайте определения таким понятиям: богатство (национальное, корпоративное, личное), деньги, имущество, источники богатства, зарплата, прибыль, капитал.
3. Как возникают забастовки?
4. Приведите примеры, когда экономические требования трудящихся превращаются в требования политического характера.
5. Как регулируется экономический конфликт на промышленном предприятии?

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

1. ИСХОДНЫЕ ПОСЫЛКИ

С момента распада СССР центральным вопросом российской политики остается вопрос формирования государственности. Вопрос этот имеет не только внутреннее значение, но и международное. От того, каким именно государством станет Россия, зависит ее статус и роль в современных мировых делах.

Однако с конца 1991 г. вплоть до конца 1993 г. новая политическая власть и вся совокупность российских политических институтов не выходили из состояния перманентного затяжного кризиса: формы кризиса сменяли друг друга, более или менее мирные этапы заменялись столкновениями властей и каждое из таких столкновений не укрепляло, а все в большей мере ослабляло авторитет государственной власти. В массовом сознании все шире распространялось неприятие политики вообще. Особенность этой фазы кризиса в том, что он развертывался одновременно на нескольких уровнях, которые взаимно питали друг друга. Кризис в верхах на протяжении 1992—1993 гг. сопровождался обострением приднестровского конфликта, конфликтом на Северном Кавказе, связанным с национальной войной внутри Грузии, кровавыми событиями в Таджикистане и первой национальной войной на территории самой России — ингушко-осетинским конфликтом.

Одна из доминирующих тенденций политического процесса на протяжении этого времени состояла в нарастании тенденций к сепаратизму. Эта тенденция отчетливо проявлялась вплоть до декабрьского 1993 г. референдума по вопросу о российской Конституции, принятие которой открыло определенные шансы стабилизации. Конституция, разработанная в ходе длительной борьбы и принятая под нажимом Президента России, сформулировала принципы новой государственности и определила взаимоотношения между Президентом, правительством, Государственной Думой, Федеральным Собранием и судебными властями. В ней найдено и определенное решение вопроса о взаимоотношении центра и региональных властей.

Но реальная политика строится не на принципах, а на интересах.

Точнее говоря, на той интерпретации интересов, которая представляется выгодной каждому из участников политического конфликта в данный момент времени. Каждая из сторон — и на высших этажах государственной власти, и на региональном уровне — руководствуется в каждый данный момент ощущением возможностей расширения своего места в занимаемом политическом пространстве. Для того чтобы укрепить свои политические позиции, каждая из сторон стремится по-своему отреагировать на складывающуюся ситуацию. При этом происходит как бы удвоение политического пространства: с одной стороны, оно есть результат последовательной смены ситуаций, а с другой, — результат конкретных действий политических сил в данный момент времени. При этом соотношение прошлого и настоящего компонентов в политике вообще и в создании российской государственности никем не предопределено. Оно во многом зависит от инициативы политических лидеров, от их индивидуальных качеств и способностей, от их способа мышления и восприятия как своей собственной роли, так и текущих событий.

В настоящем разделе будут рассмотрены лишь те грани политического творчества, которые связаны с национально-этническими конфликтами. Эта сторона дела не исчерпывает всего содержания политики, но она составляет в настоящее время ее существенную часть.

Без преодоления конфликтных ситуаций в сфере национальных отношений, без введения их в цивилизованное русло, без создания культуры разрешения этих конфликтов прочное Российское государство невозможно. Можно сказать, что это центральный вопрос внутренней политики России. Опыт Югославии показывает нежелательный и страшный, но все же реально существующий вариант развития ситуации в достаточно прочном до недавнего времени многонациональном государстве. Чтобы не поддаваться иллюзиям и не впадать в панику под воздействием широко распространенных алармистских идей, необходимо оставаться на почве фактов. Это предполагает внимательный анализ происходящего как в действительности, так и в сознании действующих лиц. Все, что свершалось до сих пор, свершилось прежде всего в силу столкновения разных способов мышления, разных вариантов понимания и рационализации действительности.

2. ПЕРВЫЕ КОНФЛИКТЫ

Волна национально-этнических конфликтов на территории бывшего СССР нарастала с конца 1986 г. Первые признаки неблагополучия должны быть отнесены к декабрьским событиям в

Алма-Аты, связанным со сменой руководителя огромной страны — Казахстана. Д. Кунаев занимал должность первого секретаря Коммунистической партии Казахстана более 25 лет. Он был одним из тех, кто слишком прочно был связан с прежней — брежневской — политической системой, а главное, он обладал весомым голосом в Политбюро и мог выступать с позиций консервативной оппозиции «новому мышлению» и «перестроечным процессам». Однако замена Д. Кунаева на не менее опытного партийного функционера Г. Колбина прошла негладко. Студенты алма-атинских вузов вышли на улицу, протестуя против самоуправства центра и против методов, с помощью которых было принято и проведено в жизнь решение о смене руководства. В результате пролилась первая кровь (1). Алма-атинский инцидент показал, насколько болезненны могут быть перемены во властных структурах именно в связи с проблемами национального самосознания. Назначение «Москвою» русского на должность первого секретаря республики как бы показывало, что с точки зрения Центра национальные кадры этой республики еще не созрели для перестроечных процессов. Вряд ли это соответствовало действительности. Причина скорее состояла в том, что между регионами самого Казахстана к этому моменту не было достигнуто согласия относительно способов изменения власти. Г. Колбин поэтому мог быть лишь промежуточной фигурой. Смысл его деятельности заключался в том, чтобы найти такое решение возникшей проблемы, которое не задевало бы интересов национального самолюбия. В конце концов реализация именно этой задачи привела к тому, что конфликтная ситуация не превратилась в стабильную национальную напряженность и разнь. Однако в более широком — теоретическом — смысле уроки из этих событий не были извлечены. В них не угадали предвестника бури, не проанализировали всю ситуацию в стране под углом зрения этого, как бы незначительного, эпизода.

Поэтому уже через год с небольшим — в феврале 1988 г., и также после пленума ЦК Компартии Армении, на котором резкой критике был подвергнут первый секретарь ЦК КП Армении Демирчян, — начались кровавые столкновения в Нагорном Карабахе, а затем произошел кровавый и постыдный погром в Сумгаите. Эти события были восприняты Центром как нечто невозможное и немыслимое. Тем временем закавказский конфликт медленно, но верно превращался в межнациональную войну. Ситуация в Закавказье как бы возвращалась к обстановке 20-х годов, которая следующим образом характеризуется одним из современников: «В 1919—1920 гг. отказ со стороны дашнаков в предоставлении азербайджанским крестьянам пастбищ в горах Армении кончил-

ся войной между Арменией и Азербайджаном, причем война вылилась в поголовную резню армян в Азербайджане, а азербайджанцев в Армении. Целые районы были, в буквальном смысле слова, уничтожены, деревни и города разрушены и сожжены, а население вырезано. Обострение национальных отношений дошло до того, что в начале 1920 г. даже на улицах города Баку не могли появляться армянские женщины, причем нередко были случаи, когда вышедшая из дому армянка исчезала бесследно» (2). Атмосфера Закавказья в начале 20-х годов, сообщает тот же свидетель, была насыщена ядом человеконенавистничества.

В то время как в Закавказье, а позже и в среднеазиатском регионе Советского Союза ситуация развивалась через вспышки насилия, на западных его границах национальные конфликты шли более или менее цивилизованным путем. Были созданы народные фронты прибалтийских республик, которые стали требовать — в рамках закона и опираясь на право выхода из СССР, закрепленное в брежневской Конституции 1977 г., — государственной независимости. И эти требования поначалу воспринимались как нечто из ряда вон выходящее, они не укладывались в сложившиеся схемы мышления. С позиций такого мышления все это было абсурдом, абсолютно невозможным делом, результатом чудовищных ошибок и заблуждений отдельных лиц, совокупностью намеренных и запланированных провокаций, нацеленных на то, чтобы подорвать единство советского общества и добиться его развала.

Но по мере развития событий становилось ясно, что политики СССР, как и несколько позже политики самостоятельной России, столкнулись с новой реальностью, которая может быть осмыслена лишь на основе новых теоретических и методологических подходов. Исходная позиция анализа вновь возникшей ситуации состоит в том, что конфликты — в том числе и национально-этнические — стали компонентом новой реальности. Они неизбежны и неустранимы, их нельзя «разрешить» путем возврата к предшествовавшей, исходной ситуации. Наоборот, будущее должно строиться на основе опыта конфликтов, через которые прошли разные регионы страны и разные народы. Кроме того, согласно прежним представлениям, политика, государственная власть должны найти так называемый «баланс интересов» и добиться примирения сторон. В этом и есть задача государственной власти. На первый взгляд этот тезис не может быть подвергнут сомнению. И все же, как показывает опыт, реальная политика очень мало внимания уделяет наиболее болезненным вопросам с точки зрения самих перспектив государственного существования. Национальные интересы и национальные конфлик-

ты находятся не в центре, а на периферии внимания реальной политики. Более того, она осуществляется таким образом, что вновь и вновь порождает национальные конфликты и благодаря этому государственная власть наносит ущерб своей собственной стабильности. Фактически, более важным с точки зрения государственных структур оказывается вопрос о власти в Центре, о соотношении законодательной и исполнительной властей, о способах утверждения президентской власти. При этом многие политические деятели исходят из предпосылки: как только власть в Центре будет упрочена, так она сразу же и сможет заняться разрешением национальных споров. Сначала, мол, укрепим власть в Центре, а затем уже эта власть разберется, кто прав и кто виноват в национальных конфликтах, как охвативших территорию бывшего Союза, так и угрожающих целостности самой России. Новый взгляд на эту проблему исходит из того, что обозначенная выше предпосылка глубоко ошибочна. Она основана на непонимании конфликтогенного содержания самого политического процесса: ведь для политических деятелей высшего эшелона разрешение местного конфликта увязывается с тем решением общегосударственных вопросов, которое соответствует точке зрения и интересам определенной стороны. Само упрочение власти в Центре мыслится лишь как победа над оппонентом в этих верхних этажах. Поэтому отношение к конфликтующим сторонам в регионе со стороны общероссийских сил и структур определяется прежде всего мерой поддержки, на которую могут рассчитывать эти силы и структуры со стороны соответствующих региональных группировок. Благодаря этому конфликты двоякого рода накладываются друг на друга: политический конфликт в Центре, связанный с борьбой за власть, представляет собою питательную среду для развития национально-этнических конфликтов и, наоборот, национально-этнические конфликты оказываются средством борьбы за власть. Все это можно было бы проанализировать в деталях на примере конфликта в Алма-Аты, стимулом для которого оказались кадровые перестановки, т.е. решение определенных политических проблем, важных для самого Центра.

3. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Несомненным фактом является то, что демократизация советского общества, проходившая под лозунгом перестройки, ознаменовалась беспрецедентным ростом национальных движений.

При этом на первом этапе перестройки национальные и демократические лозунги и задачи сливались в единое целое. Широко распространенная в этот период критика имперского сознания и имперского мышления придавала демократическому движению отчетливо выраженный национальный характер, что имело прямое отношение к антиэтатистским установкам принципиального характера.

Наиболее интенсивными и организованными национальные движения были в странах Балтии. С самого начала их радикальное крыло имело в виду восстановление независимости Латвии, Литвы и Эстонии на основе их выхода из СССР, т.е. возвращение к статусу этих государств, сформировавшемуся в так называемый межвоенный период. Этой задаче была подчинена деятельность народных фронтов, координировавших между собою свои действия. Им противостояли не только позиции Центра, но и правящие структуры и прежде всего партийные и государственные органы этих республик. Длительная и упорная борьба народных фронтов в конце концов увенчалась успехом. Одно из немногих решений, принятых Государственным Советом СССР, просуществовавшим с сентября по декабрь 1991 г., декларировало признание государственной независимости Литовской Республики, Латвийской Республики и Эстонской Республики (3). Обращаясь к этому опыту, можно было бы поставить вопрос: а как бы развивались события в Советском Союзе, если бы требования национальных движений получили поддержку Центра на два года раньше? Ошибка Центра состояла в непонимании того, что нарастание требований в пользу самостоятельности и суверенитета неустранимо. Чем больше было сопротивление этим требованиям, тем большую поддержку они получали на местах: сопротивление Центра лишь увеличивало мобилизационный потенциал национальных лозунгов и содействовало их превращению в движения сепаратистского характера.

Ситуация в Молдавии (Молдове) развивалась по весьма близкому варианту: народный фронт, оппозиция Центру и КПСС, нарастание требований от признания молдавского языка в качестве государственного до полной государственной независимости. Однако было существенное отличие — образование Приднестровской и Гагаузской республик на территории Молдовы и превращение Приднестровья в зону вооруженного конфликта. Другая важная особенность состоит в том, что Молдова не выступала в качестве активного субъекта распада Советского Союза, ее политические лидеры выступали с более умеренными требованиями, рассчитывая на поддержку Центра в решении непростого круга внутренних проблем, приобретших характер статусного конфликта: при-

знание или непризнание Приднестровья в качестве некоторого государственного образования.

Между тем национальные движения в Закавказье принимали более драматическую направленность. Конфликт по поводу статуса Нагорного Карабаха постепенно превращался в межнациональную войну. Именно в связи с этими событиями сформировалась своего рода позиция Центра — позиция принципиального невмешательства в конфликт. Логика рассуждений строилась следующим образом: (1) сами события продолжали оцениваться как незначительные и случайные, не имеющие долгосрочных и существенных последствий; (2) считалось, что поддержка одной из сторон обязательно приведет к отколу от Центра противоположной стороны, что рассматривалось как худшее зло, чем межнациональный конфликт регионального масштаба. А поскольку Азербайджан как бы представлял восточно-мусульманский фактор в политике, то стихийно на первом этапе конфликта закрывались глаза на события в Сумгаите, тем более, что армянский радикализм выдвигал идею передела территорий и сложившихся границ. Соображение же о том, что сама «позиция невмешательства» Центра может восприниматься на местах как политика провоцирования конфликта, вовсе не принималось в расчет. Но именно так и складывалась ситуация: обе конфликтующие стороны усматривали в этой позиции поддержку противоположной стороны. Благодаря этому сам конфликт приобретал гораздо более сложную конфигурацию и структуру. В ходе его стали формироваться лозунги антиимперского содержания с обеих сторон конфликта. Митингующие в Ереване выступали не только за воссоединение с Арменией Нагорного Карабаха, но и против неопределенной политики Центра. В свою очередь, национальное движение в Азербайджане рассматривало эту неопределенность в качестве фактора поддержки армянских притязаний.

Важным обстоятельством развития этой ситуации была неспособность Центра остановить разрастающийся конфликт, несмотря на политические декларации. В отношении к этому конфликту наиболее очевидно демонстрировалось бессилие центральной власти. Более того, каждая из сторон конфликта полагала, что центральная власть по тем или иным соображениям должна встать именно на ее сторону. А так как «Москва» упорно не желала делать опрометчивый выбор, то она, естественно, обвинялась в пособничестве враждебной стороне. Более радикальные представители местной политической элиты шли в своих выводах дальше: «Москва» выступала в их глазах главным инициатором конфликта. Именно на Центр возлагалась ответственность за конфликтное развитие ситуации в карабахско-азербайджанском

конфликте. Позиции враждующих сторон сходились по данному пункту в едином мнении. На этом примере виден по сути дела механизм ослабления государственной власти в ходе межнационального конфликта. Нарастание таких конфликтов подрывало всю совокупность правовых и государственных институтов, делало невозможным существование авторитетной государственной власти.

События в Грузии поначалу развивались по варианту, более близкому к балтийскому. Но существенное отличие внесли трагические события в Тбилиси 9 апреля 1989 г. — первый опыт применения войск против массового митинга, проходившего под лозунгами национальной демократии (4). Несмотря на разночтения в вопросах трактовки меры личной ответственности членов высшего руководства, можно сказать, что здесь был опробован — и весьма неудачно — силовой вариант воздействия на ход событий. В Центре в данном случае одержала верх позиция радикального вмешательства: руководство страны бросалось из одной крайности в другую, не имея какой-либо теоретически осмысленной точки зрения на происходящие события.

Кроме того, здесь также имел место определенный опыт самостоятельного государственного существования в краткий промежуток времени между падением царского самодержавия и установлением советской власти на территории Закавказья в ходе гражданской войны. Опыт провозглашения независимого от России государства, возглавлявшегося меньшевистским крылом социал-демократии, был использован в качестве своего рода модели или политического символа в борьбе за выход из состава СССР в новых условиях. Вместе с тем национальный вопрос здесь осложнялся существенным образом внутригрузинскими проблемами и конфликтами: грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты превратились во внутренние войны, что привело к значительному осложнению ситуации не только в Закавказье, но и на Северном Кавказе.

Среднеазиатский регион бывшего СССР вместе с Казахстаном продемонстрировал новые варианты национальных движений и национально-этнических конфликтов. Несмотря на ряд вспышек, включавших в себя столкновения национального характера, в многонациональном Казахстане ситуация развивалась наиболее спокойным образом. Политические акции руководства Казахстана были лишены экстремистской окраски как в решении внутренних проблем, так и в отношениях между Россией и Казахстаном. Можно сказать, что Казахстан был в наименьшей мере заинтересован в распаде СССР. Не случайно Н. Назарбаев не был приглашен на историческую встречу лидеров славянских республик в Беловежской пушке. Декабрьское соглашение застало

руководство Казахстана врасплох. Тем более, что результаты референдума 17 марта 1991 г. о сохранении СССР показывали, что население всех среднеазиатских республик было даже более про-союзно настроено, чем население России (5). По сути дела эти страны были поставлены перед необходимостью самоорганизовываться под давлением российско-украинско-белорусского союза.

Близкий вариант развития наблюдался в Туркменистане, Кыргызстане, Узбекистане.

Наиболее драматическим образом разворачивалась ситуация в Таджикистане, где гражданская война, разразившаяся на почве клановых интересов, окрашенных идеологическими установками, приобрела наиболее ожесточенные формы и унесла сотни тысяч жертв (6). Воюющие группировки продемонстрировали при этом крайние формы жестокости и бесчеловечности.

Краткий обзор национальных движений и конфликтов, возникших на волне демократизма и быстро превращавшихся в движения этнократического характера, был бы неполон, если бы мы обошли вниманием ситуацию в трех «славянских» странах и государствах.

4. ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ: ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП

Еще во времена достаточно прочного существования СССР сформировалась Коммунистическая партия РФ, взявшая на себя миссию представлять «собственно российские интересы» в КПСС и, следовательно, в государстве. Исходная точка зрения состояла в признании обделенности России и русского народа. Советский Союз признавался империей, но оказалось, что у этой империи нет имперской нации, в пользу которой осуществлялась эксплуатация окраин и накопление имперской мощи. Образование этой политической структуры означало, что идеология интернационализма, а точнее говоря, идеология и практика игнорирования национальных особенностей и интересов, потерпела крах. Следующим шагом в определении российских интересов был Первый съезд народных депутатов РСФСР, который принял 12 июня 1990 г. Декларацию о суверенитете — правовую платформу утверждения российской государственности в противоположность государственности Союза.

Избрание Президента России, состоявшееся ровно через год — 12 июня 1991 г. — стало не менее мощным стимулом надвигавшегося распада СССР: именно в этот момент сложилась ситуация двоявластия с двумя президентами, двумя правительствами и двумя Верховными Советами, притязавшими, по сути дела, на

одно и то же географическое и политическое пространство. По крайней мере сферы компетенции этих двух властей очень сильно пересекались, и провозглашение лозунга государственной суверенизации России было сильнейшим ударом по Советскому Союзу. Россия — в лице ее Президента и Демократической России, противостоявшей КПСС, — стремилась к низложению центральной власти любой ценой. Но для этого нужно было ликвидировать СССР. Б. Ельцин почувствовал эту несовместимость интересов гораздо раньше, чем М. Горбачев, о чем он заявил публично 19 февраля 1991 г. в выступлении по Центральному телевидению. К этому моменту он уже опирался на эффект всенародного избрания, и теперь его политическая задача состояла в том, чтобы представить своего оппонента в качестве оплота консервативных сил. В решении этой задачи он опирался на союз демократических-антикоммунистических сил и национальных движений, выступавших до декабря 1991 года единым фронтом.

В этот же период национальное движение завоевывает прочные позиции на Украине. Возглавлял его РУХ, ставший массовым политическим движением, формировавшимся по типу народных фронтов в Балтии. Естественно, что наиболее сильную поддержку РУХ получает на Западной Украине. Кандидат в президенты Л. Кравчук, чтобы пройти на выборах, перехватывает у своего конкурента В. Черновила лозунги защиты национальной самобытности Украины и ее национального суверенитета. Дополнительным фактором оказывается проведение 1 декабря 1991 г. референдума о суверенитете Украины, результаты которого были использованы для обоснования легитимности Беловежского соглашения (8 декабря), принятого лидерами трех славянских государств и обозначившего конец существования одной из великих держав послевоенного мира.

Третье славянское государство — Белоруссия — по сути дела не имело социальной почвы для националистических движений. Они проявились там в наименьшей степени. Однако руководство республики хорошо оценило общую ситуацию кризиса национальных отношений в масштабах СССР и постаралось использовать ее в своих интересах.

5. ПОЛИТИКА ЦЕНТРА КАК ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Национальным движениям, проявившим себя в столь разнообразных формах, Центр не смог противопоставить стабилизи-

рующей политики. Выработка его решений опиралась во многом на иллюзорно-идиллические представления, заданные концепциями «интернационализма» как господствующей идеологической установки в массовом сознании и «дружбы народов» как нерушимого фундамента национальной политики единого, по сути дела, унитарного государства.

В то же время под прикрытием Центра, и как теперь выясняется, при поддержке его силовых министерств и определенных партийных структур в регионах развития национальных движений создавались контрдвижения, ориентированные не на методы культурного взаимодействия, а на использование властных полномочий и провоцирование инцидентов, которые могли бы быть использованы для осуществления чрезвычайных мер. Именно такого рода силы и были задействованы в апрельских событиях 1989 г. в Тбилиси, в событиях в Баку весной 1990 г., в январских 1991 г. провокациях в Литве и Латвии. Во всех этих эпизодах были использованы вооруженные силы, приведшие к жертвам. Все эти акции представляли собою попытки решить вопросы целостности государственного пространства Союза путем отказа от демократических завоеваний и установления режима военной диктатуры.

Неопределенность позиции М. Горбачева в оценке такого рода фактов привела к кризису доверия и массовому выходу радикальных сторонников перестроечного курса из рядов КПСС. Массовая волна выхода интеллигенции из КПСС прошла в связи с январскими событиями 1991 г. в Литве. Августовский путч 1991 г. завершил серию этих эпизодов, в результате которых вся ситуация приобрела иррациональный характер: путч ближайшего окружения Горбачева был направлен против него, инициаторы путча потерпели поражение, а победа пришла не к Горбачеву, а к Демирросии, символом которой выступал Президент Российской Федерации, действовавший на этом этапе совместно с Верховным Советом РСФСР. Кроме того, решения, касавшиеся фундаментальных проблем сохранения СССР, принимались с большим запозданием. Они не опережали развития политической ситуации, а шли вслед за нею. Достаточно вспомнить судьбу Союзного договора. Подписание подготовленного и согласованного документа было отложено на несколько недель в связи с летним отпуском Президента, а за этот промежуток времени произошли августовские события 1991 г., решительным образом изменившие политическую ситуацию в стране и все направление политических процессов. Период перестройки закончился. С августа по декабрь 1991 г. происходил процесс оформления передачи власти: союзные структуры

рухнули под мощным напором национально-демократического движения, возглавлявшегося политическим штабом демороссов. Закончилось время М. Горбачева и началось время Б. Ельцина.

Новая власть должна была принять эстафету «российскости», ибо победа над Союзом и КПСС была одержана под знаменами национальной демократии. Об этом, в частности, свидетельствовала кампания по трансформации государственной и культурной символики, начиная от государственного герба и гимна, смены названий городов и улиц и кончая демонстративными участиями в богослужениях высших должностных лиц государства. Изменение символического пространства означало проявление мощных реставрационных тенденций (в смысле возврата к ценностям дореволюционной России) как определенной линии государственного строительства. Это означает, по сути дела, глубокую противоречивость сложившейся ситуации, ее конфликтогенность, не сводящуюся к личностным моментам борьбы за власть и к политическим амбициям. С одной стороны, существовали и существуют заверения о вхождении России в современный цивилизованный мир, а с другой стороны, восстанавливается атрибутика царской империи. С одной стороны, провозглашается принцип приоритета прав человека, закрепленный в новой Конституции, а с другой, — возрождаются самые различные архаичные структуры, выступающие в качестве потенциальной и актуальной угрозы применения насилия к инакомыслящим. Из этих противоречий российского государственного строительства еще не найден выход, но они оказывают прямое воздействие на напряженность национальных отношений.

Можно утверждать, что перед российским правительством, какого бы курса оно ни придерживалось в реализации экономической реформы, возникает альтернатива, связанная с избранием формы и содержания в становлении государственности. Один вариант, который просматривается в практической политике, основан на реставрационных идеалах и концепциях. В его основе — идея Великой России, представлявшей собою извечную угрозу Западу; питательной почвой для движения в этом направлении оказываются чувство оскорбленности российской нации, возникшее как результат поражения Советского Союза в «холодной войне», а также традиционный круг идей, обосновывающих особое историческое призвание России и претендующих на понимание смысла русского национального характера. При этом реставрационное движение пока еще не имеет четко обозначенных хронологических границ, за исключением того, что почти бесспорно: Россия до 1917 г. была подлинной Россией. После 1917 г. сущность «российскости», с точки зрения реставрационной идеологии, была чу-

довишным образом искажена. Другой вариант построения российской государственности предполагает совмещение государственности с модернизацией при отказе от тех методов модернизации, которые были свойственны тоталитарному режиму. А для этого необходимо по-новому, не в реставрационном варианте, осмыслить действительное содержание интересов России, дать им новую интерпретацию, адекватную требованиям времени.

6. РАСЩЕПЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТОВ В ПОСЛЕАВГУСТОВСКОЙ СИТУАЦИИ

Послеавгустовская ситуация в России, как и в других странах СНГ, означает создание новой политической реальности, в которой национальный компонент играет особую роль. Если дальнейшее развитие российской государственности будет связано с реставрационным вариантом, то это вряд ли будет содействовать разрешению национальных конфликтов. Точки напряженности на Северном Кавказе, как и в отношениях с некоторыми странами СНГ и в первую очередь с Украиной, будут почти неизбежно перерастать в открытый конфликт. Как явствует из представленного выше обзора, непосредственной силой, приведшей к распаду СССР, выступили национальные движения (включая, разумеется, и движение за реализацию российского суверенитета). Цели этих движений в подавляющем большинстве своем реализовались, что как бы подтвердило правоту идеологических и психологических установок, сформировавшихся в ходе их развития. Однако в этой связи возникли новые проблемы.

Прежде всего, резко обозначилось несовпадение демократических и национальных компонентов «антитоталитарного», «антиимперского» движения. До некоторого момента казалось, или так во всяком случае стремились представить себе дело лидеры национальных фронтов, что антиимперское содержание национальных движений и есть суть борьбы за демократию или, по крайней мере, важная составляющая этой борьбы. Так, борьбу за независимость балтийских государств поддерживала определенная часть русского населения, стремившаяся отмежеваться от позиций так называемых интерфронтов, занимавших жесткие антиперестроечные и процентристские позиции. Однако результат победы не замедлил сказаться на расщеплении ранее единых сил.

Интерфронты ушли в подполье, их лидеры, объединенные

поражением, поначалу делали ставку на поддержку Верховного Совета России, занявшего с апреля 1992 г. жесткую антиправительственную и антипрезидентскую позицию. После октября 1993 г. эти силы передвинулись в сторону союза с ЛДПР, что и привело к неожиданному для многих выдвижению партии Жириновского как правонационалистической силы на декабрьских выборах в Государственную Думу.

В балтийских странах стала формироваться и проводиться в жизнь этнократическая политика выдавливания русского и русскоязычного населения, в связи с чем у нового Российского государства возникла проблема: защищать права этого населения, используя методы экономического и политического давления, или же призывать русских возвращаться в Россию и обустривать их с помощью Федеральной миграционной службы. В том и другом случае Россия вынуждена апеллировать к национальным чувствам. Но демократические установки не позволяют прямо переориентироваться на принятие официального курса предпочтения каких-либо групп по национально-этническому признаку. Они ориентируют на невмешательство в национальные конфликты: пусть все каким-то образомотрегулируется само собой на основе приоритетности прав человека над правами и интересами национально-этнических групп. Эта ситуация означает вновь воспроизведение политики 1991 г., она даст возможность правонационалистическим силам принять на себя лозунги и идеи защиты интересов национального русского меньшинства, чем они и пользуются не без успеха. Расщепление демократического и национального компонентов политики не может не сказываться и на процессах становления государственности в России. При этом выделение национального компонента ведет к реставрационному варианту становления государственности, а сохранение приоритета демократических ценностей даст более широкие возможности модернизационной политике.

Кроме того, возникла проблема наследства СССР, которая может приобрести не менее важное значение, чем проблема испанского наследства в период становления национальных государств в Европе (7). В наиболее отчетливой форме эта проблема выступает во взаимоотношениях России и Украины. Проблемы ядерного оружия, Черноморского флота и армии, Крыма — все это разные части союзного наследства, приобретающие все большее значение для российско-украинских отношений. В перспективе здесь еще раз может проявиться известный закон политики: наибольшая степень конфликтности наблюдается между бывшими тесными союзниками, почти единомышленниками. Не следует во всяком случае пренебрегать данными одного из опросов

общественного мнения на Украине, приведенными в «Независимой газете» послом Украины в России г-ном Кржижановским: 30% респондентов во второй половине 1993 г. признали возможность войны между Украиной и Россией (8).

Резко изменилось и содержание национальных российских интересов в связи с обстановкой в Закавказье и на Северном Кавказе. Важнейшим приоритетом российской политики, закрепленным в Конституции, принятой 12 декабря 1993 г., является целостность территории России. Это предполагает, что Российское государство уважает целостность и других государств, возникших на территории бывшего Советского Союза. Но политики-сепсционисты в Абхазии хотят заручиться поддержкой России против Тбилиси. Они готовы «присоединиться к России», провоцируя ее на конфликт с Грузией. Это тем более опасная ситуация, что определенная часть населения Северного Кавказа и тем более лидеры Конфедерации Народов Кавказа открыто поддерживали абхазскую сторону на основе этнической солидарности адыгских народов. Здесь возрождаются идеи шейха Мансура, поднимается авторитет Шамиля, которые оказывали героическое сопротивление русской колонизации Северного Кавказа, завершившейся всего лишь немногим более столетия назад.

Дестабилизирующим фактором с точки зрения интересов российской государственности является и фактор Чечни. Опираясь на лозунг суверенизации, выдвинутый российским руководством, она провозгласила себя независимым государством и претендует на равноправные отношения с Российской Федерацией, находясь геополитически в центре Северного Кавказа, который Россия не собирается терять или уступать. Вместе с тем тайные пружины чечено-российского конфликта имеют прямое отношение к проблеме контроля над распределением энергоресурсов, равно как и потоков распродажи вооружения бывшей Советской армии. Декларация независимости Чечни маскирует притязания определенных военно-промышленных кругов на монополию распоряжения не только тем промышленным потенциалом, который был создан на территории этой республики, но и на всю совокупность энергоресурсов, проходящих через перерабатывающие мощности грозненских предприятий (9). Не последнее значение в развитии этого конфликта имеет и мотив реванша по отношению к репрессиям 1944 г.: вместо признания неопределенной декларации «О реабилитации репрессированных народов» Д. Дудаев и его последователи заявили перед всем миром о факте существования чеченской нации и чеченской политики, которая через ее отношение к России приобретает немаловажное международное значение.

Весьма драматический оборот приобрели события, связанные с территориальным конфликтом между вновь образованной Ингушской республикой и Северной Осетией. Этот затяжной конфликт достиг кульминационной точки в ходе эпизода этнической войны между двумя соседствующими народами. В значительной мере этот конфликт — наследие сталинских времен. В 1944 г. чеченцы и ингуши — коренное население Чечено-Ингушской автономной республики — были насильственно депортированы в Казахстан и другие регионы Средней Азии. Сама республика была ликвидирована с передачей части территории Северо-Осетинской АССР. В состав переданных территорий входил и Пригородный район Северной Осетии, традиционно заселяемый ингушским населением. В 1957 г. Чечено-Ингушская автономная республика восстанавливается, чеченцы и ингуши возвращаются в районы своего традиционного расселения, хотя в административном отношении Пригородный район остается в составе Северной Осетии. В этой ситуации был заложен источник национально-этнической напряженности, но в течение 30-ти с лишним лет он не давал о себе знать. Лишь в начале 90-х годов напряженность преобразовалась в открытый конфликт и в первые вооруженные действия на территории Российской Федерации. Стимулирующим моментом выступили два обстоятельства: принятие Верховным Советом России закона «О реабилитации репрессированных народов» (апрель 1991 г.), который стал основанием для возбуждения территориальных споров. Кроме того, в целях ограничения пагубного влияния Чечни на ситуацию на Северном Кавказе был принят закон «Об образовании Ингушской республики» в составе Российской Федерации (июнь 1992 г.), не подкрепленный каким-либо решением относительно границ вновь образованной республики. Таким образом, действия центральных властей — в данном случае Верховного Совета — стимулировали конфликт, нарушив баланс интересов, сложившийся после возвращения чеченцев и ингушей из ссылки. Со своей стороны местные власти Северной Осетии стали использовать Пригородный район для расселения на этой территории жертв другого этнического конфликта, спровоцированного правительством З. Гамсахурдия, т.е., беженцев из Южной Осетии. Одновременно, как бы независимо от этих обстоятельств, с осени 1992 г. нарастает волна столкновений между осетинами и ингушами. При этом события развиваются по сценарию карабахского конфликта: от трех человек, убитых в октябре 1992 г., к массовым действиям, направленным против ингушского населения, в результате которых оно вторично изгоняется из мест своего традиционного проживания в Пригородном районе. В целях стабилизации обстановки указом Пре-

зидента России от 2 ноября 1992 г. на территории Северной Осетии и Ингушетии было введено чрезвычайное положение, которое, однако, не внесло успокоения. Первый глава временной администрации Г. Хижа недвусмысленно заявил о поддержке осетинской стороны в возникшем конфликте, стремясь спровоцировать на вступление в открытый конфликт генерала Дудаева и таким образом покончить с чеченским фактором. Однако этот расчет оказался глубоко ошибочным как в тактическом плане, так и по существу. Косвенным признанием ошибочности занятой позиции, включавшей в себя применение российских войск против ингушского населения Пригородного района, стал Указ Б. Ельцина о возвращении четырех населенных пунктов ингушам и заселении их ингушскими беженцами (10). О неопределенности российской политики в этом наиболее остром регионе свидетельствует и тот факт, что за короткий промежуток времени здесь сменилось пять глав администрации района чрезвычайного положения, при этом один из них — Виктор Поляничко — был убит группой террористов 1 августа 1993 г. К концу первого полугодия 1993 г. итоги ингушско-осетинского конфликта исчислялись шестьюстами убитых (171 — с осетинской стороны, 419 — с ингушской, 60 человек — иных национальностей). До сих пор числятся пропавшими без вести около 200 человек (из них 179 ингушей и 20 осетин). В ходе конфликта — главным образом после завершения военных действий — было сожжено и разрушено около четырех тысяч жилых домов. По данным Федеральной миграционной службы РФ, на территории Осетии более 7 тысяч беженцев, на территории Ингушетии — около 50 тысяч человек (11). К концу 1993 г. конфликтная ситуация характеризовалась введением войск в зону конфликта в целях разведения противоборствующих сторон. За три с лишним года после эпизода этнической войны конфликт остался неразрешенным, несмотря на усилия специально созданного для этих целей Временного Государственного Комитета Российской Федерации по ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта (12).

К обозначенным выше конфликтам и центробежным тенденциям нужно было бы добавить и проблемы территориальных споров между Россией и двумя государствами Балтии, проблему беженцев из бывших республик СССР в Россию, насчитывающих ныне по неофициальным данным около двух миллионов человек (13), проблемы правового статуса русскоязычного населения в тех же балтийских государствах, вопросы, связанные со статусом вооруженных сил России, расположенных на территории стран ближнего зарубежья. Для полноты картины следовало бы добавить вопросы транспорта и коммуникаций между вновь возник-

шими на территории СССР государствами, использование войны в Таджикистане и других горячих точках в криминальных целях, использование территорий СНГ и балтийских стран для вывоза из России сырьевых и энергетических ресурсов и многое другое.

Картина национально-этнической напряженности усугубляется еще двумя проблемами. С большим трудом решаются вопросы практической реабилитации репрессированных народов, равно как и немногочисленных народов, по отношению к которым должна быть выработана этносберегающая политика.

Но в то же время следует с должным вниманием отнестись к примерам согласованного регулирования действительных и потенциальных конфликтов. Далеко не все очаги напряженности превращаются в зоны конфликтов. Ход развития событий здесь во многом зависит от стремления к сотрудничеству, от взаимоуважения, от готовности вести достаточно сложные переговоры по спорным вопросам.

Наиболее интересные примеры с точки зрения предотвращения возможностей перерастания напряженности в конфликты и в более серьезные столкновения дают Республика Саха, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Башкортостан, Республика Марий Эл, Чувашия, даже если принимать во внимание те территории, в которых русские не составляют абсолютного большинства.

7. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И ПРОБЛЕМА ЛИДЕРСТВА

Различия вариантов политического процесса в разных регионах России и в ее отношениях с вновь возникшими государствами лишний раз подчеркивают, что национальные конфликты не могут быть объяснены с помощью этнических факторов. Этнотипы как таковые не выступают самостоятельными субъектами исторического или политического действия. В качестве такого рода субъектов выступают определенные элитные группы, претендующие на участие во власти и формулирующие содержание национальных интересов. Большая часть этих групп сформировалась в тех социальных и институциональных структурах, которые существовали и действовали в бывшем Советском Союзе. К середине 80-х годов состав новой интеллектуальной и политической элиты сформировался во всех крупных и политически значимых регионах страны. Он значительным образом различался прежде всего в плане осмысления и способов рационализации личностных конфликтов, по-

рождавшихся, с одной стороны, декларируемой идеей равенства представителей всех национальностей, а с другой стороны, невозможностью играть сколько-нибудь существенную роль по отношению к своей собственной национально-этнической группе (14).

Именно этот конфликт привел к выдвижению в качестве лидеров народных фронтов и национальных движений талантливых представителей национальной интеллигенции типа В. Ландсбергиса, З. Гамсахурдия, почувствовавших своего рода харизматическое призвание на поприще политической деятельности. Национальная идея или идея защиты национальных интересов стала для них средством политического самоутверждения, так как эти идеи играли огромную мобилизационную роль. Они придавали смысл участию в политической деятельности огромному числу людей, воодушевленных возможностью внести вклад в серьезные политические преобразования. При этом соображения экономической целесообразности отступали на задний план. В национальных движениях политика в полной мере продемонстрировала способность быть самостоятельной внеэкономической силой социальных изменений. Это прежде всего объясняется тем обстоятельством, что национальные конфликты развивались соответственно своей собственной логике развития, где каждое новое действие порождало контрдействие, а каждое действие и контрдействие становились источником мотивации, поглощавшей и вместе с тем возбуждающей психологические ресурсы лиц, вовлеченных в драматическое развертывание событий.

Вместе с тем, наметившиеся к концу 1993 г. сдвиги в социально-политической ситуации выдвигают новые требования не только к центральному политическому руководству, но и к региональным политическим элитам. Все большее значение в этих кругах будут приобретать местные экономические структуры и соответственно деловые люди и предприниматели, ориентирующиеся теперь не на массовую поддержку со стороны социальных движений, а на собственность и богатство, обеспечивающие достаточно прочное влияние во властных структурах и контроль за использованием и перераспределением властных полномочий.

Национальные конфликты, которые были пережиты в связи с распадом Советского Союза, и потрясения, происходящие на российской почве, дают достаточно богатую пищу для анализа и выводов, направленных на регулирование конфликтов. Один из ближайших источников конфликтных ситуаций — во всяком случае, до принятия новой Конституции Российской Федерации, — заключался в проблеме административного и государственного статуса соответствующих национальных образований. Признаком глу-

бокого политического кризиса, переживаемого Россией, была своего рода игра на повышение статуса: автономные области превращались в республики, некоторые области объявляли себя республиками (имели место попытки образования Вологодской и Уральской республик), а республики объявляли о своем государственном суверенитете и даже независимости от России. При этом понятие суверенитета использовалось заведомо нестрогим и неопределенно, так как это понятие выступало прежде всего в качестве символа, обозначающего определенные притязания элитных групп на расширение места в общем политическом пространстве. Вместе с тем, само по себе притязание на повышение статуса было и остается политической реальностью, с которой необходимо считаться точно так же, как необходимо считаться со своеобразием и степенью политической ангажированности соответствующих элитных групп.

Анализ национально-этнических конфликтов показывает, что они имеют некоторые общие контуры своего развития, характеризующиеся порядком выдвигаемых требований. Во многих случаях конфликты начинались с постановки и обсуждения проблем национальных языков. Точнее говоря, именно эта сфера конфликтности ранее всего переходила из скрытой формы в открытую. Она имела огромное мобилизующее значение, так как апеллировала ко всем людям данной национальной группы. Затем, как правило, требования переходили в политическую плоскость и перерастали в статусные притязания. И, наконец, дело доходило подчас и до территориальных притязаний, которые представляют собою конфликты по поводу ресурсов соответствующих национально-этнических групп. На этой фазе особое значение приобретает обращение к историческим «фактам» и традициям. Как правило, оказывается, что обе стороны располагают обширным историко-археологическим материалом, оправдывающим соответствующие территориальные притязания. Разумеется, такая последовательность в выдвижении требований соблюдается далеко не всегда. На территории России это прежде всего относится к репрессированным народам. В памяти представителей всех этих национальностей еще живы впечатления, связанные с их насильственным переселением из родных мест и проживанием в течение почти полутора десятилетий на чужбине. Как известно, одна из заслуг политического режима, возникшего при Н.С. Хрущеве, состояла в том, что он отменил сталинские распоряжения о репрессиях по отношению к целым народам. Возьмем для примера один из таких репрессированных народов Северного Кавказа — балкарцев, судьба которого весьма схожа с судьбой ингушей. В сознании представителей этой общности до сих пор живы воспоминания о вось-

мом марта 1944 г., когда все население Балкарии было изгнано из своих селений и домов, погружено в теплушки и перевезено в разные районы Казахстана. Там родилось уже новое поколение балкарцев, которые не были свидетелями этого события, но память о ней передается от старших к младшим и является характеристикой национального самосознания. При отмене самого акта репрессий у всего взрослого населения была взята подписка о том, что в случае их возвращения в родные места они не будут претендовать на свои прежние жилища.

Обстоятельства в этом регионе (в отличие от осетино-ингушской ситуации) сложились таким образом, что после выселения балкарцев административный передел территории был осуществлен не столько в пользу кабардинского населения, сколько в пользу Грузии. Балкарцы связывают это с участием Лаврентия Берии в разработке плана и обосновании их переселения. Следовательно, подоплека репрессий — в качестве предлога, как и во всех других случаях, выступало обвинение в сотрудничестве с гитлеровскими войсками — заключается, по их мнению, в территориальном переделе границ в пользу южного соседа, инициируемом сталинско-бериевской группировкой. Практически, даже после возвращения из ссылки балкарцы долгое время не могли выступать в качестве самостоятельной национально-этнической общности. Всякая апелляция к национальным интересам была бы воспринята и в после-сталинские времена вплоть до 1985—1987 гг. как антисоветское выступление. Никто не рисковал в этих условиях брать на себя роль лидера, тем более, что формально в структуре партийной и советской власти представительство балкарского населения было в какой-то мере обеспечено. При определении дальнейших перспектив развития этого региона политикам и деятелям национального движения предстоит решить немало достаточно сложных вопросов, касающихся судеб данного национального меньшинства. (По данным на 1989 г. балкарцы составляли 9,4% от всего населения Кабардино-Балкарии.) К числу такого рода проблем относятся прежде всего вопрос о типе развития данной общности. Будет ли она сохранять свой хозяйственный уклад, связанный с горным животноводством? Источником благосостояния балкарцев, проживающих в горной местности в настоящее время, является овцеводство и выработка шерстяных изделий высокого качества. Продукция местных умельцев могла бы пользоваться спросом на мировом рынке. В то же время за последние десятилетия произошли существенные изменения в уровне образования населения, в соотношении городских и сельских жителей, населения, проживающего в горах и в районах предгорий. После возвраще-

ния из мест насильственного выселения определенная часть балкарских семей воспользовалась предоставленной в то время возможностью переселиться с гор в долину. Другая проблема не менее важная. Одно из наиболее мощных промышленных предприятий в этом регионе — молибденово-никелевый комбинат, расположенный в Баксанском ущелье. Он имеет общероссийское значение и в условиях приватизации может стать предметом ожесточенной конкуренции между клановыми группировками со столь же серьезными последствиями, как и конфликты по поводу грозненских нефтеперерабатывающих предприятий. Разумеется, большая часть работающих на этом предприятии — неместное население. Конфликт по поводу собственности может поэтому легко перерасти в национальный конфликт. Кроме того, район традиционного проживания балкарцев за последние десятилетия превратился в центр общесоюзного альпинизма и туризма. И эта перспектива не лишена смысла при освоении соответствующих видов предпринимательства. Во всяком случае, безусловно, позитивным моментом явилось то, что в 1990 г. был проведен съезд балкарского народа, избравший определенные органы национально-этнического представительства. Они не вовлечены в местные структуры власти, но вместе с тем активно воздействуют на политический процесс в этом регионе. Уже после первого съезда балкарского народа был создан и конгресс кабардинского народа — в качестве общественно-политической организации. В целом в данном регионе вполне возможно и наиболее вероятно мирное развитие национально-этнических процессов, так как подавляющее большинство и кабардинского, и балкарского населения понимает практическую невозможность проведения жесткой территориальной линии между поселениями того и другого народа. Подавляющее большинство предгорных населенных пунктов заселено и кабардинцами, и балкарцами. Определенная часть Налчика также традиционно заселяется балкарскими семьями. Вместе с тем, опасность насильственного конфликта в данном регионе будет возрастать в том случае, если будет происходить ослабление авторитета местной власти. Здесь так же, как и в других районах Северного Кавказа, определенную поддержку имеют «антироссийские» установки. Нет доверия к центральным властям, к Москве и ее представителям. Это недоверие в какой-то мере питается чувством реванша за прошлое. Беззаконные акции, имевшие место несколько десятилетий тому назад, отзываются в сознании нынешних поколений комплексом недоверия по отношению к любым российским властным структурам. Несомненным условием нормального развития Кабардино-Балкарии является

внимательное отношение к позициям, взглядам и точкам зрения всех национально-этнических групп, проживающих в данной республике. Счастливым стечением обстоятельств состояло для данного региона в том, что политический конфликт, развивавшийся здесь между официальной властью, с одной стороны, и лидерами демократических движений, с другой, не приобрел характера межнационального или межэтнического столкновения. Балкарское население не приняло участия в массовых политических действиях — в частности в многодневном антиправительственном митинге, спровоцированном летом 1992 г. арестом лидера Конфедерации народов Северного Кавказа М. Шанибова. Решительными действиями местных органов власти при участии старейшин удалось предотвратить и вполне возможное столкновение двух сел, спровоцированное хулиганским инцидентом летом того же года. Процесс взаимопонимания между различными национально-этническими группами здесь не был нарушен. Важно, чтобы и далее «карта национальных интересов» не использовалась в политической игре, ибо любое действие в этом направлении неизбежно приведет по законам развития политических ситуаций к противодействию, благодаря чему спокойный регион может превратиться в очаг межнациональной и межэтнической напряженности.

8. О РОЛИ ПОЛИТИКИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ

Сравнительный анализ межнациональной напряженности и конфликтных ситуаций в России и в ее отношениях с вновь возникшими государствами позволяет сделать вывод о доминирующей роли политики в национально-этнических конфликтах. Речь идет о том, что развитие этих конфликтов не может быть объяснено с помощью концепции определяющей роли экономических факторов и интересов. Однако при рассмотрении содержания самой политики необходимо учесть ее различные варианты и наслонения.

Прежде всего, совершенно ясна была неподготовленность руководства Советского Союза к развитию национальных движений и вспышке национальных чувств, что блокировало возможность конструктивных подходов в этой области. Политика Союзного центра металась от крайностей полного невмешательства к поощрению силового давления или прямому использованию силы в качестве главным образом средства устрашения массовых национальных движений. При этом шло нарастание в использовании силового

момента, что становилось стимулом возрастания мобилизующей роли национальной и националистической идеологии.

Решающая роль принадлежала концепции суверенизации, которая стала играть доминирующую роль в политике, проводимой Верховным Советом России в борьбе против Союзного центра. Апелляция к идее российского суверенитета так или иначе соприкасалась с трактовкой интересов русского народа и возбуждала русское национальное самосознание. До декабря 1991 г. национальные движения теснейшим образом переплетались с движениями в сторону демократизации, поэтому они включали в себя мощный антиэтатистский элемент. После распада СССР на первый план выдвинулась задача построения российской государственности, однако она не была своевременно осмыслена политическим руководством страны. В политике продолжалась борьба между старыми и новыми политическими структурами и группировками. Сама динамика национальных конфликтов во многом предопределялась и предопределяется тем, насколько сильны притязания на власть новых элит, выросших в рамках старых структур и отторгнутых как от участия во власти, так от культурного самоопределения соответствующих национальных общностей. Местная партократия, поддерживавшаяся Центром, не подпускала к процессу принятия решений представителей новой элиты, благодаря чему они вынуждены были облекать свои притязания на власть в форму национально-этнических или националистических интересов. Отстранение от участия во власти новых слоев и новых кадров было первой важнейшей детерминантой национальных конфликтов, распространившихся на территории бывшего Союза. Вторая сторона этого конфликта определялась активностью представителей новой элиты в борьбе за власть и изменяющимся соотношением демократических и национальных символов.

В России напряженность этой борьбы привела к тому, что реформирование отношений пошло не по пути обновления кадрового состава в рамках прежней структуры и постепенного обновления институциональной структуры общества (английский вариант реформ), а по пути слома самих структур с огромным упором на необходимость смены символики прежнего времени (российский вариант преобразований). При первом варианте, повидимому, были бы возможны сохранение и модернизация Советского Союза. Второй вариант означал последующее расщепление целей и задач демократического и национального компонентов в содержании политики как в России, так и во всех вновь образованных государствах, которые должны были апеллировать к своей собственной национальной идентичности.

Для России задача формирования государственности связана с выбором одного из двух вариантов дальнейшего политического развития. Первый путь сопряжен с дальнейшей реализацией и углублением реставрационной политики. Демократизм на этом пути превращается в собственную противоположность благодаря тому, что национальная идея модифицирует демократическое содержание политики.

Второй путь означает соединение демократических тенденций с задачами построения новой государственности. Он предполагает активную политику в регулировании тех конфликтов, которые проявили себя за годы перестройки как в России, так и на территории бывшего Союза. Однако эта активность означает не игнорирование национальных интересов, а умение наладить сотрудничество с вновь возникшими и в ряде случаев утвердившимися местными элитами. В этом и заключается один из важнейших аспектов *рефлексивной политики* применительно к интересам становления российской государственности. Практическое следствие, вытекающее отсюда, состоит в необходимости рационализации политики, повышения политической культуры новой политической элиты как в Центре, так и на местах. Естественно, это предполагает более глубокое и развернутое понимание функций, задач, возможностей политических институтов, властных структур различного рода, механизма представительства интересов, делегирования полномочий, соотношения обязанностей выборных органов и их аппарата, правил и норм парламентской деятельности, способов ведения переговоров, благодаря которым разрешаются или регулируются возникшие конфликты. Иными словами, в выработке новой национальной политики, без которой невозможно решать проблемы упрочения и развития российской государственности; особое значение приобретает рефлексивная политика, основанная не столько на концепции рационального человека и рационального поведения, сколько на понимании значимости глубинных национальных чувств, угрозы психологических массовых заражений бациллами радикального национализма, быстро размножающимися в условиях неудовлетворенности экономическим положением.

Курс на авторитарность в предотвращении этих нежелательных тенденций вряд ли может привести к ожидаемому результату. Нужна в целом политика, более адекватная сложившейся ситуации, характерной особенностью которой оказывается повсеместное обострение национального чувства и проблем, связанных с национальной самоидентификацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ошников Л.А. Первая кровь перестройки//Независимая газета. 1992. 17 дек.
2. Национальный вопрос на перекрестке мнений. М., 1992. С. 143.
3. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 37. 11 сент. — С. 1497—1499.
4. Первый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. М., 1989.
5. Итоги референдума 17 марта 1993 г.
6. Владимир Н. Сатапинская охота//Век, 1993, № 3. С. 10—11.
7. Каганский В.Л. Спектр сценариев для Российской Федерации//Куда идет Россия/Общ. ред. Т.И. Заславской и Л.А. Арутюнян. М., 1994.
8. См. интервью с послом Украины в Российской Федерации//Независимая газета. 1994. 5 янв.
9. Ожиганов Э.Н. Системный кризис власти: прогноз политического развития России//Анализ и прогноз межнациональных конфликтов в России и СНГ. Ежегодник 1994/Отв. ред. А.Г. Здравомыслов. М., 1994.
10. Указ Президента Российской Федерации «О порядке возвращения в места постоянного проживания беженцев и вынужденных переселенцев на территориях республики Северная Осетия и Ингушской Республики». № 2131 от 13 декабря 1993 г.
11. См.: «Известия» от 29.07.1993 г., «Российская газета» от 10.04.1993 г.
12. Более детальный анализ осетино-ингушского конфликта см. в рукописи автора «Осетино-ингушский территориальный конфликт». М., 1996. Текущий архив Центра социологического анализа межнациональных конфликтов РНИСНП.
13. См. анализ проблемы в кн. «Беженцы»/Отв. ред. А.Г. Здравомыслов. М., 1993.
14. Как отмечают известные исследователи национальных отношений в бывшем Советском Союзе, стремление создать общество, характеризующееся подвижным типом органической солидарности на основе разделения труда и профессиональной идентификации (вместо общества, основанного на национально-этнической идентификации), имело в качестве одного из решающих следствий «введение аналогичных институциональных структур во всех республиках. Кроме того, с помощью специальных мер обеспечивалась защита профессиональных интересов и интересов в сфере образования представителей среднего класса коренных национальностей. В результате этих мер возникли местные политические элиты, равно как и крупный слой людей, имеющих высшее образование. Социально-профессиональная структура титульных национальностей становилась все более одинаковой (хотя ни в коей мере не идентичной) в том, что касается таких показателей, как соотношение основных социальных групп и прежде всего числа дипломированных специалистов». — Goldman P., Lapidus G., Zaslavsky V. Introduction//From Union to Commonwealth. Nationalism and Separatism in the Soviet Republics. Cambridge University Press, 1992. P. 3. С другой стороны, отмечают эти исследователи, «стремление установить монолитную и единообразную надстройку в исключительно разнообразных культурных условиях встречало постоянное сопротивление и приводило к весьма скромным результатам во многих регионах страны. Во многих отношениях политика Центра оставляла неизменным или увеличивала разрыв в уровне развития между союзными республиками» (там же).

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Охарактеризуйте первые конфликты на национальной почве, возникшие в Советском Союзе?
2. Сформулируйте ваши представления относительно таких понятий, как этническая группа и нация? В чем разница между ними? Знакомы ли вы с дискуссией по поводу определения нации?
3. В чем заключаются основные различия между крупными регионами постсоветского геополитического пространства?
4. Что такое суверенитет? Какую роль сыграл лозунг суверенизации в распаде СССР?
5. По поводу чего в настоящее время разворачиваются конфликты между национальными группами бывшего Советского Союза?
6. Охарактеризуйте следующие конфликтные узлы (два или три по вашему выбору), используя карту:
Таджикистан;
Грузино-абхазский конфликт;
Осетино-ингушский конфликт;
Чечня;
Крым и российско-украинские отношения;
Приднестровье;
Россия и страны Балтии.
Какие способы разрядки напряженности применяются в этих регионах?
7. Охарактеризуйте возможности регулирования конфликтов, заложенные в Конституции РФ.
8. Каково административное деление РФ? Сравните его с административным делением ФРГ или США.
9. Сформулируйте понятие национальной элиты. При каких обстоятельствах национальные элиты заинтересованы в разжигании конфликтов? А при каких — в их урегулировании мирными средствами?
10. Охарактеризуйте масштабы проблемы беженцев в Российской Федерации?
11. Дайте определение национального экстремизма.
12. Почему Россия не может стать однонациональным государством? Каковы перспективы государственного строительства в России, учитывающие своеобразие национального вопроса в ее пределах?

Глава 4

КОНФЛИКТ В ОРГАНИЗАЦИИ

Основной ячейкой структуры современного общества так или иначе является организация.

Специфика общественных отношений такова, что люди не

могут жить, не будучи включенными в те или иные организации — самые разнообразные объединения людей, имеющие некоторую совокупность целей и задач, провозглашаемых ими публично или преследуемые негласным образом. Организации подразделяются между собою в зависимости от специфики их деятельности и характера выполняемых общественных функций. Внешние требования общества по отношению к организации во многом определяют и характер внутренних отношений в самих организациях, а следовательно, воздействуют и на специфику развертывания в них конфликтов, и на способы их регулирования.

Самая грубая классификация организаций могла бы выглядеть следующим образом:

Первая группа — экономические организации:

— производственные организации (включая производство не только предметов потребления, но и услуг самого разного профиля и назначения);

— коммерческие организации;

— финансовые организации.

Вторая группа — организации, представляющие разные уровни и профили системы образования:

— дошкольные учреждения;

— школа;

— специальные учебные заведения;

— высшие учебные заведения.

Весьма близки к ним по типу организации, задача которых состоит в охране здоровья населения.

Третья группа — государственные учреждения и правовые структуры:

— органы государственного управления и внешнего представительства;

— органы безопасности и внутренних дел;

— армия;

— правозащитные организации.

Четвертая группа — организации, занимающиеся производством и распространением информации, к числу которых относятся и научные учреждения, и органы средств массовой информации.

Пятая группа — ассоциации, т.е. общественные объединения различного типа, строящиеся на основании добровольного членства и имеющие в виду защиту профессиональных или общественно-политических интересов граждан. В эту группу попадают как политические партии и движения разного рода, так и профессиональные союзы, включая и так называемые творческие объеди-

нения или союзы. Жизнь общества и состоит в постоянном обмене результатами деятельности этих организаций, в циркулировании тех своеобразных продуктов, которые производятся в соответствующих организационных структурах.

Перечисленные типы организаций имеют определенный юридически-правовой статус, фиксирующийся законодательством. Более того, законодательство регулирует и их взаимоотношения между собою, и отношения с обществом в лице государства. Всякая организация выступает в виде юридического лица, имеет право на свой счет в банке, она подлежит налогообложению и т.д. Но отношения между организациями не исчерпываются тем, что фиксируется правовыми институтами. Чтобы картина общественной жизни была полной, необходимо иметь в виду и нелегальные организации: криминальные и так называемые мафиозные структуры, которые могут существовать как в виде самостоятельных организаций, так и проникать в ткань подзаконных структур управления.

По отношению к отдельному человеку система организаций, функционирующих в обществе, выступает в качестве совокупности жизненных планов, возможных выборов личной карьеры. Так по крайней мере обстоит дело, пока человек не завершил первого и наиболее важного этапа в своей жизни — этапа первичной социализации. Этот этап завершается приобретением профессии, которая в значительной мере предопределяет дальнейший жизненный путь человека: каждый из обозначенных выше типов социальной организации вбирает в себя определенные профессиональные структуры и соответствующие им знания и навыки деятельности. Дальнейшая судьба человека во многом зависит от того, какое место его профессиональные знания и навыки займут в соответствующей организации.

На характер внутренних отношений в организациях огромное влияние оказывает специфика их деятельности, принадлежность к тому или иному классу. Внутренняя жизнь одних организаций регламентируется в большей степени, других — в меньшей. Соответственно и контрольные функции организаций различаются существенным образом: армию нельзя уподоблять профсоюзу или политической партии, а политическая партия развивается по законам, отличным от законов производственных или коммерческих структур.

И все же поскольку всякая организация есть своего рода объединение людей для совместной деятельности, постольку в развитии их внутренних отношений наблюдаются определенные общие черты или признаки, понимание которых чрезвычайно важно.

Одна из таких общих черт состоит в том, что всякая организа-

ция проходит в своем развитии через серию внутренних конфликтов, что она не может существовать без внутренней напряженности и без столкновений между определенными позициями, представленными в ней, между группировками людей, между так называемыми кликами.

Во внутренней жизни каждой организации можно выделить по меньшей мере следующие *группы конфликтов*:

а) конфликты между управляющими и управляемыми в рамках данной организации;

б) конфликты адаптационные: между теми правилами и нормами внутреннего общения, которые сложились в данной организации, и новичками, не осведомленными или не догадывающимися о существовании таких правил;

в) конфликты на управленческом уровне, связанные с разработкой различных стратегий поведения соответствующих организаций, с выработкой критериев эффективности ее совокупной деятельности. Как правило, эти конфликты теснейшим образом переплетены с личностными и кадровыми конфликтами, с практикой продвижения персонала в рамках данной организации, с борьбой за распределение наиболее важных позиций в ее собственной структуре.

Самое главное в организации состоит в том, что она есть объединение людей для совместной деятельности. Чтобы продвинуться дальше в анализе организации и ее внутренних конфликтов, надо знать: в чем состоит специфика той деятельности, ради которой создается организация? Каковы цели и средства этой деятельности, каковы ее масштабы? В чем заключаются необходимые для этой деятельности внешние и внутренние связи?

Другая группа вопросов касается методов объединения людей. Какова мотивация их деятельности вообще и применительно к данной организации? Каковы принципы управления данной организацией, как осуществляется руководство ею? Каким образом сотрудники или рядовые члены организации участвуют в выработке и осуществлении принимаемых решений?

Вся совокупность конфликтов, пронизывающих те или иные организации, так или иначе связана с методами управления ею. Ибо управление — не что иное, как деятельность по разрешению конфликтов ради тех целей и задач, которые определяют суть организации. Руководитель призван разрешать частные конфликты, возникающие между подразделениями организации, между управляющими и работниками, между производителями и потребителями продукции, производителями и поставщиками исходных материалов во имя более общих интересов организации, которые он рассматривает в качестве целей своей управленческой деятельности.

По методам разрешения конфликтов принято различать два типа управленческой деятельности: авторитарный и демократический. В первом случае руководитель сам принимает решения, а члены организации выступают в качестве исполнителей. В мировой практике этот военизированный стиль управления организациями признается неэффективным. С целью повышения эффективности деятельности организации предлагается демократический стиль, который обеспечивает чувство причастности сотрудников к принятию решений. В этом случае эффективность повышается, так как ответственность за принятие решений и их осуществление распространяется на всех.

Проблема конфликта в организации осложняется, как правило, тем, что сама позиция руководителя или лидера организации оказывается весьма сложной и в какой-то мере неопределенной, противоречивой. С одной стороны, она рассматривается как важное преимущество и как показатель жизненного успеха, но, с другой стороны, она же является и позицией, подчиненной следующим, более высоким инстанциям в системе управления данной организацией. Это значит, что руководитель обязан как бы интегрировать все внутренние импульсы и проблемы данной организации, знать ее сильные и слабые стороны, располагать постоянно всей информацией о положении дел в наиболее напряженных ее точках и в то же время он должен в каждый данный момент представлять интересы этой организации перед своим начальством, советом управляющих или перед внешними структурами. Естественно, что в глазах подчиненных руководитель, даже самый демократический, имеет один образ, а в глазах своего начальства — иной. Это объясняется не нравственным дефектом личности или ее лицемерием, а разными функциями, которые выполняет руководитель в иерархии управления. Требования, которые предъявляются ему сверху, не совпадают с требованиями, которые предъявляются снизу.

Роберт Мертон, анализируя положение руководителя организации и конфликты, вытекающие из его ситуации, подчеркивает преимущества и недостатки двух наиболее традиционных способов выдвижения кадров на руководящие посты. Первый путь — изнутри данной организации, второй — извне. На первый взгляд кажется, что первый путь должен в наибольшей степени соответствовать интересам самой организации и принципам демократизма. Однако это далеко не всегда так. Человек, хорошо знающий внутреннюю жизнь организации в силу того, что он проработал в ней очень долго, обременен уже сложившимися отношениями и неформальными обязательствами, ему трудно принимать реше-

ния, касающиеся изменений стиля работы организации и кадровых перемещений. Более того, эти решения могут быть отягощены его личными симпатиями и антипатиями.

Другая сторона дела состоит в том, что лидер, выдвинувшийся в данной организации, обычно выдвигается на основе определенных достижений. Он должен был принести данной организации определенный успех, и этот успех должен быть признан как руководящими инстанциями, так и подчиненными. Но трудность даже в этом случае заключается в том, что успех может вызвать сомнение, несоизмеримое с реальной ролью данного человека. Кроме того, он может абсолютизировать пути достижения успеха и действовать в иных, изменившихся условиях прежними методами, что в большинстве случаев приведет к провалу. Основательность опыта в прошлом может оказаться крупным препятствием в новых условиях и приводить к тому, что другой американский исследователь крупного бизнеса в США Торнстон Веблен называл квалификационной неспособностью, т.е. таким положением дел, при котором знания, опыт и организаторский талант лидера становятся неадекватными ситуации (1).

Человек же со стороны может выработать более широкий взгляд на задачи организации, он может легче инициировать политику изменений, он не подвержен влиянию прошлых отношений и конфликтов в данной организации, но ему необходимо завоевать признание на всех ее уровнях. А для этого он должен обнаружить не только свою преданность целям организации, но и прежде всего компетентность, которая становится основой уважения и, следовательно, согласия сотрудничать с данным руководителем.

Один из наиболее важных аспектов в деятельности любой организации заключается в соотношении формальной, официальной структуры этой организации и неформальных, нигде не зафиксированных реальных отношений между людьми в той же самой организации. В ходе совместной работы происходит стихийное распределение авторитета и уважения друг к другу, которое имеет огромное значение с точки зрения эффективности организации. В результате большего совпадения формальной и неформальной структур складывается обстановка, благоприятная для эффективности организации. В результате несовпадения или открытого конфликта между этими структурами деятельность организации может быть полностью блокирована. Задача лидера — хорошо знать и чувствовать этот источник внутреннего напряжения и вести дело таким образом, чтобы по возможности сблизить формальную и неформальную структуры организации.

Р. Мертон в своем анализе противоречивости положения лидера особое внимание уделяет вопросу о конфликтующих интересах в рамках организации. Так, для руководителя бизнеса важно постоянно видеть три группы интересов, несовпадение которых может стать источником больших проблем для фирмы или организации: это интересы сотрудников фирмы, собственников и потребителей. Важнейший нравственный вопрос, который возникает перед руководителем организации в этой связи, заключается в том, чтобы определить ее цели. Должна ли организация действовать ради прибыли, т.е. в интересах собственников, или же она должна «служить потребителю»? Как показывает Артур Хейли в своих социологических романах «Отель», «Менялы» и других произведениях, этот вопрос решается вовсе не так однозначно, как это можно было бы себе представить с позиций вульгарной критики капитализма. Дело в том, что в конечном счете именно клиентура организации или предприятия обеспечивает им устойчивое состояние. Поэтому прямой курс на максимизацию прибыли наносит ущерб долгосрочным интересам организации. Ее первостепенное дело — внимание к конечной цели своей продукции, к потребителю, покупателю, клиенту. Эти простые истины, к сожалению, еще не усвоены российским бизнесом, который, как говорится, «в упор не видит» покупателя. Даже в рыночных отношениях с трудом дается истина о пользе сервиса, о значении услуг клиенту, выполненных добросовестно и качественно.

Мертон подчеркивает, что выбор группы интересов, на которые должна ориентироваться организация, «не решается полностью в системе рыночных отношений. Выбор этот во многом определяется системой ценностей, в рамках которой действует корпорация. А эти ценности, в свою очередь, основаны не столько на экономических функциях корпорации, сколько на культуре, традициях, собственном опыте и на личной склонности их руководителей, обнаруживающихся в текущей экономической, политической и социальной ситуации» (2).

Важнейшее свойство лидера, на которое обращает внимание Р. Мертон, состоит в том, что он не просто принимает решения. Его задача — организовать процесс принятия решений. В этом смысле он «производитель решений», а вовсе не лицо, «принимающее решения». От других лиц, принимающих решения, руководитель отличается тем, что его решения носят более долгосрочный характер, имеют большие последствия для организации в целом. Он постоянно находится в курсе всех конфликтующих интересов в рамках самой организации, он не может от них самоустраниться или забыть о них. К нему обращены все требования и притязания

подразделений организации, и он структурно находится в позиции, где пересекаются конфликтующие интересы. Самая большая ошибка, которую может совершить руководитель, — это игнорирование конфликтов, стремление представить дело таким образом, что все идет гладко, без расхождения во мнениях и позициях. Но при этом его лучшая стратегия состоит в том, чтобы конфликты решались при участии конфликтующих сторон, чтобы они были осведомлены о мотивах и основаниях того или иного выбора. «Эффективный лидер регулирует неизбежные конфликты в рамках организации таким образом, что большинство участников, вовлеченных в процесс принятия решения, остаются убежденными, что вопрос решен по справедливости» (3). Суть дела в том, что организационные решения превращаются в реальность организации только в той мере, в какой они могут опираться на добровольную поддержку тех, кто превращает эти решения в практику повседневной жизни. В противном случае провозглашаемые решения не имеют возможности трансформироваться в реальные действия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Более детальный анализ конфликта в организационных структурах см.: Пригожин А.И. Современная социология. М., 1995 (в особенности в разделе «Организационная патология», с. 165—173).

2. Merton R.K. Sociological Ambivalence and Other Essays. The Free Press, London, 1976. P. 83.

3. Там же, p. 84

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Что такое организация?
2. Воспроизведите представленную здесь классификацию организаций. Какие организации и в каких случаях являются, по вашему мнению, более конфликтными и менее конфликтными?
3. Охарактеризуйте типы конфликтов, развертывающихся в организациях.
4. В чем, по вашему мнению, заключается специфика конфликтов в нелегальных организациях и криминальных структурах?
5. В чем состоят основные противоречия положения руководителя организации?
6. Охарактеризуйте два типа руководства организацией.
7. Какими личностными качествами должен обладать демократический лидер организации? На какие группы интересов он должен быть ориентирован?

Раздел III

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ

Глава I

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Проблематика политического конфликта имеет богатые традиции в истории общественной мысли. В первой главе мы ссылались на Аристотеля и Гоббса в качестве авторов, по-разному трактовавших роль политики, государственности и конфликта в общественной жизни. Но перечень авторов, писавших по этим вопросам, чрезвычайно богат. Макиавелли (1469—1527), Д.Вико, Токвиль (1805—1859), Маркс (1818—1883), Вебер (1864—1920) относятся к числу наиболее часто упоминаемых авторов. Для всех них характерно понимание следующих вопросов.

1. Политический конфликт есть постоянно действующая форма борьбы за власть в данном конкретном обществе.

2. Сама власть представляет собою институционально оформленную возможность определять и контролировать массовые формы социального поведения других людей. Власть в обществе — это средство организации отношений между социальными группами, средство и способ управления деятельностью других людей.

В соответствии с этим все общество делится на две основных социальных группы: тех, кто участвует во власти, — господствующий слой, сословие или класс, и тех, кто не участвует в ее осуществлении, — подчиненные социальные группы.

3. Власть вместе с тем обладает специфической притягательной силой для людей. Она мощный — мало с чем иным сопо-

ставимый — источник мотивации (чаще всего, это скрытая страсть к господству) и сфера личностного самоутверждения.

4. Способ развертывания политического конфликта во многом определяется функциональным разделением обязанностей и полномочий внутри господствующего класса. А это распределение обязанностей представляет собою сердцевину того, что называется политическим строем, сложившимся в данном обществе. Политический строй, опираясь на традицию или на закон, на формальное или на обычное право, равно как и на волю государственных деятелей, формирует политическое пространство, т.е. определенные рамки и границы политической деятельности и правила осуществления политических акций конкретных индивидов и групп.

5. Борьба за власть во всяком обществе облекается в идеологические формы, при этом опорными компонентами в идеологических конструкциях выступают понятия общего блага или блага народа, интересов общества, нации, народа или государства, интересы прогресса, потребности общественного развития, свобода личности, борьба против угнетения и эксплуатации и другие ценности, формулируемые теоретиками соответствующих движений и рассчитанные как на легитимизацию деятельности политической группы, борющейся за приобретение власти или за ее упрочение, так и на массовую поддержку.

6. В борьбе за власть допускаются на практике различные формы обмана и насилия. При этом и то, и другое оправдывается: а) сложившейся практикой политической борьбы; б) провозглашаемыми угрозами или реальными действиями противоположной стороны; в) декларациями о стремлениях с помощью меньшего зла — обмана или насилия — предотвратить большее зло. Иными словами, насилие допускается в качестве средства для достижения ценностей более высокого порядка, т.е. ради общего блага, ради общественного спокойствия и т.п. целей.

Для понимания механизмов развертывания политического конфликта необходимо иметь в виду способы осуществления властных полномочий в соответствующем обществе. Это означает возможность ответа на следующие вопросы: 1) кому принадлежит высшая власть в обществе, т.е. кто конкретно и каким образом принимает решения по тем вопросам, которые касаются жизни всего общества и основных групп населения, составляющих это общество; 2) есть ли какие-либо ограничения, налагаемые на принимаемые решения, определяемые законом, традицией или просто здравым смыслом; 3) кто входит в круг лиц, влияющих на принятие решений общегосударственного характера; 4) каким образом этот круг лиц формируется; 5) как осуществляются принятые решения; 6) кто

конкретно является исполнителем решений; 7) какие санкции следуют в случае неисполнения решений; 8) какие поощрения могут вытекать в случае их прилежного исполнения. Здесь также уместен вопрос о формировании состава исполнителей; 9) каким образом формируется или рекрутируется их состав и как готовятся кадры соответствующих учреждений; 10) кто, какие слои общества и группы населения оказываются заинтересованными в осуществлении общегосударственных решений, а кому эти решения наносят определенный ущерб и в чем именно? Иными словами, для понимания характера власти и ее социальной направленности важно знать возможные источники сопротивления при осуществлении как отдельных решений, так и проведении всей политики.

Перечень предложенных вопросов еще раз указывает на то, что особое место в осуществлении властных полномочий в обществе занимают сложившаяся в данном обществе система властных должностей и распределение этих должностей. На бюрократическом языке это называется номенклатурой, которая представляет собою один из основных механизмов властного управления. Всякое общество, более того, всякая управленческая система разрабатывает собственные принципы формирования номенклатуры, решая при этом для себя две главные задачи: доверие к кадрам, которые призваны проводить в жизнь важнейшие решения общегосударственного характера и возможности обновления этих кадров.

Современные государственные системы и сложные системы управления носят явно выраженный бюрократический характер. В социологии благодаря М. Веберу разработаны представления об идеальном чиновнике — служащем государственного аппарата. Этот чиновник, во-первых, действует всегда только в рамках своей компетенции, которая задается более широкими административными правилами и нормами; во-вторых, он имеет в виду при решении любых вопросов принцип приоритета закона; в-третьих, он действует безличным образом, для него все люди, попадающие в сферу его деятельности, заслуживают равного внимания. Кроме того, идеальный чиновник не имеет личной заинтересованности в решении соответствующих вопросов. Степень рациональности власти во многом определяется тем, в какой мере реальный состав исполнителей или кадры, осуществляющие властные решения, соответствуют идеальным требованиям. В практике реальных отношений такого рода соответствия по сути дела не наблюдается, но мера дисфункциональности бюрократического аппарата и источники этой дисфункциональности далеко не одинаковы.

Из сказанного выше следует вывод о разделении политических конфликтов на два основных вида:

1) между существующей властью и общественными силами, интересы которых не представлены в структуре властных органов и институтов или представлены в виде отрицания и подавления этих интересов;

2) внутри существующей власти. С одной стороны, каждая из групп внутри господствующего класса обладает более частными интересами и собственным видением ситуации, которое она стремится навязать всему классу и положить в основу принятия решений. С другой стороны, внутренний политический конфликт связан с внутригрупповой борьбой за распределение властных полномочий и соответствующих позиций и вместе с тем он, как правило, сопряжен с попытками обоснования нового курса в рамках существующего политического строя или режима реализации властных полномочий.

Между этими двумя видами конфликта существуют сложные взаимоотношения. Социальные движения в обществе обращены не только к власти в целом, они апеллируют к конкретным ее носителям и представителям, критикуя определенные учреждения, законы. Как правило, такова природа реформаторских движений, в отличие от движений революционного характера, ориентированных на одновременный слом всех сложившихся властных структур. Со своей стороны, во властных структурах также складывается дифференцированное отношение к требованиям, выдвигаемым соответствующими движениями. Определенная часть властного аппарата стремится проводить гибкую политику, предлагая тактику уступок: таким образом она как бы защищает или представляет интересы оппозиции во властных структурах. Предлагая уступить в частностях, она защищает более общие и перспективные интересы господствующего класса или социального слоя.

При анализе политического конфликта важно иметь в виду различие между борьбой за властные полномочия как таковые и конфликт идеологических установок и позиций. Борьба за реальные властные полномочия, за определенные позиции в политических структурах, за возможность принятия решений или влияние на процесс выработки этих решений представляет собой сердцевину политического конфликта. В этом пункте сосредоточены, как правило, ближайшие интересы конкурирующих между собою групп.

Что касается конфликта идеологических позиций, то здесь речь идет о различных способах истолкования и оценки сложившейся ситуации с точки зрения более или менее отдаленных перспектив общественного развития. Эти оценки, точки зрения и взгляды, как правило, представляются в декларациях и документах действующих в данном обществе политических партий, общественных дви-

жений, в выступлениях и заявлениях государственных и политических деятелей. Политический конфликт в этом смысле есть прежде всего конфликт между разными стратегиями развития страны. Применительно к России это конфликт между различными по своей идеологической ориентации программами выхода экономики и страны в целом из кризиса (1).

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Достаточно строгое изложение проблематики политического конфликта см. в учебнике: Смелсер Н. Социология. Гл. 17: Политическая система. М., 1994. С. 521–547.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Охарактеризуйте шесть наиболее важных и общепринятых положений, выработанных в истории общественной мысли, относительно политического конфликта.
2. Каковы методы использования власти в обществе?
3. Что такое властные полномочия и властные позиции? Какое место в политической борьбе занимает вопрос распределения должностных позиций?
4. Что такое бюрократия? В чем различие терминов — бюрократия и управленческий аппарат? В чем суть бюрократизации аппарата и общества в целом?
5. Дайте определение двух главных типов политического конфликта.

Глава 2

КОНФЛИКТ И ВЛАСТЬ

В настоящей главе мы рассмотрим следующий круг вопросов:

1. Как классическая социология XIX в. и прежде всего К. Маркс и М. Вебер рассматривали природу власти.
2. Понятие социального пространства и что оно дает для современной социологии.
3. Возможности власти в качестве средства конструирования новой социальной реальности.
4. Проанализируем парные категории: интересы народа и институты власти.
5. Введем и попытаемся обосновать новое понятие «рефлексивная политика».

6. Введем представление о четырех полях политического пространства в качестве аналитического средства осмысления российской действительности.

1. КЛАССИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ О ПРИРОДЕ ВЛАСТИ

В рамках классической социологии конца XIX — начала XX вв. были сформулированы основные вопросы относительно социальной природы власти. Наибольший вклад в проблематику власти внесли К. Маркс и М. Вебер.

Сошлемся здесь на такого авторитетного историка общественной мысли, как Раймон Арон. Он считает, что главное в учении Маркса — положение об антагонистическом характере капиталистического строя. «В то время как позитивизм рассматривает конфликты между рабочими и предпринимателями как маргинальные процессы, погрешности индустриального общества, которые можно относительно легко исправить, в учении Маркса конфликты между рабочими и предпринимателями, или — если пользоваться марксистской терминологией — между пролетариатом и капиталистами, предстают главным фактом современных обществ, раскрывающим их сущность, и заодно позволяющим предвидеть историческое развитие» (1).

Марксистская доктрина преимущественно сформировалась как теория классовой борьбы, представляющей собою движущую силу мировой истории и являющейся главной причиной социальных и политических преобразований в любом обществе. Центром же классовой борьбы всегда были отношения власти, господства и подчинения, государственной организации общества. Исходная позиция в трактовке государства состояла в том, что ни одно государство не представляет интересов общества в целом. Оно есть орган подчинения общества интересам экономически господствующего класса. Государство с самого первого момента своего возникновения есть орган классового господства. С помощью государственных учреждений — организации власти, утвердившейся системы правопорядка, законодательства и системы карательных органов — господствующий класс обеспечивает подчинение трудящихся интересам правящего класса. С этой точки зрения государство рассматривалось как форма диктатуры правящего класса.

Эта точка зрения была сформулирована на основе критического анализа знаменитой работы Гегеля «Философия права». Эмпирический же материал, как бы подтверждавший предложенную

Марксом в сотрудничестве с Ф. Энгельсом концепцию государственной власти, черпался на первых этапах формирования марксистской концепции из сопоставления содержания парламентских дебатов прусского ландтага с практическими отношениями, сложившимися в немецком обществе к началу 40-х годов. Анализ дебатов по поводу законов о свободе печати, о краже дров, о виноделах Мозельского края приводит Маркса к выводу о том, что закон не защищает интересы труженика, а способствует укреплению бюрократии и что сама бюрократия обслуживает не интересы общества в целом, как полагал Гегель, а служит частным интересам имущих классов. «Все органы государства, — формулирует Маркс свой вывод со свойственной ему афористичностью, — становятся ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес лесовладельца подслушивает, высматривает, оценивает, охраняет, хватает, бежит» (2).

Более широкий вывод заключается в том, что эмансипация человека, его освобождение от эксплуатации возможны лишь на путях *социальной революции*, которая предполагает устранение диктатуры буржуазии и установление диктатуры пролетариата, призванной построить бесклассовое общество и в перспективе устранить государство как политический институт.

М. Вебер более конкретно рассматривал проблемы политической власти и, главное, под другим углом зрения. Государство для него — необходимый общественный институт. Специфика государства в том, что оно претендует на монополию легитимного политического насилия в пределах своей юрисдикции.

Для Вебера наиболее важно ответить на вопрос о том, почему люди, граждане соответствующего сообщества или государства, *соглашаются подчиняться* государственным установлениям. Именно в этой связи Вебер разрабатывает свою типологию политического господства и показывает, каковы наиболее существенные мотивы политического поведения в рамках каждого из типов. Прежде всего он выделяет *традиционное* господство. Подчинение власти здесь осуществляется на основе норм обычного права, передающихся от поколения к поколению и выполняющих роль важнейших политических традиций. Власть воспринимается в качестве таковой благодаря тому, что «так считали предки». Эти установления сложились в далекой древности. Они переданы нынешним поколениям вместе с заветами отцов, в которых воплотились мудрость и жизненный опыт данного народа или сообщества людей.

Еще один тип господства назван Вебером *харизматическим*. Главное его отличие состоит в особых отношениях между массой

и лидером. Масса, будучи недовольна своим положением, связывает чаяния и надежды на лучшую жизнь с определенным лицом, которое наделяется в ее сознании сверхъестественной, необычной силой.

Следующий тип господства — *рациональный*. В основе его — совокупность правовых институтов и развитая система представлений о взаимоотношениях государства и гражданина (3).

Одно из наиболее часто употребляемых понятий в *современной* социологии политики понятие политического пространства. Попытаемся выяснить, какова его эвристическая ценность.

2. ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И НОВОЕ ПОНИМАНИЕ ВЛАСТИ

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что понятие социального пространства стало одним из наиболее важных в социологии XX в. Одним из первых его ввел в научный оборот Питирим Сорокин (4). Он рассматривал это понятие в связи с разработкой концепции социальной стратификации и социальной мобильности, подчеркивая, что и то, и другое характеризуют определенное положение индивидов или групп или изменение этого положения в некоторой системе координат, с помощью которой обозначается социальное пространство. Внимание социолога сконцентрировано на социальных группах, которые находятся в определенных отношениях друг к другу, каждая группа занимает свое положение в некоторой более широкой общности, которая и выступает в качестве социального пространства для данной группы. В самом широком смысле социальное пространство, и это отмечает Сорокин, это народонаселение Земли (5).

Сама идея социального пространства проистекает из того факта, что отношения между людьми во всяком обществе определенным образом иерархизированы: есть «верх» и есть, следовательно, «низ». Есть возможности социального перемещения как в вертикальном, так и в горизонтальном направлениях. И эти возможности тем больше, чем меньше в обществе «предписанных» ролевых позиций.

Другая особенность социального пространства — его многомерность. В этом его отличие от евклидова геометрического пространства или от географических реалий.

Как известно, классическая постановка вопроса о власти заключается в том, что она представляет собою совокупность политических институтов, посредством функционирования которых

одни социальные группы получают возможность навязывать свою волю другим и действовать в соответствии с так называемыми общими (общенародными, общегосударственными) интересами (6). Центральное место среди этих институтов занимает государство, которое имеет право и обязанность говорить от имени народа или всего организуемого им сообщества. Более того, сущностное определение государства, по Веберу, состоит в том, что это единственная инстанция, которая имеет право на применение насилия по отношению к своим гражданам и в пределах своей территории (7). При этом отношения между групповыми и общегосударственными интересами могут быть различны. Они могут строиться на взаимном компромиссе и консенсусе, могут основываться на прямом доминировании интересов одной группы и исключении иных из сферы принятия решений, на подавлении других групп. Важным инструментом в системе осуществления властных функций, на чем бы они не основывались, является идеологическое обрамление власти, ее идейное обоснование и оправдание, обеспечивающее легитимность властных институтов (8).

Новый подход к проблематике власти не отменяет этого умозаключения, которое в главных своих положениях утвердилось в политической науке со времен Платона и Аристотеля (9).

В XIX и XX вв. более подробную проработку в трудах Маркса, Вебера и Маннгейма получили вопросы идеологии как «ложного сознания» или «мифотворчества», с помощью которой так или иначе прикрываются «реальные интересы» сил, вступающих на поприще борьбы за власть. Однако в более современной литературе — в работах французских социологов Бурдьё и Фуко, в публикациях Гидденса, Валлерштейна, Хабермаса и многих других авторов проработка вопросов власти увязывается с понятием социального или политического пространства.

Власть существует везде, где есть совместная деятельность, это необходимый атрибут общественных отношений, суть которого заключается в переводе материальных и духовных интересов и сил в совместное действие. Для того чтобы обеспечить совместность в любом деле кто-то должен взять на себя инициативу распоряжения. Эта инициатива либо принимается, либо оспаривается. Такова абстрактная модель функционирования власти: господства, доминирования и согласия и подчинения. В реализации же действительного властного акта дело обстоит гораздо сложнее. Подчинение и сопротивление оказываются переплетенными между собой весьма сложным и для каждого отдельного случая специфическим образом. Поэтому для анализа реальных отношений власти и подчинения подходит метафора социального пространства

— своего рода силового поля, напряжение в котором распространяется неравномерно. Можно сказать, что сама власть представляет собой определенную совокупность средств организации социального пространства через соответствующие точки напряжения, через линии искривления пространства. Там, где сопротивление власти минимально, наименьшим является и напряжение самого поля. Там, где появляются или существуют точки нелояльности, несогласия, неподчинения и протеста, возникает напряженность и необходимость концентрации властных усилий различного рода. Если напряженность накапливается в центрах, жизненно значимых для всей системы доминирования и подчинения, а не в периферийных областях, то возникает непосредственная угроза самим основаниям властных отношений.

Еще раз следует подчеркнуть, что любое совместное действие обязательно предполагает определенное соотношение между властью, авторитетом, с одной стороны, и согласием с нею, ее легитимным признанием, с другой. С этой точки зрения «вездесущность» власти не является исключительным достоянием тоталитарного общества. Там, где есть авторитет и признание этого авторитета, там есть и власть. Другой вопрос, в каких формах эта власть существует, как добывается она признания и поддержки.

Отчетливо осознавая, что люди страдают либо от чрезмерного давления власти, либо от безвластия, ни одно из направлений в современной социологии не поддерживает ни авторитарно-тоталитарных теорий, выраженных, например, в формуле «одна нация — одно государство», ни утопических концепций устранения властных отношений, создания общества без государства. Речь идет в них лишь об изменениях форм властвования, господства и подчинения, участия во власти и способах реализации гражданских прав.

Новые подходы не опровергают тех постановок вопроса о природе власти, которые сложились в XIX в. в социологической литературе. Они скорее конкретизируют их и рассматривают в качестве частного случая, подчеркивая лишь то обстоятельство, что власть в любом современном обществе как бы разлита по всему социальному пространству, сосредоточиваясь в его некоторых центральных местах в особо концентрированной форме. И эти точки сосредоточения власти нельзя понять, лишь сводя их к выражению стоящих за ними сил и интересов. Они сами становятся средством организации интересов, так как они иницируют социальные действия.

Поэтому на столь часто встречающийся вопрос «кому выгодно?» далеко не всегда можно найти более или менее вразумительный ответ. Скорее всего, он направлен на поиск достаточно трафаретных объяснений, в основе которых имеется предположение

об объективной заданности определенных групповых интересов, адекватно преломляемых в соответствующих целерациональных действиях. Однако кризисная ситуация в обществе характеризуется прежде всего размытостью интересов, их неопределенностью, с одной стороны, а с другой, — весьма сложным характером их осмысления и осознания.

Положения групп людей в социальном пространстве в современном российском обществе оказались сдвинутыми, открывшиеся перспективы — неопределенными, многократно увеличилась зависимость не от каких-то устоявшихся стандартов и норм поведения, а от случайности, от везения и от «судьбы». Этим, кстати, объясняется столь широкое распространение и увлеченность различными мистическими и эсхатологическими концепциями, связанными с верой в «чудо». Поэтому нельзя однозначно ответить на вопрос, в чем состоит выгода или интерес того или иного конкретного человека и даже более широко — той или иной социальной группы.

Однако при этом всегда в обществе отношения складывались таким образом, что власть, причастность к власти или обладание ею открывали большой диапазон возможностей для тех, кто активно включен в политическое пространство. В современных условиях власть все в большей мере становится предметом самооценности. Не только благодаря тому, что она открывает доступ к распределению материальных ресурсов, но и в силу того, что с помощью власти предлагается и утверждается определенная интерпретация жизненного мира. В политической борьбе речь идет не только о борьбе за статус и реальные позиции в структуре власти, но и о тех представлениях, которые имеют сами участники борьбы или действующие лица о социальном мире, о том, чтобы расширить сферу влияния именно данных жизненных представлений, облеченных, как правило, в символическую форму. Значительная часть общих понятий, употребляемых в политической борьбе, а может быть и все такого рода понятия: класс, нация, народ, интересы класса, интересы народа, государство, демократия, реформа, имеют четко выделяемое символическое содержание. Во многих случаях они играют роль понятий, с помощью которых конструируются окончательные аргументы в пользу той или иной политической позиции.

Когда тот или иной публицист, историк или представитель какой-то другой общественной науки утверждает, что общество расколото на две противоположные группы — сторонников реформ и их противников или на «прогрессистов» и «консерваторов», то в этом своем утверждении он лишь следует за политиками, которые само понятие реформы употребляют в смысле сим-

вола или пограничного знака, отделяющего «своих» от «чужих», тех, кто объединяется словом «мы», от тех, кого обозначают как «они», что является несотъемлемой чертой конфронтационной политики.

Современный французский социолог П. Бурдьё наряду с понятием социального пространства выделяет пространство экономическое, политическое и символическое, уделяя особое внимание последнему.

Каждое из обозначенных пространств подразделяется на своего рода поля властного взаимодействия. В рамках этих пространств осуществляется движение соответствующих видов капитала и прибыли, достижений и потерь. В социальной жизни в целом имеет значение, следовательно, не только экономический капитал, но и капитал символический, связанный с понятием престижа, достоинства и влияния, которое может иметь человек в рамках культурного пространства. «Соотношение объективных сил, — пишет Бурдьё, — стремится воспроизвести себя в соотношении символических сил, в видении социального мира, что способствует утверждению данного соотношения сил. В борьбе за навязывание легитимного видения социального мира, в которую неизбежно вовлечена и наука, агенты располагают властью, пропорциональной их символическому капиталу, т.е. тому признанию, которое они получают от группы» (10).

Важный тезис Бурдьё, в особенности для понимания кризисных ситуаций, заключается в том, что «структура социального пространства определяется в каждый данный момент структурой распределения капитала и прибыли, специфических для каждого отдельного поля, но тем не менее в каждом из этих пространств игры определение ставки и козырей само может быть поставлено на карту» (11). Иными словами, могут пересматриваться в пределах заданного социального пространства сами правила игры: значимое перестает быть таковым, имевшийся ранее смысл разрушается, что характерно для ситуации раскола и кризиса. Происходит разрушение систем ценностных ориентаций и психологически значимых точек опоры в обществе и в различных социальных средах или на различных участках социального пространства. Это разрушение не может происходить без глубоких личностных конфликтов, без радикальных перемен личностных позиций, чему мы являемся ныне свидетелями. Разумеется, ценностный кризис общества лишь стимулирует внутренние личностные конфликты, которые находят более адекватное объяснение в рамках психоаналитических концепций, нежели с помощью собственно социологических построений (12).

Каковы бы ни были способы рационализации личностного участия в деятельности властных структур, в этой области даже в условиях кризиса сохраняется достаточно большой потенциал смыслообразующей мотивации. Любой политик обязан представлять свои действия как социально оправданные, обретающие смысл не в его собственных политических амбициях и устремлениях, а в интересах более широкого целого: прогрессивно мыслящей группы, рационально выработанной партийной программы и соответствующей ей практической политике, в благе народа, в интересах класса или нации. Даже если он не верит в провозглашаемые ценности, он ведет себя таким образом, чтобы у его политических соперников было как можно меньше аргументов для упреков в сознательном цинизме. Ибо здесь находится его политический капитал, который он либо растрчивает, либо приумножает.

Возвращаясь к главному и определяющему в новом понимании власти, следует еще раз подчеркнуть, что суть его состоит в выявлении ее действительного активного или активистского начала. Власть не просто «отражает интересы», она творит новые отношения, она конструирует социальный мир, модифицируя социальное пространство. При этом важно подчеркнуть, что «конструктивная» деятельность власти осуществляется независимо от того, переживает общество период стабильности или кризиса, сопровождаясь потерей управляемости, двоевластием или безвластием.

Интенсификация процесса социальных изменений в постиндустриальном обществе означает не только увеличение различных центров власти и усиление их конкуренции между собою, но и расширение социального пространства, в рамках которого действуют соответствующие властные структуры. Концепция вхождения России в мировое экономическое пространство сопровождается не только соглашениями «семерки» по поводу финансовых кредитов российскому правительству и допущением представителей российской дипломатии и высших должностных лиц на соответствующие совещания и форумы, но и такими повседневными процессами, как увеличение иммиграционных потоков, организация новых потоков информации, пересмотр многих постулатов, касающихся понимания государственной безопасности, превращение контактов с иностранными гражданами в элемент повседневной жизни, наконец, возникновение так называемой российской мафии в Нью-Йорке или «чеченской мафии» в Германии. Локальные интересы все в большей мере пронизываются глобальными проблемами, а некоторые из локальных проблем неожиданно приобретают глобальное значение.

Расширение диапазона действия власти означает, по сути дела, увеличение вариабельности последствий любого властного действия. Умножение вариабельности последствий не следует понимать как достижение большей целерациональности. В перекрещивающихся точках политического, экономического и культурного пространства происходит обмен «капиталов»: властных преимуществ на финансовые возможности, тех и других на символический капитал. При изменении траектории движения капиталов в социальном пространстве невозможно предусмотреть результаты этих перемещений и их общий социальный эффект.

Наоборот, в расколоте обществе все чаще проявляется закон бумеранга: результат действия очень часто оказывается прямо противоположным декларируемым и желаемым намерениям. Этот эффект объясняется с социологической точки зрения тем, что всякое действие власти встречает контрдействие со стороны оппозиции. Кроме того, в массовом сознании власть рассматривается в качестве некоторой самодостаточной сферы: все, что исходит от власти, воспринимается с недоверием или со скрытым сопротивлением. Благодаря этому сама власть оказывается не регулятором конфликтов, а источником социальной напряженности. И напряженность эта тем больше, чем менее признаны легитимные основания властных функций и полномочий в массовом сознании.

Эти обстоятельства подводят нас к выводу о возможной саморазрушительной деятельности власти и властных структур. Активность, ориентирующаяся лишь на ближайший политический эффект, на победу над противником «здесь и сейчас», или, наоборот, уклонение от права использования власти может иметь более губительные последствия, нежели черныбыльская катастрофа.

Важнейшая тенденция современной социологии заключается в обращении к субъектности, к выявлению активного начала в социальном действии. Это, как говорится, общепризнано. Но далеко не все социологи отдают себе отчет в том, что реализация этого активного начала осуществляется прежде всего через властные отношения, через более или менее осмысленное участие в политическом процессе.

Сфера власти образует сложную систему отношений, которая осуществляет, как всегда, отбор определенных личностных типов, взаимоотношения которых образуют собственно политическое пространство — более узкое, чем социальное, — но оказывающее решающее воздействие на это социальное пространство. Как мы отмечали, главное качество власти — способность к конструированию отношений между людьми.

3. ВЛАСТЬ КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Рассмотрим возможные ответы на вопрос, каким образом осуществляется это конструирование?

Первый вариант ответа заключается в том, что политики имеют определенную, как бы теоретически обоснованную программу действия, сообразно которой они ведут дело к «совершенствованию общества», к построению некоторых отношений, которых еще нет, но которые должны были бы быть в соответствии с теоретическими построениями.

Это рационалистическая концепция власти: политик «знает», в чем состоит цель общества, и сам ставит себя на службу этому знанию, применяясь к многочисленным обстоятельствам и получая удовлетворение от того, что он вопреки этим обстоятельствам сохраняет намеченный курс и добивается поставленной цели, по крайней мере, в своем собственном сознании. Вариантом этой модели рационального целенаправленного поведения выступает концепция конструирования социальных отношений через законотворческую деятельность. Предполагается, что каждый из законопроектов опирается на некоторые общие теоретические предпосылки и что проработка законопроекта, определяемая процедурами законодательного процесса, гарантирует его рациональность и легитимность.

Однако практика недавнего прошлого России и значительная часть мирового опыта опровергают эту модель прежде всего там, где она связана с доктриной будущего. Чаше всего такого рода доктрина выступает средством идеологического контроля, направленного на охрану политического режима. А опыт демократического развития пока еще не дает оснований для выводов о рациональном характере законотворческой деятельности.

Второй вариант ответа на вопрос о способе конструирования социальных отношений властными структурами основан на либеральной интерпретации политики: в сфере властных отношений действует множество групп и интересов и в итоге их взаимодействия образуется некоторый результат, который можно было бы назвать «общественным благом». Однако и эта точка зрения опровергается практикой тупиковых ситуаций. Интересы групп, действующих в сфере властных отношений, оказываются подчас настолько противостоящими друг другу, а их сознание настолько заостренным на конфликт, что возникает паралич властного действия, образуется потеря управляемости в качестве мощного фактора, углубляющего кризис. Опыт перестройки опровергает, на наш взгляд, и

эту модель влияния политики на жизнь, объяснения способа и механизмов воздействия на социальные процессы и на общество.

Еще один вариант ответа на поставленный вопрос состоит в том, что властные структуры воспроизводят и конструируют ту систему отношений, которая возникает и развивается в их собственной среде. Не только «народ имеет такое правительство, какое он заслуживает», но и власть «создает общество по своему образу и подобию».

Рассмотрим теперь более подробно коренной вопрос социологии власти — о взаимоотношениях между властью и народом.

4. ИНТЕРЕСЫ НАРОДА И МЕХАНИЗМЫ ВЛАСТИ

Одной из главных составляющих конструирования общественных отношений является интерпретация интересов народа, связанная с притязаниями на их знание и легитимное представительство во властных структурах. Как свидетельствует политическая практика, любая политическая акция, движение или структура стремится легитимизировать свои действия с помощью формулы представительства интересов народа. Наиболее типичные аргументы по этому поводу заключаются в следующем:

1. Предлагается точка зрения, согласно которой правители, государство знают об интересах народа лучше, чем сам народ. Это позиция и «просвещенной монархии», и радикальной революционной идеологии. При всем их различии эти две крайние политические установки сходятся в одном: народ не понимает своих интересов. Это понимание создается государственной властью или политическим движением, которые получают это знание либо путем божественного откровения, либо путем обращения к науке.

Та и другая точки зрения органически связаны с патерналистской моделью общественного устройства, которая предполагает отказ от любых попыток самостоятельного осмысления интересов, а тем более от попыток их реализации. Идеологически и организационно патерналистская модель ведет к закреплению инфантильных черт психологии и поведения, основанных на слепом доверии к официальной доктрине и к авторитету высшей власти. Если оставаться верным историческим фактам, то следует признать, что доверие к власти и политической системе в целом было характерной чертой сталинского политического режима. Каким образом создавалось и обеспечивалось это доверие — это другой вопрос, связанный с анализом механизмов осуществления властного воздействия. Разрушение стереотипов доверия к власти со

стороны массового сознания стало важнейшим достижением перестройки.

2. Противоположная концепция соотношения власти и интересов народа свойственна демократическому сознанию. Эта концепция — антипатерналистская, активистская. Исходный тезис: народ сам знает о своих интересах лучше, чем любые его представители, а тем более представители, превращающиеся в правителей. Но как только мы принимаем эту точку зрения, сразу возникают по крайней мере два вопроса: каким образом народ получает знание этих интересов? как и кому народ высказывает это знание?

По сути дела ответ на эти вопросы предполагает, что мы знаем механизм формирования и осознания интересов народа, равно как и механизмы представительства, делегирования, прямой и обратной связи между органами власти и массовым сознанием.

В 1989 г. автор этой книги предпринял попытку прояснить эту ситуацию с помощью опроса москвичей. Ответы на вопрос о знании ими собственных интересов распределились следующим образом: 44% опрошенных заявили, что они четко понимают, в чем состоят их интересы; 24% сказали, что они понимают интересы не только своей группы, но и интересы других социальных групп; 7% выразили готовность объяснять другим людям, в чем состоят интересы этих людей; еще 7% предпочли, чтобы им объяснили, в чем состоят их интересы (13).

Полученное распределение ответов весьма характерно. Оно свидетельствует о том, что в 1989 г. существовала прослойка массового сознания, готовая принять патерналистские установки. Вместе с тем такое же число граждан выражало готовность осуществлять функцию опеки над другими. При этом наблюдалась весьма высокая доля опрошенных (четвертая часть), заявлявших о том, что они понимают интересы и иных общественных групп. Это показатель если не активности, то по крайней мере высокой социальной ориентированности в массовом сознании.

«Простой» человек, погруженный в повседневные заботы, вовсе не обязан иметь представление об интересах различных социальных групп в обществе. Иное дело — политик, государственный деятель и даже государственный служащий. Интерпретация интересов общества и составляющих его групп — это важнейший аспект профессиональной политической деятельности. Политик не может заявить, что он «не знает», в чем состоят интересы других людей. Если он займет такую позицию, то ему нечего делать в политике. В то же время та или иная интерпретация «интересов народа» тесно связана с собственной жизненной картиной мира,

основанной на интегральном восприятии действительности и включающей в себя целый ряд смежных и параллельных категорий и понятий, как, например, социальная справедливость, равенство или неравенство, прогресс и иные формы выражения общественного и личного блага.

Что же дает современная социология для понимания самих способов интерпретации интересов народа?

Прежде всего социологи настаивают на аналитическом подходе к обоим понятиям, выделенным в подзаголовке. Можно утверждать, что с точки зрения современных социологических концепций само понятие народа представляет собою определенного рода идеологическое клише. Употребление этого термина, особенно в контексте взаимоотношений народа и власти, содержит в себе имплицитно притязание на то, что есть некоторая структура, совокупность институтов, общественное движение или «научная точка зрения», которые могут знать достоверно, что такое «народ», и действовать от имени «его интересов».

Но поскольку, как выясняется, *все* политические движения и властные структуры претендуют на это представительство интересов и дают им различные и даже прямо противоположные интерпретации, постольку становится все более очевидным, что эти понятия — главным образом и по преимуществу — не что иное, как выработанное историческим опытом политической борьбы мощное средство завоевания политического пространства.

Антони Гидденс (вслед за Д. Хельдом), настаивая на аналитическом подходе к понятию демократии как власти народа, ставит следующие три вопроса (14):

1. Кого надо считать «народом»?
2. Какого типа участие в правлении предполагается для него?
3. Какие условия ведут к его участию?

Для европейских индустриальных обществ XIX в. ответы на эти вопросы были в общем понятны: «народ» — это эксплуатируемые классы, занятые в сфере материального производства, это пушечное мясо в войнах, послуживших средством построения «государств-наций». Но уже с точки зрения американского опыта это понятие не является столь однозначным и определенным. Тем более эта определенность разрушается в постиндустриальном обществе, которое строится на конституировании сфер деятельности, занимающих промежуточное место между промышленным и сельскохозяйственным производством, с одной стороны, и политикой, с другой. Можно сказать так: чем меньше общество охвачено процессами модернизации, тем больше ясности и больше легитимности в употреблении понятия «народ».

Постиндустриальное общество, по мере того как оно утверждается, размывает столь ясное и как бы данное в непосредственном опыте понятие народа. Здесь как раз и выступает потребность в социологическом анализе, ориентирующемся не на фиксацию классового положения, а на выявление статусных позиций, не на концепцию аккумуляции дифференцирующих признаков, а на идею взаимодополнения и обмена преимуществ и потерь в процессе социального обмена и социальной мобильности.

Поскольку Россия позже других европейских стран вступила на путь модернизации, постольку здесь дольше сохранялась некая реалистическая совокупность смыслов за понятием «народ». Однако в 30-е годы XX в., когда модернизация осуществлялась методами тотального насилия, *ранее сложившиеся смыслы этого понятия распадаются*. Во-первых, государственная власть (партия — государство) выступила *против* «народа», создавая одновременно новую культурную элиту или слой законопослушной интеллигенции. Во-вторых, она опиралась в своих тотальных преобразованиях *на поддержку* народа. В-третьих, народ оказался пространственно *разделенным колючей проволокой*. В-четвертых, нельзя оставить без внимания и тот факт, что *представители власти были людьми «из народа»*.

Иными словами, опыт дооктябрьской и послеоctябрьской истории России и СССР заключается в том, что народ оказался *многokратно расколотым по разным основаниям* и, следовательно, перестал быть некоторым однородным объектом властных воздействий, направленных к его собственному благу или, наоборот, к его гибели. Тем более он перестал быть и неким единым субъектом действия, за исключением периода Великой Отечественной войны (1941—1945), когда народ реконструировался под воздействием угрозы обращения в рабство и уничтожения. При этом сама власть (борьба за власть, институты власти и методы ее использования) стала мощнейшим средством раскола и народа, и общества.

Раскол народа, как считает А.С. Ахиезер, стал основанием для так называемого системного кризиса, вступление в который датируется по-разному различными политическими деятелями, историками и публицистами (15).

Не менее интересна и судьба такого политически значимого понятия, как «нация», особенно в современных условиях обострения межнациональных конфликтов. Здесь много общего с понятием «народ», но в качестве весомого аргумента добавляется этническая составляющая нации.

Как отмечает В.А. Тишков, в мировой литературе сложились две интерпретации подхода к определению того, что есть нация:

объективистское или «примордиалистское» и «конструктивистское» (16). Первое толкование более или менее традиционно для догматизированного обществоведения, второе представлено в работах Э. Геллнера, Б. Андерсона и некоторых других современных историков, политических и социальных мыслителей, опирающихся на изучение европейской истории и процессов колонизации (17). В центре их внимания оказался вопрос о соотношении нации и национализма. Традиционная позиция по этому вопросу состоит в том, что национализм — это определенное выражение интересов нации, как правило, крайняя и даже экстремистская их формулировка. В работах Геллнера обосновывается иной подход: нация — это результат национализма, а национализм — определенная форма осуществления государственной политики. Политическая идеология, концепции государственности, гражданственности, межгосударственных границ, системы образования и воспитания, создаваемые именно государственной властью, оказали на формирование сообществ, именуемых нациями, гораздо большее воздействие, нежели этническая и биологическая предопределенность, равно как и геополитические обстоятельства.

Следовательно, и здесь мы сталкиваемся с процессом конструирования общественных отношений, субъектом которого выступают властные структуры, а объектом — этнические сообщества.

Сложность вопроса в том, что исторический опыт каждой из наций или каждого из народов уникален. Один из наиболее важных аспектов этой уникальности заключается в неодинаковом соотношении собственно этнического и политико-идеологического или мифологического компонентов в современных национальных сообществах.

Политический опыт послереволюционной, тоталитарной, олигархической и перестроечной России, как и бывшего Союза ССР, служит лишь эмпирическим подтверждением этого тезиса. Новый подход к пониманию процессов образования наций показывает, что конструирование наций не является исключительным уделом послереволюционного периода, что это общемировой процесс. А это в свою очередь дает новые подходы и стимулы к осмыслению процессов суверенизации, которые должны быть понятны социологически не через абстракцию «национальных интересов», а через формирование новых элит и борьбу между ними за перераспределение влияния в политическом пространстве с помощью формирования новой символики.

В этой связи нельзя пройти мимо высказываний П.А. Сорокина по этому вопросу, который утверждал, что в понятие нации и национального вопроса вкладывается самое разнообразное со-

держание в зависимости от того, какова политическая позиция тех, кто это понятие употребляет и эксплуатирует в собственных политических интересах (18).

Теперь перейдем ко второй стороне заданной альтернативы: власть и народ.

Прежде всего напомним тезис Вебера о том, что любая власть опирается на те или иные формы признания ее законности, что легитимность входит в число важнейших механизмов, обеспечивающих ее функционирование. Кризис общества, смена форм правления и политического господства неизбежно проходит и через кризис легитимности. В целом при анализе взаимодействия господства и подчинения социология преимущественное внимание обращает на вторую сторону этого отношения — обеспечение механизмов подчинения, поддержки и притяжения властных структур.

Российская ситуация демонстрирует нам переплетение традиционных и харизматических способов обоснования легитимности власти при крайней неразвитости рациональных обоснований. В ходе перестройки, как известно, сформировался проект перехода к правовому государству, который, безусловно, не учитывал не только сложностей политических преобразований, но главным образом не считался со сложившимися стереотипами восприятия власти массовым сознанием.

Следующая крупная социологическая идея заключается в разработке концепции социального контроля, опирающегося на поощрение законопослушного поведения и принятия самых разнообразных санкций по отношению к носителям девиантного поведения. В работах некоторых известных публицистов проводится мысль о противопоставлении Запада и России в том плане, что российский народ поддался провокациям, инициированным узкой группой заговорщиков, у которых были свои основания быть недовольными прежним общественно-политическим строем, и что, мол, интеллигенция не сумела объяснить массам всей пагубности избранного пути. А вот на Западе люди поступили более благоразумно — они отказались от революции и пошли по пути реформ. Такая точка зрения не выдерживает критики ни с точки зрения ее соответствия историческим фактам, ни с позиций социологического анализа.

Одна из работ известного современного социолога Мишеля Фуко, названная «Надзор и наказание: возникновение тюрьмы» (19), имеет прямое отношение к выявлению механизмов добровольности подчинения властям, которые стали важнейшими элементами социальных институтов европейской государственности. Фуко показывает, что к концу XVIII в. в европейской практике

объектом социального контроля становится не тело, а душа. На смену телесным наказаниям и смертной казни, осуществляемым в назидание народу публично, на площадях, пришло тюремное заключение, имеющее в виду воздействие на душу и «перевоспитание» преступника. Тюрьма становится важнейшим социальным институтом, осуществляющим всеобщее дисциплинирование. Она есть не что иное, как дополнение фабрики, и вбирает в себя тех, кто не смог усвоить средств воздействия на личность, предлагаемых фабричной системой организации труда. При этом сама тюрьма строилась и организовывалась в соответствии с принципом постоянного и всеобщего надзора (*surveillance general*), который (надзор) в дальнейшем в связи с развитием превентивных функций полиции отделился от непосредственной тюремной жизни и стал самостоятельным институтом «правового государства», осуществляемым с большей или меньшей избирательностью. В основе этой избирательности лежит идея иерархической организации общества и предпосылка потенциальной значимости отклоняющегося поведения наблюдаемого субъекта. Иерархический надзор подвергает индивида непрерывному контролю, который и выступает как важнейшая функция власти, как элемент ее существования.

При этом дисциплинирующая власть остается незамечаемой индивидом, она как бы впитывается с молоком матери. Она становится инструментом селекции кадрового корпуса во всех областях деятельности. Кроме того, возникает система документации, категоризирующая законопослушное и отклоняющееся поведение во всех его разновидностях. Благодаря этому каждый отдельный индивид превращается в некоторый частный случай более общего статистического распределения, по отношению к которому вырабатывается своя собственная норма властного контроля.

Дальнейшая разработка этой проблематики приводит Фуко к выводу о необходимости разработки аналитики власти не столько применительно к отношениям господства и подчинения на макроуровне, сколько на уровне повседневных человеческих отношений в семье, в детском саду и школе, в производственном коллективе или спортивной команде. У каждой системы власти, утверждает Фуко, есть своя автономия. Эти системы не могут быть выведены из государственных и классовых отношений. У них своя история, собственный путь развития, особая технология и тактика. Но все эти системы, рассматриваемые в совокупности, представляют собою механизмы конфискации жизни с ее начала и до конца. Без выяснения всей совокупности систем осуществления власти невозможно понять реальный процесс воспроизводства и социальных изменений (20).

5. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕФЛЕКСИВНОЙ ПОЛИТИКИ

Как мы выяснили, интерпретация таких понятий, как «интересы народа», «интересы класса и нации», является важнейшим инструментом конструирования социальных отношений. В этом заключается, если угодно, незаменимая функция власти, без которой она не может существовать. Однако это далеко не единственное средство конструирования социальной реальности.

Несомненно, что к числу понятий, конструирующих социальную реальность, относятся и такие понятия, как «вхождение в рынок», «включение в мировую цивилизацию», «утверждение самобытности России», «обращение к истокам», и другие многозначные и в силу этого весьма смутные понятия, активно используемые в современном символическом пространстве.

Расхождение в интерпретации этих понятий само по себе может составлять предмет теоретической дискуссии или содержание постоянного «дискурса», который в соответствии с представлениями современной социологии составляет неотъемлемую часть социальной реальности. Здесь еще нет собственно политической борьбы, здесь формируются ее предпосылки и обоснования.

Политическая борьба, сопровождающаяся кипением страстей, возникает при переходе от интерпретации понятий к «номинации» — публичному и официально называнию соответствующих отношений. Бурдьё показал, что это один из наиболее важных этапов формирования новых отношений, конструирования социальной реальности. «Способность осуществить в явном виде, опубликовать, сделать публичным, так сказать, объективированным, видимым, должным, т.е. официальным, то, что должно было иметь доступ к объективному или коллективному существованию, но до тех пор оставалось в состоянии индивидуального опыта, затруднения, раздражения, ожидания, беспокойства, представляет собой чудовищную социальную власть — власть образовывать группы, формируя здравый смысл, ясно выраженный консенсус для любой группы» (21). В результате называния-номинации завоевываются определенные позиции в политическом пространстве и формируются новые отношения. А поскольку публичность в современном мире невозможна без средств массовой информации, постольку всякая власть стремится прежде всего обеспечить себе доступ к этим средствам. Феномен номинации объясняет широко распространенный термин «четвертая власть». Массовое сознание принимает непосредственный источник своего информирования за реальный источник власти. От этой иллюзии не свободен и жур-

налистский корпус: мотивация его деятельности сопряжена с престижем, т.е. причастностью к власти по крайней мере в восприятии массового сознания.

Дальнейший социологический анализ выдвинутых проблем должен был бы дать ответ на вопрос, какова доля номинационных актов, исходящих от представителей высшего эшелона власти, имеющих конструктивное и деструктивное значение. Несомненно, что значительная часть такого рода акций рассчитана на провоцирование конфликтных ситуаций, на создание конфликтной среды как определенного поля риска, в котором имеется шанс на выигрыш.

Таким образом, третий шаг конструирования социальной реальности властными структурами после интерпретации ключевых понятий и номинации заключается в создании конфликтных ситуаций. При этом активно используются как ранее сложившиеся различия, так и новые социальные расслоения: между богатыми и бедными, между теми, кто имеет доступ к властным структурам, и теми, кто его не имеет, между экономическими интересами, опирающимися на разные источники образования и накопления капитала. Политическая агитация вызволяет эти различия из смутного, темного, неосознанного состояния и придает им актуальную форму.

Поэтому в социологическом плане необходимо различать два уровня развертывания политического конфликта.

Во-первых, это конфликт в масштабах всего политического пространства, который прежде всего в современной российской ситуации выступает как конфликт по поводу легитимности власти, ее признания — непризнания, частичного признания и частичного непризнания. В более интенсивной форме этот конфликт выступает в качестве поддержки или неприятия властных структур.

Второй смысл этого понятия заключается в том, что им обозначаются конфликтные отношения внутри самих властных структур по поводу объема властных полномочий. Каждая из сторон конфликта, достаточно четко обозначившая себя к концу 1993 г., ведет борьбу за расширение своего влияния в политическом пространстве. В этой борьбе суть политического процесса и сокровенный смысл политической деятельности: политик тем и отличается от иных смертных, что каждый момент своей жизни он подчиняет именно этой задаче — расширению своего политического влияния, обеспечению поддержки и завоеванию благодаря этому политического пространства в ущерб своему оппоненту или противнику.

И здесь мы приходим к четвертой группе инструментов, с по-

мощью которых политическая власть конструирует социальную реальность. Речь идет о выборе средств политической борьбы, среди которых особое место занимает проблема соотношения насилия и ненасилия. Планирование насилия, как правило, не декларируется ни одной из конфликтующих сторон. Оно совершается как бы спонтанно, в результате некоей «инициативы с мест». Однако победа с помощью аргументов оружия наносит ущерб не только побежденным, но и победителям. Она открывает путь к трагическому развитию событий, к напрасным жертвам, усилению взаимной отчужденности и враждебности. Опыт показывает, что применение насилия в большой политике можно прогнозировать с того момента, когда между конфликтующими сторонами прекращается общение.

После всего пережитого массовым сознанием можно сказать, что само общество таково, каковы средства борьбы за власть, избираемые политическими оппонентами. Именно средства политической борьбы в гораздо большей мере, чем что-либо иное, включая отношения собственности, определяют характер общественных отношений en gros.

6. ЧЕТЫРЕ ПОЛЯ БОРЬБЫ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Рассматривая послеавгустовскую (1991) политику в качестве средства формирования новой России, мы выделим четыре основных поля борьбы:

- 1) конституционный процесс;
- 2) приватизация;
- 3) соотношение локальных (региональных) и общероссийских интересов;
- 4) вхождение России в мировую цивилизацию, сопряженное с соотношением ее интересов с глобальными интересами.

Специфика послеавгустовской ситуации состояла в том, что ни на одном из этих полей исход борьбы не был предопределен. После августовских событий 1991 г. Россия вступила в зону повышенного риска, что означало возможность как выигрыша, так и проигрыша на каждом из обозначенных полей.

Каждая из группировок, действующих в политическом пространстве, видит ситуацию как бы из своей части поля и поэтому замечает лишь один из альтернативных вариантов развития, не принимая во внимание противостоящей тенденции и углубляя тем самым раскол общества.

Медленное реформаторство, характерное для перестройки (1985—1991), объяснялось прежде всего нежеланием вступать в зону риска. Но, по-видимому, без прохождения этой зоны, которое требовало смены политического менталитета в высших эшелонах власти, серьезные социальные изменения оказались невозможны. Весьма маловероятен и выход из зоны риска без потерь. С этой точки зрения распад СССР следует понимать не как естественный результат борьбы с имперскими амбициями и не как закономерное воспроизведение судеб, постигавших все великие империи, а скорее как плату за сопротивление реформам, как проигрыш на одном из решающих участков политического пространства при выигрыше на другом его поле.

Рассмотрим соотношение сил к концу 1993 г. на каждом из обозначенных полей.

Конституционный процесс. Выигрыш на первом поле означал формирование правового государства и обеспечение более высокого уровня легитимности власти, во всяком случае с точки зрения формальной законности. Смысл конституции, как известно, состоит в том, чтобы выработать основу всей иной законодательной и распорядительной деятельности, обозначить и охарактеризовать природу государственного строя, определить законодательным образом функции политической власти и ее отношения с гражданами государства, с народами и этническими группами, его населяющими, определить взаимоотношения высших органов государства, наделяемых властными полномочиями.

Проигрыш на этом поле означал углубление раскола властных структур и невозможность политической стабилизации.

Борьба на конституционном поле имела два аспекта: во-первых, содержательный, связанный с формулировкой принципиальных положений, определяющих основы политического и экономического строя российского общества; во-вторых, формально-правовой аспект, состоящий в достижении согласия относительно способа принятия новой Конституции: кто имел право ее принимать? Верховный Совет, Съезд народных депутатов, специально созываемое только для этой цели Учредительное собрание, которое должно было бы, приняв Основной Закон страны, самораспуститься и объявить выборы органов законодательной власти на основе новой Конституции?

Вплоть до референдума по проекту Конституции 12 декабря 1993 г. в России действовала Конституция РСФСР, принятая в 1978 г. на основе Конституции СССР 1977 года, дополненная многочисленными поправками принципиального и редакционного порядка. Вся эта Конституция была пронизана идеей верховной власти

Советов, которые должны были сочетать в своей деятельности как представительные, так и распорядительные функции.

Особое значение при этом имела 121 статья прежней Конституции, в соответствии с которой высшая законодательная власть в стране принадлежала Съезду народных депутатов, имевшему право отзыва Президента. Съезд чуть было не воспользовался этим правом после обнародования Президентом Указа о введении особого порядка управления в стране в марте 1993 г.: для отстранения Президента не хватило нескольких десятков голосов.

Задача обновления Конституции России была поставлена еще Первым съездом народных депутатов РСФСР, который утвердил соответствующую комиссию под председательством Ельцина. Секретарем комиссии был утвержден депутат Румянцев — один из лидеров социал-демократического движения в стране. Проект Конституции, опубликованный от имени этой комиссии, вызвал острую дискуссию в средствах массовой информации и в обществе в целом. Критика раздавалась и справа, и слева. Через несколько недель после публикации «румянцевского» проекта был опубликован проект, подготовленный юристами-сторонниками прокоммунистической ориентации.

После разрыва отношений между законодательной и исполнительной властью Президент принял решение вывести конституционный процесс в целом из сферы влияния законодательной власти. На основании специального указа было создано Конституционное совещание, которому вменялась в обязанность оперативная подготовка нового проекта Конституции, в большей мере ориентированного на складывающиеся политические реалии. Но и Конституционное совещание, начавшееся сценой выноса одного из депутатов прокоммунистической ориентации из зала и захлопыванием председателя Верховного Совета Хасбулатова, не привело к ожидаемому результату.

Лишь через месяц после событий 3–4 октября 1993 г. — переломных во многих отношениях — был опубликован в прессе новый проект Конституции, вынесенный на всенародный референдум.

Основные положения этой Конституции сгруппированы в два раздела, девять глав и 137 статей. Согласно Конституции Российская Федерация — Россия объявляется демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. В центре внимания Конституции неотчуждаемые права и свободы личности, принадлежащие каждому от рождения. В состав России входят 89 субъектов Федерации (в том числе 21 республика), обладающие статусом, который определяется Конституцией РФ и конституцией или уставом соответствующего субъекта.

екта РФ. Конституция закрепляет взаимоотношения трех относительно самостоятельных государственных институтов: Президента Российской Федерации, Федерального Собрания и Правительства Российской Федерации таким образом, что доминирование в этих взаимоотношениях принадлежит Президенту. В соответствии с этой Конституцией Россия становится президентской республикой.

Предложенный проект Конституции решает конфликт на конституционном поле в пользу разрыва с традицией существования Советской власти. Радикальная демократия покончила с декларативным и фактическим принципом руководящей роли КПСС в 1991 г., но роль Советов еще сохранялась вплоть до октябрьского кризиса 1993 г. Политическое значение разрешения этого кризиса заключается в том, что оно означало не только ликвидацию Верховного Совета РФ и Съезда народных депутатов, но и покончило с принципом Советской власти в целом, не говоря уже о конкретных персонажах, организовавших политическую авантюру по захвату телестудии «Останкино».

Проблема собственности. Второе поле борьбы связано с изменением форм собственности. Выигрыш на этом поле означает стимулирование производства, соединение производства и потребления через рыночные отношения; проигрыш — быстрый рост безработицы, который грозит ростом социальной напряженности и возможными социальными потрясениями.

Конкретные пункты полемики в рамках этого поля заключаются в способах приватизации государственной, «общенародной» собственности. Как будут перераспределены огромные материальные ресурсы бывшего Советского Союза с его военно-промышленным потенциалом, природными ресурсами, земельными и лесными угодьями? Кто будет хозяином всех этих богатств и каким образом будет осуществляться распоряжение этими богатствами? Дискуссия по этим вопросам составляет сердцевину экономической реформы. Она не закончена, и в итогах этой реформы нет предопределенности.

Общероссийские и региональные интересы. На третьем поле — соотношение локальных и общероссийских интересов. Выигрыш означает формирование и упрочение общероссийской государственности; проигрыш — распад государства, его регионализацию.

Ослабление внутрироссийских экономических связей неизбежно усиливает центробежные тенденции. Чеченский кризис — наиболее яркое проявление этих тенденций. Попытка учредить Уральскую республику — еще один пример, свидетельствующий о возможных тенденциях социально-политического развития России.

В 1992–1993 гг. не ощущалось недостатка в прогнозах, утверждавших неминуемость распада России на отдельные территории по примеру СССР и последующего восстановления российской государственности на основе осмысления единства локальных интересов и добровольного волеизъявления со стороны регионов, республик и территорий. Эти прогнозы активно поддерживались местными элитами, которые стремились возложить всю ответственность за кризисное состояние экономики на Центр, кем бы он не возглавлялся и какую бы политику он не проводил.

Несомненно, что одна из главных линий в осуществлении экономической и политической реформ состоит в возрастании роли региональных интересов. Практически вопрос о взаимоотношении Центра и регионов аккумулируется в налоговом законодательстве и налоговой политике, которые определяют механизмы формирования федерального и регионального бюджетов.

В идеологическом плане проблема регионализации фокусируется на интерпретации понятия суверенитета. Политический смысл этого понятия не остается неизменным, он модифицируется и наполняется новым содержанием в ходе изменения ориентиров политической борьбы. В период борьбы с центральной властью в масштабах СССР идея российского суверенитета означала самостоятельность России как государственного образования. После распада СССР та же самая идея обернулась против российской государственности.

Именно в этом пункте была обнаружена ахиллессова пята прежнего политического и государственного устройства: Россия подменялась Союзом, российское население обладало в Союзе меньшим, неравным представительством в сравнении с населением других республик. Интересы России как бы растворялись в общесоюзных. Теперь настала очередь выделить этот российский «интерес» и придать ему самостоятельность. На окраинах и в бывших автономных республиках концепция обоснования российского интереса не могла встретить особой поддержки. Скорее наоборот. Она воспринимается в качестве легитимизации интересов Центра, который стремится сохранить свое доминирующее влияние, прикрываясь новой идеологической доктриной. Раньше это доминирование осуществлялось во имя интернационализации, теперь — во имя возрождения русского народа и российской государственности.

Россия в контексте глобализации. На четвертом поле политического противостояния сталкиваются между собою различные концепции соотношения общероссийских интересов и интересов мирового сообщества. Выигрыш на этом поле означает партнер-

ство России с более развитыми в экономическом отношении странами и структурами; проигрыш — превращение России в одну из стран третьего мира, полное подчинение экономики России интересам зарубежного капитала, который не может функционировать на основе благотворительности и бескорыстной помощи.

Как и на предыдущих полях, итог борьбы здесь не предопределен заранее. Нет таких фатальных сил, которые определили бы исход экономического и политического развития России в том или ином направлении. Однако обе позиции достаточно четко обозначены в политических декларациях.

Один из тезисов развертывающейся полемики состоит в том, что Запад заинтересован в сохранении России как великой державы. Другие утверждают противоположное: Запад стремится превратить Россию в сырьевой придаток своей уже модернизированной экономики, в свалку различного рода отходов современного научно-промышленного комплекса. Чтобы понять возможный исход борьбы на этом поле, необходимо отказаться от слишком общего понимания Запада. В тех регионах мира, которые обозначаются данным понятием, имеются как те, так и другие силы, как те, так и другие концепции. Во многом исход борьбы на этом участке политического пространства будет зависеть от того, каков будет результат борьбы на предшествующих трех полях и удастся ли прежде всего реконструкция отношений собственности в том плане, чтобы собственность действительно стала важнейшим стимулом трудовой деятельности и рациональной организации производства.

Концепция четырех полей политического пространства позволяет более основательно понять характер событий 21 сентября — 4 октября 1993 г. Роспуск Верховного Совета и лишение полномочий Съезда народных депутатов Российской Федерации был осуществлен указом Президента от 21 сентября № 1400. Это была уже третья по счету попытка прекращения деятельности представительной власти, предпринятая после апрельского кризиса 1992 г. в ходе которого официально оформились две противоположные оценки экономической и социально-политической ситуации. (Первая попытка была предпринята в ходе работы VII съезда народных депутатов РФ в декабре 1992 г., вторая — указ Президента от 20 марта 1993 г.)

На протяжении этого периода происходила поляризация позиций на всех четырех полях политического пространства. В ходе поляризации осуществлялся процесс аккумуляции политического капитала в противоположных точках социального пространства. В этом и заключалась суть конфликта между исполнительной (пре-

зидентской) и представительной властью. При этом концепция рефлексивной политики не находила поддержки ни с той, ни с другой стороны.

После мартовского указа и апрельского референдума о доверии к обсем ветвям власти все в большей мере нарастала угроза применения насилия. Проблема состояла в том, кто первым не выдержит накапливающейся политической и нервной напряженности и обратится к насильственным мерам. Тот, кто первым делал шаг в этом направлении, безусловно, проигрывал на всех четырех полях политической борьбы. Поэтому каждая из сторон была заинтересована в провоцировании насилия. Кроме того, в рамках каждой из сторон происходил процесс расщепления на умеренных сторонников соответствующей политики и «радикалов», превращавшихся с каждым новым выступлением, демонстрацией, митингом, произнесенной речью в экстремистов. Экстремистские силы Верховного Совета выступили при этом с открытым забралом. Экстремисты из президентского окружения не торопились предать свои позиции огласке. Они рассчитывали на то, что противник не выдержит первым и тем самым обеспечит легитимность нанесения ответного удара на сокрушение. Так оно и получилось. Нервная система защитников Белого Дома после указа от 21 сентября не выдержала первой. Они поддались на вольную или невольную провокацию, игру в поддавки, в ходе которой им было позволено захватить здание московской мэрии и спалить первый этаж телестудии в Останкино.

4 октября конституционный конфликт был разрешен с помощью танков, произведших не менее знаменитые выстрелы по российскому Белому Дому, чем выстрелы «Авроры» в 1917 г. по Зимнему дворцу. В данном случае жертв непосредственного насилия было больше, чем 25 октября 1917 г.

Проблема ответственности за жертвы событий 3–4 октября оказывается не такой простой, как она представляется на первый взгляд. Концепция конструирования политической реальности, борьбы за власть и за изменение правил политической игры раскрывает более сложный механизм конфликта. То или иное развитие этого конфликта движет страну в целом либо в направлении дальнейшей модернизации, либо в сторону восстановления архаичных структур. Но движение это вовсе не однозначно, не прямолинейно, не имеет характера восхождения в соответствии с теоретически разработанной программой и заданным на основании такой программы курсом.

События 21 сентября–4 октября 1993 г. вновь изменили конфигурацию политического пространства.

Прежде всего оно сузилось, а это означает обострение политической борьбы в пределах этого суженного поля.

Во-вторых, более четко обозначилось движение в сторону авторитарного политического режима, что зафиксировано в проекте новой Конституции и в оценках этого проекта.

В-третьих, демонстрация применения силы стала самостоятельным фактором политической реальности. Примененное насилие в его бессмысленных и жестоких формах означает возможность применения этой силы в случае возникновения новых тупиковых ситуаций, будь то в отношениях с Государственной Думой или субъектами Федерации.

В-четвертых, выборы в Федеральное Собрание, как и референдум по Конституции, призваны легитимизировать совершившийся политический персворот. Однако вопрос о соотношении формального и содержательного компонентов этой легитимизации со стороны массового сознания остается открытым.

В заключение остановимся на некоторых моментах, характеризующих развертывание политических конфликтов в России и в так называемых цивилизованных странах.

Более ранний переход западных стран в стадию постиндустриального общества способствовал более раннему и устойчивому преодолению дихотомизации конфликта. Сейчас российское общество, может быть, более болезненным путем движется в том же направлении. При этом ход развития событий настолько многопланов и многомерен, что по сути дела невозможно выделить какой-либо основной конфликт российского общества, подобный некоторому основному противоречию или главному звену в цепи. Конфликты многогранны, так как они развертываются в многомерном социальном пространстве, которое характеризуется массой точек напряженности. В России наблюдается еще большее стремление к идеологизации конфликтов, что связано с определенной традицией.

Главное же отличие конфликтов, развертывающихся в российском политическом пространстве, от аналогичных конфликтов, происходящих во властных структурах европейских государств, США и Канады и иных цивилизованных стран, заключается в том, что там эта политическая борьба идет на основе установившихся правил, отчасти закрепленных законом, отчасти признаваемых общественным мнением. У нас же такие правила еще не сложились, борьба идет «не по правилам», что усугубляет остроту конфликтных ситуаций и повышает эффект непредсказуемости исхода.

Кроме того, в российской культуре в сравнении с европейскими странами невелика ценность человеческой жизни и личного достоинства гражданина, в том числе и достоинства политичес-

кого деятеля, который, как правило, воспринимается как носитель своекорыстных интересов и не считает нужным опровергать такое его восприятие, так как иначе, мол, нельзя строить рыночные отношения. Все это порождает опасность перерастания нормальных конфликтов по поводу расширения сферы влияния и власти соответствующих лидеров и политических группировок в конфликты насильственного порядка. Превращаясь в длительные тупиковые ситуации, они оказывают разрушительное воздействие на экономику и всю систему социальных отношений.

Конечно, можно сказать, что так оно и должно быть, поскольку общество переживает цивилизационный сдвиг и еще длительный период будет подвергаться «социотрясениям» различного рода и барахтаться в муках рождения новой цивилизации (22). Однако возможны и иные варианты. И эти варианты связаны прежде всего с концепцией рефлексивной политики. Суть ее в отказе от скороспелых решений, сулящих сиюминутные выгоды одной из сторон, представленных в конфликте. Рефлексивная политика строится на осмыслении собственного опыта и извлечении уроков из ошибок и неудач. Та ко в о е е п е р в о е п р а в и л о .

В т о р о е п р а в и л о с о с т o и т в у в а ж е н и и к д о с т о и н с т в у п р o т и в н и к а и л и o п п o н e н т а , в o т к а з e o т c t p e м л e н и я п р e в р a т и т ь o п п o н e н т а в o в р a г a . Э т o c o п р я ж e н o c б o л e e o c н o в a т e л ь н ы м п р o c ч e т o м в o з м o ж н ы х к o н т p e д e й c t в и й o п п o н e н т a в o т в e т н a п р e д п р и н и м a e м ы е д e й c t в и я .

Т р e т ь e п р а в и л о — п o и c к в з a и м o в ы г o д н ы х р e ш e н и й , ч т o , б e з y c л o в н o , т р e б у e т o г p o м н o г o п o в ы ш e н и я п o л и т и ч e c к o й к y л ь т у p ы .

Все эти правила проистекают из того понимания власти, которое предлагается современной социологией. Власть — это не только использование и накопление политического капитала, в еще большей мере она становится в настоящее время средством накопления символического капитала, который может стать источником и результатом неконфронтационной, т.е. рефлексивной, политики.

Предложенное понимание власти не следует смешивать с волюнтаристским пониманием политики. Власть конструирует социальную реальность, но это она делает отнюдь не в соответствии с некоторым заранее разработанным планом. Во всяком случае рациональное обоснование будущего не играет в этом процессе существенной роли. Власть осуществляет этот процесс произвольно в соответствии со своей социальной природой.

Прежде всего, политическая власть неоднородна не только в формально-правовом отношении, но и в содержательном смысле.

Во-вторых, вписывая себя в ткань социальных отношений, она постоянно наталкивается на сопротивление «материала», и само это сопротивление, и попытки его преодоления деформируют власть. В-третьих, политическое пространство как главное поле действия власти пересекается с пространством экономическим и культурным. При этом культурный капитал задает позитивное содержание политической деятельности, а экономический капитал в значительной мере определяет пределы социального действия и соответствующих политических усилий.

Выработка неконфронтационной системы власти — совершенно новая задача современной политики. Возможности решения ее еще неизвестны. Во многом они будут определяться тем, насколько плодотворным может быть соединение аналитических подходов, предлагаемых от имени социальных наук, в том числе и от имени социологии, и тех элементов политической элиты, которые готовы к рефлексивному мышлению, а следовательно, и к осуществлению рефлексивной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 153.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 142.
3. Вебер М. Политика как призвание и профессия//Вебер М. Избр. произведения/Под ред. Ю.Н. Давыдова. М., 1990.
4. Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность//Сорокин П. Человек, цивилизация, общество/Под ред. А.Ю. Согомонова. М., 1992.
5. Там же, с. 299.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (глава из «Немецкой идеологии»)/Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения: В 3 т. М., 1979. Т. 1.
7. «Государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия. Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам и сообществам лишь настолько, насколько государству со своей стороны допускает это насилие: единственным источником права на насилие считается государство...
- Государство... есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует». — Вебер М. Политика как призвание и профессия. — Там же, с. 645–646.
8. См.: Thernborn G. Ideology of Power and Power of Ideology.
9. См.: Dahrendorf R. In Praise of Thrasymachus//Dahrendorf R. Essays in the Theory of Society. Stanford, California Press, 1968.
10. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов»//Вопросы социологии, 1992. Т. 1.

11. Там же, с. 25.
12. Более подробно проблема связи социального конфликта с личностным рассмотрена в первом разделе: Гл. 4, пар. 4.
13. Здравомыслов А.Г. Возможен ли еще оптимизм?//Литературное обозрение, 1990. № 10. С. 71–78.
14. Гидденс А. Политика, управление и государство//Рубеж. Альманах социальных исследований. Сыктывкар, 1992. № 3. С. 86.
15. «Общество, пораженное расколом, характеризуется общей социальной неустойчивостью, разрывом коммуникаций внутри общества, между обществом и государством, между духовной элитой и народом, между правящей и духовной элитой, внутри почвы, внутри личности и т.д., высоким, имеющим тенденцию к повышению уровнем дезорганизации, постоянно грозящим выходом за допустимый порог... Раскол проникает в каждую клеточку культуры, социальных отношений. Раскол отрывает производство от потребления, куплю от продажи, врача от больного, работника от рабочего места, где он может дать максимально полезную отдачу, науку от образования, отрасли и ведомства друг от друга. Все начинает приобретать неорганический характер... Раскол... делает насилие как средство ликвидации раскола формой самоубийства, самоистребления». — Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 3. С. 290–291.
16. Тишков В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации//Доклад на заседании Президиума Российской Академии наук 23 февраля 1993 года. М., 1993. С. 4.
17. См.: Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса//Путь, 1992. № 1; Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London. Verso, 1983; Tombs R. Some developments in the History and Theory of Nationalism. Paper presented for seminar of Sociological Association in Moscow, 1993.
18. Разобрав ряд определений нации, П. Сорокин в статье «Национальность, национальный вопрос и социальное равенство» делает вывод: «В итоге, как видим, ни одна из теорий не удовлетворяет и не знает, что такое национальность... Национальности как единого социального элемента нет, как нет и специально национальной связи. То, что обозначается этим словом, есть просто результат нерасчлененности и неглубокого понимания дела». — Ук. соч., с. 248.
19. Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. Paris, 1975.
20. Линдгрен С.-О. Мишель Фуко и история истины//Монсон П. Современная западная социология. Теории, традиции, перспективы. СПб., 1992.
21. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов»//Вопросы социологии, 1992. Т. 1. С. 21.
22. Грушин Б.А. Смена цивилизаций?//Свободная мысль, 1991. № 18. С. 29.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Приведите определения государства как социального института:
 - а) по Марксу;
 - б) по Веберу.
 В чем вы видите главное различие между ними?
2. Что такое социальное пространство? Какое отношение имеет понятие «социальное пространство» к проблеме власти?

3. Охарактеризуйте четыре основных формы борьбы за политическое пространство:
 - а) как интерпретируются национальные интересы современными политическими партиями, действующими в России?
 - б) приведите несколько примеров декларирования политической позиции государственными или общественными деятелями.
4. Приведите примеры действий политической власти:
 - а) направленных на урегулирование конфликтов;
 - б) направленных на обострение конфликтов.
5. Как соотносятся между собой конфликт и насилие?
6. Охарактеризуйте четыре поля политического пространства, на которых разворачивается борьба за будущее России.
7. Дайте определение понятию «рефлексивная политика». Подыщите термины, близкие по смыслу этому понятию.

Г л а в а 3

ЭТАПЫ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В СССР

1. ДИССИДЕНТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СВЕТЕ СОЦИОЛОГИИ КОНФЛИКТА. А.Д. САХАРОВ

Для понимания того, что происходило и происходит в России, чрезвычайно важно проследить способы разворачивания политического конфликта с того момента, когда вопрос о радикальных переменях стал вызревать в общественном сознании. Первые проблески новых подходов к оценке ситуации во всем мире и в Советском Союзе возникли в те времена, когда застойные явления, казалось бы, пронизывали все поры общественно-политической жизни. Речь идет о диссидентском движении, которое фокусировало свое внимание на проблеме прав человека и на хельсинкских соглашениях. Наиболее крупной фигурой диссидентского движения был академик Андрей Дмитриевич Сахаров — один из создателей водородной бомбы в Советском Союзе. Он первым почувствовал и осознал возможность общечеловеческой катастрофы — неизбежного результата гонки вооружений, основанной на противостоянии идеологических систем.

Осознание этой опасности стало для А.Д. Сахарова важнейшим стимулом обращения к анализу внутренних проблем советского общества. И хотя он не был социологом по профессии, но общенаучная методологическая установка помогла ему сформулировать собственную теоретическую концепцию состояния об-

шественных отношений в советском обществе, на которую он и опирался при оценке тех или иных конкретных фактов и событий.

Концепция Сахарова была сформулирована в 1975 г. в его сравнительно малоизвестной статье «О советском обществе», опубликованной лишь через 15 лет после того, как она была написана. Приведем здесь несколько выдержек из этой статьи, раскрывающих некоторые наиболее важные теоретические позиции автора:

«Жизнь нашей огромной страны, конечно, очень сложна и многолика. Как в каждой стране, труд людей, хотя и не всегда производительный и разумно организованный, и возрастающее использование достижений науки и природных ресурсов так или иначе приносят свои зримые плоды. Тысячи оживленных и, видимо, довольных судьбой людей снуют у подножья стройных небоскребов нового Арбата, высоко поднявшихся в небе Москвы.

Но за этим фасадом скрывается, как, впрочем, тоже не только у нас, много такого, что недоступно постороннему глазу, скрывается море человеческого несчастья, трудностей, озлобления, жестокости, глубочайшей усталости и безразличия, которые накапливались десятилетиями и подтачивают устои общества. В стране необыкновенно много несчастных, обойденных судьбой людей: одиноких стариков с ничтожными пенсиями, людей, не устроенных в жизни, не имеющих работы или возможности учиться или приличного, даже по нашим нищенским нормам, жилья; хронических больных, которые не могут попасть в больницу; бесчисленное множество спившихся, опустившихся людей; полтора миллиона заключенных, жертв слепой и часто несправедливой, продажной и зависимой от властей и местной «мафии» судебной машины, которые навсегда выкинуты из нормальной жизни; просто неудачников, не сумевших вовремя сунуть кому надо взятку. Всем им практически невозможно помочь, да и мало кто пытается это делать в общей обстановке трудной, изнуряющей борьбы за пропитание большинства населения, сытой самодовольной замкнутости меньшинства, показной и малоэффективной социальной структуры. Отчаявшиеся люди осаждают высокие приемные, откуда многих из них, особенно надоедливых, прямым ходом увозят в психиатрические больницы...»

Далее А.Д. Сахаров развенчивает миф об исключительности советской политико-экономической системы, которая, с точки зрения официальных постулатов пропаганды, является прообразом для всех остальных стран. Несоответствие этого тезиса реальности является источником закрытости советского общества, которая в свою очередь создает условия для множества негативных явлений внутренней и внешней жизни.

«Современное советское общество, как я думаю (и это главная теоретическая посылка Сахарова), наиболее кратко следует охарактеризовать как “общество государственного капитализма”, то есть строя, отличающегося от современного капитализма западного типа полной национализацией, полной партийно-правительственной монополией в области экономики — а тем самым и в области культуры, идеологии и в других основных областях жизни...

Полная государственная монополия... неизбежно оборачивается несвободой, вынужденным конформизмом. Ведь каждый полностью зависит от государства. В критические периоды несвобода рождает террор, в более спокойные — власть бездарной бюрократии, серость и апатию.» (1)

Характеристика общественных отношений, данная Сахаровым в этой статье, как и в ряде иных выступлений этого периода, находилась в вопиющем противоречии с официальной политической доктриной развитого социализма. Разумеется, позиция Сахарова не только не обсуждалась, но и не допускалось включение ее в оборот общественного мнения. Она была изъята из обращения с помощью средств идейного контроля и блокирования информации. Все общественно-политические выступления Сахарова были запрещены, а после его протеста против ввода советских войск в Афганистан он был выслен в Горький под постоянный и гласный контроль органов государственной безопасности.

Возникает вопрос, в какой мере принципиальные расхождения в оценке общественно-политического строя могут рассматриваться в качестве основания политического конфликта? Скорее всего, речь идет здесь о зачаточной форме конфликта. Диссидентство, в различных его формах, в 70–80-е годы не имело поддержки со стороны общественного мнения, не имело социальной базы внутри страны. Оно свидетельствовало о потенциальном конфликте, о возможности иных перспектив общественного развития при условии изменения главных условий политического действия. И эти новые условия стали создаваться лишь десятилетие спустя после того, как были высказаны соответствующие теоретические позиции. В целом конфликт между официальной властью и диссидентским движением на этом этапе может быть охарактеризован как идеологический конфликт по поводу коренных вопросов политики. Во времена застоя этот конфликт разрешался иными средствами, чем это делалось во времена сталинского террора. Объединение разных политических режимов в общей характеристике «сталинско-брежневской» системы принципиально неверно, ибо оно закрывает возможности понимания внутренних политических процессов в стране в переломные 80-е годы. Весьма характерно, что одной из

наиболее важных акций М. Горбачева, после того как была объявлена политика гласности и демократизации, стало возвращение А.Д. Сахарова из горьковской ссылки и, более того, включение целого ряда положений сахаровской доктрины гражданских прав в официальную политику Советского государства.

Политический конфликт в собственном смысле слова начался несколько позже. Важнейшие этапы развития конфликтной ситуации в стране, сопряженные с политическим и экономическим кризисом были связаны с XIX Всесоюзной конференцией КПСС (середина лета 1988 г.), с Первым съездом народных депутатов СССР (май—июнь 1989 г.), с противостоянием Верховного Совета РСФСР и центральной политической власти. Остановимся более подробно на этих эпизодах, раскрывающих последовательное нарастание внутривнутриполитического конфликта, завершившегося радикальным изменением политического режима: прекращением существования СССР, деятельности КПСС, выработкой курса на вхождение в рыночную экономику.

2. ПЯТЬ КОНФЛИКТНЫХ УЗЛОВ, ВЫЯВИВШИХСЯ НА XIX ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС

XIX конференция (28 июня—12 июля 1988 г.) несомненно стала важной вехой в политической истории всей страны. Она создала решающие политические предпосылки для многих последующих изменений. Это было первое крупномасштабное событие, в ходе которого конфликты, вызревавшие в обществе, стали очевидными для массового сознания, вышли на поверхность и стали аккумуляторами дальнейшей политической дифференциации в обществе. Важная особенность этой конференции — ее публичность. Хотя формально она проводилась в качестве внутривнутрипартийного мероприятия, но по существу эти внутривнутрипартийные рамки были во многом сняты, так как заседания конференции демонстрировались по всесоюзному телевидению. Такая демонстрация осуществлялась впервые.

Анализ материалов конференции, равно как и динамики общественного мнения, позволяет выделить *пять основных линий напряженности*, выявившихся в ходе выступлений и дискуссий делегатов.

К о н ф л и к т № 1. По поводу стратегии перестройки, выразившийся в острой полемике между одним из ведущих экономистов академиком Л.И. Абалкиным, с одной стороны, и Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым, с другой стороны.

Конфликт № 2. По поводу методов или тактики перестро-
ечного процесса, нашедший выражение в полемике между делега-
том конференции Б.Н. Ельциным и секретарем ЦК КПСС Е.К.
Лигачевым.

Конфликт № 3. По поводу оценки общей духовной атмо-
сферы в обществе. Противоположные позиции были высказаны в
выступлениях наиболее известных писателей, активно включив-
шихся в политическую жизнь: Ю.В. Бондарева — главного редак-
тора журнала «Современник» и Г.Я. Бакланова — главного ре-
дактора журнала «Знамя».

Конфликт № 4. По поводу роли прессы. Одна сторона
была представлена в выступлениях руководителей местных пар-
тийных организаций областного масштаба, другая сторона — в вы-
ступлениях народного артиста СССР М.А. Ульянова и главного
редактора газеты «Известия» И.Д. Лаптева.

Конфликт № 5. По поводу оценки деятельности партий-
ного аппарата и методов организации самой конференции, выра-
зившийся в выступлениях главного редактора журнала «Огонек»
В.А. Коротича, с одной стороны, а с другой — в позиции кандида-
та в члены Политбюро ЦК КПСС Г.П. Разумовского.

Обратимся к текстам соответствующих выступлений для того,
чтобы представить документально характер конфликтов и спосо-
бы аргументации сторон.

Конфликт 1

Конфликт имел форму теоретической полемики относительно
взаимоотношения политики и экономики в осуществлении ради-
кальных перемен в обществе. Вместе с тем впервые на форуме
такого ранга прозвучала критика точки зрения, представленной в
докладе Генерального секретаря ЦК КПСС от имени руководства
партии и страны.

Суть предлагаемых политических преобразований состояла в
том, чтобы восстановить в стране значение Советов как органов
общенародного представительства в противоположность местным
и центральным органам партийного руководства. Аргументация в
пользу политической реформы опиралась на тот факт, что ранее
предложенная программа экономического ускорения не была ре-
ализована, так как она встретила сопротивление в самой системе и
в способах организации политической власти. Центр не мог обес-
печить проведение решительных преобразований в экономичес-
кой области: темпы прироста производства за 1986—1988 гг. не
увеличились, а замедлились, проблема инвестиций, направленных

на модернизацию производительных сил, не решалась, курс на совершенствование машиностроения как основы всей системы производства не претворялся в жизнь, так как этому мешали сложившиеся методы планирования и управления экономикой. Появились первые признаки снижения жизненного уровня населения. В силу этих причин руководство партии решило избрать иную стратегию преобразований: поставить во главу угла решение политических задач, провести политическую реформу и добиться политической активизации общества, которая стала бы стимулом экономической заинтересованности.

Л.И. Абалкин — в то время директор Института экономики АН СССР — усомнился в обоснованности программы политических преобразований. Он подчеркнул, что экономические вопросы надо решать, опираясь на экономические рычаги и средства. Он подчеркнул, что серьезных экономических сдвигов после XXVII съезда партии (1986) не произошло и что экономика в целом не вышла из состояния застоя. «Изменения в структуре общественного производства — между накоплением и потреблением — проходили в направлении, прямо противоположном тому, которое было определено решениями съезда. Состояние потребительского рынка ухудшилось. Особое беспокойство вызывает положение в сфере научно-технического прогресса, где отставание от мирового уровня нарастает и принимает все более угрожающий характер».

Эта позиция, основанная на концепции приоритета экономических факторов над политическими в ходе преобразований, была решительно отвергнута в специальном выступлении Горбачева. «Если мы не реформируем политическую систему, — сказал Горбачев, — все наши начинания, все начатые масштабные дела будут тормозиться. Вот почему я не согласен с Леонидом Ивановичем Абалкиным, от выступления которого сильно отдаст экономическим детерминизмом и вообще недооценкой надстройки, которую мы решили реформировать... В докладе речь шла о крупнейшей реформе, которую конференция, наш народ, да и весь мир уже видят. Жаль, что товарищ Абалкин этого не увидел».

Справедливости ради следует отметить, что примерно через год после этой полемики Л.И. Абалкину был предложен пост заместителя Председателя Совета Министров в правительстве Рыжкова, который он принял.

Что касается курса на реформирование надстройки, то он действительно привел достаточно быстро к потрясающим результатам, на которые вряд ли рассчитывали его инициаторы. Важно вместе с тем отметить, что этот курс проистекал из внутренних

потребностей модернизации советского общества. В какой-то мере он учитывал и программы диссидентского движения, разработавшиеся в рамках предшествовавшего этапа политического развития страны.

Конфликт 2

На конференции получил дальнейшее развитие конфликт, возникший в конце 1987 г. на октябрьском пленуме ЦК КПСС. Как известно, в ходе работы этого пленума Ельцин выступил с резкой критикой доклада Горбачева о 70-летию Октябрьской революции, в результате чего он был выведен из состава Политбюро ЦК КПСС, а несколько позже освобожден от должности первого секретаря Московского ГК КПСС — пост, который он занял при содействии и по рекомендации Горбачева. Выступая с критикой доклада Горбачева, Ельцин шел на нарушение правил политической игры, принятой в рядах высшего руководства: оставаться в рамках предоставленной компетенции и не нарушать принципа лояльности по отношению к внутривластной иерархии. Именно это нарушение правил и было расценено пленумом ЦК 1987 г. в качестве грубой политической ошибки. Предлогом для этого послужил тот факт, что Ельцин не признал серьезных достижений, осуществленных на путях перестройки. Он полагал, что перестройка идет чрезвычайно медленно и не затрагивает глубинных оснований политического режима.

На XIX конференции Б.Н. Ельцин выступал в роли рядового делегата. Он был избран на конференцию, так как после поражения на московском политическом поприще занимал пост заместителя министра по делам строительства — позицию, не связанную с политической ответственностью. Об этом стоит упомянуть в связи с тем, что избрание Б.Н. Ельцина на конференцию могло состояться лишь при условии, если оно было санкционировано М.С. Горбачевым. Ельцин попросил слова на конференции в связи с тем, что в некоторых выступлениях он был подвергнут критике за то, что накануне конференции дал интервью зарубежным средствам массовой информации, в ходе которого весьма нелестно отзывался о Е.К. Лигачеве — втором человеке в партии после Горбачева. После некоторых колебаний президиум конференции все же решил предоставить слово Ельцину, на котором он настаивал. Официально позиция оратора выглядела таким образом: по вопросам стратегии перестройки его позиции не расходятся с позициями Лигачева. Их разногласия касаются «тактики перестройки, вопросов социальной справедливости, стиля работы». Ельцин при-

знался, что на прямой вопрос зарубежных журналистов: «Считаете ли Вы, что будь на месте товарища Лигачева какой-то другой человек, перестройка пошла бы быстрее?», он ответил положительно, не вдаваясь в подробности.

Этого Е.К. Лигачев, который все в большей мере приобретал имидж главного консерватора в партии и главного бюрократа, вынести не мог и выступил с речью, в которой он настаивал, что расхождения с Ельциным у него носят не тактический, а принципиальный, стратегический характер. Здесь же он сформулировал и крылатую фразу, которая впоследствии была использована против него самого на массовых митингах и демонстрациях: «Борис, ты не прав!» (преобразовалась в «Егор, ты не прав!», запечатленную на транспарантах и значках). И далее шел текст, весьма характерный как с точки зрения стилистики речи, так и для выражения позиции превосходства, которая в тот момент была безусловно у Лигачева: «Политикой заниматься, это, извините, не щи хлебать. Вместе с решительностью должна быть, обязательно должна быть, осмотрительность. Не зря мудрость гласит: прежде чем войти, подумай, как выйти».

Один из весьма характерных моментов выступления Ельцина на данной конференции состоял в том, что он обратился к аудитории с просьбой снять с него обвинения в политически ошибочном выступлении, имевшем место на октябрьском пленуме ЦК КПСС. Это свидетельство того, что в 1988 г. Ельцин еще не мыслил своей политической деятельности вне партии и что порицания высшего политического органа имели для него в этот момент весьма существенное значение.

В связи с этим обращением разгорелась дискуссия в зале. Один из делегатов решительно поддержал Ельцина. Двое других высказались решительно против, выдвинув против него обвинение в том, что на посту руководителя Московской партийной организации Ельцин занимался «перетряхиванием кадров».

Горбачев в своей речи перед закрытием Всесоюзной конференции попытался придать дискуссии более умеренный и документированный характер, процитировав те места из стенограммы октябрьского пленума, которые свидетельствовали, что в тот момент Ельцин сам признал ошибочность своего выступления и сам обратился к пленуму с просьбой об освобождении его от обязанностей кандидата в члены Политбюро и от руководства Московской городской партийной организацией.

В середине 1988 г. сформировался, следовательно, в рамках самой партии конфликт двух политических направлений. Он развивался в пределах лояльности по отношению к партии в целом.

Ельцин хотел быть «хорошим коммунистом», не запятанным формулировкой о «политической ошибочности» его выступления. Он еще имел возможность выступать с общепартийной трибуны. То, что Ельцин не затронул в своем выступлении Горбачева, а перенес центр тяжести в своей критике на Лигачева, свидетельствует о том, что в этот период положение Горбачева как инициатора перестройки и как лидера партии и страны оставалось незыблемым.

Конфликт 3

Один из наиболее драматических эпизодов в ходе работы конференции был связан с выступлениями Ю.В. Бондарева и Г.Я. Бакланова. По своей основной направленности выступление Бондарева было воспроизведением известного письма Нины Андреевой, опубликованного на страницах печати примерно за полгода до XIX конференции при поддержке Е.К. Лигачева. Бондарев апеллировал не к рациональным аргументам, а к чувствам и эмоциям. Перестройка напоминает ему ситуацию, когда самолет взлетел, не имея четкого ориентира и не зная места посадки.

Перестройка, по его мнению, содействует разрушению национальных, государственных и патриотических ценностей. Определенная часть нашей печати, — заявил этот известный писатель, — разрушает, унижает, сваливает в отхожую яму прожитое и прошлое, наши национальные святыни, жертвы народов в Отечественной войне, традиции культуры, т.е. стирает из сознания людей память, веру и надежду». Эта же печать «воздвигает уродливый памятник нашему недомыслию, геростратам мысли, чистого чувства, совести, о чем история идеологии будет вспоминать со стыдом и проклятиями так же, как мы вспоминаем эпистолярный жанр 1937—1949 гг.» (имеется в виду практика написания доносов в органы госбезопасности). Странно и то, что произносимые вслух слова «отечество», «Родина», «патриотизм» вызывают в ответ «некое змееподобное шипение, исполненное готовности нападения и укуса: «шовинизм», «черносотенство».

Таким образом, тема национальная и прежде всего русско-национальная получила обозначение во внутрипартийном политическом пространстве, что в скором будущем приведет к самостоятельности Российской Коммунистической партии.

Иная позиция была характерна для Г.Я. Бакланова, который еще до конференции обозначил свои политические позиции фактом публикации на страницах своего журнала известной повести А. Рыбакова «Дети Арбата» — одной из важнейших акций в общем процессе десталинизации, начавшемся в стране с 1987 г. В силу

этого обстоятельства появление Бакланова на трибуне конференции было встречено значительной частью делегатов недоброжелательно, если не враждебно. В этом эпизоде был впервые на столь важном форуме применен метод захлопывания оратора. Бакланову стоило больших усилий довести свое выступление до конца перед аудиторией, которая не только его не поддержала, но и стремилась лишить слова.

Конфликт 4

Вокруг проблемы гласности и роли прессы. Представители областных партийных организаций настаивали на жестком контроле по отношению к органам печати, которые начали уже в это время демонстрировать признаки своей независимости. Но более демократическая часть конференции рассматривала гласность в виде важнейшего достижения перестройки. М.А. Ульянов в своем выступлении привлек внимание к этой проблеме и добился от Горбачева публичного подтверждения политики гласности и творческой свободы.

И.Д. Лаптев обрисовал перспективы, связанные с пересмотром форм партийного руководства печатью. С его точки зрения партия должна была претендовать не столько на организационные методы руководства обществом, сколько на духовное и идейное влияние, опираясь прежде всего на расширение самостоятельности средств массовой информации. Он выдвинул идею обеспечения независимости редакций органов печати от партийных органов.

Конфликт 5

Незадолго до открытия конференции журнал «Огонек» опубликовал статью «Противостояние», в которой поднимались вопросы коррумпированности партийного аппарата. Авторы статьи утверждали, что среди делегатов конференции были лица, привлеченные к уголовной ответственности по широко известному «узбекскому делу». Один из ораторов — первый секретарь Волгоградской партийной организации потребовал от редактора журнала объяснения по этому вопросу, обвинив его в распространении клеветы на делегатов конференции.

В. Коротич спустился с галерки — он не был делегатом, а находился на местах для приглашенных лиц — и заявил, что все документы по данному вопросу им переданы официально в президиум конференции.

Как и подобает, конфликт был решен или отодвинут с помо-

шью процедурных вопросов. По предложению Горбачева для разбора вновь возникшей ситуации была создана комиссия под председательством Г. Разумовского. После конференции выяснилось, что заявление Коротича имело определенные основания. В результате расследования был освобожден от обязанностей председателя Комитета партийного контроля М.С. Соломенцев.

В чем же состоял этот этап развития конфликтной ситуации в СССР?

Конференция в значительной мере политизировала общество, обеспечила вовлечение огромной массы граждан в активную политику. Демонстрация хода конференции по телевидению обеспечила восприятие до тех пор абстрактного политического процесса в качестве взаимодействия конкретных участников политической драмы. Политика стала более человечной и более понятной широкой аудитории. Каждый гражданин мог составить собственное суждение по поводу развернувшихся баталий и выбрать ту или иную позицию.

В политическом плане особую роль сыграл пакет решений, принятых конференцией. Была принята концепция политической реформы общества: центр власти стал перемещаться от партийных инстанций в органы Советской власти. Сдвиг центра власти обеспечивался с помощью всенародных выборов в высшие органы власти, намеченные на март 1990 г.

Именно эти выборы стали переломной точкой в развитии политического конфликта. Дискуссии, обозначившиеся в ходе конференции, получили свое обобщенное выражение в ходе выборов и в их итогах. Несмотря на организационное и идейное сопротивление со стороны партийных структур и высших органов власти, Б.Н. Ельцин был избран в Московском избирательном округе делегатом Первого съезда народных депутатов. Ельцин получил в Москве более пяти миллионов голосов, а его оппонент, поддерживаемый официальными структурами, оказался неизбранным.

Аналогичные результаты выборов наблюдались в Ленинграде, Киеве и ряде других городов, где первые руководители городских партийных организаций оказались забаллотированными. Это было первое крупное поражение партии в процессе демократизации.

Парадокс состоял в том, что это поражение стало возможным благодаря решениям, принятым XIX Всесоюзной конференцией КПСС. Мартовские выборы 1990 г. проводились отнюдь не на многопартийной основе. Но они стали важнейшим средством политической мобилизации населения. Именно в ходе этой выборной кампании сформировалось движение «Демократическая Россия», которое открыто противопоставило себя КПСС. Серия внут-

рипартийных конфликтов, обозначившихся на XIX конференции КПСС, дала толчок развитию внутрипартийного кризиса. Развитие этих конфликтов привело к разрыву связей между правящей партией и гражданским обществом, которое только еще начало формироваться.

Следующий акт политической драмы был связан с работой Первого съезда народных депутатов.

3. ПЕРВЫЙ СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Общественно-политическое расслоение, проявившееся в ходе подготовки и проведения мартовских (1989) выборов народных депутатов, обнаружилось с еще большей отчетливостью во время работы самого съезда. 13 дней работы народных депутатов прошли под знаком конфликта двух главных стратегий, которые были разработаны противостоящими силами.

С одной стороны, действовала стратегия Политбюро ЦК КПСС, которое пыталось предопределить не только итоги съезда, но и всю процедуру принятия решений. Накануне был проведен пленум ЦК КПСС, в решениях которого была зафиксирована позиция руководства партии по наиболее важным вопросам. Что касается организационно-тактических вопросов, то они в основном, как это ни странно, были возложены на Генерального секретаря ЦК КПСС, который практически руководил съездом. Другие члены руководства партии, переместившись из президиума в зал, почти не участвовали в прениях. Таким образом, вся полнота выражения мнения руководства партии была делегирована одному человеку — М.С. Горбачеву, что было явным просчетом в острейшей политической борьбе. Вторая ошибка со стороны партийного руководства была допущена еще раньше: Горбачев был одним из немногих кандидатов в народные депутаты, кто весной 1989 г. мог вполне получить необходимое большинство голосов в любом избирательном округе. И однако кандидатура Горбачева была выдвинута не по избирательному округу, а по партийному списку 100 кандидатов от КПСС, в состав которой входили, как выяснилось позже, люди с весьма различными мировоззренческими ориентациями. Это обстоятельство стало работать против Горбачева по мере того, как определялась прямая линия политического противостояния: Горбачев — Ельцин. На самом съезде это еще не было заметно. Последствия избрания Горбачева на съезд по партийному списку сказались позже. Само решение могло мотивироваться лишь тем, что определенная часть партийной элиты из окружения Горбаче-

ва не желала рисковать при открытой конкуренции в избирательных округах, и чтобы придать своему прохождению в состав съезда больший вес, они сделали так, чтобы этот список возглавлялся самим Горбачевым. В этом незначительном эпизоде просматривалась пока еще малозаметная, но все же трещина в составе партийного руководства. Оно использовало личный авторитет Горбачева и его природное обаяние в своих интересах: лидер партии должен был отдавать часть своего авторитета не партии в целом и не собранию народных избранников, в состав которых он вошел, а более узкой политической группировке, авторитет которой снижался не по дням, а по часам.

С другой стороны, действовала стратегия, разработанная «Демократической Россией», которая заявила о себе в качестве оппозиционной силы в ходе выборов.

Суть расхождения состояла в различном понимании роли самого съезда. Это было связано с разным пониманием самого содержания демократизации.

Позиция Политбюро заключалась в том, что основная задача съезда должна состоять в избрании Верховного Совета на новых основаниях; Верховный Совет должен был существенно обновить законодательство в соответствии с «замыслом перестройки». При этом вопрос о сохранении руководящей роли КПСС, а следовательно, Политбюро ЦК и других органов партии не ставился под сомнение.

Концепция «Демократической России» состояла в том, что съезд должен взять всю власть в стране в свои руки, что и было предложено А.Д. Сахаровым в проекте соответствующей декларации. При этом демократическая часть съезда опиралась на интерпретацию перестройки, предложенную самим Горбачевым. Он сам заявлял неоднократно, что перестройка есть революция. В соответствии с марксистской и ленинской логикой мышления главный вопрос революции — это вопрос о власти. Съезд, избранный на основе альтернативных выборов, должен был претендовать на всю полноту власти в стране. Эта позиция с наибольшей ясностью была высказана народным депутатом Юрием Черниченко — известным еще со времен первой волны хрущевских и косыгинских реформ публицистом рыночной ориентации.

Особенность данного съезда заключалась в том, что и та, и другая сторона в значительной мере опирались на декларации. Политбюро имело в своем распоряжении мощнейший, но весьма негибкий, закостенелый аппарат власти, жестко сориентированный на иерархические принципы и структуры управления. Демократы использовали съезд с тем, чтобы укрепить свои организацион-

ные структуры. Одна из наиболее бурных коллизий на съезде была связана с попыткой демократов создать собственную фракцию съезда на законных основаниях. Идея фракции была настолько решительно отвергнута большинством съезда, что Г.Х. Попов, озвучивший это предложение на съезде, должен был выступить с оправданием и указать, что в его выступлении слово «фракция» не употреблялось.

Вместе с тем один из действительных результатов съезда заключался в том, что в ходе его работы была создана Межрегиональная депутатская группа. В состав руководства группой вошли пять сопредседателей: Ю. Афанасьев, Б. Ельцин, Г. Попов, А. Сахаров и Г. Старовойтова. Состав этой группы свидетельствовал о рыхлости платформы демократов, которые объединялись на этом этапе, по сути дела, лишь по одному принципу — противостояния КПСС. На Первом съезде впервые была произнесена формула о необходимости отмены 6-й статьи Конституции СССР, закреплявшей «руководящую и направляющую роль КПСС в обществе». Несомненно, что если бы Горбачев согласился принять эту формулу, то он проявил бы себя в качестве политика опережающего действия. Но руководство КПСС все еще надеялось, что демократический подъем может остаться в рамках управляемости и что стимулы этой управляемости будут задаваться самой партией и ее руководством. Дальнейшее развитие событий опровергло эту точку зрения. Борьба же за конституционное сохранение правящей роли партии в радикально изменившихся политических условиях наносила ущерб авторитету партии.

Однако в середине 1989 г. ни одна из сторон не представляла себе, как именно развернется ход политической борьбы. Руководство партии надеялось на демократизацию в рамках порядка, демократы вскоре после съезда перешли к тактике организации массовых действий, которая в конце концов привела их к успеху.

Важная область противостояния на Первом съезде народных депутатов была связана с оценкой ситуации. В докладах М.С. Горбачева и Н.И. Рыжкова, представленных от имени руководства страны, оценка оставалась сравнительно благодушной и весьма далекой от того накала страстей, который был продемонстрирован в ходе самого съезда. Оба докладчика представляли дело таким образом, что замысел перестройки, якобы, в основном осуществлялся, хотя они соглашались с тем, что ее программа не могла не встречать определенного сопротивления. Иными словами, учитывалась позиция «противников перестройки» и не учитывалась точка зрения тех сил, которые в своих политических требованиях шли гораздо дальше официальной интерпретации перестроечных про-

цессов. Эти силы явно недооценивались, что было важнейшим признаком непонимания новой политической ситуации и новой расстановки сил, которая еще только-только обозначилась в ходе Первого съезда.

Стоит заметить и то обстоятельство, что ценности социализма на этом этапе не подвергались сомнению ни одной из сторон. Тем более, что речь шла о социализме обновленном, демократическом, о социализме с человеческим лицом. Даже Б.Н. Ельцин, снимая свою кандидатуру из списка для тайного голосования на пост Председателя Верховного Совета СССР — куда он был выдвинут наряду с Горбачевым и Оболенским — апеллировал к решениям Пленума ЦК КПСС, с которыми он должен был считаться как член партии. В выступлениях А.Д. Сахарова также можно было услышать обращение к ценностям подлинного социализма.

Расхождения начались при оценке глубины экономических преобразований. Тема соотношения экономики и политики, заданная в полемике на XIX Всесоюзной конференции, продолжала доминировать и на Первом съезде народных депутатов, хотя следует сказать, что здесь она оказалась обогащенной анализом широкого круга социальных проблем.

Что касается возможности использования рыночных отношений, то в позиции Горбачева по этому вопросу просматривалась непоследовательность. С одной стороны, он утверждал, что рынок — это важнейший инструмент цивилизации, который должен быть использован социалистическим обществом, с другой, — он всячески подчеркивал регулируемую роль государства в формировании рыночных отношений.

Проблема собственности, изменения производственных отношений затрагивалась лишь в самом общем плане, и самая радикальная идея, до которой дошла в это время общественно-политическая мысль партии, состояла в признании допустимости арендных отношений. В качестве главной реформаторской акции в экономике, наряду с организацией кооперативов, предлагался обновленный Закон о предприятии. Предполагалось, что развитие народной инициативы через повсеместное укрепление Советов как органов народовластия способно изменить экономическую ситуацию к лучшему, ибо Советы выступают в роли собственников и это будет способствовать развитию экономических стимулов.

В этой концепции было правильно почти все, за исключением одного обстоятельства, которым, казалось бы, можно было пренебречь. Демократизация общества — а она на самом деле произошла за сравнительно короткий промежуток времени с 1987 по 1989 г. — уже включила в политический процесс новые общест-

венно-политические силы, которые стремились к реальной власти. Эти силы не могли более довольствоваться подчиненным положением, положением исполнителей тех проектов и программ, которые составлялись и разрабатывались не ими самими.

Феномен власти как самостоятельный фактор политического и экономического развития не был принят во внимание, что и предопределило в последующем гибель горбачевского политического режима. Казалось бы, что это не так. Партия как бы готова была поступиться своей властью и передать часть ее, а может быть даже и всю власть, более демократическим структурам, которые были вытеснены с политической арены, — Советам. Но вопрос стоял уже иначе. Возрождение Советов не могло спасти дела, так как в СССР сформировался активный слой интеллигенции, открыто притязавший на участие во власти. Этот слой и был реальным оппонентом КПСС. Его наличие и активная политическая позиция уже на данном этапе требовали переструктурирования прежде всего власти, перераспределения властных полномочий в пользу этого слоя.

Это обстоятельство можно было заметить, наблюдая, с каким ожесточением шли обсуждения и голосования по любым процедурным вопросам. Так, при решении вопроса о порядке выборов председателя Верховного Совета СССР возникло одно из первых столкновений. Огромная масса зрителей, наблюдавшая за работой съезда, вместе с народными депутатами удивились инициативе мало кому известного депутата А.М. Оболенского, который предложил свою собственную кандидатуру на высший государственный пост в стране. Эта акция некоторым показалась полной нелепостью. Но Оболенский получил слово на съезде для обоснования своей программы и довольно внятно объяснил мотивы своих действий, связанные с тем, что он является политическим деятелем, руководствующимся принципами, а не конъюнктурой. Он сознательно выставил свою кандидатуру, чтобы на съезде по меньшей мере имелась возможность альтернативных выборов.

Еще большее значение имел тот факт, что депутат В.А. Бирюков, а вслед за ним впервые выступивший на общесоюзной политической арене Г.Э. Бурбулис выдвинули на этот пост в качестве кандидатуры, альтернативной Горбачеву, Б.Н. Ельцина, который, выдержав определенную паузу, позволившую ему почувствовать реакцию съезда на данное предложение, принял совет, высказанный депутатом А.Н. Крайко: снять свою кандидатуру. На этом этапе открытое противостояние Горбачеву было еще невыгодно для Ельцина, так как подавляющее большинство народных депутатов не видело в данный момент альтернативы лидеру перестройки.

И действительно, голосование по кандидатуре Горбачева на

пост председателя Верховного Совета, оставшейся единственной в списке для тайного голосования, продемонстрировало его убедительное политическое преимущество. Из 2210 депутатов за Горбачева проголосовало 2123 человека, против — 87. Стоит заметить, что ни один из бюллетеней для тайного голосования, в отличие от голосования по многим другим вопросам, не оказался испорченным или унесенным с собою. Это был поистине личный триумф Горбачева как политика и, скорее всего, высшая точка его политического восхождения. Уже следующее голосование по кандидатуре заместителя председателя Верховного Совета показало, что количество депутатов, не поддержавших его в выборе заместителя, оказалось гораздо большим: 310 депутатов высказались либо против (179), либо воздержались при голосовании по кандидатуре А.И. Лукьянова.

Однако самое важное обстоятельство, иллюстрирующее появление новых общественно-политических сил, заключалось не столько в фактах открытого противостояния позиции Политбюро ЦК КПСС и формирующейся оппозиции в виде Межрегиональной депутатской группы, сколько в том, что вся работа съезда проходила под знаком национальных конфликтов, набиравших силу в стране. Между трагическими событиями в Тбилиси 9 апреля и открытием съезда прошло немногим более месяца. Это обстоятельство повлияло на работу съезда с самого первого момента. Как известно, работа съезда началась с того, что «прорвавшийся к трибуне» депутат Толпежников предложил почтить вставанием память жертв Тбилисской трагедии. Эта акция не входила в сценарий подготовки съезда, и она как бы знаменовала собой то, что и в дальнейшем весь ход съезда пойдет отнюдь не в соответствии с запланированным сценарием. В этом смысле сам съезд как бы моделировал будущий ход развития событий в стране в целом, насыщенный неожиданными эпизодами, преисполненными драматизма.

Первый узел конфликтов был связан с событиями в Закавказье. Неоднократное возвращение к Тбилисским событиям закончилось тем, что была создана авторитетная комиссия съезда для расследования происшедшего. Второй закавказский очаг напряженности — конфликт между Арменией и Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха. В тот момент делегация Армении стояла на позиции пересмотра границ между республиками и присоединения Нагорного Карабаха к Армении.

Второй узел конфликтов был связан с прибалтийскими республиками, делегации которых пока еще ограничивались обоснованием экономической независимости и суверенитета и требованиями четкой политической оценки договоров между СССР и фа-

шистской Германией 1939—1940 гг. Пока еще никто из делегатов съезда не допускал мысли о возможном распаде СССР.

Вопросы национальной политики ставились достаточно резко и в выступлениях представителей других союзных и автономных республик. Не составили в этом отношении исключения и выступления некоторых российских делегатов. Получалось, что единственным эксплуататором всех регионов страны, включая Российскую Федерацию, был «Центр». И хотя идея всеобщей суверенизации как общего политического принципа еще не была высказана на съезде, предпосылки ее формулирования были заложены в выступлениях многих народных депутатов.

Важнейшей особенностью развития политического конфликта в ходе Первого съезда народных депутатов была наметившаяся поляризация сил. Конфликт двух стратегий в проведении решений съезда, о котором было сказано выше, усложнился возникновением «радикализма справа». Декларация демократической политики, противостоящей линии Политбюро, вызвала крайние формы протеста со стороны догматизированной части съезда, которая оказалась представленной такими депутатами, как Е.Н. Мешалкин, Н.С. Петрушенко В.А. Алкснис и некоторыми другими.

Правый радикализм достиг кульминации в выступлении народного депутата С.В. Червонописского. «Держава, Родина, Коммунизм» — таковы были провозглашенные им ценности в общем плане. Конкретно же его выступление было направлено в адрес А.Д. Сахарова, который якобы оскорбил своим выступлением армию в целом и в особенности участников афганской войны. Выступление молодого «афганца»-инвалида произвело огромное эмоциональное впечатление на большую часть съезда, в результате чего Сахаров оказался на какое-то время психологически изолированным. По-видимому, именно это обстоятельство позволило М.С. Горбачеву лишить Сахарова возможности представить свою развернутую концептуальную программу, с которой он собирался выступить на последнем заседании съезда. С точки зрения ближайшей перспективы и подведения итогов работы съезда в данный момент Политбюро как бы получало выигрыш, но далеко не так стали развиваться события в более отдаленной перспективе.

В результате этого эпизода авторитет Сахарова как лидера демократического движения не уменьшился, а вырос. Если до съезда отношения Горбачев — Сахаров воспринимались под углом зрения инициативы Горбачева, вызволившего из ссылки ведущего правозащитника, то после съезда Горбачев стал именно тем человеком, который публично и довольно грубо лишил слова своего оппонента.

И все же в своем прерванном выступлении А.Д. Сахаров сформулировал ряд принципиальных положений, резюмирующих итоги съезда с позиций демократического крыла съезда. «Съезд, — сказал он, — не выполнил своей главной задачи — установления власти, которая обеспечит решение других задач, задачи экономической, задачи социальной и задачи преодоления экологического безумия. Съезд избрал Председателя Верховного Совета СССР в первый же день, без широкой политической дискуссии и хотя бы символической альтернативности. По моему мнению, Съезд совершил серьезную ошибку, уменьшив в значительной степени свои возможности влиять на формирование политики страны, оказав тем самым плохую услугу и избранному Председателю... Постройка государственного дома началась с крыши, что явно не лучший способ действия...

В стране в условиях надвигающейся экономической катастрофы и трагического обострения межнациональных отношений происходят мощные, опасные процессы, одним из проявлений которых является всеобщий кризис доверия народа к руководству страны. Если мы будем плыть по течению, убаюкивая себя надеждой постепенных перемен к лучшему в далеком будущем, то нарастающее напряжение может взорвать наше общество с самыми трагическими последствиями... Если Съезд народных депутатов не может взять власть в свои руки здесь, то нет ни малейшей надежды, что ее смогут взять Советы в республиках, областях, районах, селах».

В предложенном им проекте Декрета о власти А.Д. Сахаров констатировал необходимость отмены статьи 6 Конституции СССР, избрания и возможности отзыва всех должностных лиц государства, начиная от председателя Верховного Совета СССР и кончая главным редактором газеты «Известия».

В решении национального вопроса Сахаров предложил обсудить пути перехода к федеративно-горизонтальной системе национально-конституционного устройства. Эта система предусматривает предоставление всем существующим национально-территориальным образованиям, вне зависимости от их размера и статуса, равных политических, юридических и экономических прав с сохранением их границ. Впрочем, Сахаров не исключал возможности уточнения границ в будущем.

Первый съезд народных депутатов СССР показал, что за сравнительно короткий промежуток времени, прошедший со времени XIX Всесоюзной конференции КПСС, конфигурация политического конфликта существенно видоизменилась.

В принципе все выступления, прозвучавшие на съезде, располагаются в достаточно обширном политическом пространстве между

выступлениями Сахарова, с одной стороны, и выступлениями Червонописского, с другой. Несомненно, что сдвиг от оси «Политбюро ЦК КПСС — демократическая оппозиция» к оси «демократическая оппозиция — правый радикализм» был результатом политической интриги: некоторым деятелям Центра могло показаться, что появление крайне правого крыла в политическом пространстве блокирует действие крайне левых сил или, по крайней мере, перенесет центр тяжести в борьбе за власть на противостояние двух крайних позиций, позволяя сохранить свободу действий центристской группировке. Именно этими соображениями был вызван «феномен Червонописского», который, кстати, вслед за исполненной акцией совершенно исчез с политической арены. Однако этот ход имел лишь кратковременное значение. Долговременный же результат состоял в том, что «линия Горбачева», равно как и его политическая фигура, стала быстро терять поддержку, поскольку она оказывалась «между молотом и наковальней», между критикой слева и критикой справа. Дивиденды от противостояния крайних сил собрать не удалось: напор слева нарастал с огромной быстротой, главным образом благодаря тому, что Демократическая Россия изменила тактику борьбы. Уже во время съезда начали проводиться массовые митинги и демонстрации в поддержку демократических реформ, которые затем превратились в основную форму мобилизации массовой поддержки демократическим реформам. Главным лозунгом дня стал лозунг борьбы с партократией, который преобразовывался в антикоммунистическую программу действий. А поскольку КПСС, СССР, Центр рассматривались в массовом демократическом сознании в качестве единого образа, постольку каждое шествие и каждая демонстрация приводили к все большей изоляции руководства страны от настроений политически активного населения. Кризис доверия власти нарастал на протяжении двух лет, последовавших за Первым съездом народных депутатов.

Он становился тем более глубоким, что после смерти А.Д. Сахарова естественным лидером оппозиции стал Б.Н. Ельцин, обладавший гораздо более развитым инстинктом политического борца.

В то же время расстановка сил, обнаружившаяся на съезде, не изменялась принципиальным образом на протяжении этого периода. Изменения состояли лишь в том, что обе стороны активизировали свои действия. Январские события 1990 г. в Азербайджане, а ровно через год — в Литве указывали на реальную опасность организации военного переворота. В конце 1990 г. Э. Шеварднадзе открыто заявил о такой возможности и оставил пост министра иностранных дел в правительстве Павлова.

Однако центральной точкой — осью — политического конфликта на всем протяжении 1990—1991 гг. остаются отношения между российскими и союзными властями, персонифицированными в фигурах Ельцина и Горбачева. Суверенитет России становится по сути дела политической платформой противостояния Центру, главные усилия которого направлены на поиск формально-правовых и общеприемлемых оснований сохранения Союза ССР в обновленном варианте. Однако эта формально-правовая сторона дела постоянно подрывалась действиями экстремистских защитников Союза, не желающих признавать политический вес вновь возникших элит и подрывающих усилия тех политиков прогорбачевской ориентации, которые пытались достигнуть компромисса. Именно в этом расколе двух линий тактического поведения по поводу сохранения Союза самое слабое место — ахиллесова пята — всего политического режима первого Президента СССР и все еще Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева.

Его политический оппонент прекрасно чувствует это и наносит удар за ударом именно в эту точку. 19 февраля 1991 г. после известных событий в Вильнюсе Б. Ельцин в публичном выступлении по Центральному телевидению отмежевывается от политики Президента СССР и призывает его к добровольной отставке. Кто знает, если бы это предложение было принято в этот момент или немного позже, может быть, Советский Союз имел бы некоторые шансы на сохранение? Но угроза распада Союза еще не воспринимается в этот момент всерьез. Тем более, что 17 марта проводится референдум о судьбе СССР, в котором принимают участие не пятнадцать, а только девять республик. 94% принимавших участие в референдуме в Казахстане высказываются за сохранение Союза; в Белоруссии поддержка составляет 83%; в РСФСР — 71%; на Украине — 70%. Никто пока еще не догадывается о том, что действия реальных политиков будут опираться не на явно выраженную волю большинства, а на молчаливое сопротивление меньшинства! Во всем массиве участвовавших в референдуме это меньшинство составило 22%. Пятая часть населения в марте 1991 г. высказалась против существования Советского Союза. Именно эта часть стала социальной опорой дальнейшего наступления Демократической России на КПСС.

В ходе этого же референдума 70% россиян высказались в пользу введения поста Президента в РСФСР — т.е. за уравнивание правового статуса руководителя России и СССР. А 12 июня этого же года — политический поезд движется поистине со скоростью самолета — выборы Президента России состоялись. Б.Н. Ельцин получил 57% голосов избирателей, следовавший за ним всегда спо-

койный Н.И. Рыжков — чуть более 17%, Жириновский вышел на третье место, получив 8% голосов. Тулеев, Макашов и Бакатин были не в счет. Они втроем собрали примерно столько же голосов, сколько один Жириновский!

Таким образом, партия Ельцина одерживает решительную победу самым демократическим образом. Что должна была бы сделать правящая партия в этих условиях? Потесниться и пойти на уступки, найти способы смягчения конфронтации. Она же поступает прямо противоположным образом: ровно через пять дней после выборов Российского Президента председатель кабинета министров Павлов требует предоставить правительству чрезвычайные полномочия, которые по сути дела должны были бы дезавуировать власть союзного Президента. Руководители всех силовых министерств поддержали своего председателя, при этом руководитель Госбезопасности Крючков публично охарактеризовал перестройку как заговор ЦРУ США и предупредил: «Если не будут приняты чрезвычайные меры, наша страна прекратит свое существование». Заметим, что прогноз был сделан за полгода до распада Союза. Возможно, что Госбезопасность уже располагала документами или проектами документов съезда Демроссии, который прошел в эти же дни и принял резолюцию о необходимости положить конец существованию последнего имперского государства на планете — СССР.

В июне—июле Горбачев предпринимает попытку сменить курс и отмежеваться от экстремистского крыла защитников сохранения Союза. Он даже принимает участие в весьма неприятной для него процедуре — торжественном вступлении Ельцина в должность Президента России. Это событие состоялось 10 июля, а через десять дней Ельцин принимает исторический Указ о департизации государственных органов, учреждений и организаций, находящихся на территории РСФСР. Попытка повернуть влево оказывается запоздалой. Ельцин все в большей мере дает понять общественному мнению и самому Горбачеву, что в России хозяин он и что его не очень-то заботит вопрос о существовании Союза.

В эти же напряженные дни, 23 июля — накануне августовского путча, — публикуется «Слово к народу» за подписью Бондарева, Распутина, Зюганова, Стародубцева и генералов Варенникова и Громова. Первый из них скоро станет известен как один из наиболее решительных путчистов. Эта публикация — еще один сигнал к консолидации правых сил.

Центристы же во главе с М.С. Горбачевым ведут свою линию рациональной политики. Подготовлены важные документы: новый, теперь уже вполне социал-демократический вариант проекта

Программы КПСС, проект Союзного договора, согласованный со всеми участниками. М.С. Горбачев остается в плену представлений о политике как искусстве возможного, т.е. он все еще полагает, что в сфере политических отношений действуют рациональные интересы.

Принятие Союзного договора означало бы перераспределение власти в пользу республиканских структур, с чем никак не хотело смириться горбачевское окружение. 18 августа ближайшие его люди пошли на осуществление странного заговора: восстание против своей же собственной власти. Восстание не имело ни лидера, ни четкого плана реализации, ни поддержки среднего звена в самом же аппарате власти. Не успев начаться, оно потерпело неудачу из-за бездарности исполнителей, с одной стороны, и решительного сопротивления Ельцина и его команды, которых «мягежники», похоже, не приняли в расчет. В результате путчисты потерпели позорное поражение, три несчастные жертвы событий на короткое время превратились в национальных героев, престиж Горбачева упал ниже самой низкой отметки, а авторитет Ельцина как спасителя демократии вырос на какое-то время до невиданных масштабов.

Б.Н. Ельцин, возглавив оборону Белого Дома, поставил путчистов перед альтернативой: либо сохранение законной власти в России и даже на какое-то время в СССР, либо массовое кровопролитие таких масштабов, которые были бы несопоставимы ни с Тбилиси, ни с Баку, ни с Вильнюсом. В этой ситуации путчисты выбрали первый вариант. Но именно путч стал решающим ударом по режиму Горбачева и попыткам сохранения целостности СССР.

Попытки изменить политический режим после августовских событий не дали существенных результатов: идею сохранения Союза Горбачев отстанвал в одиночку. Представители новых властей упивались реальным суверенитетом и стремились закрепить его каким-либо формальным способом. 8 декабря, накануне общей встречи руководителей еще оставшихся в составе Союза республик происходит историческое совещание в Беловежской пуще руководителей трех славянских стран — России, Украины и Белоруссии, которые объявляют о прекращении договора 1922 г. и о конце существования одной из мировых держав — СССР. 21 декабря поставленные перед фактом среднеазиатские республики поддерживают это решение.

25 декабря М.С. Горбачев обращается к народу с заявлением об уходе с поста Президента СССР. С момента спуска флага СССР в Кремле и подъема флага России начался новый период

русской истории, что означало радикальное изменение политического пространства и новую конфигурацию политического конфликта.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Цитируется по изданию «Тревоги и надежды». Интерверсо, 1990.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Охарактеризуйте политический режим советского общества в 70-е годы.
2. В чем заключалась политическая платформа А.Д. Сахарова в этот период? Каким образом он характеризует советское общество? В чем состояли принципиальные расхождения между позицией А.Д. Сахарова и официального руководства?
3. Как можно охарактеризовать причины перестройки, объявленной в середине 80-х годов?
4. Охарактеризуйте суть политического конфликта, развернувшегося в стране с середины 1988 г. Вскрыла ли XIX Всесоюзная конференция КПСС суть политического конфликта в стране? В чем состояло ее значение?
5. Расскажите о Первом съезде народных депутатов СССР. Какие конфликты выявились на этом съезде и после него?
6. Есть ли связь между конфликтами, обнаружившимися на Первом съезде народных депутатов СССР, и распадом Советского Союза? Если есть, то в чем она состоит?

Глава 4

ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В РОССИИ

Решив таким образом проблему суверенитета России, Б.Н. Ельцин принял меры, направленные на ускорение экономических преобразований в стране и в этих целях поручил формирование правительства Е.Т. Гайдару. Новому руководителю правительства исполнилось к моменту его вступления в должность 36 лет. К этому времени он успел закончить экономический факультет МГУ и защитить докторскую диссертацию. Аналитические статьи, с которыми выступал молодой исследователь на страницах общесоюзной печати, привлекали всеобщее внимание. Обстоятельства семейного воспитания были для него исключительно благо-

приятны. Новый премьер-министр был прямым внуком двух выдающихся советских писателей — романтика гражданской войны Аркадия Гайдара и уральского сказителя Павла Бажова. Он был весьма типичным представителем новой элиты, имевшем в традиционной советской элите достаточно прочные корни. Его экономическая подготовка обеспечивала хорошее знакомство с методами проведения реформ, преимущественно в латиноамериканских странах, и вполне определенную ориентацию на форсированный переход к рыночным отношениям.

Первым пунктом программы деятельности нового правительства стала либерализация цен. Ее осуществили методом декрета без предварительной приватизации государственной собственности, которая происходила как бы отдельно от либерализации цен.

За короткий срок, начиная со 2 января 1992 г., цены на основные предметы потребления повысились многократно. Были ликвидированы очереди как за продуктами питания, так и за иными предметами потребления. Быстро стала развиваться розничная уличная торговля в крупных городах. Создался большой слой людей, вовлеченных в торговое предпринимательство и извлекающих быстрые и огромные подчас дивиденды благодаря использованию конъюнктуры и разницы цен на товары в разных регионах страны.

Однако либерализация цен ударила по интересам большинства населения с твердыми доходами. В еще более короткие сроки произошло обесценивание годами накапливавшихся сбережений, в том числе отложенных «на черный день». Пострадавших оказалось большинство. Чтобы каким-то образом сбалансировать ситуацию, нужно было срочно повышать заработную плату, пенсии и стипендии, зарплату чиновникам и военнослужащим. Правительство вынуждено было начать печатать деньги и запустить механизм инфляции и индексации.

В идеологическом плане либерализация цен сопровождалась освобождением государства от ответственности за благосостояние граждан. В соответствии с законами капиталистической экономики был выдвинут лозунг самообеспечения, реализация которого стала средством быстрой поляризации массы населения на богатое меньшинство и бедное большинство. В качестве стабилизирующего фактора в этих условиях выступила практика раздачи приусадебных участков городским жителям. Третья часть их занялась самообеспечением с помощью личных огородов, какое-то число включилось в мелкую торговлю. Стал создаваться и слой обслуживания предпринимателей, потребности которых росли и растут огромными темпами. Все это содействовало ослаблению

социальной напряженности, но далеко не решало узловых проблем экономического роста.

В начале 1992 г. в правительство вошли те, кто был ранее в составе демократической оппозиции, а те группы населения, существование которых обеспечивалось на весьма низком уровне государственной и профсоюзной поддержкой, превратились в оппозицию. Новая оппозиция характеризовалась более высоким возрастным цензом. Преимущественно это были пенсионеры, ветераны войны, кормильцы многодетных семей. Их пытались объединить под своими знаменами две политические группировки. Во-первых, остатки партийных организаций, не желавшие изменять идеалам социализма, исключившие из рядов партии Горбачева на полулегальной XX Всесоюзной конференции КПСС «за развал партии и государства и предательство интересов трудящихся» (октябрь 1992 г.), а впоследствии и восстановившая право на существование Коммунистическая партия России во главе с Геннадием Зюгановым. Во-вторых, ухудшение экономической ситуации огромного числа семей, явное засилие иностранных товаров и быстрое обогащение новых предпринимателей с помощью валютных операций, потеря Россией статуса великой державы создавали предпосылки для распространения националистических настроений, в особенности среди тех, кто имел основание гордиться победой Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Ухудшение экономической ситуации большинства не могло не сказаться на настроениях Верховного Совета Российской Федерации, который стал проводить активную антиправительственную линию, настаивая на социальных гарантиях и мерах по социальной защите от методов «шоковой терапии», применяемых в соответствии с меркантилистскими концепциями регулирования макроэкономики. Уже в мае 1992 г. Шестой съезд народных депутатов РФ принимает резолюцию, осуждающую экономическую политику правительства как неэффективную и непригодную для России, не учитывающую специфики исторически сложившегося здесь производственного потенциала. Правительство — по сигналу Г. Бурбулиса — дружно покидает заседание съезда. Председательствующий Р. Хасбулатов бросает вслед им оскорбительную реплику: «ребята погорячились». Правительство подает в отставку. Президент ее не принимает и в том же мае 1992 г. объявляет войну законодательной власти. В этих целях им было использовано интервью газете «Комсомольская правда». «Независимая газета» выносит следующий приговор опубликованному интервью: «Президент Ельцин объявляет войну парламенту официально. Парламент отказывается верить в это».

Вскоре, однако, Верховный Совет России вполне уверовал в факт конфликта между ним и Президентом, так как на протяжении последующих полутора лет Ельцин предпринимает неоднократные попытки распустить Верховный Совет и найти легальный способ сосредоточить в своих руках всю полноту власти.

Осень 1992 г. характеризуется дальнейшей поляризацией сил. С одной стороны, активисты национально-патриотического направления открыто требуют отставки Ельцина: «Если Вам дорога Россия — уйдите в отставку», — обращаются они с открытым письмом к Президенту («Правда», 21 окт. 1992 г.). С другой стороны, Б. Ельцин во время своего визита в Англию (9–10 ноября) в Британском парламенте открыто провозглашает антикоммунистический курс и торжественно заявляет, что возврат к прошлому невозможен. В этой обстановке почти незамеченным проходит как бы незначительное событие в одном из трех балтийских государств: Демократическая партия труда во главе с А. Бразаускасом одерживает победу на выборах, в результате которой лидер «Саюдиса» В. Ландсбергис вынужден уйти в отставку.

1992 г. заканчивается некоторым перемирием: 7-й съезд народных депутатов (декабрь 1992 г.) добивается отставки Гайдара и серьезного реформирования состава правительства. Премьером становится В. Черномырдин, отличающийся хорошим знанием практики организации производства. С первых же дней своего правления Черномырдин берет курс на более умеренное проведение реформы и декларирует свою приверженность «интересам России». Декабрьский съезд принимает конституционное соглашение, выработанное совместно с Президентом. В выработке этого соглашения решающую роль играет председатель Конституционного суда В. Зорькин, выступающий против любых антиконституционных заявлений. Без Конституции, считает он, государство не существует. Даже плохая, устаревшая Конституция все же представляет собою Основной Закон страны. Тот, кто стремится изменить баланс законодательной и исполнительной власти, нарушая Конституцию, — считает Зорькин, — сам ставит себя вне закона и как бы создает предпосылки для самонизложения.

Такая позиция на какое-то время успокаивает политические страсти. Но ненадолго. Прежде всего она работает на повышение веса нового субъекта, возникшего на политической арене в качестве непростительного гостя. Поэтому уже в начале нового года обе стороны объявляют, что формула примирения, выработанная на Седьмом съезде народных депутатов, является неконституционной. Р. Хасбулатов подчеркивает значение 104 статьи Конституции, согласно которой верховная власть в стране принадлежит

Съезду. Его толкование этой статьи направлено на то, чтобы добиться подчинения исполнительной власти представительной на всех уровнях. Его идеалом в этих условиях становится «советская власть снизу доверху».

Президент же вновь жестко формулирует тезис о том, что именно Советы являются главным тормозом реформы, так как они создают ситуацию полной анархии на местах. «Всем надоели напряженность и конфликты во взаимоотношениях между органами власти. Администрация города что-то запрещает, а местный Совет — разрешает. Корень политической напряженности — полученная в наследство от прошлого громоздкая система управления, которая выступает сейчас в виде всевластия Советов», — заявляет Президент в своем выступлении по Российскому телевидению 20 февраля 1993 г. В связи с этим Ельцин выдвигает идею проведения всенародного референдума, на котором народ должен сделать выбор между ним и съездом. Расчет президентской команды почти беспроигрышный. Во-первых, они исходят из того, что Ельцин — по данным всех опросов — имеет самый высокий рейтинг среди политиков. Во-вторых, время работает против обеих ветвей власти, но против съезда оно работает в большей мере, чем против Президента. Народ уже устал от бесконечного политического словоблудия и говорильни. Люди все в большей мере начинают понимать, что важнейшим условием нормализации жизни является порядок наверху, признание хотя бы какой-нибудь власти и авторитета. По многим причинам депутатский корпус, возглавляемый Хасбулатовым, теряет влияние и авторитет. Наиболее толковые деятели высшего законодательного органа постепенно друг за другом перемещаются в президентские и правительственные структуры. Верховный Совет становится все более одиозным, упрямым и консервативным органом. Против Ельцина работает лишь боязнь возврата к единоличной диктатуре, надолго закрепившаяся в народной памяти. Поэтому резкие антипарламентские движения президентской команды вызывают настороженность в общественном мнении, колебания в пользу законодательной власти.

Маятник общественного мнения долго колеблется между двумя властями. Те, кто поддерживают Верховный Совет и Съезд народных депутатов, выступают против референдума. Те, кто за Ельцина, агитируют за референдум.

Новый виток кризиса власти был связан с сообщением Ельцина о том, что он подписал Указ о введении особого порядка управления до преодоления конституционного кризиса. Заявление было сделано в субботу вечером, 20 марта, в надежде, что за воскресенье

депутаты сумеют переварить это сообщение и успокоиться. Но этот расчет оказался ошибочным. В воскресенье собирается экстренное заседание Верховного Совета, который принимает постановление о созыве Девятого съезда с центральным и единственным вопросом «О неотложных мерах по сохранению конституционного строя Российской Федерации».

Дни работы этого съезда были, пожалуй, самыми драматичными для Б.Н. Ельцина. Конфликт двух ветвей власти и двух политических стратегий развития России проявился в эти дни с наибольшей полнотой. На субботнем заседании съезда 27 марта, ровно через неделю после президентского заявления, редакционная комиссия съезда выносит предложение о добровольной отставке как Президента Ельцина, так и Председателя Верховного Совета Хасбулатова. В этот момент Ельцин не выдерживает: он обращается к съезду с просьбой не принимать этого решения, он согласен не публиковать объявленный Указ и учесть критику в свой адрес. Но значительной части оппозиционных депутатов этого мало. Они требуют отставки Президента и со второй попытки включают этот вопрос в повестку дня.

Весьма характерным был «парад фракций» съезда в связи с новым компромиссным проектом решения, предложенным согласительной комиссией после ночных бдений с субботы на воскресенье: «Аграрный Союз» (В.Б. Исаков) объявляет о сговоре Президента и спикера и требует отставки обоих; «Рабочий Союз — реформа без шока» (Н.Д. Огородников) объявляет предложенный документ «сговором номенклатуры Верховного Совета и президентского окружения» (оскорбительным для подавляющего большинства фракций оказался пункт о сохранении социальных гарантий для депутатов при условии осуществления досрочных выборов депутатского корпуса, равно как и досрочных выборов Президента); группа «Родина» (Н.П. Казаков): «Президент не способен управлять страной»; «Левый центр» (А.Н. Адров) поддерживает Президента и идею всенародного референдума; «Россия» (С.Н. Бабурин) — за добровольный уход обоих, а если они не соглашаются, то тайное голосование — импичмент Президента; фракция коммунистов (И.П. Рыбкин) поддерживает идею добровольной отставки обеих сторон; «Свободная Россия» (М.А. Митюков) предлагает провести в ноябре 1993 г. одновременные досрочные выборы и Президента, и законодательной власти; «Смена. Новая политика» (И.В. Муравьев) — за отставку обоих; «Отчизна» (Г.М. Бенов) — немедленная отставка обоих; «Реформа армии» (В.Г. Уражцев) — за примирение обеих ветвей власти в борьбе против мафиозных группировок; «Радикальные демократы» (В.К. Варов) — за рефе-

рендум; «Согласие ради прогресса» — за референдум; «Демократическая Россия» (А.П. Сурков) — «Президент не должен идти на компромисс, это унижает его достоинство. Половина депутатского корпуса хотят довести страну до состояния Боснии и Герцеговины. Нужно провести референдум. С этим съездом достичь согласия нельзя, этот съезд идет только на разрушение»; «Суверенитет и равенство» (У.Е. Темиров) — за досрочные выборы, за разработку соответствующего закона; «Промышленный союз» (Г.Л. Смольский) — за референдум. Таким образом, из 15 фракций съезда девять вполне определенно высказались против Президента и шесть оказали ему поддержку в вопросе о референдуме.

После жарких дебатов в повестку дня съезда был включен вопрос об отставке Президента и одновременно об отставке Председателя Верховного Совета. Из 909 депутатов, принявших участие в голосовании за отрешение Президента проголосовало 617 человек, против его отрешения — 268. Но поскольку в соответствии с действовавшей Конституцией решение об отставке Президента могло быть принято лишь двумя третями от общего числа депутатов (1033), постольку решение оказалось не принятым. Для его принятия не хватило 72 голосов. Иными словами, лишь 72 голоса отделяли Россию от принятия радикальных решений, касающихся перспектив развития страны. Если при голосовании на Первом съезде народных депутатов РСФСР в июне 1990 г. политическая судьба Ельцина зависела от перевеса всего в четыре голоса при трехкратном тайном голосовании кандидатуры на пост Председателя Верховного Совета, то теперь аналогичный вопрос решался уже при преимуществе в несколько десятков голосов. В этом же туре голосования за отзыв Хасбулатова проголосовало 339 человек, против отзыва — 558. Съезд продемонстрировал явную поддержку Верховному Совету, но поддержка эта была не настолько мощной, чтобы чаша весов полностью перевесила в эту сторону. Президент Ельцин сохранил свой пост, но съезд продемонстрировал непрочность его положения при условиях действия старой Конституции и сложившемся составе депутатского корпуса.

Несколько оправившись от удара, нанесенного ему депутатским корпусом, президент Ельцин так резюмировал прошедшие события в беседе с иностранными корреспондентами: «В основе политического кризиса в стране столкновение двух непримиримых позиций относительно прошлого, настоящего и будущего России».

Судьей в назревшем споре выступил народ.

25 апреля 1993 г. 69 млн. человек из 107 имеющих право голоса приняли участие в референдуме. По вопросам, вынесенным на референдум, голоса распределились следующим образом:

Итоги референдума 25 апреля 1993 г.

Вопросы референдума	Да		Нет	
	млн.	% от участв.	млн.	% от участв.
1. Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину?	40,4	58,7	27,0	39,2
2. Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и Правительством РФ с 1992 г.?	36,5	53,0	30,6	44,6
	млн.	% от списка	млн.	% от списка
3. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации?	34,0	31,7	32,4	30,2
4. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?	46,2	43,1	20,7	19,3

На первый взгляд, итоги референдума в какой-то мере парадоксальны: проведение экономических реформ весьма болезненно задело экономические интересы значительной части населения. И все же большинство высказалось вполне определенно в поддержку правительственного и президентского курса. Этот парадокс в значительной мере объясняется отходом почти третьей части взрослого населения страны от участия в дискуссии, что свидетельствовало о политической усталости общества в целом. Этот отход в какой-то мере компенсировался и стимулировался расширением сферы частных интересов, мотивацией, связанной с занятостью, грубо говоря, на приусадебном участке: «каждый должен сам возделывать свой огород» не только в переносном, но и в буквальном смысле слова. В референдуме приняла участие более активная в политическом отношении часть населения: два человека из трех. Эта часть оказалась достаточно сильно поляризованной, 19% — почти пятая часть всего избирательного корпуса — продолжали поддерживать Съезд народных депутатов; в то же время почти треть — 31,7% — высказалась за досрочные выборы Президента.

Почти 60% от участвовавших в голосовании выразили прямую поддержку лично Ельцину и немного больше половины одобрили его экономический курс.

Таким образом, итоги референдума не поддавались однозначной оценке, в них содержался еще значительный элемент неопределенности, который мог бы быть усилен, если бы было принято во внимание мнение той части аудитории, которая уклонилась от голосования. Поэтому вопрос об интерпретации итогов приобретал по сути дела решающее значение. Президентское окружение сделало вывод о своей безусловной победе. Многие настаивали на быстрейшем роспуске съезда как средстве преодоления кризиса власти, хотя для этого не было легитимных оснований.

Позиции президентской стороны укреплялись благодаря оперативности действия: через пять дней после референдума, еще до публикации его итогов, был опубликован президентский проект Конституции. Без промедления 5 июня открылось Конституционное совещание. Сама акция сопровождалась скандальными обстоятельствами: Председатель Верховного Совета Р. Хасбулатов — поддерживавший еще два года назад Б.Н. Ельцина в его борьбе с Горбачевым — был лишен слова при активной поддержке зала и вынужден был покинуть заседание. Один из депутатов прокоммунистической ориентации, пытавшийся прорваться к трибуне, был выдворен из зала охраной: обнаружились первые, пока еще незначительные, компоненты насилия между двумя ветвями власти. Они породили озлобление, чувство оскорбленности, желание отомстить. Этот комплекс чувств стал определять дальнейшее развитие конфликта, в ходе которого взаимные оскорбления противостоящих сторон стали чуть ли не нормой поведения государственных деятелей.

В ответ на Конституционное совещание Верховный Совет созывает в последние дни июля Всероссийское экономическое совещание — он пытается опереться на директорский корпус более определенно, так как в этой среде его позиции, как показывали опросы различных организаций, были наиболее сильны. Экономическое совещание принимает строгую резолюцию: «При отсутствии у исполнительной власти России программы преобразований в интересах народа и будущего страны, одобренной высшей законодательной властью, Россия может стать сырьевым придатком мировой экономики и иностранного капитала. Разжигая политическую борьбу, исполнительная власть на деле проводит решения, отдаляющие от рынка, чреватые возвращением к методам военного коммунизма, нарушает Конституцию и законы Российской Федерации». Участники совещания, представляющие интересы трудовых коллективов, регионов, деловых и научных кругов, констатируют, что «явным источником постоянно нарастаю-

шего недовольства масс является несоответствие правительственного экономического курса интересам большинства населения, бездеятельность власти в борьбе с преступностью, коррупцией, с постоянным ростом цен и безработицы». Резолюция заканчивалась призывом к достижению народного согласия и апелляцией к интересам России.

В ответ на это Президент выступает с новым радикальным заявлением. 12 августа он объявляет о необходимости провести осенью выборы в новый парламент. «Сентябрь, — говорит он, — будет месяцем решительных действий. Если Верховный Совет не решится на выборы, то тогда Президент ему поможет, ибо Верховный Совет и Съезд народных депутатов — главный тормоз реформ». Через месяц на заседании Президентского Совета 15 сентября Б.Н. Ельцин еще раз повторяет: «Необходимо преодолеть разрушительное влияние двоевластия». В тот же день он встречается с группой радикально настроенных писателей, которые, по свидетельству прессы, «требуют от Президента решительных действий», а на следующий день выезжает под Москву для встречи с дивизией им. Дзержинского Министерства внутренних дел и объявляет о готовящемся решении возратить Гайдара на пост вице-премьера правительства.

Весьма существенно привести две оценки ситуации, данные политическими деятелями разных ориентаций.

Так, Рамазан Абдулатипов заявляет в начале сентября 1993 г.: «Конфликт уже исчерпал свой потенциал, но среди задействованных в нем людей я не вижу тех, кто способен к диалогу друг с другом. Досрочные выборы не ведут к разрешению конфликта. Наоборот, общество ожидает в этой связи новый виток конфронтации. Политики толкают общество к политической шизофрении. Взаимодействие двух ветвей власти осуществляется таким образом, что все, что предлагается одной из сторон, немедленно отвергается другой стороной» (1).

Егор Гайдар несколькими днями позже характеризует ситуацию следующим образом: «Когда мы говорим о политическом выборе, который стоит перед страной, персонификация неизбежна, но недостаточна. Сталкиваются две тенденции и два набора целей и сил. Поэтому речь не идет о том, что есть хорошие, чистые, как кристалл, члены правительства, а есть нечистые. Существует объективный расклад социальных сил, которые стоят за позицией того, и за позицией другого. Одна позиция олицетворяется министром финансов Б. Федоровым. За ним — реальные национальные интересы, историческое развитие событий. Интересы тех, кто уже понял, что инфляционный налог берут у них из

кармана. Другая позиция представлена Министерством экономики, во главе которого О. Лобов. За ним стоят интересы тех отраслевых структур, предприятий, которые действительно не могут выжить при прекращении обильного инфляционного финансирования, интересы лобби, которое должно добиваться и всегда будет добиваться для себя льгот, привилегий. И за тем, и за другим поразному структурированное общество.

Полифония власти превратилась в жесткий антагонизм различных политических сил, имеющих свои мощные позиции в структурах власти и способных парализовать любую конструктивную деятельность» (2).

В итоге сопоставления этих двух оценок можно заметить, что обе стороны конфликта признают ситуацию тупиковой. Это и явилось исходным стимулом нового витка политического конфликта, продолжавшегося с 21 сентября 1993 г. до 4 октября. 21 сентября Президент объявил Указ «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» за номером 1400. Полномочия Верховного Совета и Съезда народных депутатов прекращались, выборы в новый двухпалатный парламент назначались на 12 декабря этого же года. Сообщалось также, что после этого будут объявлены выборы нового Президента страны. Последнее было лишь тактической уловкой, выражавшей намерение чуть-чуть подсластить пилюлю. По сути дела был объявлен конец системе Советской власти. План политических преобразований, о котором Ельцин говорил после апрельского референдума, вводился в действие. Президент в своих последующих выступлениях откровенно признал, что принятые им меры выходят за рамки прав, предоставляемых ему Конституцией, но он не видит иного пути выхода из политического тупика. Возможно, что Указ 1400 был рассчитан на то, что значительная часть депутатского корпуса проявит благоразумие и сдаст свои позиции и полномочия. Часть депутатов так и поступила, но далеко не все. Главными организаторами сопротивления государственному перевороту выступили вице-президент А.В. Руцкой и Председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов. Внеочередное заседание Верховного Совета объявило Ельцина отстраненным от исполнения обязанностей в соответствии со статьей 126-6 действовавшей Конституции. Руцкой был назначен Президентом. Вслед за этим Руцкой издает Указы о смещении со своих постов руководителей всех силовых министерств и назначении на эти посты своих сторонников.

Однако действительный Президент принимает меры не декларативного, а вполне реального характера. Он отключает систему связи с Белым Домом — резиденцией парламента.

Одним из главных пунктов конфликта на этом этапе выступает вопрос о судьбе вооруженных формирований, сосредоточенных для охраны Белого Дома. Президентская сторона объявляет, что разоружение этих формирований и сдача оружия, накопившегося за период нарастания конфликта в Белом Доме, — условие ведения переговоров. Но теперь парламентская сторона закусила удила. Она приняла прокоммунистические и националистические демонстрации за поддержку всего народа и вручила полномочия по организации боевых акций и прежде всего по захвату мэрии и телестудии «Останкино» генералу Макашову — одному из претендентов на президентское кресло России, участвовавшему в избирательной кампании. В ходе этих «операций», осуществляемых «макашовцами» и «баркашевыми» — группой боевиков националистическо-фашистской ориентации — начались погромы и обстрелы объектов нападения. Появились первые жертвы.

В ответ на этот вариант развития событий Президент как Верховный главнокомандующий вооруженными силами России отдаст приказ о вооруженном подавлении очага сопротивления. 4 октября в 8 часов 30 минут начался обстрел, а затем и штурм Белого Дома. Полный контроль над зданием со стороны правительственных сил установлен к 21 часу. Хасбулатов, Руцкой, Макашов и некоторые другие лидеры сопротивления арестованы и препровождены в Лефортовскую тюрьму. Официально сообщалось, что число жертв, погибших в ходе этих событий, — несколько десятков. Многие эксперты ставят эту цифру под сомнение. Один из свидетелей на страницах «Независимой газеты» утверждал, что только в Белом Доме погибло 1400 человек.

Как бы то ни было, этот виток политического конфликта завершился *насилием*, к которому, начиная с весны 1992 г., *стремились обе стороны политического конфликта*. Разумеется, ни одна из сторон не хотела гражданской войны, хотя обе стороны обвиняли друг друга в подталкивании событий в этом направлении. Своеобразие ситуации в данном случае состояло в том, что насильственные действия, как и в августе 1991 г., оказались ограниченными центром Москвы. Президентская сторона оправдывала свои действия тем, что благодаря энергичным и быстрым мерам была предотвращена угроза гражданской войны. Другая точка зрения состоит в том, что весь цикл событий, начиная с 21 сентября и кончая 4 октября 1993 г., был эпизодом гражданской войны, порожденным победой экстремистских группировок, находящихся на крайних позициях в противостоянии обеих сторон, что огромную роль в развитии этих событий играли политические комбинации, направленные на провоцирование насильственных дейст-

вий со стороны противника. Во всяком случае, историкам еще предстоит многое сделать для того, чтобы воссоздать объективную картину произошедшего в те дни, когда автоматные очереди нарушали ночной покой города, когда жертвами событий стали многие любопытствующие, когда в милицеских участках избивали и подвергали издевательствам сотни ни в чем не повинных людей, допустивших нарушения режима комендантского часа из-за неосведомленности или по неосторожности.

Эти события ознаменовали важный переломный момент в политическом развитии России. Закончился целый период, который можно было бы охарактеризовать как период поиска демократических форм общественного устройства, основанный на стремлении преодолеть монополию на власть одной политической партии. Этот поиск сопровождался колебаниями и шатаниями, безответственностью многих политических деятелей и группировок. Подлинное или мнимое двоевластие, разрушение административной вертикали, нежелание одних инстанций подчиняться другим, короче, демократия с сильнейшим налетом анархии поставили страну на грань национальной катастрофы.

Теперь на первый план выступила задача организации и порядка, укрепления государственного начала в качестве нормы политической деятельности, а законопослушания в качестве нормы гражданского поведения.

Этот поворот в политике был закреплен 12 декабря 1993 г. референдумом по поводу Конституции и избранием новых органов законодательной власти: Государственной Думы и Совета Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абдулатипов Р. Конфликт в верхах застыл на критической отметке// Известия. 1993. 7 сент.

2. Гайдар Е. Интервью//Независимая газета. 1993. 18 сент.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. В чем причины противостояния исполнительной и законодательной власти, сотрясавшего страну в течение всего 1993 г.?
2. По каким вопросам шла борьба между двумя ветвями власти?
3. Охарактеризуйте последовательность событий, углублявших политический конфликт?
4. Может ли положение дел, сложившееся к осени 1993 г., быть охарактеризовано как тупиковая ситуация?
5. Ваша оценка сентябрьско-октябрьского кризиса власти?

6. В чем состоял политический смысл референдума о Конституции и выборов в представительные органы власти 12 декабря 1993 г.?
7. Каковы были итоги выборов в Государственную Думу?
8. Как оцениваются итоги выборов различными политическими партиями?
9. Охарактеризуйте правительственный план стабилизации политической и экономической ситуации в стране.
10. Каково в настоящее время соотношение показателей углубления кризиса и показателей стабилизации?

Глава 5

НОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АВТОРИТАРИЗМ ИЛИ ДЕМОКРАТИЯ?

При изучении трансформационных процессов, происходящих в постсоциалистических странах, в том числе и в России, необходимо прежде всего понять процесс изменения властных отношений в обществе и государстве. Именно в этом пункте мы обнаруживаем своего рода нерв всего происходящего: экономические, социальные и, тем более, политические преобразования концентрируются во властных отношениях — в системе доминирования, господства, утверждения авторитета, с одной стороны, и зависимости, подчинения, готовности к принятию авторитета, с другой. Различие между авторитарным и демократическим режимами, как показывает практика российских преобразований, состоит не в сломе властных институтов как таковых, а в создании новых способов обеспечения «доминирования — согласия», новых правил обеспечения социально-политического консенсуса между «властью» и «обществом», властью и населением.

Начальной точкой перемен во властных отношениях можно считать 1987—1989 гг. Именно в этот период были выдвинуты лозунги перестройки, демократизации, гласности, ставшие реальными стимулами преобразований. Что касается конечной точки преобразований во властных отношениях, то ее определить пока еще сложно, так как процесс этих преобразований далеко не завершен. Одна из главных особенностей переживаемого момента заключается не только в том, что характер власти и способы реализации властных полномочий изменились самым существенным образом, но и в том, что изменился сам способ функционирова-

ния и обновления власти. Именно эта сторона дела — трансформация самого процесса политических изменений — и является предметом рассмотрения в настоящей главе. Своеобразие ситуации состоит в том, что действительные изменения намного превосходят содержание исходных лозунгов и деклараций, обосновавших эти изменения, что первоначальные лозунги, как, например, «демократизация» и «гласность», были по ходу дела заменены на лозунги иного порядка, например, «построение рыночной экономики». При этом достижения и неудачи в реализации как тех, так и других лозунгов переплелись самым причудливым образом. Во всяком случае, это привело к возникновению совершенно новой ситуации, характеризующей повседневную жизнь рядовых граждан, что в свою очередь породило новые комплексы мотивации политического поведения. Особенно большое значение имели четыре основных параметра изменений:

1. Изменение механизма целеполагания, действующего на социальном уровне.
2. Преобразование политических институтов.
3. Изменение состава и установок политической элиты.
4. Формирование групп давления или «групп интересов».

Рассмотрим обозначенные выше направления преобразований более подробно.

1. ПРОСТРАНСТВО ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

Одна из основных задач (функций) любой политической власти состоит в целеполагании, суть которого заключается в декларировании общенациональных, общенародных или государственных интересов (1). Главная особенность однопартийного политического режима состояла в том, что эти интересы рассматривались в качестве объективно существующих, заданных всемирной историей и ее закономерностями. Смысл существования власти и ее оправдание состояли в том, чтобы «открыть народу» эти объективно заданные интересы и объединить общество вокруг целей, проистекающих из этих интересов. Политическое руководство страны по своему положению и статусу было призвано «знать» эти интересы и действовать во имя их осуществления. Сменявшие друг друга политические режимы послеоктябрьской советской истории различались между собою способами декларации этих интересов, методами их защиты и характером усилий, направленных на мобилизацию поддержки. Однако они не различались способом целеполагания, поскольку в основе этой процеду-

ры сохранялось притязание на знание объективной истины и вытекающей из нее всемирно-исторической задачи. Отсюда происходила весьма важная черта советской правящей элиты, которую следовало бы назвать деперсонификацией или обезличиванием. Представители руководящих слоев, особенно высшего ранга, стремились к тому, чтобы их действия воспринимались народом или общественным мнением как деперсонифицированные акции «исторического процесса», а сами они — в качестве представителей «мирового прогресса». В то же время они четко осознавали личностную неадекватность для выполнения роли подобного рода, и этот внутренний конфликт был одним из наиболее важных психологических источников блокирования рационализации процесса принятия решений.

Возникновение идеологического плюрализма и обращение к либеральным традициям социально-политического мышления привели к радикальному изменению в самом механизме целеполагания. Хотя в полемике предвыборных кампаний политические деятели продолжают апеллировать к «национальным интересам», все же в самом декларировании не наблюдается убежденности в единственно правильной точке зрения. Тем более в новых условиях невозможно охранять «единственно верную интерпретацию интересов» с помощью репрессивного аппарата. Каждая из партий вынуждена признать право на иные варианты интерпретации «интересов народа и общества» и встать на путь соревнования за голоса избирателей. Расколотый электорат стал существенной характеристикой политического процесса, который несет свою долю ответственности как за «ошибки», так и за «достижения» политического выбора. Практика систематических выборов органов власти на срок, определенный Конституцией, становится элементом гражданского общества. Она не только прививает гражданам страны чувство ответственности, но и создает фундамент для согласия между теми, кто выигрывает на выборах, и теми, кто терпит поражение. Поскольку выборы — конституционно систематическая процедура, то у потерпевших поражение сохраняется надежда на реванш в следующей кампании. Институт избрания органов властных полномочий оставляет гораздо меньше возможностей для поиска так называемых «козлов отпущения», на которых в прежние времена возлагалась ответственность за «ошибки». Как известно, это были либо «враги народа», либо «теоретики, указавшие неправильный путь стране», либо «практические политики, не сумевшие реализовать верные идеи». Учитывая это обстоятельство, вопрос о формулировании новой общероссийской идеологической доктрины, остается весьма спорным.

В ходе конституционно установленных выборов особая ответственность возлагается на электорат, осуществляющий волеизъявление самого общества и выступающий в виде противоречивого, амбивалентного, порою не отдающего себе рационального отчета в своих стремлениях и намерениях субъекта полагания собственных интересов. Эта ситуация создает новые механизмы продвижения политической элиты. Ныне элита не может быть единодушной. Входящие в нее люди должны обладать большей чувствительностью к тому, чем живут и что переживают различные слои населения страны. А это значит, что их деятельность должна быть более персонифицированной и осуществляться с большей энергией. Благодаря расширению контактов между элитой и населением в целом вся сфера политической жизни в России становится более динамичной и напряженной.

Идеологическая ситуация в России характеризуется прежде всего тем, что практически на государственном уровне отвергнуты любые варианты социалистической доктрины. Социалистическая идея рассматривается как апология (или аналогия) тоталитарного режима. Основными политико-экономическими категориями наиболее обобщенного плана выступают понятия: «реформы, которые необходимо довести до конца» и «построение рыночной экономики». В то же время с 1993 г. в оборот вовлекаются идеи «построения российской государственности», «целостности государства», повышения авторитета российского государства на международной арене. Изменились и сами методы определения национальных целей и интересов. Официальное декларирование национальных интересов России теперь фиксируется в ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (2).

Мартовское голосование в Государственной Думе (1996) относительно денонсации Беловежских соглашений еще раз подчеркнуло конфликтогенный характер российской ситуации и политического сознания правящей элиты: одна часть политического спектра стремится к отождествлению «российского» и «советского», для другой — эти понятия не могут быть объединены ни в политическом лексиконе, ни в политической практике. О противоречивом характере исходных политических установок свидетельствует и тот факт, что в массовом сознании, равно как и в сознании политической элиты, весьма распространен — вплоть до включения в Президентское послание 1996 г. — тезис о высокой цене реформ. Под влиянием «левого крыла» политического спектра идея государственного воздействия на стихию рыночных отношений получает все большую поддержку.

Для характеристики состояния массового сознания приведем

данные репрезентативного общероссийского опроса, проведенного осенью 1995 г. — за несколько месяцев до выборов в Государственную Думу — Российским Независимым Институтом Социальных и Национальных проблем (РНИСиНП) (3). (Опрос проводился в 14 регионах по квотной выборке, репрезентирующей основные группы занятости населения. Количество респондентов составило 2017 человек. Руководитель исследования академик Академии гуманитарных наук, директор института М.К. Горшков.) Главная цель опроса состояла в том, чтобы выяснить, как соотносятся между собой авторитарные и демократические установки в массовом сознании. В анкету был включен и вопрос об отношении к наиболее распространенным идеологическим доктринам. В результате были получены следующие данные:

Немного более 40% опрошенных (относительное большинство) отказались высказаться в пользу каких-либо партий и движений, которые так или иначе обозначили свои идеологические ориентации к середине 1995 г.

Остальные 60% разделились:

17% — высказались в поддержку рыночных реформ и быстрого сближения со странами Запада;

14% — поддержали коммунистов;

10,5% — высказались в пользу «русского национализма», сторонников возрождения русской нации и поиска самостоятельного русского пути;

17% — поддержали «центристов».

Как известно, выборы в Думу показали еще больший сдвиг в сторону поддержки коммунистов. На выборы пришли 64% избирателей, имеющих право голоса. По итогам выборов первое место из числа голосовавших заняла КПРФ, возглавляемая Г. Зюгановым — 22,3% голосов, на втором месте, но с большим отрывом, оказалась ЛДПР В. Жириновского — 11,2%, правящую партию НДР поддержало лишь 10,1% избирателей, пришедших к урнам для голосования. Четвертой партией, преодолевшей пятипроцентный барьер, оказалось «Яблоко» с 6,9% голосов. (Более подробная характеристика итогов выборов в Государственную Думу 1995 года дана в приложении к настоящей главе.)

Таким образом, накануне президентских выборов 1996 года массовое сознание находится в том самом состоянии, к которому стремились в конце перестроечного периода — к деидеологизации и плюрализму мнений. Либеральная идеология не смогла вытеснить стереотипы коммунистической идеологии полностью. Весьма реальной опасностью стало усиление этно-национализма, который как бы предназначен для того, чтобы прийти на смену единой идео-

логической доктрине, опираясь на поддержку религии и религиозной философии в их различных вариантах и сочетаниях. Такая тенденция имеет место на самом деле. Она поддерживается, с одной стороны, региональными настроениями, в особенности в новых и старых автономных республиках, и, с другой стороны, ностальгией по великодержавному положению царской России и СССР.

Как уже упоминалось, одна из задач опроса состояла в том, чтобы выяснить на основе ряда дополняющих друг друга вопросов степень проникновения демократических установок в массовое сознание и оценить вероятность поддержки авторитарных позиций, наблюдаемых в некоторых группах российской политической элиты.

Приведем в этой связи распределение позиций, показывающих степень согласия и несогласия с несколькими фундаментальными нормативно-оценочными суждениями, характеризующими ситуацию в России. По смыслу эти суждения носили альтернативный характер, однако, респондент мог высказываться в поддержку взаимоисключающих позиций. Так, 88% респондентов (максимальное число) соглашались с суждением «Люди должны научиться уважать закон и правопорядок. Только таким путем страна может выйти из кризиса». Однако 69,6% соглашались и с противоположным по смыслу суждением «России нужна сильная личность, которая сумеет навести порядок в обществе». (При этом только 13,3% выражают несогласие с этим суждением, что можно было бы рассматривать в качестве индикатора устойчивых демократических ориентаций.)

Вторая пара суждений звучит следующим образом: «Демократические процедуры очень важны для организации в обществе нормальной жизни; без них не обойтись» и «Демократические процедуры — выборы, парламент, свобода печати — пустая видимость. Все равно нами управляют те, у кого больше богатства и власти». Первое суждение получило поддержку 56% респондентов, второе — 73,1%.

Наконец, предлагались суждения: «В делах страны многое зависит от простых граждан» и «В делах страны ничего не зависит от простых граждан, все зависит от руководителей и политиков». В данном случае первое суждение получило поддержку 23,4%, второе — 66,1%. К этому же классу суждений относится и понимание необходимости участвовать в выборах. Признавали необходимость участия в этой демократической процедуре в качестве гражданского долга 67,2% россиян.

Как уже было замечено при сопоставлении распределений по поводу первой пары альтернативных суждений, демократические

установки россиян не исключают элементов авторитарного сознания. О распространенности авторитарных установок свидетельствует тот факт, что 46,0% опрошенных против 42,6% при 10,8% затруднившихся ответить согласились с тем, что «России сейчас нужен второй Сталин, т.е. сильный лидер и жесткие меры для наведения порядка в стране». При этом выясняется, что 48,6% отмечают сходство сталинского и гитлеровского режимов, в то время как 36,5% придерживаются противоположного мнения по этому вопросу. 49,7%, т.е. почти половина, полагали осенью 1995 г., что «в российском обществе существует возможность установления диктатуры, как, например, это было при Сталине».

Анализ полученных предпочтений позволяет сделать следующий вывод: когда речь идет о демократии вообще, то с этим согласны все или почти все. Когда же вопрос ставится более конкретно в связи с оценкой собственных обязательств, процедур и правил, без которых демократия не существует, тогда поддержка ее резко снижается. Можно сказать, что россияне воспринимают демократию как некое общее благо или ценность, но демократия как совокупность институтов пока еще воспринимается недостаточно.

Эти данные свидетельствуют о том, что массовое сознание россиян в 1995—1996 гг. характеризуется доминированием взаимоисключающих суждений, которые касаются прежде всего организации власти в обществе. В нормативном сознании россиян утвердились демократические принципы, но они не стали еще привычными навыками поведения. С большим трудом усваивается обществом процедурный аспект демократии. Поэтому демократия слабо воспринимается как инструмент решения социальных проблем общества. Авторитарное сознание и авторитарный проект развития связаны прежде всего с поиском средств выхода из кризиса, с идеями экономической и политической стабилизации. Он порожден во многом усталостью населения от инфляции, повышения цен, угрозами, проистекающими из экономической и социальной нестабильности, включая угрозу безработицы и проблемы личной безопасности в обстановке криминализации общества.

Предвидя именно такой — неопределенный — расклад мнений в связи с соотношением демократических и авторитарных установок, исследователи задались вопросом: какова цена стабилизации, которую общество готово было бы заплатить? Предлагалось высказать поддержку или неподдержку 9-ти направлениям возможной авторитарной политики, которую могли бы проводить люди «сильной руки», если бы им удалось прийти к власти. Оказалось,

что ни одна из предложенных мер не получила большинства голосов. Об этом свидетельствует следующая таблица.

Таблица 5

**Уровень поддержки мер авторитарной политики российским населением
(осень 1995) (4)**

	Да	Нет	Не знаю
1. Изъятие у части т.н. «новых русских» — современных богачей неправомерно нажитых ими состояний, даже с помощью насильственных мер	45,2	35,6	19,2
2. Упрощение процедуры судопроизводства при рассмотрении наиболее тяжких уголовных преступлений	35,0	42,7	22,4
3. Использование военных средств для преодоления конфликтов, грозящих целостности России	25,6	51,6	22,7
4. Запрещение забастовок и других массовых выступлений на переходный период	18,0	60,7	21,3
5. Приостановление деятельности парламента на переходный период и сосредоточение всей власти в руках президента и правительства	18,1	50,5	31,5
6. Военный переворот, произведенный патриотически настроенными военными с целью наведения порядка в стране	13,6	68,2	21,0
7. Отмена на ближайшие годы всех выборов	12,4	62,7	24,8
8. Запрещение деятельности политических объединений и газет, которые выступают против нынешней власти, требуют ее скорейшего устранения	10,6	68,4	21,0
9. Ограничение свободы выезда из страны	10,3	74,7	15,2

Как показывают ответы на эти вопросы, наиболее ценными завоеваниями демократии для россиян в целом оказываются открытость общества, связанная с возможностями свободного выезда за рубеж; многообразие политических ориентаций, представленное партиями, движениями и средствами массовой информации; систематические выборы в органы государственной власти. В наибольшей степени россияне готовы поступиться ради наведения порядка несправедливо нажитыми за годы реформ состояниями «новых русских», стиль жизни которых зачастую вызывает неприятие и массовое раздражение. Вместе с тем в ходе того же опроса значительная часть респондентов согласилась с формулой: «каждый имеет право

жить так, как ему позволяют доходы, и нечего считать деньги в чужом кармане». Негативную установку по отношению к тем, кто разбогател за последние годы, выразили 31,6%, позитивную — 22,5%. Еще 36,7% заявили, что они относятся к таким людям «не лучше и не хуже, чем ко всем другим». Это скорее показатели терпимости, нежели готовности восстановления равенства в нищете. Все это еще раз свидетельствует о том, что определение интересов каждого ныне не задается высшими целями общества, что и составляет новое основание для структурирования отношений власти и авторитета в обществе.

2. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Как известно, главной характеристикой советского общества была концентрация власти в едином центре, каковым было Политбюро ЦК КПСС. На протяжении целого ряда десятилетий система политических отношений не претерпевала существенных изменений не только в формально-правовом и юридическом смысле слова, но и с точки зрения личного состава обозначенного центра политической власти.

В нынешней ситуации мы имеем дело по крайней мере с четырьмя — неравноценными и невзаимозамменяемыми — центрами политической власти. В основу функционального разделения между этими органами их собственных властных полномочий положена демократическая идея разделения исполнительной, законодательной и судебной властей. Пока еще данная идея не реализована во всех ее аспектах: судебная власть, хотя и стала самостоятельной ветвью, но в то же время не получила необходимого ресурсного обеспечения, при котором она могла бы рассматриваться в качестве независимой области принятия решений.

Конституция 1993 года провозглашает идею президентской республики, и это означает на практике, что Президент Российской Федерации и его окружение оказываются доминирующим институтом политической власти. Президент возглавляет также Совет Безопасности и является Верховным Главнокомандующим. Ему подчиняется блок силовых министерств. Формально концентрация политической власти в руках одного лица напоминает прежние порядки, поэтому часто в оппозиционных средствах массовой информации президентское окружение вместе с Советом Безопасности уподобляются Политбюро ЦК КПСС. Однако наиболее существенное различие состоит в том, что приватизация и внедрение рыночных отношений открыли новые каналы социализации,

не столь тесно связанные с политическими структурами и идеологическим контролем.

Второй орган власти — исполнительная вертикаль, во главе которой находится правительство, включающее соответствующие министерства и государственные комитеты постоянного и временного характера.

Третьим центром политической власти является Государственная Дума, главной задачей которой является законотворческая деятельность. В 1995 г. был избран второй состав Государственной Думы, насчитывающий 450 человек, избранных по партийным спискам и на основе регионального представительства. Функции Думы в соответствии с Конституцией весьма существенно ограничены. Все законоположения, которые она принимает, проходят утверждение Совета Федерации и Президента РФ. В практике первой и второй Госдумы наблюдались эпизоды возвращения принятых Думой законов на повторное рассмотрение главным образом в связи с тем, что Президент обнаруживал несоответствие принятых законов конституционным установлениям или же недостаточную проработку принимаемых законов с точки зрения их ресурсного обеспечения (5).

Четвертый центр власти — это Совет Федерации, который представляет главным образом региональные интересы (6) и выполняет зачастую посреднические функции между Президентом и Думой.

Обозначенные четыре центра политической власти, как уже видно из сказанного выше, не являются равноправными структурами, политический вес этих структур существенным образом различается, идет своего рода борьба между сложившимися центрами власти за расширение их полномочий. В целом Российское государство пока еще находится на перепутье между демократическим полицентризмом власти и моноцентризмом, который могла бы представлять собою авторитарная президентская республика. Во всяком случае, в ходе предвыборной кампании за президентский пост Б.Н. Ельцин публично обнародовал своего рода идеал российской политической структуры. Главное, считает он, чтобы на вершине политической пирамиды был один человек. Российское общественное мнение, российская политическая практика не готовы, по его мнению, к парламентской республике. Политические партии, действовавшие бы в такого рода парламентской республике, быстро привели бы к расколу власти и к падению российской государственности. Весьма любопытно то, что в ходе интервью, данному руководителю одной из телевизионных программ Сванидзе за несколько недель до выборов, Президент увязал это стремление с традициями монархического строя, существовавшего в России со времени ос-

нования ее государственности вплоть до февраля 1917 г. В то же время в более весомом политическом документе, а именно в Президентском послании Федеральному собранию 1996 г., Б. Ельцин высказывает более определенную поддержку демократическим институтам власти и демократическим порядкам (2).

Обращаясь к итогам упомянутого выше опроса, приведем здесь данные о распределении политических предпочтений, связанных с симпатиями к той или иной форме правления. В анкете был сформулирован вопрос: «какая форма государственного правления наиболее желательна для России?» Голоса распределились следующим образом:

Т а б л и ц а 6

**Уровень поддержки форм политического правления
в зависимости от политических предпочтений**

Сторонники	Позиции					
	1	2	3	4	5	6
Демократов	4,0	45,6	23,0	10,3	3,6	13,5
Патриотов	11,1	20,3	31,4	6,5	13,7	17,0
Коммунистов	2,9	9,3	13,7	5,9	59,3	8,9
Центристов	6,0	27,4	38,1	9,5	3,6	15,4
Вся совокупность	5,6	25,5	24,2	7,4	15,9	21,4

Предпочитаемая форма правления:

- 1 — конституционная монархия
- 2 — президентская республика
- 3 — президентско-парламентская республика
- 4 — парламентская республика
- 5 — система Советов
- 6 — затрудняются ответить

Приведенные данные свидетельствовали о незначительном перевесе сторонников существующего политического режима. Даже среди тех, кто поддерживал коммунистов, около 10% высказались в пользу президентской республики. Однако и в пользу парламентской республики высказывалась в 1995 г. немалая часть респондентов. Это означает, что конституционный выбор, осуществленный в 1993 г., к моменту новых выборов в Государственную Думу еще не закрепился психологически. Чтобы это произошло, необходим более длительный срок действия самой этой Конституции. В то же время протест против существующих конституционных оснований власти был не настолько силен, чтобы

он мог служить источником радикального пересмотра Конституции.

Проблемы, которые переживает общество: снижение жизненного уровня, социальное расслоение, национально-этнические конфликты, криминализация повседневной жизни относятся массовым сознанием за счет слабости государственной власти, коррумпированности государственных и иных властных структур, и поэтому возникает вновь надежда на сильную авторитарную личность, которая могла бы «навести в обществе порядок», заставить всех соблюдать законы и организовать нормальную демократическую жизнь в стране. Предполагается, что сильный президент или сильная политическая рука сможет навести порядок, который задастся демократическими нормативами.

Таков был общий политический фон разворачивания новой фазы политического конфликта между основными участниками политического процесса конца 1995 — первой половины 1996 г. Для того чтобы обеспечить политическую и экономическую стабилизацию, действующей власти необходимо было одержать победу в борьбе за электорат в ходе президентских выборов.

Как известно, президентские выборы состоялись в два этапа. В первом туре — 16 июня — в борьбе за президентский пост формально участвовало восемь претендентов, но лишь двое из них могли рассчитывать на такую поддержку электората, которая делала их притязания реалистичными и даже вселяя некоторые надежды у претендентов на победу в первом туре. Во втором туре — 3 июля 1996 г. — участвовали лишь двое — действующий Президент страны Б. Ельцин и лидер КПРФ Г. Зюганов. Наиболее существенные моменты предвыборной кампании и самих выборов состоят в следующем. Во-первых, выборы состоялись в срок, определенный Конституцией, вопреки высказываниям некоторых политических авантюристов из президентского окружения и опасениям определенной части оппозиции. Во-вторых, действующая власть в максимальной степени учла ситуацию, сложившуюся после первого тура голосования. В частности, эффективной мерой явилось назначение А. Лебеда (который занял третье место в предвыборной гонке, опередив Г. Явлинского), на пост секретаря Совета Безопасности и помощника Президента по вопросам национальной безопасности. Тем самым значительная часть электората Лебеда была включена в актив президентского электората. В-третьих, в итоге второго тура была определена степень поддержки Б. Ельцина, выступавшего под знаменем продолжения реформ. За него отдали голоса 40,2 млн. избирателей из 108 млн. имевших право голоса. Это составило 53,8% от числа при-

шедших к избирательным урнам. За его оппонента Г.Зюганова проголосовало 30,1 млн. человек, что составило 40,3% голосов. «Против всех» проголосовало 4,8% избирателей, а около 32 млн. граждан, т.е. четвертая часть населения с правом голоса, не явились к избирательным урнам. В-четвертых, победа Б.Ельцина на выборах никем не оспаривалась.

Все это вместе взятое означает весьма существенный сдвиг в сторону политической стабилизации в рамках действующей в России с октября 1993 г. Конституции.

3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА

Один из наиболее важных вопросов, исследование которого позволяет определить перспективы ближайшего политического будущего, — вопрос о составе политической элиты нынешнего российского общества. В публицистической литературе и в аналитических разработках по этому вопросу сформировались две точки зрения. Значительная часть аналитиков — политологов и социологов — считают, что несмотря на все преобразования, имевшие место в стране, состав политической элиты существенным образом не изменился. Те, кто были у власти во времена Брежнева и Горбачева, остались при своих интересах и в эльцинских структурах политической власти. Английские специалисты Д. Лэйн и К. Росс (Кембриджский университет), опираясь на солидный статистический материал, характеризующий состав советской и постсоветской элит, опровергают эту достаточно широко распространенную в российских средствах массовой информации и в общественном мнении точку зрения (7). На основе эмпирического материала показано существенное обновление властных структур.

Сходные позиции занимают и некоторые российские исследователи. Так, например, Н.С. Ершова (ВЦИОМ, Интерцентр), построила свое исследование на сопоставлении примерно равных массивов советской правящей элиты (номенклатуры, статус которой зафиксирован на основании изучения архива ЦК КПСС) и российской современной элиты. Н.С. Ершова подчеркивает сходство обеих обследованных ею совокупностей: «Обе они представлены прежде всего мужчинами. В номенклатуре женщин было не более 7%, в сегодняшних же эшелонах власти их 6%». В том и другом случае наблюдаются довольно высокие показатели уровня образования и наличия ученых степеней. Что касается различий, то они состоят, во-первых, в том, что среди представителей нынешней элиты реже встречаются бывшие члены КПСС (хотя

их не так уж и мало — почти 80%), и, во-вторых, нынешняя элита все же моложе номенклатуры. «Более 80% номенклатуры старше 50 лет, из них половина старше 60. В современной же элите больше половины моложе 50, а каждый пятый моложе 40 лет». Второй важный вывод, полученный Ершовой, состоит в том, что более 60% представителей бывшей номенклатуры и сегодня занимают элитные позиции, вполне сравнимые с номенклатурными должностями советского времени. Ершова считает, что лишь 13% советской правящей элиты конца 80-х годов оказалось сегодня за пределами круга руководящих работников. При этом она выяснила, что 15% из числа бывших представителей номенклатуры владеют сегодня собственным бизнесом. Что касается новых руководящих кругов, то — по данным этого исследования — около 80% их нынешних представителей занимали элитные и «предэлитные» позиции в конце 80-х годов. И только 22% новой российской элиты действительно являются «новичками на этом празднике власти» (8).

Каков же смысл полученных данных? Можно ли считать, что данные Ершовой в большей мере подтверждают точку зрения сохранения правящей элиты, нежели позицию ее обновления? Прежде всего все исследователи единодушны в том, что происходит резкое омоложение состава «руководящих кадров», включая прежде всего депутатов Государственной Думы (в отличие от состава депутатов Верховного Совета и членов ЦК КПСС), состав Правительства, руководителей бизнеса (в отличие от состава руководителей промышленных предприятий СССР). Само по себе это «омоложение» вовсе не означает полный разрыв преемственности. Значительная часть новой элиты происходит из семей, занимавших определенное привилегированное положение в рамках прежней системы власти. Но даже и в том случае, когда речь идет об одних и тех же лицах, мы не можем не заметить существенного изменения личностных характеристик представителей новой политической элиты. В большинстве случаев ими был продекларирован разрыв с прежними коммунистическими или социалистическими установками, включая и идеи обновленного социализма, предложенного на последнем этапе горбачевских преобразований.

Совокупность институциональных изменений и достаточно радикальных преобразований кадрового состава правящей элиты (персонального или психологического) свидетельствует о весьма существенном изменении политических интересов и ориентаций правящих кругов российского общества. Эти круги видят изменения в России не в рамках альтернативы: капитализм — социализм, а на путях «обновления России», которое рассматривается

в связи с переходом к рыночной экономике и утверждением либеральных ценностей.

4. ГРУППЫ ДАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

Важное поле политической борьбы в России — перераспределение государственной собственности и формирование новых групп давления, которые стремятся к внедрению в сферу политики и принятия общегосударственных решений. Внимательный наблюдатель за тем, что происходит в России, — Томас Грэхэм, занимающий пост первого секретаря посольства США в Российской Федерации, выделил следующие группы влияния или, как он их назвал, «влиятельные кланы»:

- нефтегазовый клан во главе с Черномырдиным, основа которого — огромная газовая монополия «Газпром» и несколько вертикально входящих в нее нефтяных компаний;

- так называемая «Московская группа» во главе с Лужковым, который имеет доступ к огромному московскому финансовому и промышленному потенциалу;

- группа Коржакова — Барсукова — Сосковца, названная по имени начальника службы безопасности президента, директора Федеральной службы безопасности и первого заместителя премьер-министра, которая опирается на некоторые предприятия и ВПК индустрии драгоценных и стратегических металлов;

- аграрники, которые сохранили многое из структуры аграрно-промышленного комплекса советских времен;

- западники, сгруппировавшиеся вокруг главы администрации президента (до начала организации выборной президентской кампании 1996 г.) Филатова и первого заместителя премьер-министра Чубайса, власть которых основана на контроле над Государственным комитетом по имуществу и связях с международными финансовыми организациями» (9).

Разумеется, предложенная группировка центров экономического влияния носит приблизительный характер. Более того, со времени публикации этих соображений произошли существенные подвижки: в частности влияние группы «западников» существенно ослабло вместе с перемещением двух центральных фигур из президентского окружения и правительственных структур. В то же время более обстоятельно заявила о себе группа интересов директорского корпуса (прежде всего автомобильной промышленности), один из представителей которой — В. Каданников —

занял позицию вице-премьера вместо крайне непопулярного проводника гайдаровского варианта приватизации государственной собственности.

Более наглядное представление о группах влияния может дать сопоставление двух рядов списков ведущих политических деятелей и наиболее влиятельных предпринимателей, полученных службой «Vox Populi» (руководитель Б. Грушин) (10). Мы возьмем для сопоставления лишь верхнюю часть обоих списков и ограничимся двенадцатью первыми именами в каждом из них. В этом случае мы получаем следующий материал для сопоставления:

Т а б л и ц а 7

10 ведущих политиков и 10 наиболее влиятельных предпринимателей России (рейтинг на основе экспертной оценки на март 1996 г. по данным службы «VP»)

Политик		Предприниматель	
1. Ельцин	8,11	Вяхирев (Газпром)	8,08
2. Зюганов*	7,37	Алекперов (Лукойл)	7,00
3. Черномырдин	7,09	Тарпищев (Нац. спорт. фонд)	7,00
4. Лужков	6,81	Березовский (Логоваз)	6,94
5. Дудаев*	6,48	Гусинский (Мост)	6,86
6. Коржаков*	6,32	Ходоровский (Менатеп)	6,72
7. Селезнев*	5,70	Потанин (ОНЕКСИМбанк)	6,70
8. Примаков	5,63	Смоленский (Столичный)	6,68
9. Явлинский	5,61	Виноградов (Инкомбанк)	6,60
10. Грачев*	5,61	Бех (Камаз)	6,20

(«*» обозначает отрицательную оценку, данную соответствующим политикам со стороны экспертов при ответе на вопрос: «Было ли влияние данного политика позитивным или негативным?» Колебания этих оценок в марте 1996 г. составляло от +6,74 (Лужков) до -6,55 (Дудаев — убит 21 апреля 1996 г.). После первого этапа президентских выборов в связи с назначением А. Лебеда на пост секретаря Совета Безопасности от занимаемых должностей были освобождены Грачев и Коржаков. Силловые структуры перешли в подчинение А. Лебеда.

Важным показателем усиления групп влияния на политический процесс стало заявление 13 ведущих предпринимателей относительно предвыборной ситуации, складывающейся в стране. Ведущие деловые круги России выступили против нагнетания напряженности в ходе предвыборной кампании и необходимости следовать конституционным нормам. Независимо от того, чем закончатся выборы нового президента страны, можно констати-

ровать ряд необратимых изменений в структуре власти и в методах разрешения конфликтных ситуаций. Прежде всего образование частного капитала открыло новые каналы социализации достаточно независимые от идеологического контроля и идеологической индоктринации. В то же время российский крупный финансовый и промышленный капитал сформировался при решающей поддержке политического патронажа. Он не вырос «снизу» на базе свободной конкуренции и свободного рынка. Теперь группы финансовых и деловых интересов хотели бы добиться определенной независимости от политического патронажа и продемонстрировать в этом отношении свои возможности. Но под лозунгом перехода к рынку была осуществлена не столько поддержка свободного предпринимательства и свободной конкуренции, сколько переход к открытым формам бюрократического капитализма, при котором осуществляется не столько союз политического и экономического капитала, сколько взаимопроникновение новой бюрократии, которая сохраняет за собой контрольные пакеты акций, и вновь возникающей экономической элиты. При этом объединение этих групп влияния происходит под флагом формирования и защиты национальных интересов России.

Используя литературные сравнения, можно утверждать, что переходный период в России оказался более сложным, нежели объединение брачной церемонии и похорон в одном событии. Действительно, «порвалась дней связующая нить», и действующие лица, стремящиеся восстановить «нормальный образ жизни», сами находятся в ситуации раскола и амбивалентности. Как мы видели по итогам опроса, многие хотели бы вновь «переделить собственность, нажитую несправедливо в смутное переходное время». Но сами критерии справедливости становятся все более неопределенными и неустойчивыми. Поэтому возникает иное отношение и к «новым русским», выраженное формулой «не надо считать деньги в чужом кармане». Между собою, как это бывало уже не раз в истории России, сталкиваются разные представления о справедливости и разные концепции рациональности. Поэтому сами по себе аргументы рациональной логики не получают поддержки в массовом сознании.

Такого рода ситуации чрезвычайно опасны, и признаки такой опасности можно наблюдать повсюду. Следствие таких настроений и одновременно их результат — катастрофические прогнозы относительно будущего России (11). Однако реалистическое социологическое мышление не должно игнорировать и иной стороны дела — рождения как бы из хаоса новых элементов жизни, не связанных с защитой ушедших в прошлое политических

структур и соответствующих властных отношений и не задавленных меркантильными интересами, основанными на упрощенных концепциях рынка и «экономического человека». В сфере политики эти элементы новой жизни сопряжены с претворением в жизнь идей и практики рефлексивной политики (12).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., напр., Galtung J. *Geopolitics after the Cold War: an Essay in Agenda Theory//The International System after the Collapse of the East-West Order*. Dordrecht, 1994, p. 198–208.

2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «Россия, за которую мы в ответе. О ситуации в стране и основных направлениях политики Российской Федерации» от 23 февраля 1996 года. Москва, 1996. Это третье Послание Президента. Оно содержит Введение, гл. 1 «От революции к перестройке», гл. 2 «Время Новой России», гл. 3 «Завтрашний день России». «Проблема выживания России, — заявляет Президент, — состоит в возрождении российской государственности» (с. 21).

3. Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов: Аналитический доклад по заказу московского представительства Фонда им. Фридриха Эберта. Российский Независимый Институт Социальных и Национальных проблем. Москва, январь, 1996.

4. Формулировка вопроса предложена В.В. Петуховым (РНИСиНП).

5. Из 400 законов, принятых Федеральным Собранием первого созыва, только 298 были подписаны Президентом и стали таким образом действующими законами. 15 законов были отклонены по соображениям финансового характера (Аналитический бюллетень Аналитического Центра Совета Федерации. Москва, 1996. № 2 (26). С. 11).

6. Около 5 лет назад государственные расходы были разделены между Центром и регионами в пропорции 60:40. Теперь эта пропорция составляет 40:60 (Президентское послание. С. 27).

7. См.: Lane D. *Soviet Elites, Monolithic or Polyarchic?//Russia in Flux. The Political and Social Consequences of Reform*/Ed. D. Lane. Edward Elgar PC, 1992.

8. Ершова Н.С. Трансформация правящей элиты в условиях социального перелома//Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. Международный симпозиум 17–19 декабря 1993 г. М., Интерпракс, 1994. С. 151–155. Данные, к которым обращается Н. Ершова, анализируются также в публикациях: Головачев Б., Косова Л., Хахулина Л. Трансформация правящей элиты в России//Экономические и социальные перемены. Мониторинг Общественного мнения: Информационный бюллетень. М., 1965. № 6 (20); 1966. № 1 (21); Головачев Б., Косова Л. Ценностные ориентации советской и пост-советской элиты//Куда идет Россия? Международный симпозиум 15–18 декабря 1994 г. М.: Аспект Пресс, 1995. Все эти публикации — составная часть международного проекта «Социальная стратификация в Восточноевропейских странах после 1889», возглавляемого И. Зелени и Д. Трейманом (I. Seleny and D. Treiman, University of California, Los-Angeles). Ответственным организатором российской части проекта является Л. Хахулина. В 1996 г. появились также публикации про-

екта «Изменения в системах стратификации в современной России», возглавляемого О.И. Шкаратаном («Мир России», 1995. № 3/4. Москва, 1995).

9. Грэхэм Т. Новый Российский режим//Независимая газета. 1995. 23 ноября.

10. Представленные два списка — результат объединения двух публикаций: «Сто ведущих политиков»//Независимая газета. 1996. 2 апр. и «50 ведущих предпринимателей» (Интерфакс АиФ. 1996. 1 апр.).

11. См., напр.: Реформация России: мифы и реальность/Под ред. Г.В. Осипова. Институт социально-политических исследований РАН. М., 1994.

12. Здравомыслов А. Рефлексивная политика и катастрофическое мышление//Становление институтов гражданского общества: Россия и международный опыт. Материалы международного симпозиума, проведенного РНИСиНП. М., 1995.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Охарактеризуйте изменение механизма формирования общенациональных целей, произошедшее за последние несколько лет.
2. Каким образом Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 г., фиксирует распределение полномочий институтов центральной власти?
3. Что такое политическая элита? Каковы основные точки зрения относительно состава новой политической элиты в России?
4. Как связаны между собой политические и экономические интересы на общероссийском уровне? Что такое группы давления?
5. Охарактеризуйте состав политических лидеров в России в ходе президентских выборов 1996 г.? Каковы были позиции основных претендентов на пост Президента России? Каковы главные итоги выборов? Как связаны между собой выборы во вторую Государственную Думу и президентские выборы — что между ними общего и чем они отличаются?
6. Ваша оценка перспектив политической и экономической стабилизации России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИТОГИ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ, ДЕКАБРЬ 1995 г.

Число избирателей в РФ — 107 496 558

Принявших участие в голосовании — 69 204 819

Итоги (% от числа, принявших участие в голосовании):

1. Женщины России	4,61
2. «Держава» — Рушкой	2,57
3. «Дума-96»	0,08
4. «Преображение Отечества»	0,49
5. «Тихонов—Туполев—Тихонов»	0,15
6. «Российское общенародное движение»	0,12
7. «Общероссийское мусульманское движение — НУР (Свет)»	0,57
8. Федерально-демократическое движение	0,12
9. Блок: партия защиты детей	0,21
10. Межнациональный союз	0,06
11. «Стабильная Россия»	0,12
12. «Поколение Рубежа»	0,06
13. «Мое Отечество»	0,72
14. «За Родину»	0,28
15. «Общее дело»	0,68
16. «Блок независимых»	0,12
17. НДР	10,13
18. «Памфилова»	1,6
19. «Яблоко»	6,89
20. «Вперед, Россия»	1,94
21. «89 регионов»	0,06
22. Кедр	1,39
23. ДВР	3,86
24. ПРЕС	0,36
25. КПРФ	22,30
26. Блок С. Говорухина	0,99
27. Ассоциация адвокатов	0,35
28. НРПР	0,48
29. Социал-демократы	0,13
30. «Власть — народу!»	1,61
31. КРО	4,31
32. Профсоюзы и промышленники	1,55
33. ЛДПР	11,18
34. Предвыборный блок — Партия защиты пенсионеров	0,47
35. Партия самоуправления	3,98
36. Коммунисты — «Трудовая Россия» — за Советский Союз	4,53
37. Любители пива	0,62
38. Блок Ивана Рыбкина	1,11
39. ПЭС	0,19
40. Партия «Народный Союз»	0,19
41. Аграрная партия России	3,78
42. ХДС	0,28
43. Союз работников жилищно-коммунального хозяйства	0,14
44. Против всех	1 918 151

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возможен ли гражданский мир в России?

В первой части книги мы выделили и проанализировали фундаментальные проблемы социологии конфликта и рассмотрели, как сложилось обозначенное в заголовке книги направление. Мы обнаружили, что, казалось бы, абстрактные построения социологической теории имеют прямое отношение к анализу российского кризиса 90-х годов. Современная социология конфликта приходит к выводу об ограниченности классового подхода, а более широко — о неприменимости любых двухмерных оппозиций при анализе современных конфликтных ситуаций. В западной социологической литературе этот вывод был сделан в конце 50-х годов благодаря Р. Дарендорфу применительно к развитым индустриальным капиталистическим или демократическим странам. Но при оценке международной ситуации биполярное мышление сохранялось гораздо дольше и, более того, сохраняется и до сих пор. Распад «социалистической системы», а затем и СССР стали, по сути дела, практическим опровержением этого биполярного мышления. Разумеется, пока еще многие аналитики склонны рассматривать произошедшее в терминах победы капитализма или демократии и поражения социализма и тоталитаризма соответственно. Однако анализ ситуации позволяет нам сделать вывод о многомерности происходящих перемен, обусловленных многомерностью и многоаспектностью внутрироссийского кризиса. Поэтому и конфликты в российском политическом пространстве оказались гораздо более многоплановыми.

Наиболее эффективной для анализа преобразований оказалась теория четырех полей политического пространства, на каждом из которых сталкиваются противостоящие силы. Напомним, что этими четырьмя полями мы обозначили: конституционный процесс, процесс изменения отношений собственности, взаимоотношения регионов и Центра, связанные с реализацией новых принципов

федеративного устройства, способ вхождения России в мировое экономическое и цивилизационное пространство. Это означает, что противостояние политических сил разворачивается не на основе поляризации вдоль одной разделительной линии, но на основе дифференциации и перекрещивания самих полей политического пространства. Политический анализ, таким образом, окрашивается не в два цвета, а в крайней мере в восемь цветов. На каждом из полей политического пространства идет «своя игра», которая в какой-то части совпадает, а в какой-то — не совпадает с тем, что происходит на соседних полях. Отсюда столь быстрые темпы изменения политической ситуации и необходимость внимательного изучения содержательной наполненности каждого из периодов или этапов политических изменений. В нашем анализе мы выделяем такие вехи, как XIX Всесоюзную конференцию КПСС, Первый съезд народных депутатов СССР, Первый съезд народных депутатов Российской Федерации, референдум об избрании российского Президента и о сохранении СССР, августовские события 1991 г., декабрьские дни этого же года, ознаменовавшие конец существования СССР, либерализацию цен января 1992 г., Девятый съезд народных депутатов России, октябрьский кризис 1993 г., декабрьский референдум о Конституции и выборы в новые органы законодательной власти, выборы во второй состав Государственной Думы (декабрь 1995 г.), два тура президентских выборов (июнь — июль 1996 г.).

Каждое из этих событий не было запрограммировано и предопределено заранее, каждое из них могло бы разворачиваться иначе, чем оно произошло. Для понимания происходящего важно иметь в виду и то, что *каждое из событий* не только было результатом игры на соответствующих полях политического пространства, но и *само становилась причиной* того, что последующие события развивались именно так, а не иначе. Каждое из событий имело социально-политические последствия нескольких видов: во-первых, каждое из них разрешало так или иначе определенный комплекс конфликтных ситуаций, накапливавшихся на предыдущем этапе; во-вторых, оно производило определенную селекцию в политической элите, предоставляя одним большие возможности для участия в политической деятельности и ограничивая или просто вышвыривая других из соответствующих полей политического пространства; в-третьих, само событие становилось источником мотивации: отношение к нему делило людей на более активных и более пассивных, скажем, на участников защиты Белого Дома, сторонников роспуска Верховного Совета РФ и посторонних наблюдателей. Сама оценка событий в сознании отдельного чело-

века могла меняться, но событие при этом оставалось центром психологической фокусировки, организуя политические амбиции, притязания, ожидания и разочарования в гораздо большей степени, нежели ценностные ориентации, сложившиеся на предыдущих этапах социализации личности.

Прошедшие несколько лет показали, что политическими процессами не управляют некоторые вечные законы политической борьбы и противостояния «сил». Сами процессы выступают как результирующие определенных событий, в реальном развертывании которых имеется весьма большой запас неопределенности. Причина этой неопределенности — многогранность «снимаемого», разрешаемого, преобразуемого в данном событии конфликта или серии конфликтов. В новой ситуации — после свершившегося события — предшествующие конфликты продолжают свое существование, но уже в иной форме. Возникают новые приоритеты и новые узлы взаимоотношений. Какие-то из них обостряются, стимулируя новые события и новые повороты живого исторического процесса.

Конфликтно-событийное понимание происходящего выдвигает новые требования к теоретическому и практическому, прикладному знанию. Предлагаемая точка зрения отвергает притязания теоретического разума на сведение частного к общему. Она демонстрирует несостоятельность стремления открыть и сформулировать некоторые общие объективные законы происходящего. Она подчеркивает *роль субъектности*, а следовательно, оставляет достаточно большое место для непредсказуемости свершающегося. Но это вовсе не следует понимать как отрицание знания и отказ от задачи интеллектуального постижения действительности, ее рационализации под различными углами зрения. Задача интеллектуального постижения действительности оказывается актуальной, но не завершенной и не завершающейся. Она осуществляется в постоянном *дискурсе*, требования которого определяются тем, что само социологическое знание и социологический дискурс оказываются частью современной культуры. Социология вообще и социология конфликта в частности не просто черпают из культурного наследия человечества, они вносят свой вклад в состояние общечеловеческой мысли, превращаясь в важную часть мирового интеллекта.

Подводя итоги сказанному выше, необходимо также обратить внимание на *темпы изменения* политической ситуации в России. Последняя глава второго издания заканчивалась декабрьским референдумом и выборами в новые органы законодательной власти 1993 г. За прошедшие с этого момента почти три года многое изменилось. Наметились первые признаки стабилизации обста-

новки. К числу этих признаков следует отнести согласие всех политических сил действовать в рамках Конституции. На этом основании состоялись выборы в новый состав Государственной Думы и президентские выборы 1996 г. Это означает, что вполне возможно окончание борьбы на одном из полей политического пространства — на самом важном конституционном поле. Не исключено, что таким образом создаются предпосылки и для стабилизации на трех остальных полях: в области приватизации, во взаимоотношениях Центра и регионов и в решении проблем, связанных с вхождением России в мировое цивилизационное пространство.

Обнадеживающими факторами стали укрепление позиций СНГ, заключение ряда договоров между Россией и вновь образовавшимися после распада СССР странами, прекращение кровопролитных столкновений в зоне осетино-ингушского конфликта.

Немаловажными факторами стабилизации выступают успокоение в зоне грузино-абхазского конфликта и введение в эту зону миротворческих сил России с общего согласия сторон и международной общественности. Пока еще сохраняются горячие точки в связи с армяно-азербайджанским конфликтом и в Таджикистане. Однако даже в этих регионах накал страстей спал. Все яснее обнаруживается, что вооруженные конфликты истощают силы их участников и что борьба за повышение статуса не стоит тех жертв, которые возлагаются на этот алтарь.

Некоторое умиротворение благоприятно сказывается и на экономическом положении страны. Президентская власть и правительство получили возможность заняться реализацией экономической программы и наведением порядка в борьбе с бандитизмом и преступностью.

Однако вся совокупность наметившихся позитивных сдвигов пока еще не дает оснований для успокоения. Темпы инфляции снизились, но сами инфляционные процессы не остановлены полностью, жизненный уровень большей части населения продолжает снижаться, хотя и не так быстро, как во времена гайдаровского правления, увеличивается угроза безработицы, падение производства замедлилось, но благотворный процесс инвестиций, способный привести к оздоровлению российской экономики, пока еще не начался.

В этой связи возникает законный вопрос: насколько прочными оказываются в настоящее время тенденции к стабилизации? Ответ на него во многом определяется тем, каковы будут взаимоотношения в высших эшелонах власти. Сможет ли вновь воспроизвестись конфликт между законодательной и исполнительной властью? Судя по обстановке, сложившейся в Государственной

Думе и Совете Федерации, такое развитие событий маловероятно. Урок прежних отношений между президентской властью и Верховным Советом не прошел даром. В стенах законодательных органов реже озвучиваются экстремистские заявления, и лидеры партий начинают все в большей степени осознавать, что экстремизм ни слева, ни справа не приносит политических дивидендов. Несколько более умеренной стала и тональность выступлений прессы.

Разумеется, это еще не означает полного успокоения на политическом поприще и введения политического процесса в нормальное русло. Здесь необходимо включение культурных факторов, признание правил политического поведения не на словах, а на деле, необходимы шаги, направленные на усвоение новой системы ценностей и практический переход к рефлексивной политике. Разумеется, нельзя при этом ни на минуту забывать о точках социальной напряженности, которые могут перерасти в открытые конфликты. Три позиции имеют здесь первостепенное значение. В области внешнеполитических отношений — взаимоотношения России и Украины, во внутренней обстановке — ухудшение экономической ситуации и дальнейший рост преступности.

24 июня 1994 г. в передаче по радио «Свобода» Б.А. Грушин задал аудитории несколько вопросов, имеющих прямое отношение к теме этой книги: возможен ли гражданский мир в России? Возможна ли гражданская война? Как охарактеризовать российское общество? На первые два вопроса автор передачи ответил отрицательно, хотя аналитикам еще предстоит решить сложную задачу — дать оценку чеченской войне. Для ответа на третий вопрос он обратился к Гоббсу, изложением взглядов которого начинается эта книга. «Война всех против всех» — вот то состояние, к которому пришла Россия к середине 1994 г. При этом главный аргумент, выдвигавшийся известным социологом против тех оппонентов, которые высказывали более оптимистические оценки, состоял в том, что они стремятся выдать желаемое за действительное. Реальность российской действительности состоит в том, как считает Б.А. Грушин, что а) разрушились механизмы государственного воздействия на людей, что и приводит к так называемому естественному состоянию; б) в этих условиях гражданский мир невозможен, так как активные субъекты социальных преобразований имеют разные интересы, руководствуются разными системами миропонимания, ведут страну одновременно в разных направлениях; в) гражданская война сейчас также невозможна, так как конфликт носит многоглавый, а не двуглавый характер. Общество рассечено множеством конфликтных

линий, что не позволяет ему поляризоваться и занять позиции по разные стороны одной баррикады.

Опираясь на то, что сказано в этой книге, можно было бы следующим образом прокомментировать позицию Б.А. Грунина: значительно раньше Гоббса жил еще и Аристотель, утверждавший, что человек есть существо общественное, способное к сотрудничеству, что сотрудничество есть естественная потребность человека. Фетишистские формы сознания, в том числе и жажда наживы, не могут полностью устранить этой естественной потребности человека: конфликтные отношения, хотя они и являются клеточкой общественной жизни, не уничтожают форм сотрудничества между людьми. Суть человеческого отношения к конфликтам состоит в том, что люди способны его осмысливать, извлекать уроки из своего собственного опыта, *переоценивать собственные интересы*. Именно такая задача стоит сейчас как перед российским обществом, так и перед каждым отдельным человеком, тем более перед политическим деятелем. Следовательно, напряженность и конфликтность, которые переживаются обществом, сопряжены с задачами переосмысления собственной судьбы, собственного бытия, собственных интересов. Если это так, то картина не столь безнадежна. Способность к выработке *рефлексивной политики* как раз и означает мобилизацию усилий, направленных на преодоление тупиковых ситуаций и на недопущение насильственных методов разрешения конфликтов. Это, в свою очередь, означает, что гражданский мир возможен, что противостоящие в конфликте стороны способны пойти на самоограничение в борьбе за власть, избирая лишь цивилизованные методы воздействия на своего противника или оппонента. Разумеется, возможность гражданского мира не означает его неизбежность. Не исключено, что для того чтобы дорасти до понимания этих простых истин, российские политики еще и еще раз потеряют самоконтроль и спровоцируют друг друга на насилие. Что касается соображений о невозможности гражданской войны, то, во-первых, следует признать, что элементы такой войны уже были продемонстрированы, но они не получили и скорее всего не могли получить поддержки. Во-вторых, этот вопрос решает вся Россия, а не политическая элита, сконцентрированная даже не во всей Москве, а в районе Лобного места. А российское население, ощущая опасность кровавых столкновений, отказывает в своей поддержке двум группам политиков: тем, кто готов к экстремистским действиям, и тем, кто уже дискредитировал себя в не столь далеком прошлом.

В завершение несколько слов о характере прикладного знания. Распространение социологии как науки приводит к выводу:

прикладное знание не может быть сведено к пресловутым рекомендациям и советам — что нужно и что не нужно делать. Опираясь на теоретические разработки, на дискурс, предметом которого является меняющаяся жизнь человечества как сообщества народов и индивидов, прикладное знание предлагает свои аналитические разработки практическому политику, менеджеру, предпринимателю, лидеру и рядовому участнику общественно-политических движений.

В данном случае можно сформулировать по меньшей мере *шесть правил* разрешения политического конфликта — и эти варианты должны учитываться в текущей политической практике.

Во-первых, страна не может долго существовать в ситуации двоевластия или безвластия, так как обе эти ситуации продуцируют конфликты. Ухудшение экономического положения и кризис экономики — это не следствие объективных противоречий. Скорее это результат конфликта властей, который имеет тенденцию захватывать все новые и новые сферы деятельности человека; в этих сферах конфликт власти и авторитета постоянно воспроизводится, благодаря чему создается база конфликта, представляющаяся обыденному сознанию в перевернутом виде: причина представляется неискнутому мышлению следствием, а следствие причиной.

Во-вторых, большая часть современных конфликтов, как политических, так и национально-этнических, связана с проблемой статуса. Следовательно, для их разрешения необходимо вести поиск переформулировки соответствующих статусных взаимоотношений, который есть одновременно и способ переосмысления интересов каждой из сторон, участвующей в конфликте.

В-третьих, необходимо, как показывает практика, обдумать вопрос об изъятии вообще предмета конфликта или о преуменьшении его значения в глазах конфликтующих сторон, добиваясь расщепления конфликтных ситуаций. Необходимо исходить из того, что любое обобщение или генерализация ведет к углублению конфликтной ситуации и превращению ее в тупиковую, в то время как любое расщепление конфликта, выяснение его частных сторон ведет к уменьшению напряжения. При этом следует проводить практическое различие между, с одной стороны, кризисной ситуацией, которая может быть результатом нормального разворачивания конфликта в силу роста и развития организма или системы, и, с другой стороны, тупиковой ситуацией, которая создается обеими сторонами конфликта благодаря тому, что они избирают именно этот путь развития, — путь, сопряженный с применением насилия и вызывающий, следовательно, к реваншу, возмездию, отмщению.

нию. В разрешении тупиковых ситуаций особенно важно соблюдение правил, в соответствии с которыми идет переговорный процесс, хотя и сами эти правила могут быть предметом переговоров.

В-четвертых, конфликтующие стороны могут прийти к быстрому соглашению в том случае, когда они почувствуют опасность, угрожающую им извне, либо когда они начинают ощущать ущерб от развертывающегося конфликта.

В-пятых, консолидация может происходить и в том случае, когда осознается угроза внутреннего распада, которая порождается, как правило, поведением экстремистских, радикальных групп, действующих внутри каждой из сторон. Важно в ходе переговорного процесса не допустить доминирования радикально-экстремистских группировок и методов их действия, так как они, как правило, стремятся подорвать договоренности, достигаемые путем взаимных уступок и представить эти уступки в качестве односторонних.

В-шестых, в практике переговорного процесса все большее внимание привлекает презумпция уступки меньшинству или возмещения ущерба потерпевшей стороне.

Разумеется, свод такого рода правил может быть продолжен. Но дело в том, что сами эти правила не усваиваются из книг. Их соблюдение есть результат политической мудрости, с одной стороны, и культуры социологического мышления, с другой.

*Москва, 18 мая, 1996 года.
А.Г. Здравомыслов*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абалкин Л. 118, 252, 253
Абдулатинов Р. 280, 283
Адорно Т. 145
Адров А. 276
Алекперов В. 298
Александр Д. 45
Александр III 32
Алкснис С. 265
Андерсон Б. 232, 247
Андреева Н. 166, 256
Андреев С. 116
Аристотель 20-24, 27, 43, 44, 213, 221, 308, 315
Арон Р. 163, 167, 214, 246
Арутюнян Л. 204
Афанасьев Ю. 261
Ахнезер А. 231, 247
- Бабурин В. 276
Бажов П. 272
Бакатин В. 269
Бакланов Г. 252, 256, 257
Барсуков М. 297
Белкин В. 43
Бендикс Р. 48
Бенов Г. 276
Березовский Б. 298
Берия Л. 199
Бех Н. 298
Бирюков В. 263
Бондарев Ю. 252, 256, 269
Бородин Ф. 16
Боулдинг К. 77, 99
Бразаускас А. 274
Брежнев Л. 140, 295
Бурбулис Г. 263, 273
Бурдые П. 18, 221, 224, 235, 246, 247
- Валлерштейн И. 77, 221
Варенинков В. 269
Варов В. 276
Вебер М. 17, 45-50, 54, 69, 76, 108, 160, 161, 168, 213, 217-219, 221, 233, 246, 315
Веблен Т. 210
Весоловский В. 132
Вико Д. 213
Виноградов В. 298
Владимиров Н. 204
Высоцкий В. 140, 141
Вяхирев Р. 298
- Гайдар А. 272
Гайдар Е. 117, 169, 271, 274, 280, 283
Галтуни Й. 300
Гамсахурдия З. 194, 197
Гегель Г. 82, 218, 219
Геллер Э. 232, 247
Гидденс А. 28, 77, 79, 99, 221, 230, 247
Гитлер А. 144
Гоббс Т. 21-25, 27, 43, 44, 213, 307, 308, 315
Головачев Б. 300, 301
Гольдман П. 204
Гомер 20
Горбачев М. 95, 115, 165, 188-190, 251, 252, 254, 256-270, 272, 279, 295
Гордон Л. 16, 178
Горшков М. 288
Грачев П. 298
Громов Б. 269
Грушин Б. 247, 298, 307, 308
Грэхем Т. 297, 301

- Гусинский В. 298
 Гэллнер Э. 232, 247
 Давыдов Ю. 246
 Дарендорф Р. 17, 28, 45, 46, 67-72, 74-76, 81, 121, 246, 303, 315
 Демирчян К. 181
 Держинский Ф. 280
 Дмитриев А. 99
 Дудаев Д. 193, 195, 298
 Дудченко В. 16
 Дудченко Л. 16
 Дюркгейм Э. 17, 45, 46, 50-54, 75, 76, 82, 315
 Ельцин Б. 166, 188, 190, 195, 239, 252, 254-256, 258, 259, 261-263, 267-271, 274-281, 293-295, 298
 Евангелие 158, 161
 Ершова Н. 295, 296, 300
 Жиринковский В. 192, 269, 288
 Зайцев А. 16, 178
 Заславская Т. 8, 43, 132, 204
 Заславский В. 204
 Зелени И. 301
 Здравомыслов А. 43, 75, 99, 204, 247, 301
 Зиммель Г. 77
 Зорькин В. 274
 Зюганов Г. 269, 273, 288, 295, 298
 Исаков В. 276
 Каганский В. 204
 Каданников В. 298
 Казаков Н. 276
 Каплюу Т. 43
 Кесельман Л. 43
 Козер Л. 77
 Колбин Г. 181
 Конт О. 163, 164
 Коржаков А. 297, 298
 Коротич В. 252, 257, 258
 Косова Л. 300, 301
 Кравчук Л. 188
 Крайко А. 263
 Крисберг Л. 78, 82, 99
 Кржижановский 193
 Кромптон Р. 78
 Крючков В. 269
 Кудрявцев В. 6, 8, 99
 Кудрявцев С. 99
 Кунаев Д. 181
 Ландсбергис В. 197, 274
 Лapidус Г. 204
 Лапин Н. 8, 127, 132
 Лантев И. 252, 257
 Лебедь А. 295, 298
 Лейн Д. 39
 Лигачев Е. 166, 252, 254-256
 Линдгрен С.-О. 247
 Лобов О. 281
 Лондон Дж. 29
 Лужков Ю. 297, 298
 Лукьянов А. 264
 Лэйн Д. 295, 300
 Макашов А. 269, 282
 Макпавелли Л. 213
 Манштейн К. 221
 Мансур 193
 Маркс К. 27, 44, 45, 54, 68, 70, 72, 76, 163, 164, 213, 217-219, 21, 246
 Мень А. 159, 161, 167
 Мертон Р. 78, 209, 211, 212
 Мешалкин Е. 265
 Митчерлих А. 145, 147
 Митчерлих М. 145, 147
 Митюков М. 276
 Моисей 61
 Монсон П. 247
 Муравьев И. 276
 Мэйо Э. 30, 44
 Назарбаев Н. 186
 Николай II 32
 Нуйкин А. 115
 Обершелл А. 31, 32, 43, 78, 99
 Оболенский А. 262, 263
 Огородников Н. 276

О'Дэа Г. 167
 Ожиганов Э. 204
 Ошников Л. 204
 Орлов А. 43
 Осипов Г. 301

 Павлов В. 268
 Парето В. 45
 Парсонс Т. 17, 45, 46, 54-62, 68,
 72, 75, 76, 82, 315
 Пастернак Б. 153
 Петрушенко Н. 265
 Петухов В. 300
 Платон. 21, 221
 Поляничко В. 195
 Покровский Н. 8
 Попов Г. 166, 261
 Потанин В. 298
 Пригожин А. 212
 Примаков Е. 298

 Радаев В. 132
 Разумовский Г. 252, 258
 Раннопорт А. 78, 99
 Распутин В. 269
 Рекс Д. 77
 Рисмен Д. 29
 Росс К. 39, 295
 Рузвельт Ф. 30
 Рул Д. 78
 Румянцев О. 239
 Рункон А. 281, 282
 Рыбаков А. 256
 Рыбкин И. 276
 Рыжков Н. 118, 253, 261, 269

 Сахаров А. 165, 248-251, 261, 262,
 265-267, 271, 317
 Селещев Г. 298
 Смит А. 169, 170, 178
 Смедсер Н. 17, 45, 46, 62-67, 75,
 76, 104, 157, 167, 217, 315
 Смоленский А. 298
 Смольский Г. 277
 Согомонов А. 246
 Солженицын А. 146
 Соломенцев М. 258
 Сорокин П. 77, 80, 99, 220, 232,
 246, 247

Сосковец О. 297
 Соснин В. 99
 Сталин И. 125, 143, 166, 290
 Старовойтова Г. 261
 Стародубцев В. 269
 Сурков А. 277

Таршинцев Ш. 298
 Темиров У. 277
 Тернборн Г. 246
 Тилли Ч. 78
 Тихонова Н. 132
 Тишков В. 231, 247
 Токвиль А. 163, 164, 213
 Тоднежников Н. 264
 Толстой Л. 34
 Томас В. 84, 99
 Томбс Р. 247
 Трейман Д. 301
 Трельч Э. 160
 Тулеев А. 269
 Турэн А. 15, 16

Уайт В. 29
 Уэльянов М. 252, 257
 Уражнев В. 276
 Ури У. 77, 99

Фелоров Б. 280
 Фейербах Л. 246
 Филатов С. 297
 Фишер Р. 77, 99
 Фолкнер У. 29
 Фролов С. 99
 Фуко М. 221, 233, 234, 247
 Фукуяма Ф. 83, 99

Хабермас Ю. 221
 Хасбулатов Р. 239, 273-277, 279,
 281, 282
 Хазулина Л. 300, 301
 Хейли А. 211
 Хельд Д. 230
 Хижа Г. 195
 Ходоровский М. 298
 Хондрих К.-О. 43
 Христос 131, 161
 Хрущев Н. 198

Чазов Е. 140, 147
Червонониисский С. 265, 267
Черномырдин В. 274, 297, 298
Черниченко Ю. 260
Черновил В. 188
Чубайс 297

Шамиль 193
Шанибов М. 201
Шеварднадзе Э. 267

Шексир У. 153
Шереги Ф. 129, 156
Шкаратаи О. 132, 304
Штомка П. 18
Шубкин В. 8

Энгельс Ф. 219, 246

Явлинский Г. 295, 298
Ядов В. 8
Якунин Г. 160

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к третьему изданию	5
От автора	9
Введение	
Для чего и как изучать конфликты?	11
Что значит — изучать конфликты?	13
Раздел I	
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ КОНФЛИКТА	
Глава 1. Природа конфликта	20
1. Природа человека и социальный конфликт: две концепции — Аристотель и Гоббс	20
2. Особенности развития конфликтов в Западной Европе и США	27
3. Проблема конфликта в контексте российской истории	32
4. Истоки современного российского кризиса	35
Глава 2. Проблема конфликта в социологической теории	44
1. Проблематика конфликта в социологии Макса Вебера	46
2. Конфликт и девиантное поведение: Эмиль Дюркгейм	50
3. Социальная напряженность в теории социального действия Талкотта Парсонса	54
4. Вклад Нейла Смелсера в теорию социальных изменений	62
5. Ральф Дарендорф: конфликт и модернизация общества	67
Глава 3. Специальная социологическая теория конфликта. Переход к конфликтологии	76
1. Вводные замечания	76
2. Четыре точки зрения на причины социального конфликта	78
3. Динамика «живых» конфликтов	84
4. Принципы и интересы в конфликтной ситуации	92
5. Происхождение конфликтов	93

6. Проблема «цепи конфликта»	95
7. Стадии развертывания конфликта	96
Глава 4. Движущие силы и мотивация конфликта	100
1. Аналитическая схема исследования конфликтов	100
2. Конфликт по поводу жизненных средств или конфликт потребностей	105
3. Конфликт интересов	112
4. Ценностно-нормативный конфликт	121
Глава 5. Проблема взаимоотношения конфликтов на макро- и микроуровне	133
1. Конфликты и кризис: от макроуровня к проблемам повседневной жизни	134
2. Конфликты на микроуровне как источники иррационализации действительности	137
3. Персонификация макроконфликтов и особенности политики	139
4. Возможности психоанализа для понимания иррационального в конфликтах	142
Раздел II	
СФЕРЫ РАЗВЕРТЫВАНИЯ КОНФЛИКТОВ	
Глава 1. Ценностный кризис и партикуляризация конфликтов	148
1. Ценности культуры и ценностные ориентации личности: соединения и разрывы	149
2. Проблема посредничества и роль интеллигенции	154
3. Конфликты религиозного сознания	156
4. Ценности идеологического порядка	163
Глава 2. Формы столкновения экономических интересов	168
Глава 3. Национальные конфликты и формирование российской государственности	179
1. Исходные посылки	179
2. Первые конфликты	180
3. Национальные движения и национально-этнические конфликты	183
4. Формирование интересов России: первоначальный этап	187
5. Политика Центра как дестабилизирующий фактор межнациональных отношений	188
6. Расщепление демократического и национального компонентов в послевавгустовской ситуации	191

7. Национальные элиты и проблема лидерства	196
8. О роли политики в национальных конфликтах	201
Глава 4. Конфликт в организации	205

Раздел III

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ

Глава 1. Определение политического конфликта	213
---	------------

Глава 2. Конфликт и власть	217
---	------------

1. Классическая социология о природе власти	218
2. Идея социального пространства и новое понимание власти ...	220
3. Власть как средство конструирования реальности	227
4. Интересы народа и механизмы власти	228
5. Политический конфликт и возможности формирования рефлексивной политики	235
6. Четыре поля борьбы в российском политическом пространстве	237

Глава 3. Этапы развертывания политического конфликта в СССР	248
--	------------

1. Диссидентское движение в свете социологии конфликта. А.Д. Сахаров	248
2. Пять конфликтных узлов, выявившихся на XIX Всесоюзной конференции КПСС	251
3. Первый съезд народных депутатов СССР	259

Глава 4. Динамика политического конфликта в России	271
---	------------

Глава 5. Новые параметры политического конфликта в современной России: авторитаризм или демократия?	284
--	------------

1. Пространство целенаправленного	285
2. Преобразование политических институтов	292
3. Политическая элита	295
4. Группы давления и экономические интересы	297

Заключение	303
-------------------------	------------

Именной указатель	311
--------------------------------	------------

Учебное издание

Здравомыслов Андрей Григорьевич

СОЦИОЛОГИЯ КОНФЛИКТА

Ведущий редактор **Л.Н. Белая**

Корректор **И.Д. Королева**

Технический редактор **Н.К. Петрова**

ЛР № 090102 от 14.10.94

Подписано к печати 02.09.96. Формат 60х90^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20. Уч.-изд. л. 16,4.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 690

Издательство «Аспект Пресс»

111398 Москва, ул. Плеханова, д. 23, корп. 3.

Тел. 309-11-66, 309-36-00

Отпечатано с готовых диапозитивов на Можайском полиграфкомбинате
Комитета Российской Федерации по печати.
143200 г. Можайск, ул. Мира, 93.